Прот 4

Rußlands Botschaft an die Welt
von William English Walling

Книга не дом в рудотоп

Вилльямъ Е. Уоллингъ

ПОСЛАНІЕ РОССІИ

(Истинное значеніе Русской Революціи)

Съ предисловіемъ и 47-ью иллюстраціями

Центральная рабочая Моск. Губ. Сов. Раб. Деп.

BERLIN
Eberhard Frowein Verlag
1910

Alle Rechte vorbehalten.

DRUCK DER SPAMERSCHEN BUCHDRUCKEREI IN LEIPZIG

Посланіе Россіи

2 экз
У

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

852
30

Оглавленіе.

Стр.

Предисловіе 1

Часть первая.

Глава I. Почему Россія представляетъ собою страну, гдѣ возможны великіе соціальные эксперименты . 5
Глава II. Начало революціи — 1904, 1905, 1906, 1907 . . 14

Часть вторая.

Глава I. Царь Николай 24
Глава II. Какъ цари управляютъ 37
Глава III. Борьба царизма за существованіе 46
Глава IV. Черносотенный терроръ 60
Глава V. Фабрикація «внутренняго врага» 71
Глава VI. Страхъ передъ прогрессомъ 83
Глава VII. «Моя главная опора» 94
Глава VIII. Что приключилось съ «конституціей» 105
Глава IX. «Прусская» реформа 121
Глава X. Послѣдняя надежда самодержавія 133
Глава XI. Враги народа — союзники царя 153

Часть третья.

Глава I. Русскій народъ — загадка 174
Глава II. Истинный характеръ русскаго народа 185
Глава III. Крестьянская жизнь 201
Глава IV. Какъ крестьяне обрабатываютъ землю 216
Глава V. Крестьяне даютъ наказы 230
Глава VI. Какъ крестьянинъ сдѣлался революціонеромъ . . 238
Глава VII. Деревня противъ царя — настроеніе умовъ . . . 249
Глава VIII. Царскія арміи мстятъ 259

Часть четвертая.

Глава I. Объединеніе націи 275
Глава II. Народъ выбираетъ революціонный путь 282

Стр.

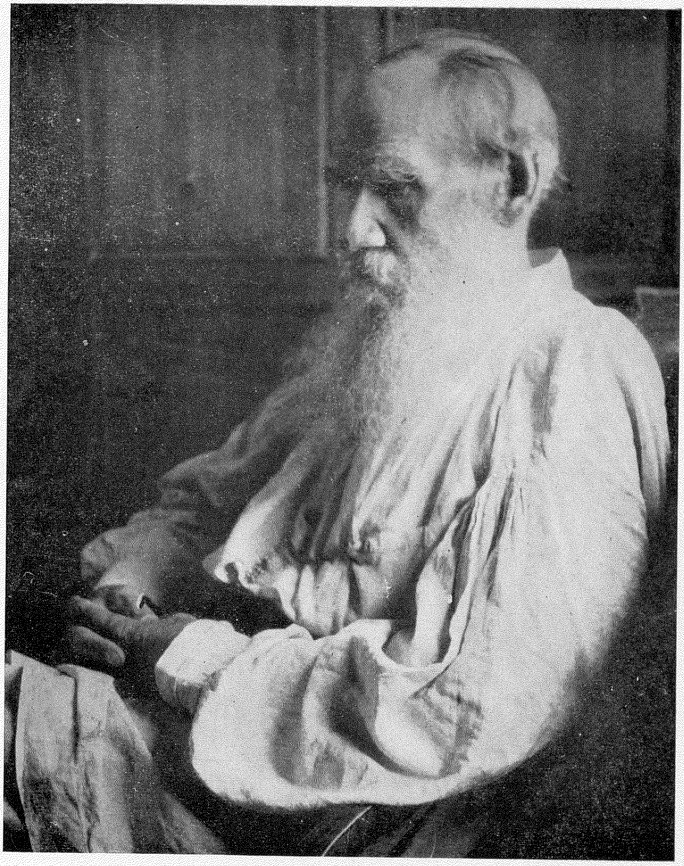
Глава III. Расколъ 288
Глава IV. Умѣренные заодно съ реакціонерами 297
Глава V. Крестьяне становятся соціалистами 306

Часть пятая.

Глава I. Рабочіе 316
Глава II. Положеніе рабочихъ 324
Глава III. Организація 337
Глава IV. Положеніе въ арміи 345
Глава V. Священники становятся революціонерами 355
Глава VI. Русская революція 366
Глава VII. Посланіе Россіи 380

Иллюстраціи.

Л. Н. Толстой въ 1906 г.
Царь Николай II.
Будбергъ и Рейнботъ.
«Усмиреніе» крестьянъ.
Разстрѣлъ политическихъ заключенныхъ.
Сазоновъ, убійца Плеве.
Марія Спиридонова.
Крушеванъ.
Группа реакціонныхъ депутатовъ въ Думѣ.
М. Герценштейнъ и М. Ковалевскій.
Воскресная школа въ деревнѣ.
Крестьянинъ юга Россіи.
Дворецъ помѣщика (кн. Кочубея).
Крестьянская изба (внѣшній видъ).
Землянка
Крестьянская изба (внутренній видъ).
Крестьянская телѣга, стоющая 5 рублей.
Земледѣльческія орудія крестьянина.
Крестьяне въ зимней одеждѣ.
Голодающее крестьяне.
Молотьба ногами.
Жатва.
Богоразъ (поэтъ Танъ).
В. Г. Короленко.
Избранникъ деревни. Деревенскій мудрецъ.
Деревенская улица.
Общественныя работы въ деревнѣ.
Типы малороссійскихъ крестьянъ.
П. Н. Милюковъ.
Группа лидеровъ партіи к.-д.
Трудовая группа въ Первой Думѣ.
Соціаль-демократы въ Первой Думѣ.
Крестьянскій Союзъ Донской Области.
Казаки, члены партіи к.-д.
Деревенскій агитаторъ.
Делегаты на Съѣздъ Крестьянскаго Союза.
Крестьяне-депутаты.
Типичный интеллигентный представитель крестьянства.
Аникинъ и Аладьинъ.
Бѣлевскій подъ «домашнимъ арестомъ».
о. Гапонъ.
Типъ русскаго рабочаго.
Площадь въ Старой Москвѣ.
Кн. Петръ Кропоткинъ.
Ветераны партіи с.-р.: Чайковскій, Степнякъ, Шишко, Волховской.
Деревенскіе священники.
Священники-революціонеры: о. Петровъ и о. Колокольниковъ.
Священники-депутаты: епископъ Евлогій и о. Тихнинскій.



Л. Н. Толстой въ 1906 г.

Центральная Рабочая
Библиотека
Моск. Губ. Сов. Проф. Союз.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая книга представляетъ собою попытку дать возможно полное обозрѣніе положенія дѣлъ въ Россіи. При составленіи ея я старался передавать всѣ факты и событія въ ихъ внутренней связи, какъ нѣчто единое, цѣльное. Я написалъ эту книгу не съ цѣлью показать, что мы можемъ сдѣлать для Россіи, а скорѣе—что Россія можетъ предложить намъ. Я интересовался болѣе универсальными качествами русскаго народа, нежели тѣми чертами его характера, которыя только ему одному свойственны.

Я передаю здѣсь далеко не одни результаты личнаго опыта и наблюденія—тема слишкомъ обширна для того, чтобы ее можно было обнять личнымъ опытомъ и наблюденіемъ. Завязывая личныя связи съ наиболѣе выдающимися лидерами всѣхъ партій и слоевъ русскаго народа, я стремился поставить себя въ непосредственное соприкосновеніе съ міромъ идей и духомъ русской революціонной борьбы и дать читателю картину этой борьбы въ томъ видѣ, въ какомъ она представляется глазамъ самихъ борцовъ за свободу.

Я провелъ въ Россіи около двухъ лѣтъ, чтобы пополнить свои знанія объ этой странѣ и выработать себѣ правильный взглядъ на происходящую въ ней борьбу. Впервые мое вниманіе было обращено на эту, духъ захватывающую великую борьбу, польскими и еврейскими политическими эмигрантами, среди которыхъ я вращался, когда жилъ въ университетскомъ поселеніи Нью-Іорка.

Выѣхавъ изъ Соединенныхъ Штатовъ вскорѣ послѣ 9/22-го января 1905 г., я провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Лондонѣ, Парижѣ, Женевѣ, Краковѣ и Вѣнѣ, вращаясь среди вождей революціонныхъ партій всевозможныхъ оттѣнковъ и національностей. Черезъ недѣлю послѣ обнародованія октябрьскаго манифеста я прибылъ въ Варшаву, а черезъ нѣсколько дней въ Петербургъ. Тамъ я вскорѣ имѣлъ интервью съ графомъ Витте и съ главными членами его кабинета, и въ то же самое время завязалъ связи съ самыми конспиративными революціонными организаціями. Я прожилъ въ Россіи, съ перерывами, съ этого времени до открытія Третьей Думы. Незадолго до открытія Третьей Думы, я, моя жена и сестра ея были арестованы и содержались, по ошибкѣ или по небрежности русскаго правительства, въ тюрьмѣ въ теченіе 24 часовъ. Русская политическая полиція объясняла нашъ арестъ тѣмъ, что мы скомпрометировали себя связями съ извѣстными революціонерами.

Сознавая громадность предстоящей мнѣ задачи, я съузилъ рамки своей работы, сосредоточивъ въ ней свое вниманіе на собственно русской части Россіи, оставивъ въ сторонѣ Азіатскую Россію, Кавказъ, Балтійскія провинціи, Польшу и Финляндію.

Одно мѣсто въ книгѣ требуетъ, пожалуй, особаго объясненія. Въ интересахъ экономіи я взялъ положеніе евреевъ какъ центральную, такъ сказать, тему, не потому, что они, на мой взглядъ, стоятъ выше татаръ, поляковъ или какой-либо другой національности, а потому, что русское правительство сдѣлало ихъ главной мишенью своей человѣконенавистнической политики.

Я могъ, конечно, испестрить свою книгу примѣчаніями и ссылками на источники. Но это увеличило бы размѣры книги и отвлекло бы вниманіе средняго читателя, интересующагося больше фактами, чѣмъ источниками. Я ручаюсь, однако, за полную достовѣрность всѣхъ этихъ фактовъ и сообщеній.

Лишь немногимъ я обязанъ авторамъ трудовъ о Россіи, зато весьма многимъ я обязанъ активнымъ дѣятелямъ движенія. Одинъ перечень именъ послѣднихъ занялъ бы много страницъ. Я упомяну имена лишь нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, которымъ я особенно обязанъ. Это во-первыхъ, князь М., который представилъ меня графу Витте и другимъ министрамъ, познакомилъ съ наиболѣе выдающимися генералами и держалъ меня въ курсѣ дѣлъ относительно всего того, что происходило въ придворныхъ сферахъ и въ министерствѣ; затѣмъ мистеръ Давидъ Соскисъ, талантливый корреспондентъ Лондонской «Tribune»; мистеръ Герольдъ Вилльямсъ, корреспондентъ манчестерскаго «Guardian», сочувствующій партіи конституціонныхъ демократовъ; г-жа Туркова, одна изъ дѣятельнѣйшихъ и важнѣйшихъ личностей упомянутой партіи; графиня Бобринская въ Москвѣ, которая была въ числѣ организаторовъ партіи Конституціонныхъ Демократовъ и Крестьянскаго Союза; профессоръ Милюковъ, высокія личныя качества котораго не остариваются даже его самыми строгими критиками; поэтъ Танъ (Богоразъ), основатель Крестьянскаго Союза и партіи Народныхъ Соціалистовъ; Аладьинъ, самый дѣятельный и, пожалуй, самый вліятельный изъ членовъ Трудовой Группы; Волховской, Чайковскій, Гершуни, Шишко, Жидловскій и г-жа Брешковская — основатели партіи соціалистовъ-революціонеровъ; И. Гурвичъ, Н. Стонъ и М. Джэмсъ, видные члены русской соціаль-демократической организаціи въ Нью-Іоркѣ; Владиміръ Симховичъ, профессоръ Колумбійскаго Университета; князь Дмитрій Хилковъ, даровитый и популярный вождь революціоннаго движенія; Бѣлевскій, Стааль и Мазуренко — основатели Крестьянскаго Союза.

Не могу также не выразить своей признательности многимъ выдающимся русскимъ, съ которыми, къ сожалѣнію, мнѣ удалось видѣться лишь одинъ разъ. Между ними — Л. Толстой, М. Горькій и В. Короленко; консер-

вативные лидеры—Гучковъ, Маклаковъ и Михаилъ Стаховичъ; соціаль-демократическіе лидеры—Парвусъ, Данъ, Ленинъ и Алексинскій; блестящіе вожди Польской Соціалистической Партіи, центръ которой находится въ Краковѣ; и безчисленныя другія лица, преимущественно депутаты Думы, редакторы газетъ, земскіе дѣятели, организаторы различныхъ союзовъ и т. п.

Со времени изданія англійскаго оригинала этого труда въ Америкѣ, въ Россіи произошелъ цѣлый рядъ событій. Эти событія подтверждаютъ вѣрность однихъ нашихъ выводовъ, нѣсколько ослабляютъ значеніе другихъ, но никоимъ образомъ не противорѣчатъ ни одному изъ нихъ.

То обстоятельство, что авторъ этой книги американецъ, можетъ только усилить интересъ къ ней со стороны европейскаго читателя. Соединенные Штаты имѣютъ наиболѣе отдаленныя отношенія къ Россіи, нежели какая-либо иная великая держава. Въ то время, какъ въ Западной Европѣ на Россію смотрятъ съ точки зрѣнія политическихъ союзовъ и соглашеній, американецъ не видитъ въ Россіи ни враждебной, ни союзной державы. Онъ поэтому свободенъ отъ всякихъ предубѣжденій и предвзятыхъ чувствъ по отношенію къ Россіи. Для того, чтобы его взглядъ на Россію былъ не только широкъ, но и правиленъ, американцу необходимо и достаточно удовлетворять только одному существенному условію; а именно: быть внимательнымъ непосредственнымъ наблюдателемъ.

Авторъ этой книги увѣренъ, что за его долгое пребываніе въ Россіи, гдѣ онъ вращался среди самыхъ различныхъ круговъ, живущихъ при самыхъ различныхъ условіяхъ, ему удалось основательно, изъ первыхъ, такъ сказать, рукъ ознакомиться съ русской дѣйствительностью.

На сколько его увѣренность основательна, предоставляется судить благосклонному читателю.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Почему Россія представляетъ собою страну, гдѣ возможны великіе соціальные эксперименты.

«На берегахъ Невы, Волги и Вислы—пишетъ Анатоль Франсъ—рѣшается судьба новой Европы и будущность всего человѣчества.»

Будущность человѣчества рѣшается въ Россіи потому, что изъ всѣхъ великихъ странъ она единственная, путь развитія которой еще не опредѣлился. Начало современной промышленности было положено, болѣе столѣтія тому назадъ, въ Великобританіи; политическія учрежденія Америки въ теченіе болѣе ста лѣтъ не подвергались никакимъ революціоннымъ измѣненіямъ. Остальныя современныя страны сдавлены въ тискахъ экономическихъ и политическихъ отношеній, закрѣпленныхъ давно умершими поколѣніями. Въ этомъ отношеніи Россія сравнительно свободна.

Не чуждая современной цивилизаціи, она въ то же время свободна отъ всѣхъ задерживающихъ факторовъ, создавшихся въ условіяхъ развитія другихъ странъ.

Россія почти свободна отъ господства капиталистическихъ интересовъ, которые властвуютъ надъ жизнію другихъ современныхъ народовъ. Графъ Витте сдѣлалъ экспериментъ превращенія Россіи въ современную промышленную страну посредствомъ Царскихъ указовъ и дѣлежа Царской казны и народнаго богатства съ иностранными капиталистами. Результатомъ было крушеніе, въ

девятисотыхъ годахъ всего промышленнаго зданія, искуственно построеннаго на податномъ обложеніи голодающаго крестьянства.

Съ недавнимъ парламентарнымъ опытомъ тоже покончено, и отъ конституціи не осталось и тѣни. Правительство стало опять деспотическимъ и не даетъ народу ни власти, ни свободы. Такимъ образомъ, ни по политическому воспитанію своему, ни въ силу экономической необходимости, русскій народъ, въ своемъ развитіи, не связанъ съ существующими, характерными для остальныхъ странъ экономическими и политическими формами. Чужды также русскому народу изжитыя и извращенныя стороны европейской цивилизаціи. Царизмъ—это полу-азіатское, полугерманское учрежденіе, которое было навязано русскому народу извнѣ, какъ было навязанно ему цѣликомъ перенесенное изъ Византіи православіе. Одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ историковъ и соціологовъ, который стоитъ во главѣ партіи, господствовавшей въ первыхъ двухъ государственныхъ Думахъ, высказалъ мнѣніе, что Россія въ дѣйствительности не имѣетъ ни національныхъ, ни религіозныхъ, ни политическихъ традицій.

«Поскребите русскаго и вы найдете въ немъ не татарина, а нарождающійся новый типъ европейца.» Старые устои вызываютъ въ народѣ скорѣе ненависть, нежели почтеніе. За исключеніемъ той небольшой сравнительно кучки лицъ, которая поддерживаетъ царизмъ, нѣтъ ни одного крупнаго слоя населенія, который задумался-бы порѣшить со старой Россіей. Трагедія, которую теперь переживаетъ Россія, есть продуктъ не присущаго якобы русскому народу консерватизма, или привязанности его къ старымъ обычаямъ и вѣрованіямъ, а составляетъ порожденіе насѣвшаго на него чудовища, которое подобно огромному паразиту выросло и окрѣпло насчетъ народныхъ силъ.

«Русскій—пишетъ Тургеневъ—такъ увѣровалъ въ свои собственныя силы и могущество, что не боится самыхъ

тяжелыхъ испытаній. Прошлое его мало интересуетъ, будущему же онъ смотритъ смѣло въ глаза. Ему нравится все хорошее какъ изъ его собственнаго прошлаго, такъ и изъ прошлаго другихъ народовъ. Все, что разумно, онъ привѣтствуетъ; при этомъ для него не важно, отъ кого и откуда это разумное исходитъ.»

«Старое умерло, новое еще не родилось»—говоритъ старая русская пословица. Это вполнѣ опредѣляетъ нынѣшнее состояніе страны. Старый режимъ крѣпостничества и деспотизма уже умеръ въ умахъ и сердцахъ народа, потому что непосредственная зависимость отъ отдѣльнаго лица, или отъ государства идетъ въ разрѣзъ съ мыслями и чувствами каждаго русскаго, какъ и каждаго мыслящаго человѣка, который знаетъ о возможности болѣе свободнаго строя общества. Новое еще не родилось потому, что оно несетъ съ собою великія перемѣны. Требуется не только революціонный переворотъ въ формахъ земельной собственности, или новое правительство, а требуются «новыя формы жизни», новыя формы національнаго и индивидуальнаго существованія. Крестьянство требуетъ земли, народъ желаетъ самъ собой править не только потому, что жить становится все хуже, и не столько изъ ужаса предъ настоящимъ, сколько потому, что онъ проникнутъ сознаніемъ великихъ творческихъ силъ, которыя таятся въ обновленной Россіи. Передъ нами великій народъ, владѣющій половиной Европы и Азіи, народъ свободный отъ какихъ-либо унаслѣдованныхъ традицій, народъ, который еще не испыталъ, какъ другіе, національнаго возрожденія. Каждый мыслящій или предпріимчивый русскій сознаетъ, что въ благоустроенномъ обществѣ былъ бы просторъ для развитія. Каждый крестьянинъ знаетъ о существованій лучшихъ условій жизни и дѣятельности въ Америкѣ и Зап. Европѣ. Каждый образованный человѣкъ читалъ и думалъ о томъ, что изъ жизни Запада годится или непригодно для Россіи. Каждый человѣкъ, имѣющій какую-либо спеціальность — публи-

цистъ, ремесленникъ, человѣкъ свободной профессіи, или дѣловой человѣкъ изучалъ, строилъ планы и мечталъ о совершенной уже въ другихъ странахъ технической революціи, которую Россіи еще предстоитъ продѣлать. Но всѣ чувствуютъ и сознаютъ, что отсутствіе настоящихъ традицій въ русскомъ народѣ и накопленные въ немъ вѣками энергія и революціонный духъ, должны въ концѣ концовъ дать ему преимущество передъ другими народами, смести съ его пути много помѣхъ индивидуальному и національному развитію, существующихъ въ другихъ странахъ, потому ли что болѣе развитыя экономическія отношенія заперли ихъ въ плотныя рамки матеріальнаго уклада и соціальныхъ учрежденій, или потому, что слѣпыя политическія традиціи глубоко укоренились въ народномъ міросозерцаніи.

Зло, противъ котораго борется русскій народъ лежитъ, слѣдовательно, не въ характерѣ самого народа, какъ духовная сущность, а существуетъ внѣ его, въ видѣ произвольной физической силы. Тѣмъ не менѣе борьба молодой Россіи противъ старой представляетъ собою не исключительно физическое столкновеніе. Дѣло, за которое борется русскій народъ давно уже пріобрѣло силу, достаточную для того, чтобы принудить русское правительство нарушить молчаніе и попытаться прикрыть свою безотвѣтственную и антисоціальную дѣятельность, порою сознательно враждебную общественному благу, цѣлой системой лжи. На всякій призывъ къ разуму, къ справедливости, призывъ во имя народныхъ интересовъ, или во имя самыхъ элементарныхъ правъ человѣка, правительство отвѣчаетъ —ложью и обманомъ. Официальная Россія живетъ въ мірѣ лжи. Верховная власть извращаетъ факты въ официальныхъ документахъ, нарушаетъ торжественно данныя ей народу обѣщанія. Министры лгутъ передъ Думой, а Дума изобличаетъ ихъ въ этой лжи. Чтобы возстановить свою національную репутацію, утраченную въ войнѣ съ Японіей, правительство старается свалить всю вину на

голову манджурскихъ генераловъ и, въ концѣ концовъ, осуждаетъ ихъ—очевидно, справедливо—за всевозможныя мошенничества и обманы вплоть до посылки съ поля битвы официальныхъ телеграммъ съ отчетами о небывалыхъ сраженіяхъ. Всѣ финансовые отчеты русскаго правительства, какъ это было доказано многими европейскими финансовыми экспертами,—ни болѣе ни менѣе какъ ловкая подтасовка цыфръ. Всѣ телеграммы, которыя дозволяется русскимъ правительствомъ печатать, доставляются правительственными телеграфными агентствами, и ежедневно обнаруживается, что добрая часть этихъ телеграммъ, или не вполнѣ соотвѣтствуетъ правдѣ или же простая ложь.

Каждая ложь предназначена для сокрытія какой нибудь несправедливости. Съ ростомъ революціоннаго движенія всѣ холопы и паразиты, питающіеся потомъ и кровью народа, сплотились для самозащиты. Были-ли то неспособный профессоръ, администраторъ, инженеръ, попъ, чиновникъ или помѣщикъ, всѣ они сплотились для самозащиты отъ революціи. Нѣтъ, повидимому, ничего слишкомъ устарѣвшаго, слишкомъ отжившаго, слишкомъ противнаго чувству гуманности или разуму въ сферѣ управленія, религіи, народнаго образованія или науки, чего правительство не освятило бы своей санкціей.

Борьба ведется не физическимъ орудіемъ преимущественно потому, что лучшія силы страны поглощены изобличеніемъ этой обширной системы обмана. И въ то время какъ правительство вынужденно прибѣгать то къ той, то къ другой изъ наиболѣе опасныхъ и наиболѣе обычныхъ формъ неправды, которыя испоконъ вѣка угнетаютъ человѣчество, вожди народа въ свою очередь были вынуждены вовлечь въ споръ величайшія истины, освѣщавшія историческій путь человѣчества до нашихъ дней. Чѣмъ безнадежнѣе виды на близкій успѣхъ революціи, тѣмъ болѣе увлеченія, страстности, всесторонности и глубины проявляется обществомъ въ спорахъ о всеобъемлющихъ соціальныхъ проблемахъ, такъ что можно

сказать, что Россія, несмотря на отсутствіе самомалѣйшихъ признаковъ политической свободы, болѣе чутко откликается на всѣ великіе политическіе и экономическіе вопросы, нежели самыя свободныя страны. Въ немногіе краткіе промежутки относительной свободы печати въ теченіе послѣднихъ революціонныхъ лѣтъ, ни одна изъ великихъ проблемъ, занимающихъ человѣчество, не осталась безъ вниманія. Всѣ аргументы философіи, вся исторія человѣчества, прошлые опыты всѣхъ странъ были выдвинуты на авансцену. Ибо нѣтъ еще ничего установившагося въ русской народной жизни, такъ какъ народъ требуетъ себѣ всего, въ чемъ ему отказывали изъ поколѣнія въ поколѣніе, такъ какъ всѣ великіе вопросы теперь подвергаются обсужденію—ничего въ этомъ спорѣ не принимается за непреложную истину. Такимъ образомъ въ Россіи, какъ нигдѣ еще со времени французской революціи, сплачиваются два враждебныхъ лагеря—всѣ силы прогресса и реакціи.

Проблемы этой революціи гораздо шире, нежели тѣ, которыя поставлены были на разрѣшеніе французской революціей; борьба происходитъ на болѣе обширной основѣ, и весь міръ спѣшитъ на помощь русскому правительству. Иностранное вмѣшательство, грозившее французской революціи въ образѣ англійскаго флота и прусской и австрійской армій, въ концѣ концовъ поставившее предъ революціей альтернативу между Наполеоновской военной диктатурой и полной гибелью, это иностранное вмѣшательство проявляется въ самомъ сердцѣ русской жизни, въ видѣ неистощимаго притока золота, которымъ иностранные ростовщики обезпечили правительству возможность обзавестись всѣми смертоносными орудіями современной военной техники, милліонной арміей, казаками и полиціей для подавленія революціоннаго движенія. Въ этомъ отношеніи русская революція не есть только русскій вопросъ и не ограничена предѣлами одной Россіи. Революціонеры борются противъ финансистовъ всего капи-

талистическаго міра, и вотъ почему многіе изъ наиболѣе глубокихъ русскихъ мыслителей не вѣрятъ въ скорое завершеніе революціи, хотя побѣда ея принесла бы счастье всему міру.

Я встрѣтился съ графомъ Львомъ Толстымъ какъ разъ послѣ созыва Первой Думы. На мое заявленіе, что я разсчитываю пробыть въ Россіи нѣсколько лѣтъ, чтобы слѣдить за развитіемъ революціи, графъ отвѣтилъ: «Вы лучше рѣшите пробыть здѣсь пятьдесятъ лѣтъ. Русская революція представляетъ собою драму изъ нѣсколькихъ актовъ. Настоящая Дума есть лишь первая картина перваго акта и, какъ обыкновенно бываетъ, первыя картины всегда нѣсколько комичны.»

Если революція оказалась затяжной, если потери велики, если старая власть еще держится, то это лишь потому, что новыя силы были двинуты противъ нея извнѣ, а это означаетъ, что предстоитъ болѣе грандіозная борьба, борьба, которая можетъ оказаться тѣмъ, чѣмъ Карляйлъ въ свое время назвалъ французскую революцію,—«днемъ разсчета за тысячелѣтіе».

Но чтобы судить о томъ, что происходитъ, нѣтъ необходимости ждать исхода этого грандіознаго движенія. Въ этомъ конфликтѣ можно уже видѣть ростки и сущность грядущей цивилизаціи. Подростающее поколѣніе, молодежь и даже большинство людей моложе средняго возраста, всѣ тѣ, которые составляютъ цвѣтъ и силу Россіи, всѣ проникнуты революціоннымъ духомъ. Ихъ преданность идетъ гораздо дальше преданности тѣхъ патріотовъ, которые идутъ на поле брани въ защиту отечества; они готовы на отреченіе, страданіе и пытку, и въ этомъ отношеніи ихъ можно сравнить лишь съ религіозными мучениками. Патріоты съ готовностью умираютъ на полѣ брани—русскіе энтузіасты готовы отдать всю жизнь на жертву, не ожидая воздаянія. Огромное большинство молодежи обоего пола и всѣхъ классовъ, за исключеніемъ лишь наиболѣе привиллегированныхъ, ежедневно жертву-

ютъ своей жизнію, свободой, состояніемъ и своей будущностью ради идеи. Въ ихъ готовности жертвовать собой ими движетъ и руководитъ не злоба противъ врага, можетъ быть даже не столько любовь къ друзьямъ и къ своимъ, сколько сознанные и глубоко продуманные политическіе принципы и соціальныя идеи. Чѣмъ болѣе мыслящи, подвижны и способны молодые люди, тѣмъ болѣе они отдаются революціонному движенію, и съ годами не оставляютъ его. Революціонеры стараго поколѣнія остались вѣрны своимъ идеямъ, и можно сказать, что во главѣ революціонныхъ партій въ Россіи стоятъ въ значительной степени еще теперь революціонеры прошлаго поколѣнія. Изъ сказаннаго много только что о русской молодежи не слѣдуетъ однако дѣлать того заключенія, что отцы находятся въ разладѣ съ дѣтьми. Во время войны или революціи отцы часто бываютъ не въ состояніи взять на себя тяжесть борьбы, и она вся падаетъ на долю молодежи, но отцы часто подбодряютъ своихъ дѣтей и рѣдко мѣшаютъ ихъ дѣятельности.

Это наблюдается можетъ быть первый разъ въ исторіи человѣчества, когда цѣлый народъ оказался проникнутымъ до религіознаго энтузіазма чисто соціальной идеей. Нѣчто подобное этому имѣло мѣсто во Франціи. Но такъ какъ французская революція не встрѣтила и десятой доли тѣхъ препятствій, которыя уже встрѣтила русская революція, то он ане развернула и десятой доли той интенсивности, глубины и универсальности. И вотъ почему многіе великіѳ мыслители нашихъ дней убѣждены, что русская революція имѣетъ гораздо большее значеніе для человѣчества, нежели какое либо изъ извѣстныхъ намъ изъ исторіи политическихъ, экономическихъ и религіозныхъ лвиженій.

Когда возрожденная Россія, воодушевленная своей побѣдой, мощная пріобрѣтеннымъ его въ борьбѣ духомъ и волей, вступитъ, наконецъ, въ семью передовыхъ народовъ и очутится лицомъ къ лицу съ тѣми же вопросами,

какъ и другіе народы, она скорѣе своимъ рѣшеніемъ будетъ служить примѣромъ для другихъ народовъ, нежели слѣдовать за ними, она скорѣе будетъ воодушевлять другихъ, нежели тормозить ихъ движеніе впередъ. Ея бѣдность, ея неопытность, ея несчастное прошлое послужитъ для ея молодежи такимъ же стимуломъ, какимъ они были для нашей молодежи въ то время, когда она въ борьбѣ съ такими же препятствіями создала величіе Соединенныхъ Штатовъ.

ГЛАВА II.

Начало — 1904, 1905, 1906, 1907.

За короткій четырехлѣтній періодъ Россія обрѣла опытъ, котораго хватило-бы на цѣлое поколѣніе: война съ Японіей; нарушенныя обѣщанія царя и послѣднія обманутыя надежды части народа на конституцію; безконечное замедленіе момента давно неизбѣжнаго банкротства; неудача пассивнаго сопротивленія, къ которому призывала народъ разогнанная Вторая Дума; неудача призыва къ повторенію октябрьской забастовки; возстанія въ городахъ; аграрныя волненія въ деревнѣ; грандіозныя возстанія на морѣ и сушѣ. Партизанскія выступленія и террористическіе акты революціонеровъ противъ наиболѣе кровожадныхъ представителей правительства обходятся государству далеко не дешево, но революціонеры, прибѣгающіе къ такимъ средствамъ, сами вполнѣ сознаютъ, что однимъ этимъ царизма никогда не свергнуть. Представители революціоннаго народа немногочисленны и безсильны въ Третьей Думѣ, но партіи, которыя они представляютъ, успѣли уже забросить сѣмена своихъ идей всюду въ народъ и отчасти организовать его. Три Думы и революціонное движеніе не улучшили ни политическихъ, ни экономическихъ условій страны, за то вопросы, которые пытался разрѣшить русскій народъ выдвинуты теперь предъ всѣмъ міромъ и революціонизировали русскую жизнь, мысль и общественное мнѣніе.

Впервые на внутреннія дѣла Россіи европейская пресса обратила вниманіе въ началѣ войны съ Японіей. Безславныя пораженія русской арміи въ Манджуріи про-

лили мало свѣта на внутреннія условія европейской Россіи, находившейся на разстояніи десятка тысячъ верстъ отъ поля битвы. Война обнаружила однако одинъ яркій фактъ: разъигравшіяся въ это время событія въ Россіи ясно доказали міру, что огромное большинство русскаго народа было противъ войны. Передовыя газеты, несмотря на цензурныя стѣсненія, умудрялись нападать на правительство за войну и за всю манджурскую авантюру, и почти тотчасъ разразились волненія въ войскахъ. Міръ узналъ, что не русскій народъ былъ повиненъ въ кровопролитной войнѣ. Дѣйствительные виновники были скоро обнаружены. Стало очевиднымъ, что война была затѣяна исключительно въ интересахъ небольшой кучки великихъ князей, адмирала Алексѣева и другихъ царскихъ фаворитовъ. Четверть милліона человѣческихъ жизней пали жертвой и, по разсчету извѣстныхъ экономистовъ, около 4—5 билліоновъ рублей, т. е. $^1/_{10}$ часть всего состоянія обѣднѣвшаго народа, было ухлопано на эту войну.

Весь міръ узналъ тогда въ первый разъ, что русское правительство—варварски деспотическое, что оно держится насиліемъ, что интересы народа приносятся въ жертву небольшой кучкѣ лицъ.

Никогда еще такъ ясно не обнаруживался истинный характеръ царизма, какъ въ этотъ моментъ. Всѣ другіе ужасы, какъ 9-ое января, безчисленные еврейскіе погромы, устраиваемые самой полиціей, рѣзня татаръ, армянъ и поляковъ во время мирныхъ собраній, умышленный поджогъ въ г. Томскѣ театра, переполненнаго интеллигенціей, врядъ ли однако въ болѣе сильной степени выражаютъ закрѣпощеніе народа, чѣмъ тотъ фактъ, что по волѣ кучки лицъ этотъ стосорока милліонный народъ вынужденъ былъ воевать съ другимъ народомъ, который живетъ за пятнадцать тысячъ верстъ, про который онъ очень мало зналъ и противъ котораго онъ ровно ничего не имѣлъ. Событія послѣднихъ трехъ лѣтъ внолнѣ на нашъ взглядъ доказали, что не можетъ быть никакой надежды на преобразованіе

этого невѣроятнаго и чудовищнаго деспотизма. Россія въ теченіи цѣлаго поколѣнія внимала правительственнымъ обѣщаніямъ. Но обѣщанія послѣднихъ трехъ лѣтъ слышалъ весь міръ. Въ октябрѣ 1905 г. Царь обѣщалъ Думу, свободу и равенство всѣхъ гражданъ предъ закономъ. Теперь же все идетъ по старому: газеты конфискуются и закрываются, никакія собранія не разрѣшаются; евреи и поляки прослѣдуются за свою религію и національность; рабочіе и крестьяне арестовываются массами за забастовки; ораторовъ, писателей, студентовъ и рабочихъ каждодневно безъ всякаго суда сотнями заключаютъ въ тюрьмы, ссылаютъ на каторжныя работы и въ Сибирь; голодающее крестьянство подавлено непосильной тяжестью налоговъ, и отъ Думы осталось только одно названіе. Третья Дума находится всецѣло въ рукахъ помѣщиковъ, являющихся единственнымъ, помимо чиновничества, значительнымъ сословіемъ, на поддержку котораго царизмъ можетъ теперь разсчитывать; это сословіе составляетъ, можетъ быть, одинъ процентъ всего населенія.

Въ Россіи рѣчь идетъ не о реформѣ, но о революціи. Излишне будетъ, думаемъ мы, напоминать читателю, что такого же мнѣнія огромная часть русскаго народа. Десятки тысячъ положили свою жизнь за революцію, сотни тысячъ пошли въ тюрьму и ссылку; милліоны подверглись всевозможнымъ преслѣдованіямъ, штрафамъ и арестамъ. Десятки милліоновъ народа, которыхъ миновали эти преслѣдованія, раздѣляютъ ихъ взгляды. Во время выборовъ подавляющее большинство народа голосовало за представителей революціонныхъ партій. И если умѣренная оппозіція всетаки оказалась въ большинствѣ, то лишь благодаря несправедливому избирательному закону и произволу администраціи. Не слѣдуетъ забывать, что избирательный законъ, дѣйствовавшій до разгона Второй Думы, былъ несравненно демократичнѣе нынѣшняго закона, такъ что правительству не удалось получить большинства. Тѣмъ не менѣе согласно тому закону голосъ

одного помѣщика равнялся сотнѣ крестьянскихъ голосовъ слѣдуетъ также помнить, что сотни тысячъ избирателей и выборщиковъ, открыто «разъясняли» на всѣхъ избирательныхъ стадіяхъ, по одному лишь подозрѣнію въ неблагонадежности. Не всѣмъ однако извѣстно, что несмотря на все это, большинство избирателей голосовало за революцію.

Сознательному газетному читателю хорошо извѣстно, что ни одна изъ революціонныхъ попытокъ не дала какихъ либо конкретныхъ результатовъ. Ни всеобщая забастовка, ни возстаніе, ни военные бунты, ни отказъ отъ платежа податей и отбыванія воинской повинности, ни убійство деспотовъ, ни партизанскія выступленія, ни даже самые мирные парламентарные способы борьбы, какъ отказъ въ санкціи внѣшняго займа, отъ котораго всецѣло зависитъ существованіе правительства—все это ни къ чему не привело. Всеобщая забастовка, съ помощью которой народъ вырвалъ у правительства пустой посулъ реформъ—пресловутый манифестъ 17-го октября, увѣнчалась успѣхомъ лишь благодаря, во-первыхъ, неподготовленности правительства, и, во-вторыхъ, полнаго единодушія народа. Забастовка началась на желѣзныхъ дорогахъ и была всецѣло обязана успѣхомъ тому, что движеніе было пріостановлено во всей странѣ. Теперь правительство организовало желѣзныя дороги по подобію прусской военной системѣ и за малѣйшее участіе въ стачкѣ виновный подлежитъ военному суду. По изданіи этого закона, третья попытка всеобщей забастовки въ декабрѣ 1905 г. потерпѣла полнѣшную неудачу. Забастовка неудалась отчасти потому, что правительство оказалось подготовленнымъ, и отчасти благодаря враждебности или индиферентности части населенія. Въ Сибири желѣзнодорожный союзъ оказался вынужденнымъ открыть движеніе для отправки въ Россію манджурскихъ войскъ. Войско же это хотя и сочувствовало революціи, но не настолько, чтобы пожертвовать желаніемъ вернуться домой на нѣсколько недѣль раньше. Въ другомъ мѣстѣ желѣзнодорож-

ный союзъ вынужденъ былъ отправлять поѣзда для доставки хлѣба голодающимъ крестьянамъ. Крестьяне забастовкѣ сочувствовали, но также не настолько, чтобы ради прочнаго завоеванія свободы выдержать еще нѣсколько недѣль осады. Желѣзнодорожный союзъ понялъ, что при военномъ положеніи забастовка лишь тогда можетъ разсчитывать на удачу, когда всѣ сообщенія будутъ окончательно прерваны и, гдѣ только возможно, будутъ уничтожены желѣзнодорожные мосты. Желѣзнодорожные служащіе рѣшили выждать пока начнутся вообще крестьянскіе безпорядки въ какомъ нибудь большомъ районѣ. Всеобщая забастовка такимъ образомъ отнынѣ будетъ зависѣть отъ всеобщаго возстанія.

Но и всеобщее возстаніе было уже испробовано и также безуспѣшно. Московская баррикадная борьба въ началѣ безусловно имѣла блестящій успѣхъ, и этотъ успѣхъ повторился во многихъ другихъ городахъ. Но между различными пунктами не было согласованности и единодушія въ дѣйствіяхъ. Желѣзнодорожное движеніе не было пріостановлено, и правительство могло посылать войска туда, гдѣ одолѣвали революціонеры. Въ то же самое время революціонерамъ не удалось хотя бы въ одномъ какомъ нибудь пунктѣ перетянуть на свою сторону болѣе или менѣе значительную часть войска, чтобы двинуться на помощь своимъ товарищамъ.

Аграрныя возстанія оказались еще болѣе изолированными и безплодными. Число ихъ дошло до нѣсколькихъ тысячъ; въ то же время эти возстанія были такъ разрознены, что никогда не выступало заодно болѣе маленькой кучки деревень. Милліоновъ на сто было уничтожено помѣщичьяго имущества. То тутъ, то тамъ убьютъ чиновника. Но именно въ этотъ самый моментъ ни откуда не раздалось призыва къ всеобщей желѣзнодорожной забастовкѣ, которая одна лишь могла бы задержать вѣрныя правительству войска въ городахъ и дать время для организаціи крестьянскаго возстанія. Лѣтомъ 1907 г.,

послѣ разгона второй и послѣдней настоящей Думы, по всему югу разыгрались аграрные безпорядки, но опять таки эти безпорядки были настолько не согласованы, что возставшіе крестьяне не въ силахъ были устоять противъ сравнительно небольшого числа войскъ, казаковъ и стражниковъ. Если когда нибудь наступитъ день, когда эти безпорядки примутъ всеобщій характеръ въ какомъ нибудь крупномъ районѣ, тогда желѣзнодорожный союзъ, при увѣренности въ поддержкѣ и содѣйствіи народа, обѣщаетъ забастовку, которая будетъ сопровождаться разрушеніемъ путей. Это оставило бы сельскіе районы въ рукахъ народа. Полмилліона конницы, въ большинствѣ вѣрной правительству, ничего не значило бы для огромнаго района.

Событія вполнѣ доказали, что большинство крестьянской пѣхоты въ города заражено крамолой и часть ея готова возстать или дезертировать. Но остается еще полупрофессіональная армія казаковъ и стражниковъ, служившая главной поддержкой и охраной правительства. Сравительно немногочисленныя волненія среди этой полупостоянной арміи были, конечно, использованы революціонерами. Но эти бунты были направлены главнымъ образомъ противъ плохой пищи и стѣснительной дисциплины. Правительство быстро сообразило, что необходимо устранить эти причины недовольства. Пища была немедленно улучшена, жалованіе увеличено, служба облегчена и обѣщано особое вознагражденіе за подавленіе «внутренняго врага». Гвардейскимъ полкамъ потакали во всемъ, ихъ размѣщали въ наиболѣе важныхъ и интересныхъ пунктахъ, снабжали лучшей одеждой, пищей, жалованіемъ и вообще обращались съ ними лучше, чѣмъ съ остальными солдатами. Эти полки пополнялись изъ новобранцевъ, отличающихся не только физической красотой и силой, но также вѣрностью престолу и рвеніемъ.

Еще большей благосклонностью правительства пользуются казаки. Это настоящіе профессіональные воины—дѣти наемныхъ солдатъ. Живутъ они на окраинахъ,

которыя были отданы царемъ въ ихъ пользованіе. Имъ дарованы всѣ привилегіи, льготы, какія только находятся во власти правительства: обиліе земли, низкія подати и даже свободное мѣстное самоуправленіе. Для нихъ не бываетъ рекрутскаго набора, какъ для остальныхъ частей войскъ и всѣхъ великихъ современныхъ армій. Имъ хорошо платятъ за то, чтобы они занимались профессіей, свободно выбранной ихъ предками. Хотя они и не пользуются независимостью янычаръ, или преторіанской гвардіи, казаки тѣмъ не менѣе составляютъ такую же необходиму опору правительства, какими были наемники въ древней Византіиской или Римской Имперіи. Кто видѣлъ съ какимъ рвеніемъ казаки исполняютъ свою разбоничью обязанность, тотъ не можетъ не сознавать, что нѣтъ никакой надежды вызвать въ этихъ прирожденныхъ холопахъ деспотизма сочувствіе народу. Если читатель вспомнитъ, что съ образованіемъ народной арміи пришелъ бы конецъ привилегіямъ, которыми пользуются теперь казаки, то онъ пойметъ по одному этому казачьему вопросу, что русская революція имѣетъ предъ собою такія трудности, съ какими не встрѣчался ни одинъ народъ, боровшійся за свободу. Обнищавшій и безоружный народъ, разсѣянный по маленькимъ изолированнымъ деревнямъ, селамъ и городамъ на территоріи, занимающей половину Европы и Азіи, чтобы добиться свободы, долженъ одолѣть современную полумилліонную армію, въ большинствѣ случаевъ воиновъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, лучшихъ наѣздниковъ въ мірѣ, хорошо оплачиваемыхъ и награждаемыхъ, прекрасно вооруженныхъ и дисциплинированныхъ, ненавидимыхъ народными массами и естественно платящихъ послѣднимъ взаимностью, выдрессированныхъ своими офицерами въ преданности правительству и въ ненависти къ демократіи и ко всему міру, любящихъ войну и теперь кореннымъ образомъ реорганизованныхъ для спеціальной цѣли подавленія революціи. Эта именно армія, содержимая на ссужаемые русскому правительству

нѣмецкими и французскими ростовщиками деньги, и сыграла главную роль въ подавленіи революціи. Дѣятельностью этой арміи объясняется, почему крестьянское возстаніе, вспыхнувшее въ нѣсколькихъ тысячахъ деревень, раскинутыхъ по всей странѣ, не распространилось на всѣ остальныя и не окончилось, какъ во Франціи въ 1789 г., изгнаніемъ всѣхъ помѣщиковъ съ ихъ земель. Эта же армія подавила и растущее возмущеніе въ войскахъ. Она же отбила у народа тѣ немногіе города и центры, которыми онъ успѣлъ было овладѣть, и этимъ воспрепятствовала крестьянамъ сплотить свои силы на подобіе того, какъ это было сдѣлано во Франціи федераціями, организовавшими правительство, которое потомъ въ состояніи было цѣлыхъ двадцать лѣтъ защищаться противъ соединенныхъ силъ всей остальной Европы.

Мирныя средства протеста, какъ я уже замѣтилъ, оказались безъуспѣшными. Еслибы правительству не удалось сдѣлать внѣшняго займа, оно, несомнѣнно, пошло бы тогда на уступки. Но оппозиція народа ни къ чему не повела. Въ декабрѣ 1906 г. правительственный отчетъ показывалъ, что государственные финансы находились наканунѣ перехода къ бумажнымъ деньгамъ и банкротства. Финансовыя затрудненія, быть можетъ, окончательно одолѣютъ правительство въ теченіе слѣдующаго поколѣнія, но если ему позволено будетъ дойти до такого положенія, то и народъ будетъ доведенъ до окончательнаго обѣдненія и экономическаго разоренія.

Другимъ мирнымъ средствомъ вынудить правительство на уступки было то, къ которому прибѣгла Первая Дума послѣ разгона. Пресловутый Выборгскій Манифестъ, подписанный большинствомъ народныхъ представителей, призывалъ ко всевозможнымъ мѣрамъ пассивнаго сопротивленія, какъ отказъ отъ платежа по внѣшнимъ займамъ, и предлагалъ народу не платить податей и не давать новобранцевъ. Эти мѣры, хотя и пассивныя, не могли бы однако долго оставаться мирными. Если бы значительная часть

народа послѣдовала совѣтамъ своихъ представителей, дикія правительственныя репрессіи неизбѣжно повели бы къ открытому и активному возмущенію. Крестьяне, вздумавшіе было отказаться отъ поставки новобранцевъ, были немедленно преданы военному суду, и наказаны по законамъ военнаго времени. И народъ, и большинство членовъ Думы, подписавшее манифестъ, были вполнѣ убѣждены въ невозможности всеобщаго возстанія. Народъ отказался сдѣлать первый шагъ въ силу невозможности сдѣлать второй шагъ. Партія же умѣренныхъ нѣсколько недѣль спустя отказалась отъ своего собственнаго предложенія, и о пассивномъ сопротивленіи уже больше не говорятъ какъ о способѣ освобожденія страны.

До сихъ поръ всѣ революціонныя мѣры ни къ чему не повели. Но замѣчательнѣе всего то, какъ народъ отнесся къ своему пораженію. Читатель вѣроятно замѣтилъ, что революціонный духъ сохранился въ народѣ даже послѣ того, какъ всѣ надежды на немедленное и всеобщее движеніе рушились. Всѣ болѣе активные революціонеры рѣшили поддерживать революціонную искру до того момента, когда окажется возможнымъ воспламенить народъ на послѣдній героическій и побѣдоносный натискъ. Террористическія убіиства, экспропріаціи, партизанскія выступленія пошли на убыль, потому что они не ведутъ къ всеобщему возстанію, на которое надѣялись революціонеры. Но вѣра въ будущее Россіи и вѣчная ненависть къ правительству побуждаетъ народъ прибѣгать къ новымъ и болѣе успѣшнымъ формамъ борьбы, болѣе медленнымъ и сопряженнымъ, можетъ быть, съ большими жертвами, но въ концѣ концовъ самымъ вѣрнымъ. Нѣкоторыя репресивныя мѣры оказались совершенно безплодными, и если правительству удается удержать власть, то лишь цѣною увеличенія рядовъ и безъ того многочисленныхъ враговъ своихъ, или же цѣною такихъ финансовыхъ затратъ, которыя должны повести къ непоправимому ослабленію его власти.

Читатель несомнѣнно понимаетъ, что новый избирательный законъ,—которымъ народное представительство въ Третьей Думѣ сведено почти къ нулю, въ то время какъ дворянству и помѣщикамъ, составляющимъ вмѣстѣ едва одинъ процентъ всѣхъ избирателей, предоставлено большинство мѣстъ въ Думѣ,—фактически равносиленъ упраздненію народнаго представительства вообще. Читатель изъ этого, пожалуй, заключитъ, что не только революціонное движеніе подавлено, но что революціонныя партіи, изъ которыхъ многія образовались и кристализовались въ Думѣ, лишены теперь всякаго значенія. Ни одна изъ народныхъ партій не питала какой либо надежды на то, чтобы правительство позволило Думѣ выполнить какія либо изъ поставленныхъ ей жизнью задачъ, но онѣ лишь добивались того, чтобы наглядно показать народу, что отъ правительства иначе какъ силой ничего нельзя будетъ добиться.

Три года революціи и три народныя собранія не принесли народу ни свободы, ни власти надъ правительствомъ, ни вообще какихъ либо облегченій. Самая колосальная борьба и сотни тысячъ человѣческихъ жертвъ не могли довести революціи до ея логическаго конца. Но революція будетъ продолжаться, даже если потребуется цѣлое поколѣніе для сверженія деспотизма и установленія народнаго самодержавія. Понесенныя жертвы не будутъ напрасны; Россія готова дорого заплатить за свою свободу; эта готовность объясняется, съ одной стороны, тяжестью деспотизма, съ другой—достоинствами крестьянства и высоко прогрессивнымъ характеромъ городскаго населенія.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

Царь Николай.

Русскій народъ, бродящій въ печали и страхѣ, крѣпостнымъ въ Петроградѣ или каторжнымъ въ рудникахъ! Сѣверный полюсъ служитъ для твоего владыки обширной и мразной тюрьмой. Россія и Сибирь, о Царь! Тиранъ! Вампиръ! То двѣ части твоей угрюмой имперіи; имя одной—произволъ, другой—отчаяніе!

Викторъ Гюго (Les Châtiments).

Николай II, хотя и родившійся наслѣдникомъ обширной имперіи Романовыхъ и абсолютнымъ властелиномъ надъ ста сорока милліоннымъ населеніемъ, былъ однако самымъ обыкновеннымъ ребенкомъ. Но ему не долго позволили оставаться таковымъ. Всѣ неограниченныя средства и полномочія царскаго воспитателя были, съ самаго дѣтства царя до зрѣлого возраста, направлены къ тому, чтобы убѣдить его, что онъ высшее существо и что богомъ ему дана власть надъ судьбами и жизнію его ста сорока милліоновъ поданныхъ. Такое воспитаніе можетъ привести, съ обыкновенными дѣтьми, къ одному лишь результату.

«Я зналъ одну многообѣщающую молодую княжну—сказалъ мнѣ одинъ изъ извѣстныхъ старыхъ придворныхъ,—которой присущи были прогрессивныя идеи. Она имѣла обыкновеніе предлагать въ высшей степени интересные вопросы. Ея воспитатель былъ, конечно, смѣненъ и, когда нѣсколько лѣтъ спустя я ее опять встрѣтилъ, то не узналъ ее, она была такъ похожа на остальныхъ. Невозможно, чтобы въ отравленной мизантропической двор-

цовой атмосферѣ выросло что либо хорошее. Я оставилъ всѣ надежды». Тоже самое съ царемъ. Онъ является продуктомъ окружающихъ его условій. Или лучше, онъ кость отъ кости всего стараго режима. Теперь, когда онъ на тронѣ, онъ повседневно создаетъ окружающія его условія, а эти условія въ свою очередь создаютъ его.

Тотъ фактъ, что Николай II, отъ природы обыкновенный и нормальный человѣкъ, превратился потомъ въ совершенное и послушное орудіе реакціи и сдѣлался врагомъ прогресса, доказываетъ, что прошли уже тѣ времена, когда можно было ожидать освобожденія отъ царей и милостивыхъ деспотовъ. Сторонники самодержавія очевидно знаютъ исторію и какъ слѣдуетъ изучали революціи. Они прекрасно знаютъ, что творятъ. Для предотвращенія того, чтобы онъ выросъ лучшимъ, чѣмъ окружающіе его, Николай, подобно его дядямъ и кузенамъ, пресловутымъ Великимъ Князьямъ, былъ самымъ искуснымъ образомъ развращенъ еще въ его ранней молодости. Ему позволяли имѣть нѣсколькихъ наложницъ. Еврейская дѣвушка, которую онъ—какъ увѣряютъ—дѣйствительно полюбилъ, была немедленно устранена. Истинная любовь опасна для деспотизма, тѣмъ болѣе еще любовь къ одной изъ дочерей гонимаго народа.

Извѣстная его связь съ балетной танцовщицей Кшесинской, связь, продолжавшаяся до самого дня его женитьбы, была больше по душѣ его дядямъ. Ему позволили одарить эту женщину богатствами и дворцомъ.

Въ то же время Николай находился подъ злополучнымъ и человѣконенавистническимъ вліяніемъ стараго фанатика Побѣдоносцева, или полупомѣшаннаго мистика Отца Іоанна Кронштадскаго, который, все еще проповѣдуя погромы, выдаетъ себя теперь за русскаго Христа. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что затемненный такимъ образомъ разумъ то подпадаетъ подъ вліяніе какого то некромана Филиппа, то въ качествѣ богомъ избраннаго главы православной церкви причисляетъ пятьдесятъ лѣтъ

тому назадъ умершаго монаха Серафима къ лику святыхъ, съ тѣмъ, чтобы побудить его предстать передъ Еговой и молить послѣдняго о дарованіи ему наслѣдника.

По своему образованію Николай является заурядным самодержавнымъ монархомъ, какъ и по природѣ своей онъ заурядный человѣкъ. Отъ другихъ самодержцевъ онъ отличается не идеями, или природными талантами своими, а только своей дѣйствительно поразительной податливостью. Исторія предоставила ему двоякаго рода выборъ: подняться надъ монархомъ до истиннаго человѣка, или же подчеркнуть еще сильнѣе присущіе ему какъ царю мало гуманные чувства и взгляды. Николай избралъ какъ царь, но не какъ человѣкъ. И какъ результатъ этого выбора царизмъ былъ сохраненъ, но сохраненъ цѣною того, что царь сдѣлался фактическимъ соучастникомъ самыхъ черныхъ дѣлъ и замысловъ, о какихъ, вѣроятно, самъ Маккіавели даже и не мечталъ.

Говорятъ, что Николай II не долженъ быть разсматриваемъ и судимъ какъ обыкновенный смертный, что онъ молъ безсиленъ противъ Великихъ Князей, его собственной фамиліей и придворной камарильи. Но— какъ мнѣ объяснилъ одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ и наилучше освѣдомленныхъ людей въ Россіи,—царь давно уже самъ избралъ себѣ своихъ приспѣшниковъ и фаворитовъ изъ его собственной царской семьи. «Самодержцемъ можно, при благопріятныхъ къ тому условіяхъ, сдѣлаться въ нѣсколько лѣтъ,—замѣтилъ мнѣ этотъ человѣкъ, —но Николай уже съ тринадцати лѣтъ самъ избралъ свою среду.» Николай любилъ старыхъ реакціонныхъ совѣтниковъ своего отца—своего дядю Сергѣя, министра Сипягина и графа Игнатьева. Революціонеры лишили его этихъ кровожадныхъ совѣтниковъ. Николай боялся Плеве. Послѣдній прибралъ къ своимъ рукамъ всемогущій департаментъ полиціи и жандармеріи, прежде чѣмъ Николай успѣлъ еще самъ овладѣть уздами правленія. Революціонеры разрѣшили также и эту проблему для него. Но

онъ замѣстилъ реакціонеровъ, которыхъ его лишили, другими реакціонерами.

Онъ сталъ завидовать популярности либеральнаго министра Святополка-Мірскаго, популярности, пріобрѣтенной послѣднимъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Графа Витте онъ всегда ненавидѣлъ, но щадилъ его лишь потому, что онъ былъ незамѣнимъ въ отношеніи добыванія билліоновъ изъ Германіи и Франціи.

Его тепершніе фавориты, въ томъ числѣ и Столыпинъ, закаленные реакціонеры, люди желѣза и крови.

Благородные вожди черносотеннаго союза, организованнаго для устройства погромовъ, какъ графъ Бобринскій, Щербатовъ, Апраксинъ, Коновницынъ, генералъ Богдановичъ, имѣютъ всегда свободный доступъ ко двору. Безпощаднымъ и крайнимъ реакціонерамъ, подобнымъ премьеру Столыпину, Дедюлину и Дурново вручаются министерства, въ чьихъ рукахъ собственно и сосредоточена вся государственная власть: Каульбарсу, Скалону, Гершельману и Меллеръ-Закомельскому ввѣрены судьбы Одессы, Польши, Москвы и Прибалтійскаго края. То былъ ген. Гершельманъ, который нарушилъ даже военный уставъ, отмѣнивъ рѣшеніе военнаго суда, приговорившаго къ легкому наказанію четырехъ крестьянъ, въ пьяномъ видѣ оскорбившихъ полицейскаго. Гершельманъ заставилъ ихъ повѣсить. Когда необходимо выработать новые законы, то это поручается такимъ реакціонерамъ, какъ старому Горемыкину, Стишинскому и Дурново, но не дѣйствительнымъ законовѣдамъ.

Способность къ деспотизму, лести и интригамъ, это все, что необходимо для того, чтобы добиться виднаго положенія и власти въ странѣ царей. «Единственный путь для вѣрнаго и постояннаго успѣха—повѣдалъ мнѣ одинъ изъ наиболѣе положительныхъ и освѣдомленныхъ близкихъ къ двору людей—это открытая, активная ненависть прогресса. Николай иногда терпитъ прогрессивнаго человѣка, но это лишь не на долго. Въ дѣйствительности

его, кромѣ реакціи, движенія назадъ къ режиму Александра III, ничто не можетъ удовлетворить. Вотъ почему нами управляютъ реакціонеры и почему Россіи придется пережить еще болѣе страшныя испытанія, нежели тѣ, которыя она пережила за послѣдніе нѣсколько лѣтъ.

«Царь не терпитъ вокругъ себя способныхъ людей, и это потому, что при нихъ онъ чувствуетъ себя нехорошо. Его дѣйствительными любимцами всегда были и несомнѣнно всегда будутъ тупые и недалекіе люди» . . .

Таково мнѣніе также многихъ знающихъ болѣе или менѣе близко придворную жизнь.

«Ключемъ къ характеру царя—повѣдало мнѣ другое авторитетное лицо — служитъ вполнѣ естественное и почти неизбѣжное во всякомъ безотвѣтственномъ абсолютномъ монархѣ, тщеславное и неимовѣрное себялюбіе. Себялюбіе это было сознательно привито царю въ дѣтствѣ и затѣмъ умышленно культивировалось въ немъ каждымъ, кто только имѣлъ доступъ ко двору. Въ этомъ лежитъ объясненіе каждому важному акту за время его царствованія.»

Находясь въ враждѣ съ своимъ народомъ, окруженный ограниченными совѣтниками, одаренный ясно выраженной склонностью и любовью къ «доброму старому времени» Александра III, Николай II не можетъ быть инымъ, чѣмъ онъ есть. И какой, спрашивается, смыслъ дальше доискиваться политическихъ идей у него? Онѣ, конечно, въ высшей степени рудиментарны. Руководящая идея его, высказанная имъ въ всѣхъ его публичныхъ декларацiяхъ, состоитъ въ томъ, что его личныя желанія и благополучіе его обширной имперіи тождественны, т. е., что сохраненіе его личной неограниченной и абсолютной власти и сохраненіе за всей его семьей, великими князьями, высшимъ чиновничествомъ и духовенствомъ, высшимъ дворянствомъ и дворомъ всѣхъ богатствъ и безотвѣтственной власти вполнѣ совпадаетъ съ интересами всѣхъ сословій и классовъ въ государствѣ.

Въ угоду именно этимъ немногочисленнымъ лицамъ и группамъ была объявлена также война противъ Японіи. Съ мнѣніемъ страны, которая была единодушно противъ злополучной и фатальной авантюры, совершенно не считались. Но царь, справедливо считая, что дѣйствуетъ согласно съ вождѣленіями своей семьи и своихъ друзей, съ легкимъ сердцемъ началъ это кровавое дѣло. «Онъ сказалъ—пишетъ князь Урусовъ—что считаетъ нападеніе японцевъ лишь «укусомъ комара», и что онъ вполнѣ доволенъ успѣхомъ войны, и думаетъ, что она вызоветъ патріотическое чувство въ населеніи, закроетъ рты революціонерамъ и облегчитъ правительству сохранить порядокъ въ странѣ.»

Николай II абсолютный властелинъ надъ жизнію и имуществомъ ста сорока милліоннаго народа, и защитники самодержавія всегда утверждали, что народъ этотъ «вѣрноподданъ» и послушенъ. Представьте же теперь гнѣвъ такого властелина, когда рабы его вдругъ начинаютъ бунтовать. Съ бунтующими рабами никогда не обращались какъ съ людьми, и возмущеніе ихъ всегда подавлялось съ безчеловѣчной жестокостью. Въ Россіи же, гдѣ даже высшему дворянству не даны политическія права, революція остается поэтому непостижимой для пониманія высшей власти.

Одинъ русскій князь, пользующійся международной извѣстностью, лично доложилъ царю объ ужасной Бѣлостокской бойнѣ. Указавъ на то, что погромъ былъ всецѣло дѣломъ рукъ войска и полиціи, князь этотъ заявилъ, что такъ дальше не можетъ продолжаться, что это несправедливо.

Послѣ минутнаго размышленія царь, наконецъ, отвѣтилъ: «Да это несправедливо. Но что подѣлаешь? Они всѣ вѣдь республиканцы и революціонеры.» Вѣрноподданный князь извинился лишь въ безнадежномъ отчаяніи. «Бѣлостокцы—республиканцы и революціонеры. Поэтому противъ нихъ всѣ средства хороши,» таково мнѣніе Его Им-

ператорскаго Величества. Но, въ широкомъ смыслѣ этого слова, девять десятыхъ русскаго народа революціонеры.

«Каково отношеніе нынѣшняго царя къ преступленіямъ и ужасамъ творимымъ его именемъ? Слѣдуетъ ли его самого считать отвѣтственнымъ за нихъ, или же другихъ?»—спрашивалъ я въ Россіи много разъ наиболѣе свѣдущихъ русскихъ людей, и вотъ буквальный отвѣтъ, который я всюду получалъ на мой вопросъ: «Царскій дворецъ служитъ центромъ для погромщиковъ и черносотенцевъ. Царь самъ покровительствуетъ хулиганамъ . . .»—Это единодушное мнѣніе всѣхъ свѣдущихъ людей въ Россіи.

Бывшій бессарабскій губернаторъ, князь Урусовъ говоритъ въ своихъ запискахъ, что большая часть вины за Кишиневскую рѣзню падаетъ на самого царя. «Одно слово изъ авторитетныхъ устъ императора, и рѣзня была бы немедленно прекращена.» Но всѣ попытки были напрасны. Отъ Николая II нельзя было добиться ни гласнаго осужденія погромовъ, ни даже безмолвнаго сочувствія жертвамъ какимъ нибудь денежнымъ пожертвованіемъ въ ихъ пользу.

«Съ 1903 г.—пишетъ, въ другомъ мѣстѣ, князь Урусовъ—стало очевиднымъ для всего міра, что самъ царь, если не открытыми дѣйствіями своими, то всѣми своими помыслами и чувствами противъ евреевъ и враждебно настроенъ къ нимъ.»

Да, онъ отъявленный врагъ евреевъ, но не меньшій врагъ поляковъ, армянъ, финляндцевъ, латышей, литовцевъ и всего пятидесяти милліоннаго инородческаго населенія, которое составляетъ одну треть числа всѣхъ его подданныхъ. То, что продѣлывалось съ тайнаго и явнаго одобренія царя надъ евреями, продѣлывалось почти въ такихъ же размѣрахъ и надъ другими народностями, населяющими Россію.

Николай II является также врагомъ подавляющаго большинства кореннаго русскаго народа, врагомъ ста

милліоннаго крестьянства и рабочихъ, какъ объ этомъ свидѣтельствовали представители послѣднихъ въ Государственной Думѣ. Онъ другъ лишь высшаго чиновничества, помѣщиковъ, крупныхъ богачей, нѣсколькихъ сотъ тысячъ казаковъ, шпіоновъ и полиціи, которые всѣ вмѣстѣ и служатъ истинной опорой трону и старому режиму.

Николая II нельзя считать пассивнымъ лишь наблюдателемъ. Правда, онъ въ погромахъ не принимаетъ личнаго участія, какъ напримѣръ Карлъ IX въ Варфоломѣевской ночи, но онъ неутомимо раскрываетъ двери тюрьмы и освобождаетъ всѣхъ тѣхъ, которые убивали «во имя его».

Осужденные и приговоренные мѣстными судами въ Керчи, Вольскѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Бессарабіи, Тулѣ и въ десяткѣ другихъ городовъ погромщики освобождались по царскому приказу. Царское помилованіе тремъ хулиганамъ, убившимъ въ г. Харьковѣ одного адвоката въ собственной квартирѣ послѣдняго, препровождено было слѣдующими буквальными словами царскаго поощренія: «Помилованіе даруется Х. У., убившимъ вреднаго революціонера еврея.»

Одинъ изъ главныхъ организаторовъ Одесскаго погрома, въ 1905 г., во время котораго было убито и ранено около тысячи человѣкъ, былъ, наконецъ, заключенъ въ тюрьму. Судившій его окружной судъ не рѣшился оправдать его, и онъ былъ приговоренъ къ цѣлымъ восьми мѣсяцамъ тюремнаго заключенія. Но царь не замедлилъ помиловать его, и онъ былъ выпущенъ на свободу. За этимъ помилованіемъ послѣдавало еще много другихъ помилованій погромщиковъ. Послѣ этого повседневные избіенія евреевъ въ Одессѣ приняли такіе размѣры, что чуть было не повели къ дипломатическимъ осложненіямъ для Россіи. Иностранные консулы заявили протестъ, но фактически это ни къ чему не повело. Открытыя и возмутительныя убійства продолжались и прямо или косвенно

получали царское одобреніе. Градоначальникъ Новицкій былъ, наконецъ, вынужденъ телеграфировать слѣдующее Столыпину: «Полиціи невозможно успѣшно бороться противъ тайныхъ союзовъ, которые руководятся лицами, гарантирующими членамъ этихъ союзовъ полнѣйшую безнаказанность за совершаемые ими преступленія.»

Въ Одессѣ администрація и разбойничій «Союзъ истинно-русскихъ людей» фактически составляютъ одно и тоже. Предсѣдатель мѣстнаго отдѣленія союза, графъ Коновницынъ, является адъютантомъ генералъ-губернатора Каульбарса; послѣдній состоитъ членомъ совѣта союза, собранія котораго часто происходятъ въ его же дворцѣ.

Отчаявшаяся Одесса послала делегацію къ царю, чтобы пожаловаться послѣднему на творящіяся въ этомъ городѣ безобразія. Царь вышелъ къ этой делегаціи со значкомъ «союза русскихъ людей» въ петлищѣ. Это послужило краснорѣчивымъ отвѣтомъ для делегаціи. Оно означало, что Одессу съ ея полумилліоннымъ населеніемъ онъ отдалъ на произволъ «Союза».

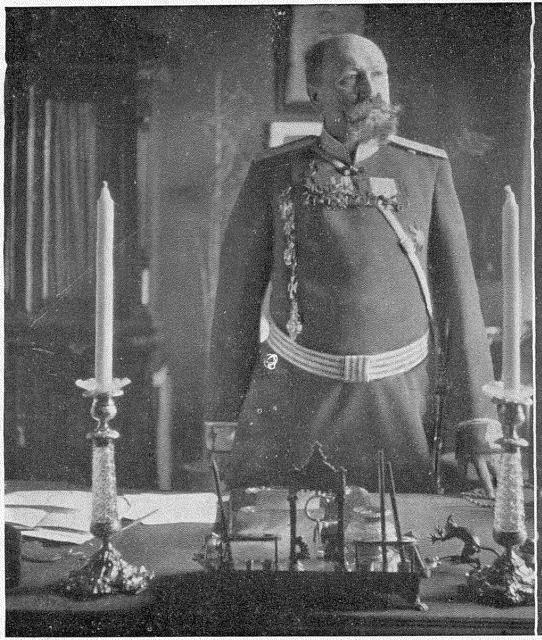
Делегаціи же отъ этого союза, преподнесшей ему ленту (одну также для маленькаго наслѣдника), вмѣстѣ съ адресомъ, въ которомъ выражались вѣрноподданническія чувства и излагались антисемитическія цѣли этой организаціи, Николай II отвѣтилъ: «Благодарите отъ моего имени всѣхъ русскихъ людей, которые вступили въ союзъ.»

Въ недавнемъ докладѣ своемъ царю Столыпинъ указалъ на тотъ фактъ, что 60 % состава союза вербуется изъ поддонковъ и преступныхъ элементовъ общества и едва лишь $1^1/_2$ % изъ образованнаго класса. На этомъ докладѣ царь собственноручно начерталъ: «Союзъ вѣрноподаннѣе всѣхъ партій и наиболѣе полезный для правительства. Съ нимъ слѣдуетъ быть терпѣливымъ и дать ему время для самоусовершенствованія.»

Докторъ Дубровинъ, предсѣдатель союза и редакторъ его оффиціалнаго органа «Русское знамя»», былъ недавно

Царь Николай II.

Центральная Рабочая
Библиотека
Моск. Губ. Сов. Проф. Сою



Московскій вицегубернаторъ Будбергъ

Московскій губернаторъ Рейнботъ

спрошенъ о томъ, что по его мнѣнію нужно сдѣлать для того, чтобы вывести Россію изъ затрудненій. Благородный вождь союза на это отвѣтилъ слѣдующее: «Необходимо повѣсить одиннадцать наиболѣе опасныхъ руководителей, которыхъ я могъ бы указать, двѣсти второстепенныхъ и три тысячи партійныхъ работниковъ.» На вопросъ, кто взялся бы выполнить такой жестокій приговоръ, онъ отвѣтилъ: «У Союза русскаго народа хватило бы духу привести такой приговоръ въ исполненіе.» Дубровинъ открыто заявилъ, что онъ убилъ бы не только такихъ любимыхъ и популярныхъ среди народа вождей, какъ Аладина, Аникина, но даже такихъ умѣренныхъ экономистовъ, какимъ былъ убитый, ужъ если не по приказанію самого Дубровина, то по волѣ союза, проф. Герценштейнъ. Никогда ни одинъ русскій революціонеръ не предложилъ бы массовой рѣзни—ихъ жертвы, это —жертвы партизанской войны. Не революціонная борьба за свободу создала русскаго Марата, а лишь преступная контръ-революція подъ личнымъ покровительствомъ царя.

Вначалѣ предполагалось сдѣлать самого Николая II однимъ изъ трехъ членовъ главнаго совѣта Союза. Позже это почетное мѣсто было дано царскому любимцу и теперешнему духовнику его, священнику Восторгову. Этотъ «православный» шарлатанъ, будучи на Кавказѣ, возбуждалъ тамъ расовую вражду до тѣхъ поръ, пока ему не пришлось бѣжать отъ разъяреннаго народа. Недавно еще—простой лишь священникъ, онъ въ настоящее время занимаетъ мѣсто злого генія Россіи, покойнаго Побѣдоносцева. Какъ и послѣдній, онъ главный теоретикъ самодержавнаго произвола и реакціи и придворный духовникъ. Въ то же время онъ успѣваетъ руководить Союзомъ русскаго народа во всей погромной дѣятельности послѣдняго. Изъ великой признательности къ нему царь одарилъ его всяческими почестями и отвелъ ему видное мѣсто въ синодѣ. Съ возвышеніемъ Восторгова

Союзъ, можно сказать, добился, наконецъ, своей цѣли, —онъ добился тѣснаго единства съ его «Святѣйшимъ Высочествомъ».

Титулъ «Святѣйшій» звучитъ почти богохульствомъ. Но въ глазахъ защитниковъ абсолютизма для царя не можетъ быть ничего ни богохульнаго, ни преступнаго. Все, что онъ дѣлаетъ или говоритъ, справедливо и свято. Главы церкви—его слуги и должны подчиняться его волѣ, какъ и всѣ остальные его подданные.

Если Николай II, въ которомъ съ ранняго дѣтства была культивирована манія величія, не охотится, подобно Карлу IX, на своихъ подданныхъ, то это слѣдуетъ приписать главнымъ образомъ традиціямъ двора. Окружающіе царя нѣмецкіе бароны, занимавшіеся охотой на крестьянъ, которыхъ они сами довели до возмущенія, пользуются его чрезвычайной благосклонностью и за свои подвиги въ этой области получаютъ быстрое повышеніе. Тѣ-же, которые не принимаютъ такого живого и активнаго участія въ охотѣ на людей, подвергаются царской немилости и немедленно разжаловываются.

Одному офицеру, докладывавшему о сравнительно безкровномъ «усмиреніи», совершенномъ имъ на западѣ Россіи, царь послѣ долгаго молчанія, наконецъ, замѣтилъ: «Все равно, вы убили слишкомъ немногихъ, слишкомъ немногихъ . . .» Генерала Казбека, докладывавшаго о подобномъ же безкровномъ усмиреніи, царь выслушалъ совершенно молча. Генералъ, не получивъ никакого отвѣта, повернулся къ выходу, но не успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ услыхалъ позади себя низкій шипящій голосъ. Онъ немедленно обернулся. Оказалось, что царь слѣдовалъ за нимъ большими шагами и сквозь стиснутые зубы шипящимъ голосомъ повторялъ: «Вы все равно должны были стрѣлять, генералъ! Должны были стрѣлять! . . .»

Пользующійся широкой извѣстностью генералъ Субботичъ, числившійся членомъ генеральнаго штаба и быв-

шій генералъ-губернаторомъ Туркестана, не только не проливалъ крови въ ввѣренномъ ему краѣ, но оскандалилъ придворную братію своими публичными рѣчами, въ которыхъ онъ увѣрялъ народъ, что царь выполнитъ всѣ данныя имъ въ октябрскомъ манифестѣ обѣщанія, и что необходимыя реформы будутъ скоро приведены въ исполненіе. Онъ былъ скоро смѣщенъ съ поста безъ мундира и пенсіи и безъ объясненія причинъ такой царской немилости. Когда же онъ потребовалъ военнаго суда надъ собою, то въ этомъ ему было отказано. Ему лишь заявили, что онъ-де не принималъ должныхъ мѣръ къ подавленію революціи и что царь соблаговолилъ отказать ему въ его просьбѣ открыть характеръ возведенныхъ противъ него обвиненій. Разжалованный генералъ выступилъ кандидатомъ въ Думу, и изъ 2000, самимъ правительствомъ съ помощью новаго избирательнаго закона, тщательно подобранныхъ голосовъ, 800 голосовали за него.

У царя имѣются герои насилья и меньшаго калибра. Одинъ кадетъ подслушалъ на улицѣ не совсѣмъ лестные отзывы о Его Императорскомъ Величествѣ. Не долго думая, онъ пустилъ въ ходъ имѣвшійся въ его рукахъ штыкъ и ударилъ имъ виновника два раза по головѣ такъ, что послѣдній палъ замертво пораженный. На докладѣ военнаго министра по поводу этого случая, царь соизволилъ собственноручно начертать и выразить свою благодарность кадету за его «похвальный подвигъ».

Кавалерійскій офицеръ, ѣхавшій на одномъ пароходѣ, назвалъ членовъ Думы «мерзавцами»; когда же сидѣвшіе возлѣ него пассажиры запротестовали, то онъ, также не долго думая, открылъ по нимъ изъ револьвера огонь и прежде, чѣмъ его удалось обезоружить, онъ успѣлъ тяжело ранить полового. Офицеръ былъ помилованъ царемъ.

Выстрѣломъ изъ ружья часовой наповалъ убилъ дѣвушку за то, что она, противъ новыхъ тюремныхъ правилъ, высунула голову изъ окна своей тюремной клѣтки. Онъ получилъ отъ царя въ награду 10 рублей. Послѣ этого такіе

случаи, какъ стрѣльба въ окна заключенныхъ, стали часто повторяться по всей странѣ.

Николай II осужденъ своимъ народомъ. Во всѣхъ слояхъ и классахъ общества,—среди богатыхъ и бѣдныхъ, среди городскихъ и сельскихъ жителей, среди образованныхъ и необразованныхъ, среди коммерсантовъ и духовенства,—преобладаетъ одно мнѣніе о царѣ: онъ всецѣло отвѣтственъ за всю чудовищную систему преступленія и грабежа, именуемую русскимъ правительствомъ.

ГЛАВА II.

Какъ цари управляютъ.

Въ настоящемъ обзорѣ современныхъ событій не мѣсто для экскурсіи въ глубь русской исторіи. Но мы лишь тогда въ состояніи будемъ вполнѣ понять глубоко враждебное и почти безсознательное чувство русскаго народа по отношенію къ своимъ правителямъ, когда мы вспомнимъ, какого рода царей царизмъ породилъ. Первымъ великимъ царемъ былъ Иванъ Грозный. Онъ оказалъ Россіи неоцѣнимую услугу тѣмъ, что изгналъ татаръ и больше чѣмъ вдвое расширилъ ея границы. Но въ моменты, когда онъ не душилъ татаръ, онъ занимался душеніемъ своего собственнаго народа.

Жестокость была привита ему съ дѣтства. Изъ него стремились сдѣлать то, что въ то время считалось истиннымъ царемъ, сдѣлать человѣка, одно имя котораго должно было вселять страхъ и смиреніе въ сердца подданныхъ, и этотъ принципъ правленія не только съ помощью сильной власти, но и страха, остается еще и по сію пору руководящимъ принципомъ царскаго правительства.

Иванъ Грозный далъ примѣръ царизма, равнаго которому съ той поры еще не было—хотя, конечно, большинство его пріемовъ примѣнялось часто и его преемниками. Когда около середины шестнадцатаго столѣтія Иванъ покорилъ полусвободные, полудемократическіе города Псковъ и Новгородъ, то онъ не удовольствовался ихъ капитуляціей, а подвергъ населеніе ихъ, въ теченіи пяти недѣль, умышленнымъ и мучительнымъ истязаніямъ. Въ одной лѣтописи говорится, что въ одномъ изъ городовъ

онъ умертвилъ до шестидесяти тысячъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Въ 1570 г. населеніе г. Москвы подверглось подобнымъ же истязаніямъ, причемъ Иванъ самъ принималъ участіе въ бойнѣ, пронзая многихъ своимъ острымъ жезломъ. Погромъ происходилъ на освященной площади, которая потомъ была окрещена «красной площадью». Площадь эта расположена какъ разъ противъ церкви, воздвигнутой по плану самого Ивана Грознаго, ясно обнаружившаго въ этомъ планѣ свое умопомѣшательство. Но церковь эта съ тѣхъ поръ служила излюбленнымъ образцомъ для царей, какъ и многія другія традиціи того времени.

У Ивана былъ обычай дѣлать изъ казней публичную потѣху. Но на этотъ разъ орудія пытки и котлы съ кипяткомъ для варенія людей живьемъ отпугали народъ, вслѣдствіи чего его силой гнали на площадь смотрѣть на это зрѣлище: Людей истязали массами, истязали всѣми способами, извѣстными человѣческой изобрѣтательности. И, что гораздо рѣже встрѣчается въ исторіи, такъ это публичное истязаніе и изнасилованіе, которымъ подвергались женщины и дѣвушки. Это было вполнѣ въ духѣ дикихъ и жестокихъ оргій, которымъ этотъ царь предавался и въ своей частной жизни. Послѣ истязанія и опозоренія женщинъ и дѣвушекъ, ихъ убивали, пронзая раскаленной до красна пикой или же Ивановскимъ жезломъ. Митрополитъ Московскій Филиппъ, глава православной церкви, за отказъ благословить его на развратъ и преступленія, былъ сожженъ живьемъ. Придворный канцлеръ былъ разорванъ на куски, казначей сваренъ живьемъ, и одинъ князь, посаженный на колъ и мучившійся въ теченій пятнадцати часовъ, принужденъ былъ видѣть, какъ на его глазахъ солдаты безчестили его мать.

Жестокость Ивана несомнѣнно превосходитъ все, до чего только можетъ додуматься самый холодный и безсердечный деспотъ, но фактъ остается фактомъ, что онъ успѣлъ усилить могущество царизма какъ дома, такъ и

заграницей, и его примѣръ не остался безъ вліянія на позднѣйшихъ царей. Для Петра Великаго, который царствовалъ болѣе чѣмъ столѣтіемъ позже, человѣческая жизнь также не шла въ счетъ. Онъ повторилъ многое изъ того, что дѣлалъ Иванъ, употребляя его пріёмы пытокъ и казней, и, подобно послѣднему, любилъ принимать участіе въ нихъ собственной персоной. Онъ приказалъ убить своего собственнаго сына Алексѣя; къ счастію, однако, Петръ оказался человѣкомъ съ кое-какими идеями. Если постройка Петербурга стоила столько же человѣческихъ жизней, сколько пало при уничтоженіи Новгорода, то она дала, по крайней мѣрѣ, положительный результатъ. У Петра, кромѣ того, было меньше времени для жестокостей, чѣмъ у Ивана, такъ какъ онъ былъ занятъ тѣмъ, что онъ считалъ—часто не безъ основанія—настоящими государственными дѣлами. Но подобно Ивану онъ управлялъ страной съ помощью казней, пытокъ и террора, наслаждаясь личнымъ участіемъ въ казняхъ, и подобно Ивану-же предавался безшабашному скотскому разврату. Въ одномъ отношеній онъ пошелъ даже дальше Ивана, именно въ томъ, что онъ заставлялъ весь народъ подчиняться и слѣдовать малѣйшимъ движеніямъ его «воли» и прихоти. Регулируя до мельчайшихъ подробностей жизнь своихъ подданныхъ, вплоть до бритья бороды, онъ низвелъ ихъ всѣхъ до положенія своей прислуги или крѣпостныхъ.

Екатерина II была, пожалуй, не менѣе развратна и жестока по отношенію къ своимъ подданнымъ, чѣмъ Петръ. Но, хотя она несомнѣнно была причастна къ убійству своего мужа и многихъ другихъ, къ которымъ она питала вражду, она тѣмъ не менѣе выказывала женскую мягкость по отношенію къ близко окружающимъ ее. Но такъ какъ, эти близкіе были лишь участниками ея излишествъ и разврата, то народъ ничего не выигрывалъ отъ этой человѣческой черты въ характерѣ великой императрицы.

Ея преемникъ Павелъ вернулся къ произволу Петра. Было бы, можетъ быть, интереснѣе познакомить читателя

съ роковыми послѣдствіями этого возврата, поведшаго, въ концѣ концовъ, къ убійству его, нежели съ тѣми смѣшными формами, въ которыя часто выливалось его личное поведеніе. Но въ данный моментъ насъ именно интересуетъ больше всего личный характеръ царей, и ничто лучше не раскрываетъ передъ нами характера Павла, чѣмъ его обыкновеніе заставлять своихъ подданныхъ становиться предъ нимъ на колѣни, въ пыли или въ грязи, въ дождь или снѣгъ, когда онъ проѣжалъ въ своей коляскѣ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Александръ I былъ прикосновененъ къ смерти своего отца. Его царствованіе, начавшееся такимъ образомъ при традиціонной обстановкѣ, было совершенно въ духѣ его предшественниковъ. Европа, находившаяся всегда въ совершенномъ невѣдѣніи о томъ, что происходило и происходитъ въ Россіи, и не имѣвшая ни малѣйшаго понятія объ истинномъ характерѣ царей, нѣкоторое время считала Александра I-го либераломъ, каковыми она въ свое время считала и Петра и Екатерину, а позже и Александра II-го и теперешняго царя.

Нелѣпость этого взгляда обнаружилась очень скоро. Александръ I образовалъ священный союзъ для борьбы противъ великихъ идей свободы, которыя выдвинула французская революція, и Россія сдѣлалась оплотомъ европейской реакціи. Такую роль она играла вплоть до Крымскаго разгрома пятьдесятъ лѣтъ спустя. Послѣ Крымской войны почетный постъ Россіи перешелъ къ Пруссіи. Ни кто иной, какъ Александръ I, ко всѣмъ тягостямъ страны прибавилъ еще прусскую военную дисциплину и порабощеніе. Въ его военныхъ поселеніяхъ новый милитаризмъ совмѣщался съ крѣпостничествомъ и впослѣдствіи превратился въ настоящую каторжную систему.

Николай I усовершенствовалъ еще болѣе эту систему, такъ что Пруссія и другія державы даже завидовали ему. Когда армія Николая въ 1849 г. растоптала свободу Венгріи, его генералы Гейнау и др. отличились такой

жестокостью, что даже полудикая Турція отказалась выдать бѣглецовъ, а Америка рѣшилась взять подъ свою защиту Кошута и увезти его на своемъ фрегатѣ.

Крымское пораженіе, необходимость преобразованія арміи на болѣе современныхъ началахъ, а также необходимость увеличенія налоговъ, вынудили Александра II освободить крестьянъ. Европа его считала либераломъ, но варварское подавленіе польскаго возстанія скоро положило конецъ этой иллюзіи. За то, что онъ отнялъ тѣ скудныя вольности, которыя онъ было даровалъ народу, группа революціонеровъ лишила его жизни.

Этотъ революціонный актъ въ свою очередь побудилъ реакціонныя силы Имперіи сдѣлать изъ него «мученика», а измѣнчивая Европа, которая съ отвращеніемъ отвернулась было отъ него, вернула ему свои симпатіи и до сихъ поръ чтитъ его память какъ «либеральнаго» царя. Александръ III, отецъ нынѣшняго царя, былъ типичнымъ царемъ. Это былъ человѣкъ безъ особенныхъ талантовъ, слѣпо преданный реакціи, абсолютизму и церкви въ самомъ узкомъ смыслѣ, окруженный тупыми и подобострастными льстецами. Эта то косная и удушливая атмосфера создала «героевъ» теперешняго режима: полупомѣшанныхъ, изувѣровъ поповъ, злобныхъ и всемогущихъ начальниковъ полиціи, какъ фонъ Плеве и Треповъ, ратоборцевъ политики гоненія инородцевъ, какъ графъ Игнатьевъ и великій князь Сергѣй, первыхъ теоретическихъ защитниковъ абсолютизма, какъ Аксаковъ и Леонтьевъ, которые пытались устранить изъ политики русскаго государства новое «пагубное начало стремленія къ матеріальному и нравственному благополучію человѣчества».

Россія кое-чему научилась у своихъ царей. Она познала зло единоличной власти. Почти всѣ мыслящіе русскіе люди сознаютъ, что концентрація власти въ рукахъ одного человѣка—худшее проклятіе, которое можетъ поразить народъ. Они сознаютъ, что всякая защита такого

режима можетъ быть основана лишь на лжи, на коренномъ непониманіи природы человѣческой личности и общества. Эта ложь ведетъ къ извращенію и порчѣ ума и характера самого правителя, такъ что не можетъ быть благожелательнаго деспота.

Послѣднее революціонное движеніе русскаго народа возникло бы въ данный моментъ при любомъ императорѣ. Оно направлено было противъ царизма вообще, а не противъ того или другого царя.

Теперешній царь является врагомъ русскаго народа не потому, что онъ хуже своихъ предшественниковъ, или что можно надѣяться, что его преемники окажутся лучше его, но просто потому, что въ немъ живетъ и во всѣхъ его дѣйствіяхъ проявляется духъ царизма.

Въ повседневной жизни царизмъ существуетъ въ видѣ милліоновъ безотвѣтственныхъ чиновниковъ, вмѣшивающихся во всѣ дѣла, во всякую житейскую мелочь. Чиновники дѣйствуютъ на основаніи безсмысленныхъ, противорѣчивыхъ, безжизненныхъ указовъ безотвѣтственныхъ канцелярій, или по приказу какого-нибудь придворнаго протеже, который за какую либо личную услугу просто понравился какому нибудь любимцу царя или любимцу царскаго любимца. Дворъ—главная и самая необходимая опора трона. Тутъ и мать, и дяди, и отцовскіе совѣтники и всѣ вѣрные и испытанные слуги прежнихъ царей. При царизмѣ, или чисто личномъ образѣ правленія они единственный источникъ, изъ котораго правитель можетъ почерпнуть какое либо понятіе о своемъ народѣ. Почти всякій придворный, разумѣется, занимаетъ какой нибудь бюрократическій постъ. Есть, конечно, между ними богатые бездѣльники въ родѣ тѣхъ, которые украшали французскій дворъ до революціи. Другіе пользуются синекурами, именуются товарищами министровъ и появляются нѣсколько разъ въ недѣлю въ департаментахъ или посѣщаютъ случайныя собранія какой нибудь почетной комиссій, которая не имѣетъ никакихъ реальныхъ функцій

и никакой власти. Приближенные царя обыкновенно назначаются на высшіе посты безразлично подходятъ ли они къ должности или нѣтъ. Одинъ изъ великихъ князей состоитъ главно-командующимъ арміей, другой командуетъ флотомъ. Русскій Верховный судъ, который называется Сенатомъ, наполненъ исключительно людьми, которые случайно были близки къ царю, его отцу, или какому нибудь изъ великихъ князей.

До Петра Великаго правительственная машина представляла подобіе деспотическаго феодализма. Со времени Петра она приняла видъ бюрократіи прусскаго типа. Бюрократію необходимо было сдѣлать нераздѣльной частью царизма. Это было достигнуто не только обращеніемъ придворныхъ въ бюрократовъ. Въ настоящее время дворъ и бюрократія нераздѣльны. Дворъ представляетъ собою неограниченную и произвольную власть царей надъ жизнію и собственностью народа, бюрократія же служитъ для царя и двора единственнымъ орудіемъ пользованія этой властью. Армія, полиція, всѣ губернаторы и царьки, всѣ, кому дано право осуществлять во всей полнотѣ произвольную власть царя, другими словами, всѣ живыя орудія, необходимыя для защиты ненавистной бюрократіи—всѣ они находятся въ непосредственномъ подчиненіи царю и не отвѣтственны ни передъ г. Думой, ни передъ бюрократическими министрами. Съ другой стороны, взиманіе налоговъ, внѣшніе займы, банковое, желѣзнодорожное дѣло и проч., все, на чемъ покоится произволъ двора и царя, по необходимости систематизированы въ разныхъ правительственныхъ канцеляріяхъ. Новыя вѣдомства возникали одно за другимъ, пока, наконецъ, такое огромное предпріятіе, какъ желѣзнодорожное и банкирское, не оказались въ рукахъ казны. Нѣкоторые изъ наиболѣе дорого обходящихся государству вѣдомствъ, политическіе суды, тюрьмы, полиція, армія сельскихъ стражниковъ, цензура, совершенно были бы излишни въ обществѣ организованномъ на разумныхъ и демократическихъ началахъ.

Съ развитіемъ индустріи открылись новые источники для налоговъ. Сахаръ, табакъ, нефть и въ особенности винная монополія сдѣлались статьями огромныхъ доходовъ для казны.

Тѣ доходы и налоги, которые поступали въ государственную казну, въ свою очередь служили источникомъ легкой наживы для «администраціи». Армію, напримѣръ, необходимо было вооружить и снабдить современнымъ оружіемъ; необходимо было имѣть современный флотъ. «Самодѣльные» бюрократы начали грабежемъ наживать богатства и съ помощью этого богатства они сдѣлались неотразимыми въ высшемъ аристократическомъ обществѣ. Очень скоро при дворѣ оказалось больше богатыхъ удачниковъ бюрократовъ, нежели откормленныхъ придворныхъ среди бюрократіи. Въ дѣйствительности министры и начальники вѣдомствъ вербуются теперь изъ среды придворной аристократіи. Но различіе между тѣми и другими лишь поверхностное. Въ концѣ концовъ придворный, желающій добиться чего либо, долженъ это сдѣлать черезъ разные департаменты и вѣдомства, долженъ научиться искуству «править» въ духѣ вѣрноподанныхъ сторонниковъ царя. Бюрократъ-удачникъ можетъ, однако, плохо кончить, если не окажется хорошимъ придворнымъ и вѣрующимъ въ реакціонные принципы царизма, а также если не окажется достаточно искуснымъ спеціалистомъ по части произвола. Коррупція двора, начиная отъ великихъ князей до самыхъ низовъ, и неспособность бюрократіи сдѣлались уже притчей во языцѣхъ. Если царю когда либо удается, какъ онъ этого несомнѣнно желаетъ, такъ какъ самъ царизмъ отъ этого страдаетъ, установить строгій контроль надъ правительственными и безотвѣтственными передъ народомъ вѣдомствами, то все же таки останется массовый узаконенный грабежъ, неизбѣжный при существованіи самого царизма.

Современное русское правительство является продуктомъ исторической эволюціи. Главнымъ рѣшающимъ

факторомъ съ самого начала его развитія было не стремленіе къ созданію благополучія Россіи, но стремленіе къ обезпеченію благополучія каждаго привилегированнаго сословія и притомъ по стольку, по скольку данное сословіе было близко къ трону. Правительственныя вѣдомства основаны именно на этомъ принципѣ. Всѣ они въ большей или меньшей степени, въ самомъ основаніи ихъ методовъ, организаціи и личномъ составѣ, антиобщественны. Высокое положеніе достигается цѣною многихъ элементарныхъ принциповъ личной добросовѣстности и разумнаго правленія. Положеніе удерживается лишь цѣною полнаго отреченія отъ всѣхъ принциповъ ради сохраненія царской власти, власти бюрократіи и двора.

ГЛАВА III.

Борьба царизма за существованіе.

Для того, чтобы представить себѣ царизмъ въ его цѣломъ и постичь его внутреннюю сущность, необходимо видѣть его въ моменты смертельной борьбы его за существованіе. Такая борьба началась для него незадолго до японской войны вмѣстѣ съ нахлынувшей революціонной волной, достигшей своей кульминаціонной высоты въ царскомъ манифестѣ 17-го октября 1905 г. Правовой строй есть отрицаніе самодержавія. Если конституція урѣзываетъ значительную долю царской власти въ пользу народа, или хотя бы въ пользу одного какого нибудь общественнаго класса, то этимъ абсолютизму наносится смертельный ударъ. Разъ царю приходится дѣлить власть съ другой властью, онъ уже не абсолютный монархъ. Обѣщанія, данныя въ пресловутомъ манифестѣ, были такъ всеобъемлющи, что многимъ казалось, будто уже положено прочное начало конституціи, и самодержавіе отошло въ вѣчность. 17-ое октября было такимъ образомъ въ высшей степени критическимъ моментомъ въ жизни самодержавія. Это, между прочимъ, вполнѣ сознавали какъ придворная камарилья, такъ и бюрократія и всѣ защитники стараго строя.

Въ этотъ критическій моментъ царизмъ сплотился, стянувъ на помощь придворной камарильи и бюрократіи всѣ тѣ элементы, на поддержку которыхъ онъ могъ разсчитывать, а именно крупное помѣстное дворянство и подонки городского населенія. Сдѣлавъ это, царизмъ вернулся къ своей старой традиціонной политикѣ, къ политикѣ офиціальной лжи и возбужденія національной

и расовой вражды среди населенія, согласно правилу: «раздѣляй и повелѣвай». «Патріотизмъ»—это тотъ магическій лозунгъ, который служитъ правительству средствомъ для возбужденія и вмѣстѣ съ тѣмъ оправданія расовой и національной вражды. Католики, протестанты, евреи, магометане, раскольники относятся къ непатріотамъ, такъ какъ они не принадлежатъ къ православной церкви. Поляки, евреи, армяне и нѣмцы, хотя и говорятъ по-русски и вѣками уже живутъ въ Россіи, тѣмъ не менѣе считаются инородцами. Люди съ университетскимъ образованіемъ, люди свободныхъ профессій и фабричные рабочіе считаются также неблагонадежными и непатріотическими элементами. Но «православіе, самодержавіе и народность» недостаточно конкретныя понятія, чтобы связать воедино реакціонные элементы. Необходимо было поэтому придумать и найти «общаго врага», врага вездѣсущаго и всегда болѣе или менѣе дѣятельнаго. Такой врагъ былъ найденъ въ лицѣ еврея. Ибо, несмотря на то, что большинство евреевъ заключено въ такъ называемую черту осѣдлости, меньшинство ихъ разсѣяно по всей странѣ, проникая во всѣ новѣйшія спеціальности и движенія; какъ всѣ угнетенныя національности, они оппозиціонно настроены по отношенію къ существующему порядку вещей и къ царизму.

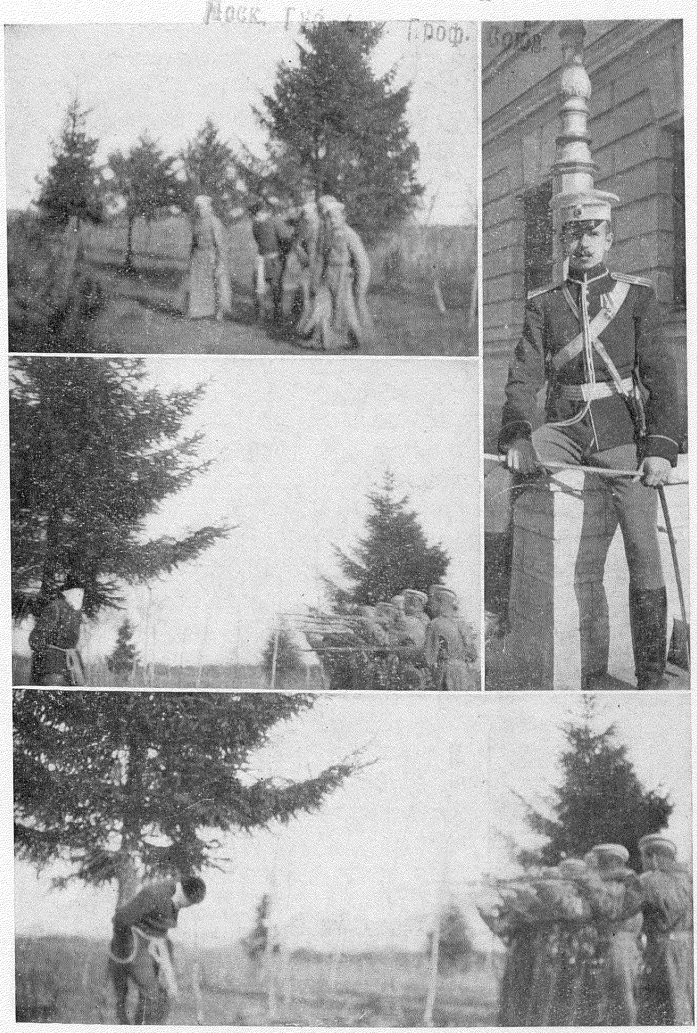
Вся философія, природа, мораль и программа самодержавія выражается такимъ образомъ въ одномъ кликѣ: «Долой жидовъ!» Когда царизмъ находится на высотѣ своего благополучія и не нуждается въ народномъ сочувствіи, тогда онъ не провозглашаетъ никакихъ программъ и философій. Но когда онъ нуждается въ народной помощи, въ поддержкѣ и жертвахъ помимо тѣхъ, какихъ онъ можетъ добиться отъ дворянства цѣною разныхъ привилегій, или же отъ подонковъ общества за стаканъ водки, тогда онъ прибѣгаетъ къ призыву: «Долой жидовъ!»; а если необходимо, то къ этому присовокупляется: «и поляковъ», или-же: «и интеллигенцію», или даже «и ра-

бочихъ». Это неизмѣнно сплачиваетъ реакцію, какъ показано будетъ ниже. Этотъ призывъ къ самымъ низменнымъ страстямъ реакціонныхъ классовъ, почти неизмѣнно успѣваетъ привлечь изъ среды послѣднихъ наиболѣе слабые и обдѣленные элементы. Нѣтъ такого преступнаго или порочнаго побужденія, на которомъ не играли бы во имя неприкосновенности «святой Руси» и «высочайшей власти». Личная честь, похоть, изувѣрскій фанатизмъ, грубое суевѣріе и невѣжество, страсть къ водкѣ, карьеризмъ, алчность, или простая зависть и предразсудки, все раздувается въ пламя разбойничьей ненависти, ко всему этому призываетъ ежедневно борющійся за свое существованіе царизмъ.

Пропаганда начинается обыкновенно съ вѣдома и тайнаго одобренія самого царя, но она явно для всѣхъ выказывается въ безчисленныхъ исключительныхъ законахъ противъ евреевъ.

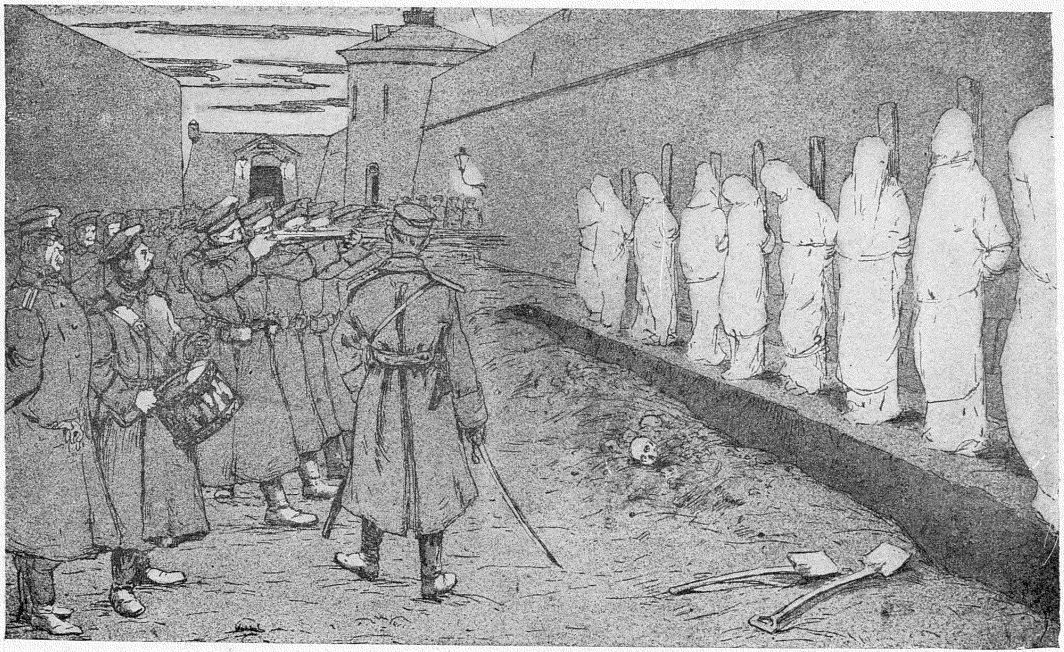
Когда вскорѣ послѣ Кишиневскаго погрома, подъ давленіемъ всеобщихъ требованій о назначеніи либеральнаго губернатора въ Кишиневѣ, былъ посланъ князь Урусовъ, пресловутый фонъ Плеве предупредилъ его обнаруживать поменьше сентиментальной дружбы къ евреямъ. Передъ отъѣздомъ, во время продолжительной бесѣды съ царемъ, князь Урусовъ не могъ добиться отъ него никакого мнѣнія по еврейскому вопросу, и въ виду явнаго неудовольствія царя, вынужденъ былъ прекратить разговоръ о послѣднемъ погромѣ. Извѣстно было, что Николай поручилъ Плеве «разрѣшать» щекотливый еврейскій вопросъ и что между ними не было никакихъ разногласій по этому предмету. «Тактикою всего высшаго чиновничества и всѣхъ, кому извѣстны желанія царя, было—говоритъ князь Урусовъ—либо молчать о погромахъ, либо въ духѣ антисемитической прессы оправдывать и поощрять ихъ, что, конечно, послѣ этого признано было обязательнымъ для всѣхъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ.»

Центральная Рабочая
Библиотека
Моск. Губ. Проф. Совет



Баронъ Таубе и фотографическіе снимки, посланные имъ своей невѣстѣ

(Снимки эти были представлены въ Гос. Думу депутатомъ Алексинскимъ)



Разстрѣлъ политическихъ заключенныхъ

Цен... Рабочая
Моск. Губ. ... Сов.

Взгляды высшаго чиновничества на еврейскій вопросъ и еврейскіе погромы черезъ низшихъ слугъ царевыхъ доходятъ до наименѣе привилегированныхъ классовъ населенія. «Мы пришли исполнить царскую волю: перебить жидовъ» — заявила толпа крестьянъ на вопросъ одного чиновника, зачѣмъ они явились въ Кишиневъ. Такое толкованіе «царской воли» находитъ, по мнѣнію кн. Урусова, оправданіе въ безчисленныхъ «законныхъ» и незаконныхъ преслѣдованіяхъ евреевъ администраціею и нападкахъ на евреевъ со стороны высшихъ особъ имперіи. Крестьяне, напримѣръ, могли прочесть слѣдующее въ Крушеванской газетѣ, которая разрѣшена цензурой и субсидировалась правительствомъ до и послѣ погрома.

«Долой жидовъ! Убивайте этихъ кровожадныхъ чудовищъ, пьющихъ русскую кровь!

«Дѣйствуйте такъ, чтобы они вспомнили одесскій погромъ, гдѣ солдаты сами помогали намъ. На этотъ разъ они, воодушевленные любовью ко Христу, намъ тоже помогутъ!

«Братья, помогите намъ своими крѣпкими руками!

«Бейте подлыхъ жидовъ! Насъ теперь много!

Подпись: Истинно Христіанская Рабочая Партія.»

Въ вознагражденіе за такую дѣятельность Крушеванъ былъ впослѣдствіи съ помощью администраціи избранъ въ Думу вмѣстѣ съ Бессарабскими фаворитами царя, Пуришкевичемъ и Крупенскимъ. Когда же губернаторъ Урусовъ пожаловался на крушеванскую газету начальнику главнаго управленія по дѣламъ печати, близко стоящему къ царю сенатору Звѣреву, то онъ получилъ отвѣтъ, что тенденціи и дѣятельность Крушевана имѣютъ «здравую основу». Не правы ли были послѣ этого крестьяне, что, грабя и убивая евреевъ, они творятъ волю царя?

Полуофиціальные погромы, которыми сопровождался царскій манифестъ о свободахъ, отнюдь не были самопроизвольнымъ взрывомъ реакціонныхъ чувствъ и страстей населенія. Они были продиктованы не однимъ лишь

чувствомъ мести со стороны реакціонеровъ, а явились также результатомъ строго обдуманнаго заговора съ цѣлью произвести контръ-революцію. Погромы оказались единственно возможнымъ для всѣхъ крайнихъ реакціонеровъ средствомъ разрѣшить нагрянувшій кризисъ. Болѣе того, погромы были задуманы гораздо раньше появленія манифеста. Вскорѣ послѣ кроваваго 9-го января 1905 г., задолго еще до манифеста, общественное мнѣніе въ Петербургѣ уже вынудило Николая II пойти на уступки, результатомъ чего и было его обѣщаніе дать народу законосовѣщательную Думу. Съ цѣлью противодѣйствія опаснымъ послѣдствіямъ этой уступки дѣлались приготовленія, чтобы создать для самодержавія новую опору въ народномъ контръ-революціонномъ возмущеніи, или поголовномъ избіеніи представителей интеллигенціи, евреевъ и организованныхъ рабочихъ при содѣйствіи полиціи, казаковъ и чернаго духовенства. Но, благодаря неожиданной для правительства всеобщей забастовкѣ и необходимости изданія пресловутаго манифеста, день, назначенный для всеобщаго избіенія, былъ отложенъ. По изданіи же манифеста тотчасъ-же данъ былъ сигналъ начать рѣзню.

На слѣдующій же день послѣ появленія манифеста, одновременно по всей Россіи началась поголовная рѣзня мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Повсюду кровавое дѣло исполнялось небольшими шайками изверговъ, организованныхъ и руководимыхъ полиціей, подъ защитой войска.

Князь Урусовъ, бывшій товарищемъ министра въ кабинетѣ графа Витте, раскрылъ потомъ передъ Думой и всѣмъ міромъ дѣйствительныхъ виновниковъ погромовъ. Погромы эти были задуманы и приведены въ исполненіе Треповымъ, Рачковскимъ и другими царскими любимцами. Князь Урусовъ привелъ неопровержимыя доказательства того, что всѣ погромы были по приказу свыше подготовлены и выполнены полиціей. Лопухинъ, бывшій одно время начальникомъ департамента полиціи, выступилъ съ открытымъ заявленіемъ, что «правительственные

чиновники систематически подготовляли еврейскіе погромы». Эти факты были доведены до свѣдѣнія и подтверждены другимъ чиновникомъ. Одно погромное воззваніе было письменно одобрено начальникомъ охраннаго отдѣленія Вуичемъ.

17-го октября, въ самый день обнародованія манифеста, начальникъ Севастопольскаго порта получилъ телеграмму за подписью Трепова, въ которой послѣдній предписываетъ этому начальнику не опубликовывать манифеста раньше, пока онъ не получитъ денегъ на устройство «патріотической демонстраціи». Черезъ нѣсколько дней онъ получилъ для этой цѣли шестьдесятъ тысячъ рублей съ совѣтомъ на время демонстраціи отпустить полицію домой. Подобныя же телеграммы были разосланы по всей Россіи. Разоблаченіе этихъ фактовъ въ Думѣ ровно ни къ чему не повело. Треповъ остался на своемъ посту, пока смерть не убрала его. Остальные виновники погромовъ также продолжаютъ пользоваться расположеніемъ царя. Мѣстная администрація, проявившая активную погромную дѣятельность, получила повышеніе и награды отъ самого царя. Прямымъ убійцамъ царь систематически даруетъ помилованіе, въ то время, какъ многіе ни въ чемъ неповинные люди продолжаютъ томиться въ тюрьмахъ.

Во время открытія Третьей Думы страна была настолько спокойна, что суды имѣли возможность приступить къ разбору дѣлъ о погромахъ и революціонныхъ волненіяхъ. Интересно сравнить огульные обвинительные приговоры противъ революціонеровъ съ отношеніемъ къ погромнымъ убійцамъ. Вотъ типичный примѣръ: 7-го Декабря 1907 г. въ русскихъ газетахъ появились одновременно двѣ офиціальныхъ телеграммы—одна о судѣ и приговорѣ надъ шестьюдесятью двумя матросами, которые за нѣсколько недѣль до того взбунтовались во Владивостокѣ, а другая о пятидесяти четырехъ громилахъ, которые убивали людей во время погрома въ Могилевѣ въ октябрѣ 1905 г.

Двадцать четыре изъ этихъ погромщиковъ были совершенно оправданы, двадцать четыре были приговорены къ краткосрочному аресту, пятеро не свыше 18-ти мѣсяцевъ тюремнаго заключенія и одинъ къ каторжнымъ работамъ срокомъ на четыре года. Что же касается матросовъ, то двадцать изъ нихъ были приговорены къ разстрѣлу, двадцать къ долголѣтней каторгѣ и шестьнадцать къ тюремному заключенію. Русское правительство проводитъ рѣзкую грань между возстаніемъ во имя высокаго идеала и трусливымъ избіеніемъ безоружныхъ людей безъ разбора пола и возраста, во имя расовой ненависти.

Главные виновники погромовъ, какъ я уже указалъ, остались безнаказанными. Начальникъ жандармскаго отдѣленія маіоръ Будаговскій, какъ было доказано въ Первой Думѣ, чтобы выслужиться предъ Петербургскимъ начальствомъ, доводитъ до ихъ свѣдѣнія, что онъ авторъ и распространитель прокламаціи, взывающей ко всѣмъ «истинно-русскимъ людямъ, которые стоятъ за царя, вѣру и отечество», по первому сигналу собраться въ указанномъ мѣстѣ, «вооружившись ружьями, косами и вилами», и ринуться «со святыми иконами и портретомъ царя-батюшки» на общаго врага. Увѣренный въ одобреніи начальства, маіоръ въ своемъ докладѣ поясняетъ, что онъ сдѣлалъ «все, что въ его силахъ, чтобы дать этой прокламаціи самое широкое распространеніе, такъ какъ она могла оказать благотворное вліяніе на крестьянъ.» Столыпинъ въ своемъ объясненіи передъ Думой заявилъ, что маіоръ былъ вызванъ для объясненія въ Петербургъ, но такъ какъ погромъ не состоялся, то онъ не видитъ возможности привлеченія маіора къ отвѣтственности. «Что же касается полученія имъ награды—прибавилъ царскій глашатый, то она дана была ему за водвореніе порядка.»

Двадцать шесть губернаторовъ, назначенныхъ самимъ царемъ, были замѣшаны въ погромной агитаціи. Изъ нихъ ни одинъ не былъ наказанъ, тѣ же два или три

губернатора, которые были смѣщены изъ опасенія, чтобы они не пали жертвами мести, получили награды и отличія въ другомъ мѣстѣ. Минскій губернаторъ, напримѣръ, былъ назначенъ совѣтникомъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ съ большимъ окладомъ жалованія. Какъ разъ наоборотъ, тѣ, которые не проявили особенной ревности въ погромной дѣятельности, были, по указу царя, немедленно смѣщены; какъ, напримѣръ, было съ командиромъ Севастопольскаго порта адмираломъ Спитцкимъ, который съорганизовалъ милицію для защиты беззащитнаго населенія; или съ самарскимъ губернаторомъ, который былъ также смѣщенъ за то, что не позволилъ вицегубернатору привести въ исполненіе задуманный погромъ. Уфимскій губернаторъ былъ смѣщенъ за то, что пожаловался премьеру на готовившійся въ его городѣ погромъ. Губернаторъ Терской области, когда ему было однимъ «высокопоставленнымъ» лицомъ предложено устроить погромъ, предпочелъ быть уволеннымъ. Такіе случаи вынужденной отставки продолжаются безпрерывно.

До того, какъ весь Виттевскій кабинетъ былъ смѣщенъ, министръ Кутлеръ и Толстой потеряли всю надежду на царя и покинули свои посты. Многіе другіе, уважающіе себя люди, въ томъ числѣ и глава партіи 17-го октября Гучковъ, отказались и отказываются отъ чести быть министрами. Эти консервативные и наиболѣе вліятельные люди отказываются отъ предлагаемыхъ имъ портфелей—какъ мнѣ нѣкоторые изъ нихъ лично объяснили—исключительно потому, что они слишкомъ хорошо знаютъ, что такое представляетъ собою царизмъ и самъ царь. Постъ министра слишкомъ унизителенъ для честнаго и уважающаго себя человѣка.

Отъ министра, правда, не требуется, чтобы онъ состоялъ членомъ «патріотическаго» союза, какъ это на самомъ дѣлѣ бываетъ. Онъ даже можетъ быть въ враждебномъ отношеніи съ союзомъ, но онъ долженъ быть толерантенъ по отношенію къ послѣднему. Часто бываетъ,

что правая рука не вѣдаетъ того, что творитъ лѣвая. Графъ Витте разыгрывалъ роль либерала. Министръ же его кабинета Дурново былъ такимъ реакціонеромъ, какихъ страна не знала со времени Плеве. Одинъ министръ мнѣ сообщилъ, что Витте и Дурново во время кабинетскихъ засѣданій ни разу не сходились во взглядахъ. «Но— увѣрялъ онъ меня—изъ десяти случаевъ Витте одерживалъ верхъ всего въ трехъ.» Въ остальныхъ семи случаяхъ Дурново приказывалъ арестовывать рабочихъ за принадлежность къ профессіональному союзу, посылалъ карательные отряды по всей странѣ, чтобы отомстить крестьянамъ за уничтоженіе помѣщичьяго имущества и ежедневно ссылалъ сотни людей въ Сибирь и рудники по одному лишь полицейскому подозрѣнію. Лопухинъ доказалъ, что Витте прекрасно зналъ о приготовленіяхъ къ погромамъ, но не принялъ никакихъ мѣръ для ихъ предупрежденія и не вышелъ, какъ честный человѣкъ долженъ былъ бы это сдѣлать, въ отставку. Въ моемъ и еще одного лица присутствіи графъ Витте даже утверждалъ, что не правительство, но весь народъ возмущенъ противъ евреевъ.

Братъ Столыпина, состоящій соредакторомъ «Новаго Времени», хотя и находитъ недопустимымъ постоянное сотрудничество правительства съ убійцами, все таки признается, что въ моментъ кризиса «не остается другого выбора, какъ аппелировать къ союзу истинно русскихъ людей.» Вотъ почему, съ самаго начала господства Столыпинскаго министерства, Центральное Правительство часто прибѣгало къ помощи Союза, не говоря уже о существующихъ интимныхъ отношеніяхъ между мѣстной администраціей и мѣстными лидерами союза. Этимъ объясняется то, что во время выборовъ во Вторую и Третью Думу, выборовъ, происходившихъ подъ Столыпинскимъ режимомъ, администрація всюду дѣятельно помогала Союзу провести своихъ кандидатовъ. Мѣстные отдѣлы Союза часто субсидировались правительствомъ. Послѣднее старалось передъ выборами содѣйствовать объединенію Союза

съ другими реакціонными и консервативными партіями и организаціями; съ другой-же стороны, популярные выборщики изъ оппозиціонныхъ партій часто ни за что ни про что арестовывались или же вычеркивались изъ избирательнаго списка.

Послѣ погромовъ, послѣдовавшихъ за манифестомъ, наступила краткая пауза. Тому были двѣ причины. Первая, это—необходимость внѣшняго займа. Слишкомъ частые погромы сильно затруднили бы для русскаго правительства переговоры о займѣ, и, можетъ быть, оказалось бы совершенно невозможнымъ сдѣлать тотъ заемъ въ билліонъ рублей, который оно потомъ съ помощью Франціи и другихъ странъ успѣло получить. Еще большее усердіе администраціи сдѣлало бы выборы въ Первую Думу совершенно невозможными, или еще болѣе оппозиціонными, и такимъ образомъ разстроило бы планы правительства—поднять съ помощью Думы свой кредитъ заграницей, а также поднять свой сильно пострадавшій престижъ. Несмотря однако на эти вѣскія соображенія, графу Витте лишь съ большимъ трудомъ удалось убѣдить слишкомъ ревностныхъ царскихъ слугъ и друзей, какъ среди бюрократіи, такъ и среди придворныхъ, воздержаться на время отъ погромныхъ вожделѣній. Подготовка къ новымъ погромамъ—какъ указалъ потомъ князь Урусовъ въ Г. Думѣ—однако не прерывалась. Терпѣніе «патріотовъ» однако скоро лопнуло, и міръ былъ угощенъ грандіознымъ бѣлостокскимъ погромомъ. Въ продолженіе трехдневной рѣзни было убито около ста человѣкъ и гораздо большее число ранено.

Бѣлостокскій погромъ, какъ всѣ погромы, былъ возвѣщенъ за нѣсколько дней до того, какъ онъ разыгрался. Всѣ попытки мѣстныхъ уважаемыхъ и вліятельныхъ гражданъ убѣдить мѣстную администрацію предотвратить погромъ ни къ чему не повели. Губернаторъ Кистеръ, къ которому обратились, чтобы онъ принялъ мѣры предупрежденія, отказался что-либо сдѣлать, и

даже послѣ его краткаго визита въ Бѣлостокъ, во время самого погрома, рѣзня не прекратилась. Онъ, очевидно, зналъ, что ему не позволятъ вмѣшаться. Полицмейстръ Радецкій, который противился погрому, долженъ былъ оставить мѣсто въ то самое утро, когда начался погромъ, и былъ тутъ же замѣщенъ болѣе «вѣрнымъ» человѣкомъ.

Незадолго до погрома одинъ изъ полковниковъ бѣлостокскаго гарнизона обратился къ солдатамъ съ слѣдующей рѣчью: «Вы защитники царя и отечества. Жиды замышляютъ убить васъ. Я объявляю, что начальство даетъ вамъ право дѣлать все, что вашей душѣ угодно въ день 21-го сего мѣсяца.»

Полковникъ зналъ свое правительство и своего царя. Онъ зналъ, что его хорошо вознаградятъ за совершенное имъ кровавое дѣло и что его ждетъ блестящая будущность. И какъ мы увидимъ ниже, онъ не ошибся въ своемъ разсчетѣ.

Бѣлостокскій погромъ былъ всесторонне разслѣдованъ и вскрытъ засѣдавшей въ то время Г. Думой. Дума заклеймила правительственный отчетъ о погромѣ, назвавъ этотъ отчетъ наглой ложью.

Посланными Думой разслѣдователями было установлено, что войско охраняло погромщиковъ. Въ то время, какъ полиція и хулиганы убивали, калѣчили и грабили, войско пускало залпъ за залпомъ, «чтобы не подпускать евреевъ». Дума пришла къ заключенію, что погромъ былъ устроенъ съ вѣдома и разрѣшенія администраціи, что вопреки правительственному заявленію въ Бѣлостокѣ между христіянами и евреями не было ни расовой, ни религіозной, ни экономической вражды, что вражда и ненависть проявлялись лишь со стороны полиціи; что полиція прекрасно знала о всѣхъ приготовленіяхъ къ погрому и что полицейскіе чины сами участвовали въ грабежѣ и разбоѣ; что войско безъ малѣйшаго повода убивало наповалъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

Но царь зналъ, какъ выразить свое удовольствіе погромомъ и свое довольство правительственнымъ отчетомъ. «Отличившемуся» войску—какъ это видно изъ офиціальнаго органа военнаго вѣдомства за 9-ое іюля 1906 г.—была немедленно послана Его Величествомъ особая и публичная благодарность. Городской голова былъ смѣщенъ за то, что пытался опровергнуть правительственное сообщеніе. Католическій епископъ Роппъ, повѣдавшій о собраній, на которомъ обсуждался вопросъ о подготовкѣ погрома, до сихъ еще поръ преслѣдуется царской местью. Недавно онъ, вопреки протесту Ватикана, былъ, по какому то совершенно мелочному поводу, смѣщенъ съ своего поста.

Наказанія, которыя Бѣлостокскіе погромщики получили за свои кровавые подвиги въ высшей степени поучительны.

Одинъ изъ погромщиковъ получилъ сравнительно строгое наказаніе—восемь лѣтъ каторги, что, конечно, можетъ быть еще сокращено царемъ; другой былъ приговоренъ къ восьми мѣсячному заключенію. Наказанія остальныхъ были лишь для вида. Шестеро оправданы, трое приговорены въ дисциплинарный баталліонъ на 3 мѣсяца. Двое же изъ главныхъ руководителей погрома, Попко и Передо, виновность которыхъ хотя и была установлена слѣдственной властью, избѣгли суда по той простой причинѣ, что ихъ даже не потрудились арестовать, чему реакціонная пресса открыто радовалась.

Поднятымъ въ Думѣ по поводу Бѣлостокскаго погрома шумомъ, реакція и погромщики были нѣсколько припуганы. Но скоро черносотенная машина заработала опять во всю. Было совершенно естественно, что первыми начали дѣйствіе войска, переведенныя только что изъ Бѣлостока въ Сѣдлецъ. Ужасный погромъ послѣдовалъ скоро за этимъ переводомъ. На этотъ разъ погромъ былъ всецѣло задуманъ и проведенъ въ исполненіе войсками, о чемъ явно свидѣтельствуютъ два офиціальныхъ раппорта.

Въ одномъ изъ этихъ раппортовъ указывается, что командиръ гарнизона полковникъ Тихановскій за нѣсколько дней до погрома созвалъ совѣщаніе, предъ которымъ онъ развернулъ свои кровавые замыслы и планы. На протесты со стороны одного или двухъ своихъ подчиненныхъ, онъ заявилъ, что онъ беретъ всю отвѣтственность на себя. Это означало, что онъ былъ увѣренъ въ одобреніи свыше. Обращеніе къ губернатору ни къ чему не повело, и погромъ былъ сознательно приведенъ въ исполненіе. Во время поголовной рѣзни, производившейся пьяными солдатами въ домахъ и на улицѣ, полковникъ Тихановскій собралъ солдатскій хоръ «для того, чтобы подбодрить солдатъ», и «среди лязга оружія, свиста выстрѣловъ, среди кровопролитія, грабежа и пожара раздавалось солдатское пѣніе». Полковникъ заявилъ, что «въ случаѣ онъ будетъ убитъ, то онъ надѣется, что солдаты почтутъ должнымъ образомъ его память и по уши выкупаются въ крови». И хотя убитыхъ и раненныхъ оказалось нѣсколько сотъ человѣкъ въ то время, какъ на сторонѣ войска оказался лишь одинъ убитый, полковникъ былъ недоволенъ и жаловался, что слишкомъ мало убитыхъ. Вотъ какъ полковникъ Тихановскій, которому дано было его начальствомъ неограниченное полномочіе, истолковалъ личную царскую благодарность за его вѣрную службу въ Бѣлостокѣ.

Но Столыпинъ былъ главою министерства. Какъ унизительно ни было его положеніе, вмѣстѣ съ положеніемъ другихъ министровъ при дворѣ, какъ безпомощенъ онъ ни былъ противъ царя, онъ вмѣстѣ съ военнымъ министромъ сознавалъ, всетаки, что такого рода компанія противъ «внутренняго врага» была опасна и дѣйствовала демонализующимъ образомъ на самую армію. Уже въ Сѣдлецѣ оказалось среди офицеровъ значительное меньшинство противъ участія войска въ погромахъ. Одинъ полкъ совершенно отказался принять участіе въ погромномъ дѣлѣ. Еще немного и могъ бы разыграться бунтъ, и

военные погромы окончились бы революціоннымъ движеніемъ.

Сѣдлецъ далъ послѣдній военный погромъ. Вмѣсто, оказавшихся опасными и поэтому скоро прекращенныхъ военныхъ погромовъ, наступила эра партизанскихъ выступленій «истинно русскихъ людей». Началось вооруженіе подонковъ общества и безпрерывное избіеніе и убійства, съ вѣдома и при содѣйствіи полиціи, всѣхъ «неблагонадежныхъ».

Новая система, которая съ успѣхомъ примѣнялась одновременно въ ста различныхъ мѣстахъ, такъ явно и недвусмысленно одобрена была царемъ, что будь онъ привлеченъ къ безпристрастному присяжному суду, то несомнѣнно былъ бы осужденъ, какъ соучастникъ во всѣхъ возмутительныхъ преступленіяхъ черносотеннаго союза.

ГЛАВА IV.

Черносотенный терроръ.

Эта новая система, система черносотеннаго террора, сдѣлалась за послѣднее время господствующей и обѣщаетъ остаться для правительства непремѣннымъ орудіемъ борьбы его противъ революціи. Въ Вологдѣ, напримѣръ, одинъ всѣми уважаемый гражданинъ обратился къ губернатору съ просьбой обуздать черносотенцевъ, повседневно занимавшихся избіеніемъ мирныхъ жителей. Въ отвѣтъ на его просьбу онъ былъ посаженъ на мѣсяцъ подъ арестъ. Есть, конечно, партія, которая больше предпочитаетъ широкое примѣненіе военно-полевыхъ судовъ нежели черносотенный судъ и расправу, и реакціонныя фракціи въ Думѣ внесли поэтому поводу соотвѣтствующее предложеніе. Но полевые суды и военное положеніе означало бы совершенное устраненіе гражданскаго правленія, означало бы осадное положеніе по всей странѣ, что нежелательно даже и для русскаго правительства. Поэтому оно предпочитаетъ черносотенный терроръ, полу-офиціальное умерщвленіе своихъ враговъ на улицѣ. Первымъ требованіемъ умѣренно-либеральныхъ депутатовъ въ Думѣ было снятіе военнаго положенія, такъ какъ послѣднее поражаетъ не одного «внутренняго врага», а и все общество. Такимъ образомъ для бѣднаго царизма, борящагося за существованіе, нѣтъ другой альтернативы. Арміей рисковано пользоваться для названной цѣли, такъ какъ это ведетъ къ дезорганизаціи и возмущенію въ ея собственныхъ рядахъ. Арміею нельзя править страной, такъ какъ отъ ея произвола одинаково страдаютъ и правые

и виноватые. Внутренній врагъ долженъ быть поэтому отданъ на произволъ полиціи и тѣхъ добровольцевъ, которыхъ она можетъ навербовать изъ среды самыхъ низшихъ подонковъ общества. Въ теченіи перваго года организацій контръ-революціоннаго движенія и до того еще, какъ черносотенный терроръ вошелъ въ систему и сталъ повсюду широко примѣняться, полиціей съ помощью подонковъ было уже устроено болѣе чѣмъ шесть сотъ «патріотическихъ» демонстрацій, уничтожено имущества на 50.000.000 руб., убито болѣе тысячи человѣкъ; серьезно ранено и искалѣчено нѣсколько тысячъ человѣкъ, около тридцати-семи тысячъ однихъ еврейскихъ семействъ пострадало отъ этой контръ-революціи. Къ сожалѣнію нѣтъ опредѣленныхъ данныхъ, которые съ точностью указали бы въ какой именно мѣрѣ было участіе во всемъ этомъ правительственныхъ агентовъ и организованныхъ черносотенныхъ бандъ. Не подлежитъ, однако, никакому сомнѣнію, что огромная если ненаибольшая часть убійствъ и прочихъ насилій была совершена руками правительственныхъ агентовъ, полиціи, солдатъ, сыщиковъ и переодѣтыхъ жандармовъ. Погромы были всѣ такъ похожи другъ на друга, что болѣе чѣмъ очевидно, что всѣ даже малѣйшія детали были изучены и разработаны какимъ то центральнымъ органомъ.

Новая фаза развитія этой «системы», проявляющаяся и практикующаяся въ Одессѣ, опирается на царскомъ поощреніи въ трехъ видахъ: его прямая связь съ организаціей, занимающейся погромнымъ дѣломъ; милости, которыя онъ лично оказываетъ главарямъ этой организаціи, и помилованія, которыя онъ свободно и щедро даруетъ активнымъ погромщикамъ, по «недоразумѣнію» оказавшихся осужденными какимъ нибудь недостаточно догадливымъ или угодливымъ судомъ. Погромщики не нуждаются въ активной поддержкѣ Столыпина, такъ какъ для нихъ совершенно достаточна поддержка самого царя. Болѣе того, народная Дума была уничтожена, а въ «господ-

ской Думѣ» изъ четырехъ сотъ депутатовъ цѣлая сотня состоитъ активными членами погромныхъ организацій. Большинство-же остальныхъ депутатовъ состоитъ изъ ультра-консервативныхъ чиновниковъ, дворянъ и привилегированныхъ лицъ, находящихся въ точно такомъ же положеніи какъ Столыпинъ, т. е. не имѣющихъ ни воли, ни силы противиться царю.

Одесскія событія во многомъ напоминаютъ событія, происходившія во время междо-усобной и религіозной войны во Франціи три столѣтія тому назадъ, и завершившіяся, какъ извѣстно, Варфоломеевской ночью. Одесса—это твердыня черносотенства, и естественно, что Столыпину, который въ Союзѣ видитъ серьезнаго себѣ конкурента въ вліяній на царя, не особенно это нравится. Такъ сильна взаимная зависть, что Коновницынъ—предсѣдатель одесскаго отдѣла «союза истинно-русскихъ людей» — поднялъ процессъ противъ Столыпина за его «преступное не примѣненіе анти-еврейскихъ законовъ». Столыпинъ, конечно, не остался въ долгу и доложилъ царю о подвигахъ одесскихъ черносотенцевъ. Сдѣлалъ онъ это, конечно, не изъ состраданія къ кому либо, такъ какъ извѣстно, что въ бытность свою губернаторомъ въ Саратовѣ онъ не задумался предать села и деревни огню и мечу и разрѣшилъ казакамъ такіе эксцессы, какіе даже и не снились черносотенцамъ. Но попытка Столыпина была напрасна, ему не удалось пошатнуть царское довѣріе къ черносотенцамъ, которые такъ милы его сердцу. Царь не позволилъ министру препятствовать чѣмъ либо дѣятельности какъ самого Каульбарса, такъ и одесскаго отдѣла Союза.

Даже среди чиновничества оказалось нѣсколько порядочныхъ людей, которые рѣшились протестовать,—но ихъ голоса потонули въ реакціонномъ хорѣ царскихъ фаворитовъ. Херсонскій губернаторъ Малѣевъ взывалъ напрасно: «Мы не можемъ—восклицалъ онъ—закрывать глаза на то, что дѣлается вокругъ насъ. Изъ всѣхъ народностей евреи самая угнетаемая и притѣсненная. Не

ихъ мы должны бояться, а себя. Можно только удивляться выносливости и терпѣливости этихъ людей. Мы обязаны быть справедливыми къ нимъ, обязаны дать имъ право жить и дышать». Ген. Григорьевъ, бывшій одесскій градоначальникъ, напрасно тоже старался противодѣйствовать погромной дѣятельности Союза. Онъ, наконецъ, рѣшилъ поѣхать съ докладомъ къ Столыпину. Григорьевъ указалъ послѣднему, что ничего не можетъ сдѣлать противъ Каульбарса, что или онъ, или Каульбарсъ долженъ уйти. «Подайте тогда въ отставку» отвѣтилъ Столыпинъ, знавшій царскую волю. Григорьевъ подалъ въ отставку. Я прибылъ въ Одессу какъ разъ съ тѣмъ же поѣздомъ, съ какимъ прибылъ, новоназначенный градоначальникъ, ген. Новицкій и послѣдній имѣлъ отъ Столыпина секретныя указанія, главнымъ образомъ, относительно Союза. Жители радовались прибытію новаго градоначальника. Улицы были переполнены народомъ, возлагавшимъ большія надежды на ген. Новицкаго. Черносотенныя избіенія однако не прекращались, и Новицкій скоро понялъ, что онъ безсиленъ противъ Союза. Ему даже не удалось обуздать черносотенную прессу, на страницахъ которой печатались призывы къ избіеніямъ и погромамъ. Начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати обратился даже съ просьбой къ Новицкому принять мѣры противъ офиціальнаго органа мѣстныхъ черносотенцевъ, и Новицкій издалъ указъ о закрытіи этого органа, но Коновницынъ, увѣренный въ поддержкѣ Каульбарса, отказался признать этотъ указъ.

Всѣ видные одесскіе погромщики находятся подъ непосредственной защитой губернатора. Напримѣръ, секретарь Союза, нѣкій Каховъ, былъ арестованъ за разспространеніе прокламаціи, призывавшей къ избіенію евреевъ. Братъ арестованнаго явился въ полицейское управленіе, началъ ругать полицію самыми послѣдними словами и затѣмъ по телефону пожаловался губернатору. Послѣ личнаго совѣщанія съ послѣднимъ, Каховъ былъ немедленно

освобожденъ. Уставши отъ своихъ «тяжелыхъ обязанностей» губернаторъ этотъ вскорѣ оставилъ свой постъ и позже былъ убитъ. Даже въ реакціонныхъ кругахъ убитый считался жестокимъ звѣремъ. Но въ его преемникѣ, баронѣ Каульбарсѣ, царь нашелъ еще болѣе подходящаго для себя человѣка.

Одно вліятельное лицо получило отъ Союза нѣсколько угрожающихъ писемъ. Онъ отправился съ жалобой къ Каульбарсу. Послѣдній немедленно снесся по телефону съ однимъ изъ «атамановъ» Союза и въ фамильярномъ товарищескомъ тонѣ распорядился не трогать этого господина. Положеніе Каульбарса и ему подобныхъ остается при дворѣ такимъ же прочнымъ, какъ положеніе великихъ князей.

Создавшееся въ Одессѣ положеніе уличаетъ правительство болѣе, чѣмъ всѣ остальные творимые имъ ужасы. Послѣ іюньскаго погрома офиціальный органъ Союза «За Царя и Отечество» совершенно открыто на своихъ столбцахъ заявилъ, что Союзъ будетъ и впредь продолжать дѣйствовать въ томъ же духѣ. И дѣйствительно, погромы повторялись почти ежедневно. Къ августу погромщики были настолько полными господами города, что даже чиновники подвергались со стороны ихъ оскорбленіямъ. Преподаватель одной военной школы, одѣтый въ военную форму, будучи очевидцемъ того, какъ среди бѣлаго дня на центральной улицѣ города черносотенцы избивали еврея, вздумалъ обратить на это вниманіе полицейскаго. Замѣтивъ это, черносотенцы милостью царской начали, тутъ же на глазахъ полицейскаго, жестоко избивать самого преподавателя. Послѣдній, съ окровавленнымъ лицомъ, пустился бѣжать и попытался скрыться въ одномъ изъ ближайшихъ первоклассныхъ отелей, неподалеку отъ генералъ-губернаторскаго дворца. Отель былъ переполненъ высокопоставленными лицами. Тѣмъ не менѣе, союзники окружили его и грозили бомбардировать, если имъ не будетъ выдана ихъ жертва. Два офицера пытались было

успокоить хулигановъ, но напрасно. Послѣдніе не унимались. Наконецъ, преподаватель былъ спасенъ случайнымъ появленіемъ товарища прокурора.

Во время одного изъ погромовъ Союзъ выпустилъ воззваніе, въ которомъ съ угрожающимъ злорадствомъ рекомендовалось евреямъ, желающимъ сохранить свою жизнь и имущество: «собраться со всѣми своими мэламедами и раввинами въ синагогѣ и публично проклясть всѣхъ революціонеровъ и образованныхъ жидовъ; обязаться не требовать равноправія и организовать союзъ евреевъ для защиты неограниченнаго самодержавія царя.»

«Такъ какъ революціонеры неуловимы—сказалъ какъ-то графъ Мусинъ-Пушкинъ—мы поэтому должны ударять по обществу.» Для того, чтобы именно ударять по обществу, «Союзъ Истинно-Русскихъ» въ Одессѣ имѣетъ боевую организацію, состоящую изъ трехъ сотъ вооруженныхъ самимъ Каульбарсомъ людей и имѣющую свою главную квартиру въ одномъ изъ правительственныхъ зданій. Помимо этой организаціи, имѣется еще студенческая дружина въ восемьдесятъ человѣкъ. Всѣмъ имъ, какъ и всѣмъ членамъ Союза, открыто разрѣшено носить оружіе. Подавляющее большинство членовъ «боевой организаціи», какъ и всего Союза, состоитъ изъ молодыхъ хулигановъ и карманныхъ воришекъ. Каждый изъ нихъ получаетъ на содержаніе отъ тридцати до сорока рублей въ мѣсяцъ, что составляетъ приличное вознагражденіе въ голодающей странѣ. Одна изъ ихъ обязанностей состоитъ въ томъ, чтобы мстить «обществу» за каждаго убитаго анархистами или революціонерами правительственнаго агента. Недавно Коновницинымъ было разослано всѣмъ отдѣламъ Союза секретное оповѣщеніе съ указаніемъ значенія таинственныхъ знаковъ, появлявшихся время отъ времени на первой страницѣ офиціальнаго органа Союза. Оповѣщеніе было снабжено слѣдующей шкалой: за каждаго убитаго полицейскаго—убивать двухъ евреевъ, за каждаго околодочнаго—четырехъ, за каждаго пристава—вось-

мерыхъ, за полицмейстера еще больше и, наконецъ, за убійство самого Коновницына или Каульбарса—поголовная рѣзня. Союзники не особенно строго придерживаются этой шкалы и, разумѣется, не въ ущербъ послѣдней.

Члены разбойничьей боевой организаціи носятъ обыкновенно желтыя блузы. Организація раздѣлена на три главныхъ отряда. Во главѣ каждаго такого отряда стоитъ «атаманъ». Вотъ къ такому именно «атаману» телефонировалъ въ выше приведенномъ случаѣ Каульбарсъ. Одинъ изъ этихъ атамановъ, по фамилія Косолаповъ, былъ въ особенномъ фаворѣ у властей. Ему все прощалось. Ему даже простили совершенное имъ звѣрское убійство пятилѣтняго ребенка. При каждомъ арестѣ его, онъ по распоряженію Каульбарса немедленно освобождался. Такъ наз. атаманы продаютъ, между прочимъ, за большія суммы, что-то вродѣ «индульгенцій». Собственникъ такой индульгенціи застрахованъ отъ насилія желторубашечниковъ, какъ только онъ покажетъ ее. Индульгенція эта представляетъ собою небольшую карточку, на которой большими буквами напечатано лаконическое: «Не смѣть трогать! Атаманъ Ярмакъ» (или другой).

Одинъ мой пріятель, американецъ, будучи въ Одессѣ, былъ разъ очевидцемъ, какъ хулиганъ днемъ избивалъ одного господина на улицѣ. Окровавленная жертва громко взывала о помощи. Сбѣжавшаяся на его крикъ толпа погналась за хулиганомъ. Мой пріятель послѣдовалъ за толпой. Показался полицейскій. Къ нему немедленно обратились съ требованіемъ задержать хулигана. Полицейскій, вмѣсто того, чтобы исполнить предъявленное ему законное требованіе, погрозилъ толпѣ вызовомъ казаковъ, такъ какъ де онъ считаетъ ее «незаконнымъ сборищемъ». Другой полицейскій, къ которому обратились съ такимъ же требованіемъ, отвѣтилъ, что онъ не можетъ арестовать его, такъ какъ «онъ нашъ . . .» Пока шли переговоры съ полицейскими, хулиганъ успѣлъ скрыться.

Слѣдующія, разыгравшіяся въ той-же Одессѣ, событія даютъ еще болѣе полную картину практикующейся правительствомъ системы черносотеннаго террора.

Когда похоронная процессія съ убитымъ за что то и кѣмъ то полицейскимъ поравнялась съ еврейской больницей, то вдругъ раздался откуда то выстрѣлъ. Погромы въ большинствѣ случаевъ всегда начинались провокаторскимъ выстрѣломъ возлѣ какого нибудь еврейскаго дома, какъ это съ несомнѣнностью было доказано въ бѣлостокскомъ погромѣ. За провокаторскимъ выстрѣломъ немедленно послѣдовала пальба. Нѣсколько выстрѣловъ попало въ катафалку, но ни одинъ союзникъ не пострадалъ! Всѣхъ охватила невообразимая паника; улицы опустѣли, всѣ лавки немедленно закрывались. Группа желторубашечниковъ ворвалась съ револьверами въ рукахъ въ больницу. Явившаяся на этотъ разъ полиція и казаки разогнали, однако, толпу, никого при этомъ не арестовавъ. Желторубашечники отступая продолжали отстрѣливаться и успѣли убить четырнадцатилѣтнюю дѣвушку и ранить семидесятилѣтняго старика. Подобнаго рода «выступленія» черносотенцевъ сдѣлались въ Одессѣ повседневнымъ явленіемъ. На другой день послѣ только что описаннаго случая былъ опять провокаторскій выстрѣлъ и затѣмъ пальба, во время которой былъ убитъ старикъ и восьмилѣтняя дѣвушка. Въ часъ же дня началось поголовное избіеніе: пріостанавливались извозчики и конки, пассажири подвергались избіеніямъ и всякаго рода насиліямъ. Во второмъ часу дня показалась опять похоронная процессія, на этотъ разъ во главѣ съ ген. Новицкимъ и сопровождаемая казаками и большимъ отрядомъ конной полиціи. Когда процессія подходила къ той же еврейской больницѣ, раздался опять провокаторскій выстрѣлъ. Еврейскій мальчикъ оказался тяжело раненнымъ. Послѣ похоронъ, толпа «желторубашечниковъ» начала опять избіенія и стрѣльбу и прежде, чѣмъ успѣла явиться полиція, одна молодая дѣвушка

и одинъ еврей пали уже жертвами. За этотъ карнавалъ преступленій арестовали цѣлыхъ десять членовъ Союза. Всѣ они были приговорены къ двухмѣсячному аресту при полиціи.

Правительственное сообщеніе объ одесскихъ событіяхъ ни словомъ не обмолвилось о Союзѣ и старалось свалить всю вину на евреевъ. Какъ всѣ подобнаго рода правительственныя сообщенія, оно начиналось съ повѣствованія о безпричинномъ убійствѣ полицейскаго, за каковое убійство возмущенное христіанское населеніе и начало громить евреевъ. Несмотря на то, что, согласно самому сообщенію, нападеніе на полицейскаго было совершено въ темнотѣ и что нападавшіе успѣли скрыться, полицейское сообщеніе говоритъ о нихъ какъ о евреяхъ.

«1-го Сентября—повѣствуется въ этомъ правительственномъ сообщеніи—агентъ сыскной полиціи Вѣрныхъ, вечеромъ около 8-ми часовъ, проходя по портофранковской улицѣ, замѣтилъ какъ къ нему подкрадывались два еврея... Одинъ, вынувъ револьверъ, выстрѣлилъ въ Вѣрныхъ, ранивъ его въ лѣвый бокъ. Послѣ этого они скрылись... На слѣдующій день, два или три еврея, пробѣгая по улицѣ, дали нѣсколько залповъ и потомъ скрылись въ толпѣ... Когда тѣло убитаго проносили мимо еврейской больницы, то группа евреевъ открыла огонь по полицейскому отряду.» Это сообщеніе, какъ и всѣ полицейскія сообщенія, было ни больше ни меньше какъ чистѣйшая фабрикація, съ цѣлью оправдать и поощрить еврейскіе погромы.

Полиціи удалось въ нѣсколько дней вызвать погромъ. Въ этомъ погромѣ повторилось тоже самое представленіе даже съ той же самой похоронной процессіей, съ прибавленіемъ лишь еще нѣсколькихъ сотъ разграбленныхъ и разрушенныхъ лавокъ. Такъ какъ «желторубашечники» убивали, а евреи были объектами убіенія, то понятно, что правительственное сообщеніе совершенно умалчиваетъ о послѣднихъ. Сообщеніе говоритъ, что нѣсколько «субъ-

ектовъ» вломились въ чайную и ранили двухъ «лицъ», что одинъ «человѣкъ» былъ раненъ на улицѣ, что «толпа» разбивала окна, что нѣкій «Щербаковъ» получилъ рану. Ни для кого изъ тѣхъ, кто лишь мало мальски знакомъ съ русскими дѣлами, однако, не тайна, что «субъекты» и «толпа»—это союзники, а «лица», «человѣкъ» и Щербаковъ —это несчастные евреи.

Въ офиціальномъ сообщеніи о погромѣ, разыгравшемся недѣлю спустя, полиція опять пыталась представить дѣло такъ, что виною всему были сами евреи. Изъ всего выше сказаннаго не слѣдуетъ, однако, заключать, что евреи служатъ единственными объектами нападенія «желторубашечниковъ» и полиціи. Одинъ кузнецъ, христіанинъ, пожелавшій узнать у банды «желторубашечниковъ», избивавшихъ на его глазахъ нѣсколькихъ евреевъ, за какую провинность они ихъ избиваютъ, получилъ немедленно ударъ ножомъ въ животъ. Трое рабочихъ христіанъ подверглись нападенію въ домѣ матери двухъ изъ нихъ. Всѣ они вмѣстѣ съ матерью и маленькой сестрой были избиты до полусмерти. Мать умерла, а остальные врядъ ли когда либо оправятся отъ нанесенныхъ имъ увѣчій.

Послѣ всѣхъ этихъ подвиговъ Союза, одесская жизнь сдѣлалась кромѣшнымъ адомъ. Во время засѣданій городской Думы члены Союза истинно-русскихъ людей занимаютъ галлереи, постоянно прерываютъ и терроризируютъ прогрессивныхъ гласныхъ, при чемъ на улицѣ союзниковъ всегда поджидаетъ вооруженное подкрѣпленіе. Три либеральныхъ газеты были конфискованы, и редактора ихъ брошены въ тюрьму за одно лишь упоминаніе именъ либеральныхъ кандидатовъ въ Думу. Черносотенная ежедневная газета «За царя и отечество» появляется всегда съ напечатанными, сейчасъ-же подъ заголовкомъ, словами царя, сказанными имъ въ пресловутой телеграммѣ къ Союзу: «Да будетъ Союзъ истинно-русскихъ людей мнѣ вѣрной опорой», а на слѣдующей-же страницѣ можно

прочесть крупными же словами напечатанное: «Бей жидовъ, соціалистовъ, кадюковъ и другихъ гадинъ».

Анархія, царящая въ Одессѣ и не имѣющая себѣ равной въ мірѣ, нисколько, однако, не лучше и не хуже существующей анархіи во многихъ другихъ городахъ Россійской имперіи. Это общая картина положенія въ Россіи. И не можетъ быть никакого сомнѣнія, что это положеніе является неизбѣжнымъ результатомъ анархизма русской бюрократіи и правленія, основаннаго на произволѣ и насиліи и являющагося, какъ показываетъ намъ исторія послѣднихъ лѣтъ, идеаломъ нынѣшняго истиннаго царя.

ГЛАВА V.

Фабрикація «внутренняго врага».

Во время одной изъ послѣднихъ бесѣдъ съ царемъ, содержаніе которой было немедленно же дословно записано графиней Толстой, Николай II высказалъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Я очень сожалѣю, что за время послѣднихъ безпорядковъ и еврейскихъ погромовъ общественное мнѣніе этой великой страны (Америки) обратилось противъ меня. Я совершенно неповиненъ во всемъ томъ, что случилось. Я думаю, что евреи сами возбуждаютъ толпу къ погромамъ. Придетъ время, когда американцы сами возненавидятъ евреевъ и будутъ смотрѣть на нихъ не какъ на высоко развитой народъ, отличающійся отъ другихъ національностей лишь своей религіей, но какъ на худшій типъ гешефтъ-махера и лихоимца. Всѣ имѣвшіе за послѣднее время мѣсто безпорядки были вызваны еврейской агитаціей. Еврей въ частной жизни, можетъ, и не плохъ, но въ политикѣ онъ хуже, чѣмъ кто либо другой.»

Прежде чѣмъ вскрыть истинную подоплеку этой, открыто проповѣдуемой царемъ, религіозной и расовой вражды, попытаемся вникнуть въ то, что, на нашъ взглядъ, такъ ясно сквозитъ между строками. Царь говорилъ не о чемъ-то абстрактномъ, а о настоящемъ положеніи вещей въ Россіи. И намъ трудно было бы понять смыслъ всего сказаннаго имъ, если не припомнить и не принять во вниманіе тѣ вопросы, на которые онъ собственно отвѣчалъ и тѣ обстоятельства, которыя онъ имѣлъ въ виду.

Прежде всего, все сказанное имъ противъ евреевъ, фактически относится не исключительно къ послѣднимъ.

Еслибы Николай II былъ нѣсколько откровеннѣй, то онъ долженъ былъ бы сказать, что «за время послѣднихъ безпорядковъ и погромовъ» — польскихъ, литовскихъ, эстонскихъ, латышскихъ, грузинскихъ и татарскихъ— не только американское общественное мнѣніе, но весь цивилизованной міръ былъ противъ него.

Еслибы евреи дѣйствительно были—какъ царь утверждаетъ—предметомъ ненависти всего русскаго народа, то это было бы, конечно, весьма печально и не говорило бы въ ихъ пользу. Но такъ какъ въ дѣйствительности такой ненависти не существуетъ, такъ какъ и другія не-русскія національности, населяющія Россію, не враждебны къ евреямъ, то утвержденія царя и его присныхъ являются умышленнымъ извращеніемъ фактовъ и говоритъ противъ него же, царя. Великій самодержецъ находитъ неудобнымъ для себя упоминать о другихъ подчиненныхъ ему народностяхъ, ибо сдѣлай онъ это, для всѣхъ сталъ бы тогда слишкомъ очевиднымъ и яснымъ весь злостный и абсурдный характеръ этого обвиненія и для всякаго мыслящаго человѣка открылась бы вся низость вражды, которую царь питаетъ ко всѣмъ тѣмъ, кто смѣетъ противиться его произволу.

Кто, согласно царскому утвержденію, является истиннымъ виновникомъ погромовъ? Николай II говоритъ, что самъ онъ неповиненъ въ нихъ. Не осмѣливаясь, подобно многимъ его холопамъ, свалить всю вину на евреевъ, онъ заявляетъ, что они частію лишь повинны въ рѣзнѣ и избіеніяхъ. Обвиненіе евреевъ въ томъ, что они сами вызываютъ и устраиваютъ погромы, которыхъ они же чаще всего бываютъ единственными жертвами, есть явный абсурдъ. Вѣдь всѣмъ памятенъ тотъ фактъ, напр., что царь простилъ чиновныхъ участниковъ Бѣлостокскаго погрома не потому, что евреи возбуждали воображаемую «толпу» противъ самихъ же себя, а потому, что Бѣлостокскіе евреи были, по его мнѣнію, всѣ «республиканцы и революціонеры». Какъ же намъ въ такомъ случаѣ знать,

Центральная Рабочая
Библиотека
Моск. Губ. Сов. Проф. Союз.

Сазоновъ, убійца Плеве

Марія Спиридонова

когда Николай говоритъ правду и когда неправду? Полагаетъ ли онъ, что евреи дѣйствительно возбуждаютъ толпу къ погромамъ противъ самихъ себя, или онъ того мнѣнія что евреевъ слѣдуетъ убивать и громить, такъ какъ они противъ царизма?

Но если, какъ царь утверждаетъ, евреи лишь частію повинны въ погромахъ, на кого же, спрашивается, падаетъ остальная часть вины? Царь ни слова не проронилъ о томъ, что правительство въ какой либо степени отвѣтственно за эти погромы, и до сихъ поръ не наказалъ еще ни одного своего чиновника за участіе въ этихъ преступленіяхъ. Да, на кого же падаетъ остальная часть вины? Ужъ не падаетъ ли она на «толпу»? Но вѣдь часто бывало, что толпа совсѣмъ отсутствовала, а въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она дѣйствовала, то она вѣдь составлялась исключительно изъ членовъ «Союза истинно-русскихъ людей», которыхъ Николай систематически прощаетъ за совершаемыя ими преступленія, и которые составляютъ главный элементъ той самой партіи, которую онъ объявилъ «лучшей партіей въ странѣ.»

Затѣмъ эта попытка Николая II раздуть расовую вражду, основу его власти, вражду къ евреямъ въ Америкѣ. Царизмъ, это заразительная болѣзнь, что-то вродѣ азіатской чумы. Онъ имѣетъ тенденцію распространять свою заразу по всѣмъ направленіямъ. Своимъ милитаризмомъ онъ содѣйствуетъ реакціи въ Пруссіи, Венгріи, Румыніи и др. странахъ. Ростовщическими процентами на свои займы царизмъ развращаетъ массы мелкой буржуазіи Франціи, и теперь надѣется защитить себя прививкой яда лжи и человѣконенавистничества Англіи и Соед. Штатамъ.

Почему же всетаки, спросимъ мы опять, Николай II не говоритъ ни слова о другихъ гонимыхъ и притѣсняемыхъ имъ народностяхъ? Почему онъ не рѣшается предупредить насъ о грозящихъ, непредвидѣнныхъ нами опасностяхъ отъ нашихъ армянъ, литовцевъ и поляковъ? Всѣ эти три народности составляютъ значительный и цѣнный

элементъ населенія нашей страны; что же касается поляковъ въ особенности, то въ Америкѣ ихъ даже больше, нежели евреевъ. Чѣмъ же объясняется, что всѣ эти нерусскія народности не менѣе безправны и не менѣе чѣмъ евреи преслѣдуются русскимъ правительствомъ? Чѣмъ объясняется, что всѣ онѣ, не менѣе евреевъ, недовольны царизмомъ? Почему же царь умалчиваетъ объ этомъ фактѣ? Умалчиваетъ онъ обо всемъ этомъ потому, что онъ прекрасно сознаетъ, что раскрывъ всю ложь, которой царизмъ окружаетъ себя, онъ этимъ выдалъ бы себя головой.

Изъ собственныхъ царскихъ устъ мы слышимъ, что евреи—это особая «нація», что они иностранцы въ его странѣ. Мы знаемъ, что русское законодательство проникнуто этимъ взглядомъ какъ по отношенію къ евреямъ, такъ и по отношенію ко всему пятидесятимилліонному инородческому населенію. Итакъ, въ Россіи имѣется пятьдесять милліоновъ иностранцевъ, подверженныхъ всякого рода «законнымъ» притѣсненіямъ и принадлежащихъ къ категоріи «внутренняго врага». И эти народности также «обособлены» ихъ религіей! Извѣстно, что въ Россіи лишь «православные» пользуются особыми привиллегіями. Такимъ образомъ, своими «разъясненіями» и «опроверженіями» царь только лишній разъ повѣдалъ намъ о томъ, какими средствами онъ пользуется для упроченія своей власти. Лишь враждой и насильемъ, разжиганіемъ всѣхъ дикихъ инстинктовъ въ человѣкѣ и внутренней междоусобной войной надѣется онъ сохранить свое господство. Война и война до конца . . .

Всякій деспотизмъ и всякое политическое закрѣпощеніе всегда поддерживалось насиліемъ и войной. Но царскій способъ веденія войны отличается отъ всѣхъ другихъ. Царь изобрѣлъ систему всеобщей войны въ предѣлахъ его собственныхъ владѣній.

Къ счастію для царя, пятьдесять милліонновъ его не «истинно-русскихъ» поданныхъ не вполнѣ еще смѣшались съ чисто русскимъ населеніемъ и даже не доста-

точно равномѣрно разселены по имперіи. Предлогъ былъ поэтому найденъ. Между нѣкоторыми инородцами, какъ напримѣръ между татарами и армянами, правительственные агенты успѣли вызвать настоящую междоусобную войну. По отношенію къ другимъ, какъ напримѣръ къ евреямъ, правительству для веденія войны противъ нихъ пришлось подкупить сыщиковъ и другіе подонки общества. Царизму не зачѣмъ затѣвать рискованныя войны съ «внѣшними врагами». Съ меньшимъ для него рискомъ царизмъ ведетъ теперь войну у себя дома съ своимъ собственнымъ народомъ, когда и гдѣ ему только заблагоразсудится.

Вотъ почему и фабрикація «внутренняго врага» является для него вопросомъ государственной необходимости. Эта фабрикація «внутренняго врага»—спеціальная функція государственнаго механизма, которая совершается при помощи цѣлой системы лжи и открытаго, безнаказаннаго призыва правительственныхъ агентовъ къ междоусобной войнѣ.

Обратите вниманіе на слѣдующее воззваніе, напримѣръ, которое было напечатано съ вѣдома и дозволенія цензуры, въ типографіи петербурскаго градоначальства и, какъ потомъ обнаружилось слѣдствіемъ, по приказанію «высокопоставленнаго» лица.

«Знаете ли вы, братцы, рабочіе, крестьяне, кто главный виновникъ всѣхъ нашихъ бѣдъ? Извѣстно ли вамъ, что жиды, живущіе въ Россіи, Америкѣ, Германіи и Англіи, заключили союзъ и рѣшили разрушить до самого основанія Россійскую Имперію?» Въ Зап. Россіи такого рода воззванія распространяются противъ поляковъ, на Кавказѣ противъ армянъ, въ прибалтійскомъ краѣ противъ латышей, въ деревнѣ противъ рабочихъ, въ городахъ противъ студентовъ, образованныхъ людей, или вообще противъ такъ наз. интеллигенціи и евреевъ.

«Когда эти христопродавцы заявятся къ вамъ—говорится дальше въ воззваніи—то разорвите ихъ на куски, избивайте ихъ такъ, чтобы навсегда отбить у нихъ охоту при-

ходить къ вамъ . . .» Этотъ наивно, злостно, невѣжественно, съ демагогическими и разбойничьими цѣлями составленный документъ какъ нельзя лучше характеризуетъ систему натравливанія однихъ слоевъ народа на другіе слои его.

«Былъ данъ приказъ—обращаясь къ народу, говоритъ то же воззваніе—избрать людей, которые отстаивали бы передъ царемъ ваши интересы. Помните, что истинными защитниками вашими являются помѣщики, фабриканты и православные купцы».

Какое, однако, превратное понятіе имѣютъ эти правительственные агенты о крестьянствѣ и рабочихъ! Крестьяне нигдѣ, за исключеніемъ лишь тѣхъ мѣстъ, гдѣ администрація пустила въ ходъ грубое насиліе, не избрали ни одного помѣщика.

Цитированное воззваніе въ своемъ родѣ цѣнный документъ, ярко изобличающій тѣ излюбленные мѣры и способы, къ которымъ правительство прибѣгаетъ для «разрѣшенія» національнаго вопроса въ Россіи. Это тѣ же мѣры и способы, которые въ теченіе двадцати пяти лѣтъ неизмѣнно практиковались Николаемъ II-мъ и его «незабвеннымъ» отцомъ, Александромъ III-мъ. Воззваніе требуетъ далѣе, чтобы евреи, которымъ воспрещается проживать въ селахъ и деревняхъ, были выдворены не только изъ всѣхъ городовъ европейской и азіатской Россіи, но и изъ десяти городовъ южной Россіи, гдѣ имъ до сихъ поръ разрѣшалось жить. Тамъ же, гдѣ имъ будетъ разрѣшено проживать, слѣдуетъ воспрещать имъ заниматься торговлей хлѣбомъ, мясомъ и лѣсомъ, открывать банкирскія конторы, торговые дома, и тому «подобныя учрежденія», да владѣть недвижимымъ имуществомъ. Всѣ спеціально еврейскія школы должны быть закрыты, и еврейскія дѣти должны быть лишены права доступа во всѣ среднія и высшія учебныя заведенія. Сановные авторы этой прокламаціи признаютъ, что требуется много хладнокровія и терпѣнія для осуществленія всѣхъ этихъ мѣръ, но это «святое дѣло» и является вопросомъ

«окончательнаго освобожденія народа отъ его внутренняго врага». «Святое дѣло» это въ настоящій моментъ особенно «свято», и на этотъ разъ не столько потому, что для царскихъ чиновниковъ будетъ создана новая возможность грабить и выколачивать капиталы изъ евреевъ и другихъ «внутреннихъ враговъ», сколько потому, что народъ можетъ быть подкупленъ—какъ на это надѣется правительство—обѣщаніями дѣлежа съ нимъ добычи и этимъ отвлечь народный гнѣвъ противъ него въ сторону евреевъ. Все русское законодательство было дьявольски хитро для этой цѣли приспособлено. Когда въ странѣ спокойно, то чиновники присваиваютъ себѣ всю добычу; другими словами, за деньги они смотрятъ сквозь пальцы на «законъ» и разрѣшаютъ евреямъ обходить нарочно въ ущербъ имъ составленный законъ и, если евреи бываютъ очень щедры, то на время даже измѣняютъ въ ихъ пользу этотъ самый законъ. Когда же начинаются революціонныя волненія, преслѣдованія евреевъ и другихъ національностей, вмѣсто тайнаго вымогательства, принимаютъ тогда форму новаго законодательства и строгаго соблюденія существующихъ уже ограничительныхъ и исключительныхъ законовъ. На этихъ законахъ слѣдуетъ остановиться дольше. Цѣль, которая обыкновенно преслѣдуется ими, это не наказаніе и не удовлетвореніе чувства мести, а желаніе апеллировать къ низменнымъ инстинктамъ жадности и узкаго эгоизма всѣхъ тѣхъ, кто въ большей или меньшей степени занитересованъ въ устраненіи евреевъ, какъ опасныхъ конкуррентовъ; всѣхъ тѣхъ, которые могутъ выиграть отъ правительственнаго преслѣдованія евреевъ. Расовая вражда тутъ совершенно отсутствуетъ, а есть лишь свойственный извѣстнымъ слоямъ узкій эгоизмъ и до преступности доходящая жадность къ наживѣ.

Въ теченіи всего прошлаго столѣтія законы относительно евреевъ подвергались постояннымъ, по прихоти правительства, измѣненіямъ. Евреямъ или дозволялось жить и процвѣтать, чтобы затѣмъ быть ограбленными,

или же ихъ безжалостно разоряли въ угоду ихъ конкуррентамъ и ради привлеченія на свою сторону извѣстныхъ слоевъ населенія для поддержки всей системы угнетенія и произвола, именующейся русскимъ правительствомъ. — Законъ, воспрещающій евреямъ торговать спиртными напитками, былъ дважды отмѣненъ и дважды возобновленъ; законъ, воспрещающій имъ заниматься земельной спекуляціей, также былъ два раза отмѣненъ и затѣмъ опять введенъ въ силу и потомъ два раза было сдѣлано послабленіе его, а затѣмъ опять строгое наблюденіе за его исполненіемъ, пока онъ не былъ теперь окончательно утвержденъ. Право проживать въ деревняхъ было дано евреямъ, отнято, опять дано и опять отнято у нихъ. Князь Урусовъ вполнѣ правильно заклеймилъ эту правительственную политику изолированія евреевъ, для ихъ якобы защиты отъ христіанъ, чистѣйшимъ лицемѣріемъ.

Устраненные закономъ отъ земледѣлія и многихъ другихъ занятій, евреи волей неволей должны были взяться за мелкую торговлю и ремесла. Благодаря отчаянной конкурренціи, существующей въ этихъ двухъ областяхъ, прибыль и заработная плата бываютъ до того ничтожны, что другія національности избѣгаютъ заниматься ими, отчего мелкая торговля и ремесла очутились почти цѣликомъ въ рукахъ евреевъ. Теперь громко раздается опять требованіе дальнѣшнихъ ограниченій евреевъ. Заинтересованные надѣются такимъ путемъ вытѣснить ихъ изъ послѣднихъ доступныхъ имъ занятій. Это требованіе раздается, конечно, не со стороны собственниковъ сырого матеріала, такъ какъ для послѣднихъ выгоднѣе имѣть больше покупателей; также не со стороны потребителей, которые лишь выигриваютъ отъ конкурренціи, но раздается со стороны тѣхъ немногочисленныхъ слоевъ изъ неевреевъ, которые остались при своихъ занятіяхъ мелкой торговлей и ремесломъ. Это тѣ невѣжественные и мало обезпеченные элементы, которыхъ паврительство и его агенты соблазняютъ проповѣдью

разбойничьяго грабежа и легкой наживы. Такимъ вотъ образомъ правительство возстановляетъ одну часть населенія на другую и, когда это ему выгодно, оно даетъ сигналъ къ грабежу и насилію.

Сравнительно немногочисленные, но отчаянно нуждающіеся мелкіе торговцы и ремесленники изъ не-евреевъ въ многихъ мѣстахъ впитали въ себя эту отраву; тамъ, гдѣ евреи болѣе или менѣе многочисленны, они періодически поддаются правительственной агитаціи и возгораются ненавистью къ «жидамъ», ненавистью страшной и глубокой, но все-таки недостаточно сильной для того, чтобы рѣшиться на избіеніе и рѣзню послѣднихъ. Но зато изъ дѣтей этихъ мелкихъ мѣщанъ главнымъ образомъ рекрутируются члены разбоничьихъ и профессіонально-«патріотическихъ» организацій. Отцы состоятъ лишь членами этихъ организацій, аккуратно платятъ взносы и читаютъ ихъ газеты, но выступаютъ очень рѣдко въ качествѣ активныхъ громилъ.

Мнѣ какъ то случилось бесѣдовать съ бывшимъ когда то революціонеромъ, но теперь архи-реакціонеромъ и сотрудникомъ «Московскихъ Вѣдомостей», Леонидомъ Тихоміровымъ.

Онъ совершенно откровенно заявилъ, что антисемитизмъ дѣйствительно главный рычагъ ультра-реакціонной партіи и надежда царизма. Антисемитизмъ, по его мнѣнію, есть въ сущности экономическое движеніе, въ которомъ главнымъ образомъ заинтересовано среднее и мелкое мѣщанство. Съ помощью консервативныхъ экономическихъ, но не политическихъ реформъ можно будетъ, надѣется онъ, сохранить цѣльность самодержавія, православія и русской народности.

Какъ всѣ сторонники царя, Тихоміровъ стоитъ за политическую косность. Эти сторонники безпрекословно принимаютъ все то, что царю заблагоразсудится имъ дать, и утверждаютъ, что все, что царь даетъ, будь то Дума, или что либо другое, онъ же можетъ взять обратно. Реакціо-

неры, подобные Тихомірову, либо не спрашиваютъ, существуетъ ли въ Россіи конституція, либо же кричатъ, что въ Россіи таковой нѣтъ, а продолжаетъ существовать неограниченное самодержавіе. Они мирятся съ Думой, но ничего не имѣютъ противъ безчисленныхъ ограниченій, которыя дѣлаютъ ее совершенно безсильной въ борьбѣ съ бюрократіей.

Союзъ истинно-русскихъ людей и вмѣстѣ съ нимъ всѣ крайніе реакціонеры по своему, однако, демократичны. Они допускаютъ возможность какого то мистическаго и непосредственнаго союза всѣхъ «истинно-русскихъ людей» подъ ихъ и царскимъ господствомъ и вѣрятъ, что никакія разногласія въ этомъ случаѣ невозможны, что самодержавіе и демократія могутъ слиться во-едино.

Этотъ странный союзъ и согласіе должны быть достигнуты путемъ экономическихъ реформъ. Царь долженъ покровительствовать тѣмъ слоямъ, которые наиболѣе лояльны къ нему и его политикѣ. Экономическія реформы обусловятъ ростъ и благополучіе этихъ слоевъ, пока весь народъ не проникнется чуть ли не сыновней любовью къ батюшкѣ-царю. Естественно, что начать слѣдуетъ не съ крестьянъ; царская милость должна прежде всего распространиться на мелкихъ предпринимателей и мелкихъ землевладѣльцевъ. Союзъ «истинно-русскихъ» обзавелся боевой организаціей, состоящей изъ самыхъ низкихъ общественныхъ отбросовъ, но въ крестьянскихъ и рабочихъ массахъ Союзъ этотъ, несмотря на всѣ его старанія, не успѣлъ пустить какихъ либо корней. Крестьяне и рабочіе не проникнуты лояльностью къ царю. Тѣ и другіе добиваются полноправной народной Думы, конфискаціи помѣщичьей земли и общественной гарантіи противъ возможности концентраціи въ будущемъ земли въ рукахъ частныхъ собственниковъ. «Союзъ истинно-русскихъ» убѣдился уже, что рабочіе и крестьяне, по крайней мѣрѣ въ данный моментъ, свернули съ истиннаго пути. Тихоміровъ признался даже, что онъ лично желалъ бы расширенія

не общиннаго владѣнія землей, ни даже мелкаго хуторнаго хозяйства, но только тѣхъ хозяйствъ, размѣры которыхъ колеблются между 130 и 260 десятинами.

Тѣмъ не менѣе, подавляющее большинство даже этихъ мелкихъ землевладѣльцевъ принадлежитъ къ менѣе реакціоннымъ группамъ, или даже къ умѣренно-консервативнымъ. Крупные же землевладѣльцы имѣютъ свою собственную умѣренно-реакціонную партію. Большинство мелкихъ землевладѣльцевъ, можетъ быть, настроено консервативно, или даже реакціонно, но отнюдь не проявляетъ активно своей реакціонности. Это видно изъ крайне индиферентнаго отношенія ихъ къ выборамъ въ Г. Думу—врядъ ли одинъ изъ десяти участвовалъ въ голосованіи. Мелкіе же городскіе предприниматели какъ разъ наоборотъ принимали очень активное участіе въ выборахъ. Съ помощью мѣстной администраціи, состоящей повсюду въ тѣсной связи съ ихъ организаціями, и благодаря новому реакціонному избирательному закону, черносотенцы во многихъ городахъ успѣли провести своихъ выборщиковъ. Эти черносотенцы, вербующіе своихъ людей преимущественно изъ среды мелкаго мѣщанства, вмѣстѣ съ значительнымъ классомъ землевладѣлцевъ, а также въ союзѣ съ высшимъ духовенствомъ, успѣли избрать свыше ста депутатовъ, т. е. четвертую часть общаго числа депутатовъ Третьей Думы. Среди крестьянства эта антисемитическая партія не нашла почти никакой поддержки. Въ восьмидести четырехъ изъ восьмидесяти шести губерній и областей, крестьяне отказались имѣть что либо общее съ черносотеннымъ Союзомъ. Изъ шестнадцати тысячъ сельскихъ выборщиковъ, всего лишь пятьдесятъ одинъ объявили себя принадлежащими къ Союзу, и изъ этихъ—тридцать три выборщика падаютъ на Волынскую губернію; такимъ образомъ, даже въ этой губерніи оказалось нѣсколько сотъ выборщиковъ, принадлежащихъ къ другимъ партіямъ.

Среди крестьянъ совершенно не замѣчается какой

либо вражды къ другимъ народностямъ. Даже въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ евреи, по произволу закона, живутъ въ большомъ количествѣ, совершенно не замѣтна вражда къ нимъ. Вникните въ цитированный уже нами Думскій докладъ о Бѣлостокскомъ погромѣ и въ бесѣду князя Урусова съ бессарабскими крестьянами. Эти крестьяне не могли понять, почему онъ предлагаетъ, какъ имъ казалось, глупый вопросъ о томъ, враждебны ли они къ евреямъ; крестьяне на это отвѣтили ему лишь другими вопросами: «Что онъ это думаетъ? Что за враждебность? Почему враждебность?»

Я лично абсолютно не могъ замѣтить и слѣда какого либо антисемитизма среди крестьянъ, — имъ совершенно чуждо это чувство.

Весь вопросъ въ грабежѣ. «Патріотическія организаціи» открыто и не стѣсняясь сами заявляютъ, что преслѣдованіе евреевъ для нихъ выгодно. «Отечественный Союзъ», главнымъ организаторомъ котораго былъ графъ Бобринскій, въ своей декларациіи принциповъ говоритъ между прочимъ слѣдующее: «Если равноправіе евреевъ окажется вреднымъ для русскихъ, то, какъ бы убѣдительны ни были доводы въ его пользу, мы будемъ энергично бороться противъ него.» Это все равно, если бы мы вздумали отказать въ правѣ гражданства имигрантамъ, или американцамъ по той причинѣ, что они не «Сыны Революціи». Евреи и другія народности населяютъ Россію уже цѣлыя сотни лѣтъ. «Россія прежде всего для русскихъ» говоритъ декларація, очевидно, подразумѣвая лишь тѣхъ русскихъ, предки которыхъ были русскими за цѣлое тысячелѣтіе. «Чѣмъ больше инородцевъ въ Россіи»— говорится дальше въ этой декларациіи — «тѣмъ сильнѣе должна быть представлена русская народность въ Думѣ.» Каково было бы, если бы американцы вдругъ заявили: чѣмъ больше иностранцевъ среди насъ, тѣмъ больше должны мы урѣзать ихъ права, а также права ихъ дѣтей до послѣдняго поколѣнія включительно?

ГЛАВА VI.

Страхъ передъ прогрессомъ.

Группы, поддерживающія самодержавіе и требующія исключительныхъ законовъ противъ подчиненныхъ народностей, выступаютъ активно также противъ того, чтобы надѣлить крестьянъ землей и дать народу гражданскую и политическую свободу.

«Отечественный Союзъ», «Союзъ истинно-русскихъ людей», «Русское собраніе» и другія «патріотическія» организаціи рѣшительно противъ какого-либо ограниченія самодержавія.

Для того, чтобы оградить царизмъ отъ народнаго требованія справедливости, порядка и законности, правительство и реакціонеры вынуждены подавлять даже малѣйшія проявленія прогресса: разспространеніе просвѣщенія прессой, школами и университетами должно быть пріостановлено; развитіе религіозной мысли задержано; проникновенію западныхъ идей и культуры слѣдуетъ воспрепятствовать; современный капитализмъ съ его постановкой веденія дѣлъ можетъ быть допущенъ только съ большой лишь осторожностью. Русская бюрократія, какъ это извѣстно всему міру, представляетъ собой не особенно одаренное сословіе, но она состоитъ также отнюдь не изъ дикарей. Многіе изъ этой среды люди съ высшимъ образованіемъ. Есть среди нихъ и начитанные, даже путешествовавшіе много по Европѣ.

Они противники высшаго образованія, современнаго способа веденія національнаго хозяйства, европейской культуры, свободы совѣсти и конституціонной формы

правленія, не потому, что всѣ эти вещи не нравятся имъ сами по себѣ, но потому, что онѣ опасны для ихъ собственнаго положенія, опасны для того порядка, представителями котораго они являются.

Имѣется цѣлый рой писателей, которые съ пѣной у рта пишутъ противъ всего прогрессивнаго. Бюрократы одобряютъ и поощряютъ ихъ писанія, распространяютъ ихъ среди народа и въ ихъ духѣ толкуютъ законы. Но въ бесѣдѣ съ интеллигентными иностранцами или со своими близкими друзьями они, конечно, воздерживаются отъ выраженія подобныхъ взглядовъ и отрицаютъ свою солидарность съ ретроградными писателями. Бюрократы, надо отдать имъ справедливость, умѣютъ вести игру. Ложь, которой они служатъ и ради которой унижаютъ себя и всю подчиненную имъ націю, вполнѣ сознательна и обдумана.

Вся правительственная кампанія противъ прогресса ведется на такихъ же точно началахъ, какъ и кампанія противъ евреевъ. Правительство всегда аппелируетъ къ самымъ низкимъ инстинктамъ и страстямъ одной какой нибудь группы населенія, для которой гибель другой— можетъ въ какой либо степени оказаться выгодной и желательной, и дѣлая это, правительство всегда ухищряется приплесть евреевъ. Аттака, которая ведется, напримѣръ, на прессу, школы и университеты, правительство старается оправдать тѣмъ, что всѣ эти институты враждебны де старому режиму. Когда же не хватаетъ смѣлости открыто высказать эту мысль и повести прямую аттаку противъ этихъ учрежденій, то аттака прежде всего направляется на евреевъ. Учителя, студенты, пресса находятся, молъ, подъ еврейскимъ вліяніемъ. Подъ предлогомъ борьбы именно съ этимъ вліяніемъ, и безъ этого жалкія школы лишаются лучшихъ учителей, университеты закрываются, и послѣдніе остатки завоеванной было свободы печати окончательно уничтожаются.

Антисемитизмъ—пробный камень реакціи. Одно

время для многихъ было вопросомъ, останется ли господствующая теперь въ Думѣ партія октябристовъ умѣренно-прогрессивной или умѣренно-реакціонной. Всѣ сомнѣнія на этотъ счетъ однако быстро исчезли. Октябристы въ отношеніи еврейскаго вопроса немедленно вошли въ блокъ съ крайними реакціонерами, и такимъ образомъ еврейскій вопросъ совершенно оставленъ ими. Они даже не намѣрены требовать равенства евреевъ предъ закономъ.

Въ бесѣдѣ со мной, лидеръ октябристовъ, Гучковъ, откровенно сознался, что его партія рѣшила удержать свое господство въ Думѣ какой бы то ни было цѣной и поэтому она намѣрена объединиться въ послѣдней съ представителями крупнаго землевладѣнія и бюрократіи. Гучковъ особенно доволенъ помѣщиками, которые, по его мнѣнію, проявляютъ въ Думѣ прогрессивныя тенденціи. Ниже мы увидимъ, что это далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Достаточно указать на то, что этотъ блокъ съ реакціонными помѣщиками, самъ по себѣ, отчуждаетъ октябристовъ отъ другихъ важныхъ элементовъ и слоевъ населенія.

Съ тѣхъ поръ, какъ Дума стала по отношенію къ евреямъ и другимъ угнетеннымъ народностямъ на ту же позицію, какъ и правительство, съ тѣхъ самыхъ поръ Дума оправдываетъ всякія реакціонныя мѣры подъ тѣмъ же предлогомъ, что и правительство.

Теперь уже для правительства нѣтъ надобности вести прямую кампанію противъ прогресса, и такъ называемые умѣренные могутъ даже продолжать мягко и безобидно критиковать бюрократію и даже дворъ, не рискуя при этомъ вызвать какія либо серьезныя недоразумѣнія для самихъ себя. Кампанія противъ прогресса, противъ просвѣщенія, характернымъ образомъ началась уже въ Москвѣ газетой самого Гучкова. Цѣль этой кампаніи прежде всего узко эгоистична—уничтожать другіе конкурирующіе съ этой газетой органы, и лишь попутно—содѣйствовать правительству.

«Тотъ лишь фактъ—говоритъ въ своей газетѣ оракулъ Третьей Думы—что девять десятыхъ нашей прессы находится въ рукахъ евреевъ является уже позоромъ для Россіи. Мы должны постараться, чтобы русскіе не только не читали, но даже не брали бы въ руки газеты, принадлежащія евреямъ.» Этотъ «умѣренный» партійный органъ предлагаетъ дальше Думѣ провести законы противъ свободы печати и въ концѣ концовъ проговаривается, что въ дѣйствительности не евреи собственно тревожатъ ее, но тревожитъ ее оппозиція вообще. Такъ какъ де «не только еврейская, но и вся оппозиціонная печать «гнила и чужда намъ по духу». Мы здѣсь видимъ, что чуждое отождествляется въ глазахъ «истинно русскихъ» съ гнилымъ.

Чѣмъ собственно отличается эта аргументація «умѣренныхъ» конституціоналистовъ отъ той, которую употреблялъ Треповъ, именемъ царя высказавшій слѣдующее:

«Вы развѣ не знаете—заявилъ онъ одному англійсому интервьюеру—что большинство петербургскихъ газетъ принадлежитъ евреямъ и что редактора этихъ газетъ въ большинствѣ случаевъ также евреи? Вы развѣ не видите, какъ представлены евреи въ Думѣ? Вы можете говорить, что угодно, но это революціонное движеніе есть, главнымъ образомъ, дѣло еврейскихъ рукъ.» Однако число еврейскихъ писателей въ столицѣ пропорціонально меньше еврейскихъ же читателей газетъ; и въ Петербургѣ найдется антисемитскихъ издателей не меньше, чѣмъ еврейскихъ и, наконецъ, въ Думѣ евреи имѣли всего двѣнадцать представителей, вмѣсто двадцати, которыхъ они согласно процентному отношенію должны были имѣть. Даже это незначительное представительство бѣло непріятной неожиданостью для правительства, которое надѣялось, что въ Первой Думѣ не будетъ ни одного еврейскаго представителя. Еще большимъ разочарованіемъ для правительства было то, что въ Думу попало лишь около полдюжины антисемитовъ. Несмотря на часто грубое насиліе и вмѣшательство

администраціи во время выборовъ, несмотря на всѣ безчисленные ограниченія избирательнаго права въ пользу «жидоѣдовъ», несмотря на все это, изъ пятисотъ представителей въ Первой Думѣ нашлось лишь всего шесть человѣкъ, которые высказались противъ полнаго равноправія евреевъ.

Вражда къ евреямъ и къ свободѣ мнѣнія оппозиціонныхъ элементовъ ведетъ прямо къ подавленію просвѣщенія. Въ бессарабской земской управѣ возникъ недавно вопросъ, слѣдуетъ ли поддержать учительскую библіотеку въ г. Аккерманѣ. Надобно замѣтить, что рѣчь шла объ единственной библіотекѣ въ городѣ. Извѣстный реакціонеръ Пуршикевичъ, бывшій членомъ этой управы, съ пѣной у рта говорилъ противъ ассигнованія денегъ на библіотеку.

«На что вамъ, учителямъ, книги?»—кричалъ онъ. «Одно изъ двухъ: или вы достаточно учены, и тогда вамъ нечему уже больше учиться, или же вы ничему не научились. Въ томъ и другомъ случаѣ вамъ не нужны книги.

«Долой книги! Ваши книги и ваши учителя разводятъ лишь крамолу. Для того, чтобы уничтожить эту крамолу, нуженъ не манифестъ 17-го октября, а «карательныя экспедиціи».

Царское правительство тѣмъ временемъ не забываетъ своей главной жертвы и козла отпущенія. Оно не допускаетъ евреевъ къ сотрудничеству съ остальнымъ населеніемъ ни на одномъ поприщѣ общественной дѣятельности и жизни. Искуственно и всѣми возможными способами оно старается изолировать ихъ отъ русскаго населенія. Лишь самымъ консервативнымъ раввинамъ разрѣшается свободное выполненіе ихъ обязанностей; евреямъ же, стремящимся къ образованію, ставятся подчасъ непреодолимыя препятствія. Мы видѣли, что реакціонеры требуютъ совершеннаго закрытія для евреевъ доступа въ высшія учебныя заведенія. Многія петербургскія и московскія высшія учебныя заведенія совершенно

не принимаютъ евреевъ, въ другихъ же высшихъ учебныхъ заведеніяхъ евреи, несмотря на то, что составляютъ отъ четверти до половины общаго числа стучащихся въ двери этихъ храмовъ науки, принимаются лишь въ количествѣ не свыше 3%. Такъ что изъ тридцати пяти еврейскихъ юношей, стремящихся къ высшему образованію, только одному какому либо счастливчику удается быть допущеннымъ въ высшее учебное заведеніе. Въ отношеніи начальнаго образованія евреи поставлены въ еще худшее положеніе. Дѣло въ томъ, что число земскихъ и правительственныхъ школъ вообще крайне ограничено, а въ чертѣ еврейской осѣдлости ихъ еще меньше. Какъ результатъ этого въ одной изъ провинцій, гдѣ была произведена анкета (въ Одессѣ), оказалось, что лишь 11 процентовъ еврейскаго населенія умѣетъ читать и писать по русски. Правительство, очевидно, стремится обособить евреевъ для того, чтобы ихъ легче было преслѣдовать.

По отношенію къ школамъ правительству до извѣстной степени удается провести свою линію. Въ Россіи число школъ, вообще, не удовлетворяетъ потребности населенія въ нихъ. При такихъ обстоятельствахъ должны были-бы быть принимаемы въ школы лишь способныя дѣти. Евреи даютъ именно значительный процентъ подобныхъ дѣтей. Но исключеніе каждаго способнаго еврея даетъ мѣсто менѣе способному русскому. Недопущеніе способныхъ евреевъ къ образованію имѣетъ такимъ образомъ для царизма двояко выгодные результаты. Прежде всего, уровень опаснаго ему просвѣщенія этимъ понижается и школы руссифицируются, и въ то же самое время мало или менѣе способные элементы изъ русской учащейся молодежи этимъ отношеніемъ правительства къ евреямъ силно деморализируются. Юноши, неспособность которыхъ и безъ того располагаетъ ихъ къ реакціи, часто дѣлаются «патріотами» отъ одного эгоистическаго сознанія, что они занимаютъ мѣсто, по праву имъ не принадлежащее. Благодаря этому, въ

среднихъ учебныхъ заведеніяхъ всегда имѣется меньшинство реакціонно настроенной молодежи. Но такая молодежь не способна къ высшему профессіональному образованію. Она предпочитаетъ поэтому военную или чиновничью карьеру или остается при родителяхъ, чтобы помогать имъ управлять имѣніемъ или завѣдывать торговлей. Поэтому антисемиты и реакція почти не имѣютъ адептовъ въ университетахъ. Такъ стойки и сильны товарищескія чувства среди студентовъ, такъ солидарны студенты въ отстаиваніи правъ своихъ товарищей, что для того, чтобы привести въ исполненіе какую нибудь реакціонную мѣру противъ студентовъ—евреевъ, правительство вынуждено бываетъ, какъ это недавно имѣло мѣсто въ Одессѣ и въ Кіевѣ, вовсе закрывать университеты.

Возобновленіемъ религіозныхъ преслѣдованій правительство надѣется возстановить противъ сектантовъ, противъ католиковъ, протестантовъ, магометанъ и евреевъ всѣ узко фанатичные и слѣпо суевѣрные слои народа. Но къ несчастью для царизма, такіе элементы въ Россіи также отсутствуютъ, какъ они отсутствуютъ во всѣхъ другихъ странахъ цивилизованнаго міра. Это можетъ показаться парадоксальнымъ, но либеральный Милюковъ, какъ и архи-реакціонеръ Тиромировъ и всѣ лучшіе знатоки Россіи сходятся въ мнѣніяхъ по этому вопросу, а именно, что въ Россіи отсутствуютъ необходимые царизму вышеупомянутые элементы. Русскій народъ свободенъ отъ вліянія какихъ либо глубоко укоренившихся традицій. Послѣднее объясняется вѣроятнѣе всего тѣмъ, что въ старой Россіи отсутствовали рѣзко опредѣленныя и твердо установленныя національныя рамки. Въ Россіи долгое время не было ни естественно установившихся національностей, ни строгаго распредѣленія населенія по національностямъ, ни временемъ освященнаго наслѣдственнаго мѣстожительства, и поэтому не велика была возможность для нарожденія узкихъ мѣстныхъ традицій

По всей широкой имперіи всегда бродили и смѣшивались семьи и племена финновъ, татаръ и разныя славянскія народности и даже совершенно чужеземные элементы. Какъ и въ современныхъ Соед. Штатахъ, въ Россіи не могли развиться какіе-либо глубокіе предразсудки. Еще одна изъ главныхъ причинъ, отрицаемая, конечно, Тиромировымъ, лежитъ въ самомъ самодержавіи, которое первоначально, можетъ быть, и было военной необходимостью, но потомъ легло гнетомъ на всѣ трудящіеся классы населенія. И такъ какъ каждая зарождающаяся національная традиція не могла миновать воздѣйствія и вліянія ненавистнаго царизма, то народъ мало дорожилъ ею и, насколько было возможно, велъ свои дѣла согласно потребностямъ момента, нисколько не считаясь съ оффиціальными традиціями церкви и государства. Ни православіе, ни самодержавіе не являются традиціоннымъ институтомъ среди народа. Единственныя мѣстности, гдѣ оффиціальныя традиціи имѣютъ извѣстное вліяніе на населеніе, это тѣ, гдѣ Россіи пришлось въ продолженіе послѣдняго поколѣнія защищать населеніе отъ внѣшнихъ враговъ. Напримѣръ, населеніе Волынской губерніи, гдѣ патріотическіе «союзы» нашли сторонниковъ даже среди крестьянъ, было нѣсколько поколѣній тому назадъ освобождено Россіей отъ польскаго гнета. Россія, даже съ ея царемъ, была тогда для Волынскихъ крестьянъ единственной надеждой, какъ позже православные попы сдѣлались въ этой губерніи главными споспѣшниками возрожденія стараго русскаго нарѣчія и культуры, почти исчезнувшихъ за время господства поляковъ. Этой зависимостью отъ поповъ отчасти объясняется и то, что населеніе Волынской губерніи является самымъ невѣжественнымъ и реакціоннымъ. Таковы условія и въ Бессарабіи, которая была отвоевана у Турціи всего два поколѣнія тому назадъ. Тамъ, гдѣ населеніе не русскаго происхожденія, а беретъ свое начало отъ латинскихъ народовъ, населявшихъ когда-то древне-римскія колоніи,—тамъ зародился

Крушеванскій союзъ «истинно-русскихъ» людей и тамъ разыгрался знаменитый кишиневскій погромъ! На Волыни началъ свою проповѣдь пресловутый Илліодоръ, монахъ-изувѣръ, который призывалъ народъ къ крестовому походу противъ внутреннихъ враговъ царя. А въ смежной съ Волынской губерніей, въ Кіевской, въ самомъ Кіевѣ, въ октябрѣ 1905 г. появилось нижеслѣдующее возмутительное воззваніе, распространявшееся среди населенія Волынской и другихъ прилегающихъ губерній.

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа великій анахоретъ кіевской лавры повелѣлъ возвѣстить народу, что святой Владиміръ, который первый крестилъ русскій народъ, возсталъ изъ гроба, разбудилъ анахорета и плакалъ съ нимъ вмѣстѣ о судьбѣ родины, опозоренной поляками и жидами.

«Господи Боже! Куда дѣвалась удаль русскаго народа, которая нѣкогда отражала басурманскія орды? Позоръ и бозчестіе потомкамъ святаго Владиміра, которые дрожатъ передъ кучкой трусливыхъ жидовъ и нанятыхъ ими уличныхъ мальчишекъ. Всѣ изъ насъ, кому еще дорого имя Россіи, должны знать, что жиды и поляки жаждутъ нашей крови, что они стараются насъ поднять другъ противъ друга, чтобы потомъ черезъ наши трупы добраться до трона и низвергнуть царя.

«Собирайтесь въ церквахъ и держите совѣтъ, какъ защищать родину отъ поляковъ и жидовъ.

«Не убивайте поляковъ и жидовъ, но дайте студентамъ, которыхъ они къ вамъ подсылаютъ, здоровую потасовку, какой только они заслуживаютъ.

«Каждый, прочитавшій это воззваніе, долженъ сдѣлать по меньшей мѣрѣ три копіи и разослать ихъ въ другія села и деревни. Кто не выполнитъ этого повелѣнія, тотъ по истеченіи шести дней, заболѣетъ серьезной болѣзнью; но кто распространитъ больше нежели три копіи этого письма, тотъ получитъ исцѣленіе отъ неизлѣчимыхъ

болѣзней и будетъ во всемъ успѣвать. Въ соборѣ Св. Софіи и въ часовнѣ св. Михаила соберется людей много, и по выходѣ изъ собора они кликнуть кличъ народу, чтобы онъ сплотился противъ жидовъ и поляковъ.»

Черное духовенство дѣйствительно отозвалось на этотъ зовъ и собиралось въ нѣсколькихъ губерніяхъ, и затѣмъ повело хулигановъ не къ избіенію студентовъ, а—какъ выше приведенное воззваніе, въ замаскированной формѣ, призывало—къ избіенію евреевъ, также какъ и русскихъ студентовъ и рабочихъ, заступавшихся за послѣднихъ. Еслибы русскіе крестьяне были узкими фанатиками, то таковое воззваніе отъ святѣйшихъ отцовъ Православной Церкви повело-бы къ чудовищному и массовому кровопролитію, и дѣло не ограничивалось бы спорадическими избіеніями, къ тому еще избіеніями, подготовленными чиновниками и полиціей. Фактъ тотъ, что изъ восьмидесяти шести губерній и областей, лишь въ одной черносотенное воззваніе пало на плодотворную почву. И даже въ этой губерніи черносотенному Союзу удалось привлечь крестьянское населеніе въ свои ряды не иначе, какъ посредствомъ обѣщанія земли каждому, кто запишется въ его члены и будетъ платить членскіе взносы.

Субсидируемая правительствомъ черносотенная пропаганда обыкновенно ведется чернымъ духовенствомъ и спеціальными «агитаторами».

Тамъ, гдѣ правительство не въ состояніи вызвать религіозной вражды, пробудить зависть къ образованному классу, или вызвать корыстное желаніе гибели угнетенной націи—тамъ правительство просто на просто спекулируетъ на невѣжествѣ массъ, выдумываетъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, будто-бы замышляющихъ недоброе противъ русскаго народа. Въ однихъ мѣстахъ это—поляки и евреи составляютъ большинство крамольныхъ агитаторовъ и «гораздо болѣе опасны, нежели наши внѣшніе враги».

Это подлинныя слова одного полковника, обращенныя къ солдатамъ въ одномъ городѣ съ преобладающимъ польскимъ населеніемъ.

Въ одномъ воззваніи, одобренномъ цензурой и кіевскимъ губернаторомъ, говорится между прочимъ, что враги Россіи это: «Поляки, которые не могутъ забыть, что русскіе больше не ихъ крѣпостные; японцы и ихъ союзники англичане и американцы, которые и подстроили войну; и, наконецъ, жиды-израэлиты.» Затѣмъ слѣдуютъ цитаты изъ Вѣтхаго Завѣта, вспоминающія библейскія времена, когда убивали евреевъ, и призывъ къ повторенію избіеній. Вскорѣ послѣ появленія этихъ воззваній разразились въ этихъ мѣстахъ погромы. Распространеніе патріотическими организаціями лубочныхъ картинъ возмутительнаго содержанія среди народа и войскъ въ Манджуріи свидѣтельствуетъ о томъ, что уже въ то время правительство старалось разжечь въ народѣ ненависть противъ Англіи и Соед. Штатовъ. Выше приведенное воззваніе, выпущенное по приказу Трепова уже послѣ войны, служитъ еще однимъ доказательствомъ того, что русское правительство старалось натравить народъ на внутренняго и внѣшняго врага въ надеждѣ отвлечь отъ себя гнѣвъ его.

Отвѣтственный редакторъ полуоффиціальной газеты «Свѣтъ» однажды даже предупреждалъ Соед. Штаты, что Россія не потерпитъ, молъ, оскорбительныхъ отзывовъ американскихъ газетъ о царѣ. Онъ призывалъ къ дипломатическимъ шагамъ.

Ему въ голову и не приходитъ, что американскія истинно демократическія газеты, естественно возмущены беззаконіями деспотизма. Почтенный редакторъ объясняетъ себѣ нападки американской прессы тѣмъ, что послѣдняя де находится въ рукахъ евреевъ.

ГЛАВА VII.

«Моя главная опора».

Нѣтъ предѣла той системѣ лжи, при посредствѣ которой это могущественное правительство подготовляетъ погромы на своихъ несчастныхъ подданныхъ. Для арміи оно практикуетъ одну ложь, въ среду низшихъ чиновъ оно пускаетъ въ ходъ другую и т. д. Одно изъ ложныхъ увѣреній, это то, что евреи плохіе солдаты, неохотно исполняющіе свои обязанности. Есть однако много доказательствъ тому, что до начала революціи евреи давали такихъ же хорошихъ солдатъ, какъ и не-евреи. Теперь, конечно, усиленныя преслѣдованія евреевъ въ арміи не могли не оказать своего дѣйствія. Евреями достается самое плохое изъ солдатской жизни: еврейскихъ солдатъ обыкновенно опредѣляютъ въ наихудшіе полки; ихъ религіозныя чувства грубо насилуются; ихъ національность оскорбляется на каждомъ шагу. Офицеры въ своихъ рѣчахъ подстрекаютъ солдатъ къ расправѣ съ «жидами»— и послѣ всего этого требуютъ отъ евреевъ любви къ солдатской службѣ! Одинъ офицеръ приказалъ солдатамъ плевать въ лицо одному ихъ товарищу-еврею. Когда же послѣдній ударилъ одного изъ тѣхъ, которые послушались приказа, его предали военному суду.

Правительство и реакціонеры обвиняютъ евреевъ также въ систематическомъ обхожденіи законовъ. Вотъ вкратцѣ дѣйствительное положеніе вещей.—Несмотря на всѣ ограниченія евреевъ въ гражданскихъ и политическихъ правахъ, на то, что имъ отказываютъ въ государственной помощи и защитѣ, и не допускаетъ ихъ къ образованію,—

евреи вынуждены платить тѣ же подати и налоги, что и остальное населеніе. Но это еще не все. Имѣется, напр., спеціальный денежный сборъ на еврейское «кошерное» мясо и на употребляемыя въ синагогахъ свѣчи. Эти спеціальные сборы взимаются якобы для еврейскихъ общихъ просвѣтительныхъ нуждъ. Правительство, однако, не считаетъ даже нужнымъ давать какіе либо отчеты о собираемыхъ имъ такимъ путемъ милліонахъ рублей, которые, по словамъ бывшаго губернатора князя Урусова, идутъ полностью на мощеніе улицъ, на содержаніе правительственныхъ учрежденій и полиціи, на вспомоществованіе пресловутому «Красному Кресту» и даже на субсидіи высшимъ школамъ, въ которыхъ доступъ евреямъ почти что совершенно закрытъ. Съ евреевъ такимъ образомъ деруть двѣ шкуры въ пользу учрежденій, двери которыхъ бываютъ для нихъ закрыты. Не естественно-ли послѣ всего этого, что евреи стараются, гдѣ и когда только могутъ, обойти такіе несправедливые и тяжелые для нихъ законы? Но это вынужденное нарушеніе законовъ само по себѣ служитъ уже предлогомъ для еще большихъ ограниченій въ правахъ.

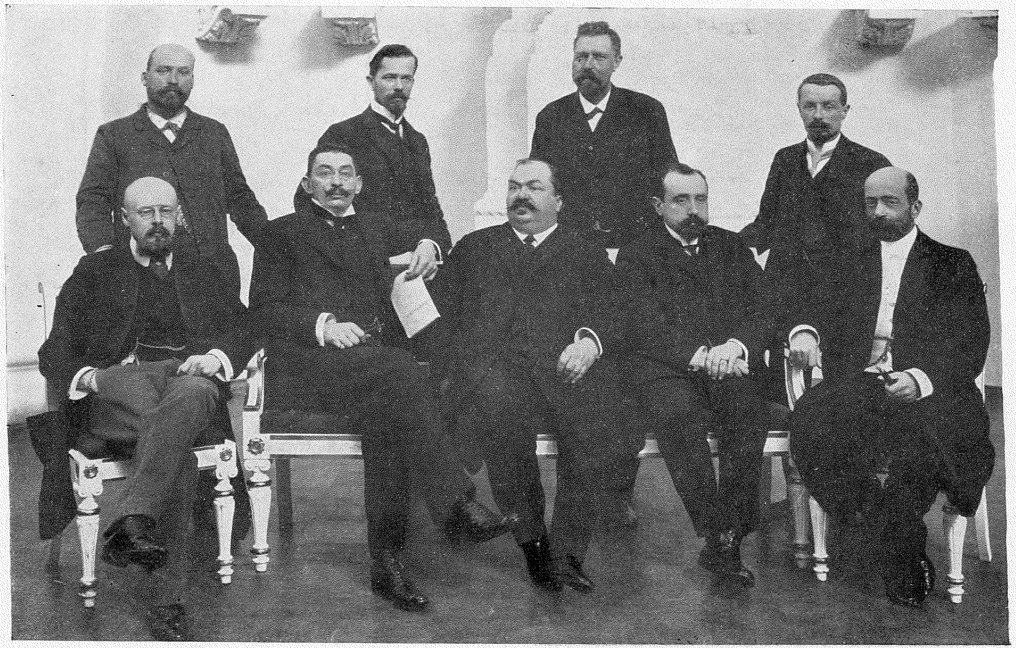
Человѣконенавистническую политику правительства поддерживаютъ дворянство и подонки общества. Первое дѣлаетъ это по близости къ престолу, вторые-же по близости ихъ къ полиціи и сыщикамъ. Дворянство подкупается главнымъ образомъ привилегіями, теплыми мѣстечками и всякими замаскированными подачками изъ государственной казны, чернь же подкупается водкой или наличной мелочью на таковую. Существуетъ трогательное единеніе между этими союзниками царя—благороднымъ дворянствомъ и чернью. Организаторомъ Союза русскихъ людей въ Одессѣ является напр. никто иной какъ сіятельный графъ Коновницынъ. Въ Москвѣ во главѣ этого союза стоитъ князь Щербатовъ; въ Тулѣ—графъ Бобринскій, въ Курскѣ и многихъ другихъ губерніяхъ предводители дворянства и, наконецъ, въ С. Петербургѣ

камергеръ Его Императорскаго Величества графъ Апраксинъ. Помимо этого Союзъ насчитываетъ многихъ сторонниковъ среди придворныхъ сферъ—среди великихъ князей, генераловъ, придворныхъ камергеровъ, министровъ и ихъ товарищей, судей и т. д. Всѣ эти титулованные господа, какъ всѣ, впрочемъ, благородные, заинтересованы не только въ сохраненіи двора, бюрократіи и привилегіи помѣщиковъ, но также въ реакціонной аграрной политикѣ, сахарной монополіи, спеціальныхъ желѣзнодорожныхъ тарифахъ для крупныхъ экпортеровъ хлѣба, заинтересованы въ отмѣнѣ поземельныхъ налоговъ, неограниченномъ для нихъ государственномъ кредитѣ, свободномъ ввозѣ земледѣльческихъ орудій, въ особенности такихъ, которыя по своей дороговизнѣ недоступны для крестьянъ, а также, быть можетъ, въ отмѣнѣ золотой валюты и возвращеніи къ бумажнымъ ассигнаціямъ.

Казалось бы, что все это ничего общаго не имѣетъ съ еврействомъ. На дѣлѣ же каждая реакціонная группа, добивающаяся участія въ общемъ грабежѣ и эксплоатаціи народа, почти неизмѣнно облекаетъ свои тайныя или явныя вождѣленія въ форму «патріотической» борьбы противъ нехристей. Помѣщики ухищряются использовать для себя притѣсненіе евреевъ. Имъ не приходится конкурировать съ еврейскими помѣщиками, такъ какъ таковыхъ вовсе нѣтъ. Евреямъ не разрѣшается пріобрѣтать земельное имущество. Но зато существуютъ еврейскіе капиталисты, которые вмѣстѣ съ другими капиталистами желали бы, чтобы вся государственная политика была направлена больше въ защиту интересовъ промышленности, нежели въ защиту землевладѣнія. Недружелюбное отношеніе евреевъ къ интересамъ землевладѣнія обусловливается, какъ увѣряютъ помѣщики, тѣмъ исключительно, что они евреи, а не тѣмъ обстоятельствомъ, что интересы землевладѣнія идутъ въ разрѣзъ съ интересами евреевъ, какъ капиталистовъ. Подъ предлогомъ, что существуетъ де еврейская конспирація подорвать

Крушеванъ

Центральная Рабоча
Моск. Губ. сов. Проф. Союз.



Группа реакціонныхъ депутатовъ въ Думѣ

Пуришкевичъ Крушеванъ

Центральная Рабочая Библиотека Моск. Губ. Сов. Проф. Союз.

сельское хозяйство, помѣщики, часто нападаютъ даже на промышленность вообще, и каждая попытка иностраннаго или русскаго капитала споспѣшествовать этой промышленности клеймится ими, какъ антирусская, еврейская, нѣмецкая или англійская попытка опутать государство при помощи денежныхъ путъ. Изъ того же лагеря аграріевъ раздается критика золотой валюты, которая,—кто знаетъ?—въ одинъ прекрасный день можетъ быть отмѣнена, какъ «еврейская выдумка» и платежъ процентовъ по внѣшнимъ займамъ можетъ быть пріостановленъ, какъ дѣло, касающееся лишь иностранцевъ и евреевъ. Уже теперь замѣчается недовольство и ропотъ среди дворянства противъ иностраннаго капитала и вліянія заграничныхъ кредиторовъ на русскія дѣла. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ случаѣ остраго финансоваго кризиса, можетъ подняться сильное движеніе среди реакціонныхъ элементовъ противъ иностраннаго капитала. Русскіе капиталисты уже аттакуются и поносятся какъ друзья и пріятели евреевъ. Милліоны и принадлежность къ синдикату сахарозаводчиковъ не спасли однако Бродскаго отъ безцеремоннаго «патріотическаго вразумлѣнія» его на улицахъ Кіева. А сидѣвшаго въ кругу своихъ пріятелей фабрикантовъ изъ христіанъ, въ одномъ изъ лѣтнихъ садовъ Москвы, богатаго еврея Эразмуса присутствіе этихъ друзей не спасло отъ пули одного «патріота». Послѣдній подсѣлъ къ группѣ фабрикантовъ, нарочно затѣялъ съ ней ссору и, намѣтивъ Эразмуса своей жертвой, наповалъ убилъ его.

Евреи—утверждаетъ, какъ мы видѣли раньше, царь—«являются наихудшимъ типомъ гешефтмахеровъ и лихоимцевъ.» Но, вѣдь, они составляютъ добрую половину всего числа «гешефтмахеровъ въ Россіи». И если къ этому еще прибавить, что всякій гешефтмахеръ изъ не-евреевъ, въ большинствѣ случаевъ находится въ тѣсныхъ дѣловыхъ сношеніяхъ съ евреями, то намъ станетъ ясно, почему царское недовольство фактически—направлено противъ

всего русскаго капиталистическаго міра. Но объясняется ли его недовольство тѣмъ, что капиталисты вообще гешефтмахеры, или тѣмъ, что огромный процентъ изъ нихъ евреи? Всякій, даже хорошо знающій, что представляетъ собою русская реакція, затруднится отвѣтить на этотъ вопросъ. Между правительствомъ, основанномъ на насиліи и произволѣ, и капиталомъ вражда неизбѣжна. Капиталистъ часто ненавистенъ реакціонерамъ, и это потому, что сами реакціонеры сравнительно бѣдны и часто неспособны содержать самихъ себя. Правительственный грабежъ, въ лучшемъ случаѣ, представляетъ собою крайне непостоянный источникъ дохода, и крупная добыча—рѣдкость. Чиновничество, въ сущности, ничего не имѣетъ противъ развитія отечественной промышленности, но оно желало бы, чтобы барыши отъ нея шли къ нему. И такъ какъ чиновники сами не дѣловые люди, то они занимаются грабежомъ послѣднихъ. Такимъ образомъ, когда «патріотъ» говоритъ о «жидѣ», онъ часто имѣетъ въ виду «дѣловыхъ людей» вообще.

Для многихъ такихъ патріотовъ обыкновенный американскій дѣлецъ былъ бы тѣмъ же «жидомъ» и, вѣроятно, его такъ и величали бы.

Покровительство, оказанное правительствомъ Союзу русскихъ людей во время избирательной кампаніи, обнаружило истинный характеръ обѣихъ этихъ организацій. Въ Москвѣ главнымъ кандидатомъ Союза въ Госуд. Думу былъ нѣкій Шмаковъ, одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ вожаковъ этого Союза. Уже въ качествѣ кандидата Шмаковъ заявилъ, что онъ вѣритъ только въ неограниченное самодержавіе и не признаетъ ни Думы, ни даже совѣщательнаго собранія. И то, и другое несовмѣстимо, по его мнѣнію, съ самодержавіемъ. «Есть лишь одна цѣль, ради которой стоитъ жить, одна лишь задача, достойная благороднаго человѣка, и это—борьба противъ жидовъ.» На свое избраніе—говорилъ Шмаковъ—онъ будетъ смотрѣть какъ на выраженіе воли народа искоренить «жидовъ».

Несмотря, однако, на все содѣйствіе администраціи, Шмаковъ не былъ выбранъ. Все взяточничество и насиліе, употребленное въ его пользу, собрало ему, въ этомъ огромномъ городѣ, нѣсколько лишь жалкихъ сотъ голосовъ. И эти голоса вербовались, главнымъ образомъ, опять таки изъ среды союзниковъ и другихъ зависимыхъ отъ полиціи элементовъ, какъ швейцаровъ и дворниковъ, привыкшихъ къ полицейской службѣ, а также сидѣльцевъ казенныхъ винныхъ лавокъ.

Въ Минскѣ общимъ кандидатомъ Союза и такъ наз. «умѣренныхъ» былъ выставленъ и «побѣдоносно» выбранъ, противъ воли подавляющаго большинства населенія, нѣкій капитанъ Шмидтъ. Въ 1901 г. этотъ капитанъ продалъ иностранной державѣ планы Кронштадской крѣпости, былъ затѣмъ уличенъ, осужденъ и сосланъ въ Сибирь съ лишеніемъ всѣхъ личныхъ и гражданскихъ правъ. Избирательный законъ, устраняющій главнымъ образомъ революціонеровъ, ясно, однако, устанавливаетъ неправоспособность такихъ преступниковъ, какъ Шмидтъ. Этотъ предатель, осужденный за государственную измѣну, былъ помилованъ царемъ—онъ вѣдь только продалъ планы и не былъ революціонеромъ! Правительство, послушное, конечно, царской волѣ, вступилось за него и объявило его выборъ законнымъ. Послѣ торжественнаго собранія Союза въ одномъ монастырѣ, въ которомъ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ Богу за его милость, умѣренные и «истинно-русскіе люди» послали капитана Шмидта представлять ихъ въ Думѣ. «Если онъ и не русскаго происхожденія,—заявилъ на одномъ изъ собраній Союза одинъ изъ главарей его—зато никто такъ ревностно не защищаетъ православія, какъ онъ.»

Таковы типы, стоящіе во главѣ организаціи, которую царь громогласно назвалъ своей «главной опорой». Грабители, убійцы и люди, готовые за ничто продать свою родину—вотъ изъ какихъ элементовъ состоитъ Союзъ. Этотъ сбродъ вмѣстѣ съ черносотенной бюрократіей и при-

дворной камарильей и являются въ настоящій моментъ господами положенія. Въ «легальной» политической жизни Россіи они являются теперь наиболѣе активнымъ элементомъ и проявляютъ себя во всю. Въ своихъ оффиціальныхъ органахъ они требуютъ исключенія изъ Думы всѣхъ «демократовъ», требуютъ также ареста Гессена, Милюкова и Кутлера, принадлежащихъ въ сущности къ крайне-правому крылу умѣренно либеральной партіи; требуютъ постоянныхъ и систематическихъ избіеній всѣхъ политическихъ заключенныхъ. Судя по послѣднимъ дѣйствіямъ правительства, эти требованія оказываются совсѣмъ уже не такими безсмысленными мечтаніями. Такъ напр. нѣсколько лѣтъ еще тому назадъ князь Долгорукій былъ сосланъ за одно лишь выраженіе умѣренныхъ пожеланій земства, а въ настоящій моментъ вся думская фракція одной демократической партіи заключена въ тюрьмѣ и находится подъ судомъ. Умѣренную кадетскую партію правительство все еще считаетъ нелегальной; почему, спрашивается, и не арестовывать ея вождей, какъ этого требуютъ черносотенцы? Относительно же ихъ требованія избивать политическихъ заключенныхъ, то врядъ ли найдется одна тюрьма въ Россіи, въ которой бы это не практиковалось. Что касается примѣненія тѣлеснаго наказанія къ цѣлымъ деревнямъ, то объ этомъ и говорить нечего. Почему же и не узаконить эти избіенія, почему ихъ не сдѣлать всеобщими? «Союзъ истинно русскихъ людей» требуетъ также устраненія неподходящихъ «человѣколюбивыхъ» полицейскихъ чиновъ, болѣе частыхъ разстрѣловъ неблагонадежныхъ лицъ. Но развѣ генералъ Ренненкамфъ уже не заявилъ въ своемъ оффиціальномъ приказѣ, что слишкомъ мало смертей было и, что солдаты должны стрѣлять съ цѣлью убивать? И развѣ царь, вполнѣ освѣдомленный о всѣхъ подвигахъ этого «храбраго» генерала противъ «внутренняго врага» въ Сибири, гдѣ онъ разстрѣлялъ цѣлую делегацію, явившуюся къ нему съ жалобой,—развѣ, говоримъ мы, царь не наградилъ этого

«браваго» генерала повышеніемъ и отличіемъ? Почему же Союзу и не добиваться еще болѣе крутыхъ мѣръ?

Союзу не безъизвѣстно, что правительственныя гоненія на евреевъ дошли уже до того, что—какъ сознается князь Урусовъ—они составляютъ главную дѣятельность и поглощаютъ всю энергію начальниковъ губерній. Союзъ не забылъ своихъ огромныхъ успѣховъ въ погромномъ дѣлѣ, не забылъ, что его агитація и «патріотическія» демонстраціи принесли съ собой чудовищные погромы 1905 г.; Союзъ помнитъ также, что во многихъ мѣстахъ, въ лицѣ своихъ мѣстныхъ агентовъ, правительство совершенно открыто принимало активное участіе въ погромахъ. Въ Тифлисѣ губернаторъ, напримѣръ, распорядился, чтобы военный оркестръ сопровождалъ черносотенную процессію; въ Одессѣ градоначальникъ Нейдгартъ въ своемъ оффиціальномъ приказѣ цитировалъ воззваніе Союза, въ которомъ говорилось, что «тридцать тысячъ мѣщанъ грозятъ сжечь университетъ, если революціонная активность студентовъ немедленно не прекратится . . .» Къ этой угрозѣ Нейдгартъ въ своемъ приказѣ присовокупляетъ, что онъ «не только не воспрепятствуетъ, но всѣми находящимися въ его распоряженіи силами еще посодѣйствуетъ учиненію такого погрома, какого Россія еще не знала.»

Союзъ знаетъ, что въ Твери членамъ его разрѣшили сперва устроить среди бѣла дня осаду зданія, въ которомъ засѣдали прогрессивные земскіе дѣятели, затѣмъ поджечь это зданіе и на глазахъ полиціи и солдатъ убивать и калѣчить всѣхъ тѣхъ, которые пытались спастись изъ охваченнаго пламенемъ зданія. Все это продолжалось до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, приказано было пріостановить погромъ. Одинъ залпъ въ воздухъ положилъ конецъ будто бы не поддававшимся подавленію безпорядкамъ. Въ Баку германскій консулъ протестовалъ телеграфно противъ предполагавшейся демонстраціи, которая, онъ былъ увѣренъ, неизбѣжно поведетъ къ погрому. Въ отвѣтъ онъ получилъ увѣреніе, что «германскіе подданные»

будутъ защищены, и погромъ состоялся согласно росписанію . . .

Союзъ знаетъ также, что теперь правительственныя зданія отдаются въ его распоряженіе, что правительственные чиновники, въ особенности провинціальныя власти, или же лица, занимающія выборныя должности только благодаря несовершенному и несправедливому избирательному закону, предсѣдательствуютъ на его собраніяхъ, что высокопоставленныя особы находятся въ тайной или явной связи съ нимъ; что великіе князья и оффиціальные правительственные органы выражаютъ благосклонность и одобреніе его дѣятельности, которую самъ царь даже всей своей неограниченной властью поощряетъ. Почему же, послѣ всего этого, Союзу и не требовать ареста ненавистныхъ ему умѣренно-либеральныхъ вождей, не требовать розогъ и кулаковъ для политическихъ заключенныхъ и пр. и пр.?

Нечего поэтому удивляться тому, что союзники смѣло аттакуютъ даже самого царскаго премьеръ-министра за его якобы желаніе реформировать царизмъ, за его попытку превратить послѣдній въ болѣе право-порядочную, если не менѣе деспотическую систему, и подчинить Союзъ контролю правительства. Между этими двумя лагерями реакціи происходитъ настоящая война, отъ которой, впрочемъ, Россіи ни тепло, ни холодно. Пользуясь военнымъ положеніемъ Столыпинъ распорядился было конфисковать оффиціальный органъ Союза «Русское Знамя». Д-ръ Дубровинъ въ отвѣтъ на это роспоряженіе указалъ, что военное положеніе имѣетъ въ виду революціонеровъ, но отнюдь не такихъ «патріотовъ, какъ онъ самъ и его союзники», и высшая судебная инстанція въ странѣ—Сенатъ—поспѣшилъ подтвердить его взглядъ. Столыпинъ, такимъ образомъ, убѣдился, что при царизмѣ даже военное положеніе не можетъ быть примѣнимо ко всѣмъ и каждому одинаково. Для борьбы съ безпорядками, причиняемыми какъ контръ-революціей, такъ и революціей,

въ распоряженіи Столыпина имѣется одно и единственное лишь средство, это, само по себѣ безпорядочное, военное положеніе. О томъ, что представляетъ собою управленіе съ помощью военнаго положенія, я буду говорить позже. Въ настоящей же главѣ я намѣренъ лишь указать на тотъ фактъ, что военное положеніе лишь прикрываетъ собою и стимулируетъ дѣятельность реакціонныхъ черносотенныхъ силъ. И это неизбѣжно въ виду того, что офицеры арміи въ большинствѣ случаевъ такіе же черносотенцы, какъ и вся чиновная Русь, которой военное положеніе даетъ власть надъ жизнію и смертью обывателя. Образцомъ не-военнаго чиновника, которому «военнымъ положеніемъ» дается абсолютная власть надъ жизнію и смертію подданныхъ царя, можетъ служить «земскій начальникъ». И безъ военнаго положенія этому чиновнику законъ предоставляетъ огромную власть. Крестьяне почти никогда не видятъ губернатора, ни даже болѣе или менѣе крупныхъ чиновъ губернской администраціи. Для нихъ земскій начальникъ—царь, и большинство крестьянскихъ безпорядковъ послѣднихъ лѣтъ были направлены главнымъ образомъ противъ этихъ «начальниковъ».

Всюду эти важные начальники, которымъ въ ближайшемъ будущемъ суждено, можетъ быть, сыграть рѣшающую роль, являются активными членами Союза истинно-русскихъ людей. Недавно одинъ изъ такихъ «начальниковъ» совершенно исчезъ на нѣсколько недѣль. Всѣ поиски крестьянъ, предводителя дворянства, другихъ чиновниковъ и уѣздной и губернской полиціи были безуспѣшны. Его не могли найти потому, что никто не смѣлъ помѣшать ему отдаваться работѣ, болѣе важной чѣмъ та, которая предписывается родомъ его службы. Дѣло въ томъ, что онъ состоялъ товарищемъ предсѣдателя смоленскаго отдѣла Союза истинно-русскихъ людей и, какъ таковой, принималъ дѣятельное участіе въ происходящемъ въ то время въ г. Смоленскѣ губернскомъ съѣздѣ членовъ этого Союза. Это свидѣтельствуетъ лишь о той

тѣсной связи, которая существуетъ между мѣстной администраціей и черносотеннымъ Союзомъ. Новое правительство, куда бы оно ни повернулось, что бы оно ни предприняло, неизбѣжно должно натолкнуться на крайнихъ реакціонеровъ. Если оно вздумаетъ подобно Столыпину править при помощи всеобщаго постояннаго военнаго положенія, оно найдетъ ревностныхъ помощниковъ среди огромнаго большинства офицеровъ и военно-начальниковъ, которые часто находятся въ тѣсной связи съ реакціоннымъ Союзомъ. Если же Столыпинъ пойдетъ дальше по пути созданія мѣстныхъ сатрапій и спеціальныхъ органовъ для борьбы съ революціей, онъ сможетъ почти всецѣло полагаться на тотъ же Союзъ. Если онъ пожелаетъ вернуться къ испытанному уже средству, искуственному контръ-революціонному движенію среди народа, онъ найдетъ, что всѣ необходимыя приспособленія и «популярные» вожди уже монополизированы Союзомъ. Въ Г. Думѣ Союзъ почти также силенъ, какъ умѣренно-реакціонные друзья Столыпина, а въ Государственномъ Совѣтѣ онъ даже сильнѣе.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что самое ближайшее будущее Россіи будетъ въ значительной мѣрѣ въ рукахъ профессіональныхъ реакціонеровъ, агитаторовъ изъ Союза истинно-русскихъ людей. Произойдетъ это оттого, что интеллигентные и честные люди не пойдутъ на службу къ правительству, которое воюетъ съ своимъ собственнымъ народомъ. Потопить въ крови всякую попытку со стороны народа добиться самыхъ элементарныхъ правъ и независимости есть дѣло, на которое годны и способны лишь тупые и звѣроподобные люди. Ничто такъ не говоритъ въ пользу характера русскаго народа, какъ тотъ фактъ, что въ настоящій моментъ наивысшіе государственные посты пополняются наихудшими изъ его элементовъ.

ГЛАВА VIII.

Что приключилось съ «конституціей».

На той же самой аудіенціи, когда царь обѣщалъ представителямъ Союза истинно-русскихъ «подумать хорошенько» объ ихъ просьбѣ — отказать евреямъ въ правѣ русскаго гражданства, одинъ изъ этихъ представителей умолялъ Его Величество также о томъ, чтобы онъ сохранилъ начало самодержавія—словомъ, чтобы онъ не давалъ конституціи. Царь на это отвѣтилъ въ утвердительномъ смыслѣ и прибавилъ, что «о дѣяніяхъ своихъ онъ дастъ отчетъ передъ Богомъ».

Такимъ образомъ мы видимъ, что призывъ къ гоненіямъ всегда сопровождается враждебными вылазками противъ конституціонной формы правленія. Одна изъ гонимыхъ народностей, татары, образовали «Союзъ споспѣшествованія конституціонному праву въ Россіи». Нѣкоторые администраторы полагали, что Союзъ этотъ можетъ быть легализированъ на томъ основаніи, что согласно основнымъ законамъ, конституціонное ограниченіе царской власти признавалось самимъ правительствомъ. Петербургскій градоначальникъ былъ однако противоположнаго мнѣнія, и Сенатъ, наконецъ, сталъ на его точку зрѣнія, а именно, что въ Россіи противозаконно для какой бы то ни было организаціи даже говорить о конституціонномъ правленіи.

Во время разыгравшихся погромовъ громилы не дѣлали различія между конституціоналистами и евреями. Въ дѣйствительности намѣренія Трепова и всей придворной камарильи сводились въ то время къ тому, чтобы при

посредствѣ еврейскихъ погромовъ задушить вообще освободительное движеніе. Это было внушено и низшей администраціи, которая главнымъ образомъ выполняла погромные планы и замыслы правительства. Такъ напримѣръ, въ Ново-Зыбковѣ, небольшомъ городкѣ Черниговской губерніи, исправникъ, съ телеграммой губернатора въ рукахъ, взобравшись на экипажъ, громко возвѣстилъ собравшейся предъ нимъ толпѣ:

«Господа, нѣтъ конституціи, нѣтъ свободъ! То, что было сказано здѣсь вчера, есть лишь одна выдумка нашихъ враговъ жидовъ, доктора Иванова и Боголюбова. Теперь вы можете расправиться съ ними, какъ вашей душѣ захочется. Вамъ дается это право.» И дѣиствительно, немедленно же послѣ этого часть толпы начала громить и убивать евреевъ.

Одна треть состава всѣхъ членовъ Третьей Думы совершенно отрицаетъ, что въ Россіи есть конституція, другая треть отказывается оффиціально признать, что таковая существуетъ въ Россіи. Въ то же время царь вмѣстѣ съ Столыпинымъ дѣлаетъ все возможное для возстановленія стараго режима. Объ обѣщанныхъ 17-го октября 1905 г. конституціонныхъ гарантіяхъ и свободахъ они совершенно забыли. Coup d'état 3-го іюня 1907 г., которымъ Дума была превращена въ палату чиновниковъ и помѣщиковъ, фактически уже свелъ къ нулю всѣ царскія обѣщанія. Для реакціонеровъ, собственно говоря, нѣтъ больше необходимости утверждать и настаивать въ Думѣ, что въ Россіи нѣтъ конституціи, что все, что царь соблаговолилъ дать, онъ можетъ во всякое время взять обратно. Царь такъ уже поступилъ. Исчезъ всякій намекъ на конституцію, и пока Дума не добьется какого-либо контроля надъ правительствомъ, она—сколько бы думское большинство ни утверждало противное—будетъ оставаться совѣщательнымъ лишь учрежденіемъ.

Царитъ произволъ, и самодержавіе торжествуетъ.

И въ переживаемый теперь моментъ умѣренные и лояльные элементы заботятся не столько о настоящемъ, сколько о будущемъ. Если царизму существовать, то произволъ не долженъ прекращаться; если существованію царизма грозитъ опасность, то произволъ долженъ проявляется еще интенсивнѣй. И поэтому то крайніе реакціонеры, выступая въ Думѣ въ защиту самодержавія и противъ конституціи, направляютъ теперь всѣ свои громы противъ крамольныхъ поляковъ и евреевъ. Реакціонеры успѣли уже увлечь въ сторону своей реакціонной политики Думское большинство. Столыпинъ волей неволей долженъ слѣдовать этой политикѣ и, побуждаемый Думскими дебатами, онъ вскорѣ закрылъ польское школьное общество, открывшее за короткій періодъ сравнительной свободы, 780 школъ. Его походъ противъ завоеванныхъ Финляндіей свободъ показываетъ, что и тамъ, гдѣ революція, казалось, сдѣлала дѣйствительныя завоеванія, также все будетъ въ концѣ концовъ отобрано назадъ.

Господствующая въ Третьей Думѣ умѣренно-реакціонная партія октябристовъ всячески пыталась обойти всѣ эти щекотливые вопросы. Она добилась согласія 212-ти изъ 440 членовъ Думы на то, чтобы въ благодарственномъ адресѣ къ царю было изъято какъ слово «самодержавіе», такъ и слово «конституція». Такъ какъ польское коло и демократическія фракціи воздержались отъ голосованія, то таковой собственно и осталась позиція всей Думы по вопросу о конституціи; но не такъ обстояло дѣло съ самодержавіемъ. Правда, за признаніе существованія неограниченнаго самодержавія голосовало лишь 146 крайнихъ реакціонеровъ; но въ томъ же смыслѣ при иныхъ случаяхъ высказались еще 100 другихъ депутатовъ. Еслибы Дума голосовала два раза вмѣсто одного, то большинство оказалось бы противъ признанія Россіи конституціонной страной и за признаніе самодержавія. Анормальная позиція робкихъ конституціоналистовъ, повседневно признающихъ существованіе самодержавія и

избѣгающихъ даже упоминать слово «конституція» или его синонимъ, оправдывается самыми ложными и безстыдными софизмами вродѣ того, что титулъ «Самодержавный» означаетъ лишь независимость царя отъ иностранныхъ державъ, но не независимость его отъ народа, и что споръ о томъ, есть ли Россія конституціонная страна или же подобно Китаю и Марокко—деспотическая, есть лишь «чистое пустословіе» или «спекулятивный вопросъ». Этого мнѣнія придерживается и оффиціальная газета «Россія».

Трусливый отказъ Думы разрѣшить одинъ изъ наиболѣе жгучихъ вопросовъ русской жизни, вынудило ее пойти на еще болѣе опасныя уступки грубому правительственному насилію и произволу.

Въ своей декларації правительственной программы дѣйствія Столыпинъ ни словомъ не упоминаетъ о царскомъ манифестѣ 17-го октября, этой «великой хартіи» русской свободы, или, покрайней мѣрѣ, единственной оффиціальной хартіи надеждъ Россіи. Князь Львовъ, одинъ изъ консервативныхъ членовъ Думы, внесъ предложеніе, чтобы Дума признала хоть существованіе этой хартіи. Партія 17-го октября голосовала противъ такого признанія, и этимъ самымъ отреклась отъ своего собственнаго имени и оправданія своего существованія. Подобно крайнимъ реакціонерамъ, эта партія не предъявляетъ никакихъ требованій правительству и безропотно принимаетъ то, что послѣднее даетъ ей. Такъ называемое русское представительное собраніе не претендуетъ ни на конституцію, ни на основные законы, ни на какія либо гражданскія права. Оно является лишь другимъ государственнымъ совѣтомъ, составленнымъ изъ послушныхъ холоповъ абсолютизма, и представляетъ собою еще одно колесо уже и безъ того громоздкой бюрократической машины.

Вождь Думскаго большинства, Александръ Гучковъ, пояснилъ позицію своей партіи въ слѣдующихъ, хотя

довольно туманныхъ, но тѣмъ не менѣе достаточно опредѣленныхъ выраженіяхъ. По его мнѣнію, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ существованія новой Думы, между главными партіями не будетъ уже никакихъ разногласій по поводу формы правленія. Онѣ всѣ будутъ довольны достигнутыми практическими результатами. Его партія того мнѣнія, что Россія имѣетъ конституцію и что самъ царь ограничилъ свою власть. Но онъ однако не будетъ настаивать, чтобы крайніе реакціонеры признали существованіе въ Россіи другой власти, помимо царской. Всѣ партіи смогутъ согласиться на царскомъ толкованіи манифеста 17-го октября.

Какъ мы видимъ, А. Гучковъ надѣется, что черносотенцы, которыхъ онъ намѣренъ приручить, въ будущемъ перестанутъ нападать на эту хартію, какъ скоро убѣдятся, что правительство само наложило запретъ на нее. Но Гучковъ, очевидно, настолько доволенъ этой Думой и грядущимъ трогательнымъ единеніемъ, которое она водворитъ, что онъ согласится отречься отъ всѣхъ тѣхъ принциповъ, во имя которыхъ его партія впервые выступила.

Между крайними и умѣренными реакціонерами засѣдаетъ, такъ наз., реакціонный центръ, состоящій изъ болѣе чѣмъ ста помѣщиковъ, безъ которыхъ Гучковская партія не могла бы надѣяться имѣть большинство. Эти помѣщики ни въ коемъ случаѣ не солидарны во всемъ съ Гучковымъ; они еще не рѣшили, что будетъ для нихъ выгоднѣе: существованіе-ли Думы, которая явилась результатомъ манифеста 17-го октября, или же полнѣйшій возвратъ къ старому режиму. Они не питаютъ никакого оптимизма насчетъ Думы. Гучковская, полная теперь энтузіазма, партія состоитъ главнымъ образомъ изъ чиновничества, крупныхъ торговцевъ и промышленниковъ. Интересы не только послѣднихъ, но и чиновничества болѣе или менѣ антагонистичны интересамъ помѣщиковъ. При старомъ режимѣ помѣщикамъ постоянно приходилось оспаривать у бюрократіи вліяніе на царя. Гучковъ не

столько заботится о конституціи, какъ о своей Думѣ. Помѣщики не столько заботятся о Думѣ и октябрьскомъ манифестѣ, сколько о сохраненіи своего вліянія на царя. Помѣщики сами по себѣ не могли бы господствовать въ дѣйствительной Думѣ, какъ не могъ бы господствовать и Гучковъ, но, измѣненный въ угоду имъ избирательный законъ, даетъ имъ перевѣсъ надъ всѣми классами. Помѣщики, т. е. крупное помѣстное дворянство, представляя опору трона, являются поэтому въ настоящій моментъ господами положенія. Октябристскій лидеръ въ деклараціи своей конституціонной вѣры не преминулъ однако прибавить, что, по его убѣжденію, добровольное ограниченіе царемъ своей абсолютной власти ни въ какой мѣрѣ не ограничило въ дѣйствительности этой власти. Нѣтъ, новая Дума будетъ лишь служить противовѣсомъ противъ посягательствъ бюрократіи и двора на царскую власть. Какъ мы, однако, видѣли, одна часть этого противовѣса состоитъ изъ чиновниковъ, другая и большая—изъ крупнаго помѣстнаго дворянства, изъ котораго вербуется, какъ высшая бюрократія, такъ и придворная камарилья. Третья часть «противовѣса» представляетъ богатый классъ купцовъ и фабрикантовъ, которые вмѣстѣ съ менѣе реакціонными помѣщиками и организовали Гучковскую партію. Итакъ, черезъ посредство усилившаго свою власть помѣщичьяго сословія, Гучковъ надѣется вліять на дворъ. Онъ это откровенно и заявилъ. А съ помощью наиболѣе привиллегированнаго класса крупныхъ капиталистовъ онъ также надѣется обуздать чиновничество. Но я постараюсь дальше показать, что русскій капиталъ главнымъ образомъ поддерживается правительственными привилегіями и правительственными заказами и имѣетъ соотвѣтственное вліяніе на бюрократію, подобно тому, какъ крупное дворянство питается на счетъ двора и въ свою очередь вліяетъ на него.

Гучковская карьера, его далекія путешествія, его дѣятельность въ послѣднюю Русско-Японскую войну

въ качествѣ добровольнаго администратора въ Красномъ крестѣ, его дѣятельность въ качествѣ предсѣдателя московской городской управы, говоритъ за то, что онъ искренній реформаторъ больше, чѣмъ тщеславный политиканъ. Но до фанатизма увлеченный одной идеей, онъ враждебенъ ко всѣмъ тѣмъ, кто не соглашается съ нимъ въ оцѣнкѣ этой идеи. Идея же эта заключается въ томъ, что собраніе людей, какъ бы плохо ни было составлено, какъ бы сильно ни было ограничено въ правахъ, разъ только оно носитъ названіе Думы, въ состояніи преобразовать несчастную Россію. Ради Думы онъ готовъ отречься отъ имени «конституція» и «манифеста 17-го октября». «Дума» для него магическое слово и хранитъ въ себѣ такую же чудодѣйственную силу, какъ икона. Его газета буквально и говоритъ о «священныхъ стѣнахъ» Думы.

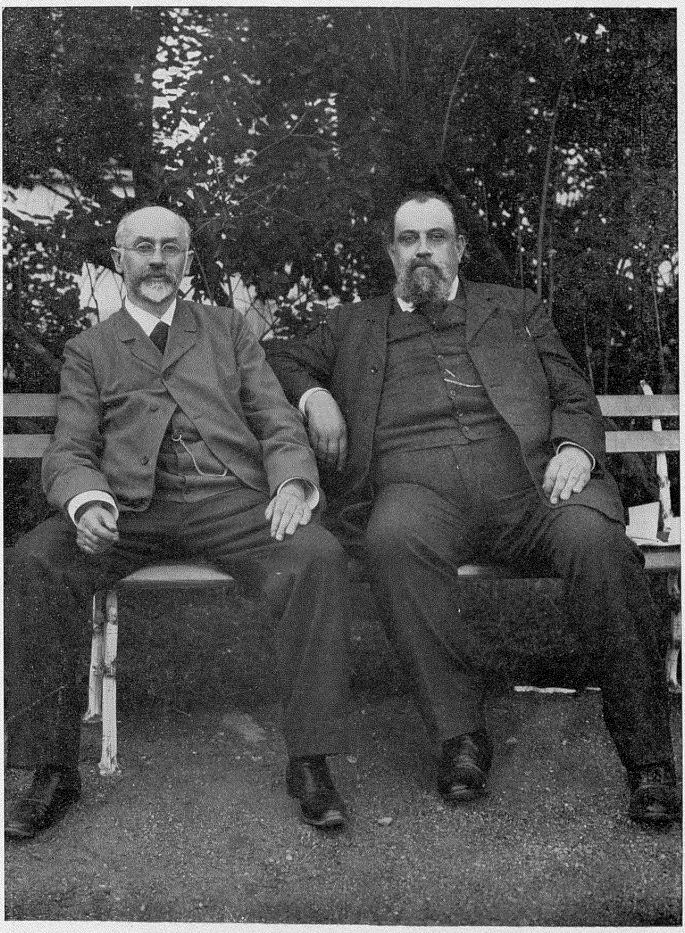
Но каково, спрашивается, значеніе Думы для правительства? Прежде всего финансовый кредитъ его заграницей постоянно падаетъ. Ему поэтому нужна хоть тѣнь представительнаго учрежденія, чтобы убѣдить мелкихъ французскихъ и нѣмецкихъ вкладчиковъ, до сихъ поръ спасавшихъ его отъ банкротства, что Россія имѣетъ лояльную палату представителей народа, которая вотируетъ всѣ необходимые правительству займы и налоги. Правительство надѣется, что вкладчики эти не замѣтятъ того факта, что Думское большинство состоитъ изъ людей, въ той или иной формѣ субсидируемыхъ этимъ самымъ правительствомъ. Во вторыхъ, Дума служитъ и для внутреннихъ цѣлей. Она объединяетъ бюрократію, камарилью, помѣщиковъ и другіе привилегированные классы и группы противъ давленія снизу, противъ народныхъ массъ, стремящихся добиться политической свободы. При помощи Думы правительство группируетъ вокругъ себя всѣ въ той или иной степени зависимые отъ него элементы, каждому изъ которыхъ и даетъ опредѣленную роль въ дѣлѣ національной защиты противъ прогресса, который,

разумѣется, находится въ зависимости отъ дальнѣйшей демократизаціи государства.

«Правительство должно проявить твердую волю въ этомъ дѣлѣ—заявилъ Столыпинъ въ Думѣ—но этого недостаточно. Дума должна прійти на помощь правительству.» Графъ В. Бобринскій отъ имени помѣщиковъ, составляющихъ душу реакціоннаго большинства, заявилъ почти то же самое: «Дума безъ сильнаго правительства ничто—сказалъ онъ — но борьба правительства противъ революціонныхъ эксцессовъ, безъ участія Думы, непроизводительна. Безъ Думы правительство не въ состояніи добиться умиротворенія страны.»

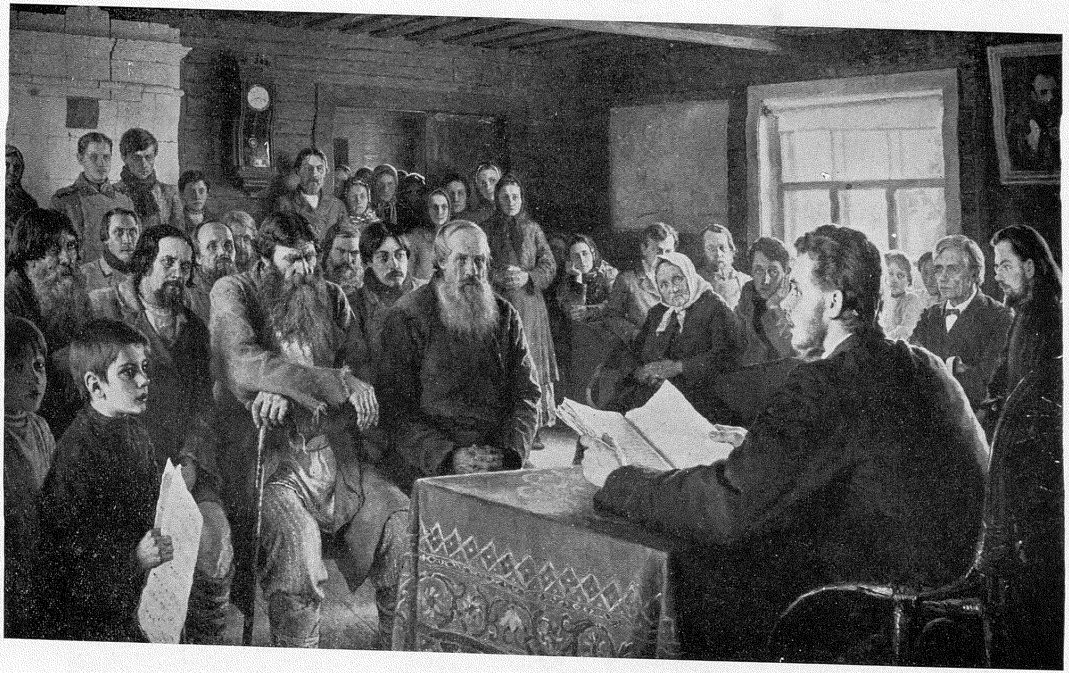
Большой, однако, вопросъ, будутъ ли правительство и помѣщики видѣть необходимость въ существованіи Думы послѣ того, какъ они добьются «умиротворенія». Если имъ не необходимо будетъ упразднить ее, то царь или Сенатъ могутъ, какъ это было до сихъ поръ, наложить veto на всѣ рѣшенія Думы, или же подвергнуть избирательный законъ дальнѣйшей «починкѣ». Съ другой стороны, возможно конечно и то, что Гучковъ, найдя, что осторожность лучше доблести, для того, чтобы сохранить пустую форму теперешней «священной» Думы, мало по малу отречется отъ всѣхъ задуманныхъ имъ соціальныхъ реформъ.

Въ Россіи имѣется партія, которая состоитъ въ большей своей части изъ способныхъ и искреннихъ реформаторовъ, но которая въ то же самое время, въ критическіе моменты, косвеннымъ образомъ помогала революціи. Эта партія добивается конституціи, основныхъ реформъ въ государственномъ строѣ. Но она всегда жертвовала своими конечными идеалами ради иллюзорной возможности немедленнаго проведенія мелкихъ, сравнительно мало значущихъ, реформъ. Въ тотъ моментъ, когда казалось, что революція близка къ побѣдѣ, вожаки этой партіи готовы были отказаться отъ пути медленныхъ и постепенныхъ реформъ и содѣйствовать созданію болѣе



М. Герценштейнъ и М. Ковалевскій

Центральная Рабочая
Библиотека
Моск. Губ. Сов. Проф. Союз.



Воскресная школа въ деревнѣ
(Съ извѣстной картины)

Центральная Рабочая
Библиотека
Моск. Губ. Сов. Проф. Союз.

радикальнаго общественнаго уклада. Когда же, наоборотъ, правительство стало одерживать верхъ надъ революціей, вожаки эти опять отдались безнадежной попыткѣ реформировать русскую жизнь при господствѣ старыхъ враждебныхъ и реакціонныхъ силъ. Я имѣю въ виду знаменитую въ свое время земскую партію. Впослѣдствіи большинство этой партіи сформировалось въ конституціонно-демократическую партію. Болѣе консервативное меньшинство примкнуло къ мирнообновленцамъ, бывшимъ раньше лѣвымъ крыломъ гучковской партіи. Нѣкоторые же изъ земскихъ дѣятелей примкнули къ народническимъ партіямъ или принадлежатъ къ «независимымъ прогрессистамъ», группѣ лѣвѣе кадетовъ.

Губернскія и уѣздныя земскія управы избираются, какъ извѣстно, главнымъ образомъ помѣщиками. Въ до-революціонное время избирались чаще всего либералы. И земства были проникнуты либеральнымъ духомъ. Во главѣ земства почти всюду стояли либеральные помѣщики; а все земское дѣло дѣлалъ отличавшійся всегда своимъ радикализмомъ т. наз. третій элементъ, т. е. земскіе служащіе, какъ доктора, ветеринары, агрономы, учителя, статистики и пр. Либеральный духъ господствовалъ тогда въ земствѣ исключительно лишь потому, что реакціонное помѣщичье большинство было не активно и совершенно индиферентно относилось къ земскимъ выборамъ. Но какъ только революціонное движеніе проникло въ деревню, реакціонные помѣщики стали сразу проявлять большую активность, и результаты этой активности превозошли всѣ ожиданія. Реакціонный духъ быстро вытѣснилъ во всѣхъ земствахъ остатки либерализма. Опытные земскіе дѣятели и администраторы должны были уступить мѣсто крайне невѣжественнымъ и отъявленнымъ реакціонерамъ, на которыхъ населеніе привыкло слотрѣть, какъ на враговъ; или же, что еще печальнѣе, случалось, что какой нибудь земскій дѣятель изъ умѣренныхъ либераловъ оставался на своемъ посту цѣною

отреченія отъ своихъ принциповъ. Выборы показали, что среди выбранныхъ земскихъ гласныхъ лицъ, принадлежащихъ къ кадетской партіи, оказалось всего лишь 5 или 10 процентовъ. Десятки тысячъ земскихъ дѣятелей, которые были душой и тѣломъ преданы интересамъ крестьянства, были устранены. Больница за больницей, школа за школой прекращали свое существованіе только потому, что новые земскіе администраторы отказались сдѣлать необходимыя ассигновки и принести личныя жертвы, безъ которыхъ существованіе этихъ учрежденій невозможно въ самодержавной Россіи.

Малѣйшее проявленіе гражданской доблести со стороны какого-нибудь служащаго безповоротно теперь губитъ уже его карьеру. Но больше всего страдаютъ подъ новымъ земскимъ режимомъ несчастные и безъ того всегда обреченные на полуголодное существованіе сельскіе учителя. Положеніе послѣднихъ одинаково печальное и отчаянное по всей Россіи. О невыносимомъ положеніи учителей можно судить хотя бы по слѣдующимъ двумъ изъ многихъ, появившихся въ газетахъ, извѣстіямъ.

«Касса Глазовскаго земства пуста—сообщаетъ одинъ корреспондентъ—учителя и учительницы уже нѣсколько дней бродятъ по улицамъ, стараясь раздобыть нѣсколько грошей, чтобы уѣхать, но даже это имъ не удается.» «Кузнецкъ. Во всемъ уѣздѣ всего лишь два учителя на свободѣ. Всѣ остальные арестованы.» Послѣднее извѣстіе означаетъ, что въ этомъ уѣздѣ нѣсколько десятковъ учителей оказались слишкомъ радикальными для помѣщиковъ и полиціи.

На земство была вся надежда Россіи, надежда на то, что оно демократизируетъ мѣстное самоуправленіе, служащее основой всякаго свободнаго общества. Правда, очень медленно, но, тѣмъ не менѣе, постоянно, земства вносили свѣтъ въ темныя народныя массы, просвѣщая ихъ, оздоравливая ихъ жизнь и пріучая ихъ къ примѣненію

новѣйшихъ орудій и другихъ пріемовъ въ земледѣліи. Мы уже не говоримъ о томъ благотворномъ вліяніи, которое земскіе служащіе—эти наиболѣе полезные русскіе граждане—вообще оказывали на населеніе. Помимо всего, во время періодическихъ теперь въ Россіи холерныхъ эпидемій и почти хроническаго голода, земства были единственными активными борцами противъ ужасныхъ послѣдствій этихъ народныхъ испытаній.

Въ настоящее время земство какъ либеральное учрежденіе отошло въ прошлое, и желанія наиболѣе ненавистныхъ всей Россіи министровъ, наконецъ, исполнились. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Плеве призналъ, что земства постепенно цивилизуютъ русскаго крестьянина. Поэтому-то князь Долгорукій, который передалъ царю желанія и нужды крестьянъ, былъ сосланъ имъ несмотря на то, что Николай II ему «обѣщалъ» свое благоволеніе. И поэтому тотъ же Плеве произвелъ свою знаменитую чистку Тверского земства, членами котораго были Родичевъ и другіе либеральные земцы, позже положившіе основаніе конституціонно-демократической партіи. Будучи болѣе передовымъ, Тверское земство добилось замѣтныхъ улучшеній и реформъ въ бытѣ крестьянъ своей губерніи, что, конечно, не соотвѣтсвовало реакціонной политикѣ правительства.

Въ Тверь былъ командированъ спеціальный, облеченный широкими полномочіями, чиновникъ, нѣкій Штурмеръ, для разслѣдованія дѣятельности земства. Результатомъ этого «разслѣдованія» было то, что почти весь «третій элементъ» былъ уволенъ. Учителя, въ видѣ протеста противъ увольненія нѣкоторыхъ своихъ товарищей, какъ одинъ человѣкъ оставили свои мѣста; выборные члены управы были устранены, и на ихъ мѣста фонъ Плеве назначилъ свои собственныя креатуры. За свою ревность Штурмеръ впослѣдствіи получилъ значительное повышеніе. Въ настоящее время правительство не нуждается въ такихъ мѣрахъ. Реакціонные помѣщики теперь бо-

дрствуютъ, и правительственный аппаратъ направленъ не противъ отдѣльныхъ либеральныхъ группъ, но противъ всей Партіи либеральныхъ земцевъ. Сенатъ уже два раза «разъяснилъ», что конституціонно-демократическая партія считается нелегальной.

Милюковъ не безъ основанія можетъ жаловаться на неискренность Столыпинскихъ политическихъ и соціальныхъ реформъ.

Можетъ ли быть болѣе жестокая насмѣшка судьбы, какъ проведеніе предложенной Милюковымъ реформы мѣстнаго самоуправленія коммиссіей, назначенной Столыпинымъ и состоящей изъ самыхъ реакціонныхъ помѣщиковъ? Еще болѣе знаменательна навязанная премьеръ-министромъ земельная реформа, которая имѣетъ цѣлью будто бы кореннымъ образомъ преобразовать крестьянскій бытъ. Всего два года тому назадъ даже такая реакціонная партія, какъ партія правового порядка, вздумавшая тогда организовать крестьянскую группу, была вынуждена включить въ свою платформу пунктъ о принудительномъ отчужденіи помѣщичьей земли въ пользу крестьянъ. Умѣренная партія народной свободы все еще стоитъ за эту мѣру, какъ единственно возможное, на ея взглядъ, рѣшеніе земельнаго вопроса. Правда, партія эта предлагаетъ при этомъ вознаградить помѣщиковъ за отчужденную отъ нихъ землю по «справедливой оцѣнкѣ». Столыпинъ заговорилъ теперь почти языкомъ Милюкова съ той лишь существенной разницей, что вмѣсто экспропріаціи помѣщиковъ онъ предлагаетъ экспропріировать крестьянъ. Онъ предлагаетъ «реформу», которая осчастливила-бы лишь сравнительно незначительное число крестьянъ—землевладѣльцевъ, въ ущербъ всему крестьянству, какъ это было признано даже нѣкоторыми бывшими министрами. Законъ о выдѣленіи изъ общины и «правѣ» отдѣльнаго крестьянина продавать свой надѣлъ, лишаетъ крестьянъ ихъ послѣдняго убѣжища—общины. Въ такой странѣ, какъ Россія, гдѣ голодъ свилъ себѣ постоянное

гнѣздо, подобное «право» равносильно для крестьянъ праву оставаться совершенно безъ земли. Столыпинская земельная реформа сводится такимъ образомъ къ тому, чтобы создать нѣсколько милліоновъ зажиточныхъ крестьянъ, а остальныхъ, по численности впятеро, вдесятеро превосходящихъ первыхъ, превратить въ безземельныхъ батраковъ. Послѣдніе по необходимости хлынутъ въ промышленность. Но русская промышленность уже теперь не можетъ поглощать весь работоспособный городской пролетаріатъ. Пролетаризированное крестьянство по неволѣ пойдетъ на кабальныя условія къ сосѣдямъ, «хозяйственнымъ мужичкамъ». Оно не въ силахъ будетъ добиться повышенія рабочей платы выше той, которая даетъ ему возможность жить лишь впроголодь, ибо всякая стачка сельско-хозяйственныхъ рабочихъ разсматривается уже теперь какъ бунтъ. При этой «реформѣ», большинство крестьянъ, вмѣсто того, чтобы какъ теперь быть зависимымъ отъ богатыхъ и часто отсутствующихъ помѣщиковъ, окажется въ полной кабалѣ у своихъ сосѣдей, деревенскихъ кулаковъ.

Столыпинъ, подобно своему предшественнику Витте, потерялъ теперь всякую надежду на народныя массы. Онъ заявляетъ, что свобода на бумагѣ можетъ превратиться въ дѣйствительную свободу лишь тогда, когда создастся классъ мелкихъ собственниковъ. Предполагаемое Столыпинымъ расширеніе сферы попеченія правительства надъ народомъ есть лишь предлогъ къ расширенію деспотической власти правительства надъ этимъ самымъ народомъ. Половину декларації передъ Третьей Думой о программѣ дѣятельности правительства составляли угрозы по адресу чиновниковъ, судей, учителей и всѣхъ тѣхъ, которые окажутся недостаточно реакціонными для правительства. Даже нѣкоторые октябристы протестовали противъ тона премьера. Они пожелали знать, будетъ-ли правительство преслѣдовать чиновниковъ за принадлежность къ ихъ (октябристовъ) умѣренно-реакціонной

партіи, будутъ-ли ихъ радикальные студенты,—«наши собственныя дѣти», какъ справедливо замѣтилъ одинъ изъ октябристскихъ ораторовъ,—подвергаться прежнимъ жестокимъ преслѣдованіямъ, и не возможно-ли возстановить порядокъ болѣе законными средствами? Столыпинъ заявилъ, что «правительство не удастся запугать движеніемъ снизу», что «разумныя права» будутъ даны правительствомъ лишь съ сознанія «избытка силъ своихъ», а отнюдь не изъ страха передъ чѣмъ либо.

Умѣренные реакціонеры изъ октябристовъ протестовали, но не возмутились. Столыпинъ хлестнулъ ихъ своей нагайкой и потребовалъ отъ нихъ, чтобы они голосовали даже противъ подтвержденія октябрьскаго Манифеста, легшаго въ основу всей ихъ платформы, и они подчинились. Правительственный офиціозъ на слѣдующій-же день далъ имъ порядочный нагоняй за то, что они обнаружили нѣкоторое колебаніе, и объявилъ, что одинъ тотъ фактъ, что умѣренные либералы такъ твердо стоятъ за Манифестъ, долженъ былъ бы служить достаточнымъ основаніемъ для всѣхъ друзей правительства голосовать противъ Манифеста.

Своими общественными реформами наизнанку, своимъ господствомъ надъ Г. Думой Столыпинъ, можно полагать, сыграетъ роль русскаго Бисмарка. Вопросъ о томъ, кто правитъ Русью—онъ или царь, угождаетъ ли онъ царю, или же послѣдній заставляетъ послушнаго раба творить его волю, вопросъ этотъ, собственно говоря, не имѣетъ никакого существеннаго значенія. Нѣкоторые хорошо освѣдомленные и дружественные русскому правительству корреспонденты вліятельныхъ и консервативныхъ европейскихъ газетъ прошлымъ лѣтомъ увѣряли меня, напр., что царь самъ управляетъ всѣмъ, что Столыпину не достаетъ ни воли, ни принципности, ни силы, ни выдержки государственнаго мужа, чтобы настоять на своемъ передъ царемъ. Извѣстно, напр., что попытки крайнихъ реакціонеровъ побудить царя смѣстить Столы-

пина чуть было не увѣнчались успѣхомъ. Если царь правитъ, то мы знаемъ теперь каково это правленіе. Если же Столыпинъ правитъ, то онъ правитъ такъ, чтобы угодить царю. Одна княгиня, имѣющая доступъ ко двору и пользующаяся широкой популярностью въ странѣ, наоборотъ, увѣряла меня, что Столыпинъ самъ руководитъ всѣмъ и направляетъ даже дѣятельность тѣхъ, которые назначаются на посты самимъ царемъ и совсѣмъ отъ него не зависимы.

Въ сущности говоря, какъ я уже сказалъ, вопросъ этотъ совершенно безразличенъ. Сущность царизма и придворной камарильи остается та же. И глубоко правъ былъ князь Урусовъ, когда при единодушномъ одобреніи Первой Думы произнесъ: «великая опасность . . . не можетъ исчезнуть, пока руководство государственными дѣлами и судьбами страны будетъ по прежнему оставаться въ рукахъ людей, которые являются гофмаршалами при дворѣ, вахмистрами по образованію, погромщиками по убѣжденію . . .»

Правъ былъ и Родичевъ, который за произнесеніе горькой истины въ реакціонной Третьей Думѣ былъ, послѣ небывалой еще въ ея стѣнахъ крайне драматической и скандальной сцены, исключенъ на пятнадцать засѣданій. Говоря о висѣлицахъ, которыми Россія управляется теперь, Родичевъ громкимъ голосомъ, покрывшимъ шумъ и ревъ пытавшихся заглушить его рѣчь патріотическихъ депутатовъ, отчеканилъ: «да, я повторяю, если русское правительство считаетъ единственнымъ палладіумомъ то, что Пуришкевичъ назвалъ «Муравьевскими воротниками» и что въ будущемъ будетъ называться Столыпинскими галстуками . . .» Тутъ онъ былъ прерванъ страшнымъ шумомъ. Столыпинъ оставилъ министерскую ложу, и Родичевъ, видя, что Столыпинъ счелъ его слова за личное себѣ оскорбленіе, направился къ нему для объясненія. Онъ прошелъ мимо двухъ Столыпинскихъ секундантовъ, которые требовали отъ него, чтобы онъ извинился. Но

онъ не взялъ своихъ словъ обратно; какъ печать передаетъ, когда Столыпинъ сказалъ: «Я принимаю Ваше извиненіе», то Родичевъ на это отвѣтилъ: «Я не извиняюсь».

Исключенный изъ Думы Родичевъ сдѣлался героемъ дня. Его домъ оказался переполненнымъ цвѣтами, и сотни сочувственныхъ телеграммъ полетѣли къ нему со всѣхъ концовъ страны.

Всѣ классы народа, за исключеніемъ чиновничества и дворянства, открыто признали этимъ, что Столыпинъ правитъ Россіей именно исключительно съ помощью висѣлицъ.

ГЛАВА IX.

«Прусская» реформа.

«Переживаемое нами время—писалъ въ свое время англійскій король Георгъ III—безусловно требуетъ совмѣстныхъ усилій всѣхъ тѣхъ, кто желалъ бы предупредить анархію. Я лично, кромѣ счастія народа, ничего другого не желаю; поэтому я имѣю право считать всѣхъ, кто отказывается помочь мнѣ, не только плохими подданными, но и недостойными людьми.»

Такъ всегда разсуждали и разсуждаютъ деспоты всѣхъ странъ и народовъ. По мнѣнію этихъ деспотовъ—не деспотизмъ, а время приноситъ съ собою анархію. Подобно рабовладѣльцамъ, они всегда увѣряютъ, что ничто другое, кромѣ интересовъ ихъ живой собственности ими не руководитъ. Для деспота непослушные подданные или рабы, являются людьми недостойными, преступниками или злодѣями. Послушные же ему холопы—вовсе не куртизаны, льстецы, карьеристы или мелкіе сатрапы, — а патріоты и лучшіе люди страны. И весь государственный механизмъ въ деспотической странѣ обыкновенно бываетъ направленъ на борьбу съ «анархіей.» Къ счастію для Георга III-го всѣ анархисты и «скверные» люди находились тогда въ Америкѣ. Что же касается Николая II-го, то большинство его собственныхъ подданныхъ принадлежитъ или къ «неблагонадежнымъ» или къ классу, подлежащему угнетенію. Для него такъ наз. война противъ «анархіи и внутренняго врага» есть война противъ подавляющаго большинства народа. Борьба царизма за сохраненіе своего господства и существованіе есть отчаянная борьба, одно преслѣдованіе; одинъ актъ произ-

вола влечетъ за собой другой, пока въ общей сложности угнетеніе и произволъ надъ народомъ принимаютъ чудовищные и въ концѣ концовъ прямо абсурдные размѣры. Непредубѣжденный иностранецъ спроситъ, можетъ быть, почему въ Россіи воспрещаются цензурой философскія книги, а школьныхъ дѣтей заключаютъ въ тюрмы? Случается, что на поверхности русской жизни на время водворяется обманчивая тишина. Мало знакомый съ русской дѣйствительностью иностранецъ принимаетъ ее за признакъ полнаго спокойствія въ странѣ. Онъ и не подозрѣваетъ, что отчаянная и безпрерывная борьба происходитъ въ нѣдрахъ русскаго общества и что часто, достаточно нѣкотораго ослабленія, наружнаго давленія, чтобы эта борьба вышла наружу и приняла угрожающіе для царизма размѣры. Но именно для царизма и невозможно реформировать произволъ и то колосальное насиліе, которымъ онъ держится. И въ дѣйствительности, съ ростомъ сознанія и общаго недовольства въ странѣ, правительство вынуждено, ради собственнаго существованія, еще больше усилить свой произволъ. Для этой цѣли оно прежде всего расширяетъ власть губернаторовъ. Вотъ образчикъ губернаторскаго произвола. Два адвоката были недавно наказаны не судьями, а губернаторомъ за политическій характеръ рѣчей, сказанныхъ ими на судѣ, не смотря на то, что законъ гарантируетъ адвокатамъ свободу слова во время судебныхъ засѣданій. Офиціальный органъ черносотенцевъ, «Русское знамя», напомнило по этому поводу обществу юристовъ, которое вступилось за арестованныхъ коллегъ, что губернаторъ можетъ дѣлать все, что ему заблагоразсудится, что онъ пользуется неограниченной властью, ибо назначенъ царемъ. Газета цитировала при этомъ одинъ изъ законовъ, по которому «губернаторъ, какъ отвѣтственный глава ввѣренной ему высочайшей волей Его Императорскаго Величества губерніи, является первымъ охранителемъ высочайшихъ прерогативъ, самодержавія, благополучія государства и пр.»

Но власть гражданскихъ губернаторовъ показалась правительству недостаточной. Поэтому оно всецѣло отдало девять десятыхъ Россіи на полный произволъ генералъ-губернаторовъ и сатраповъ, спеціально поставленныхъ «для борьбы съ анархіей» и «охраны государства». Въ то же самое время идетъ неутомимое изготовленіе новыхъ гражданскихъ законовъ, и съ помощью реакціонной Думы въ недалекомъ, можетъ быть, будущемъ произволъ, практикуемый теперь отдѣльными сатрапами, подъ покровомъ «военнаго положенія» будетъ узаконенъ и включенъ въ гражданскій Сводъ законовъ. Такая «реформа» значительно облегчитъ администраціи охранное дѣло и облегчитъ положеніе вѣрноподданныхъ и привиллегированныхъ, которые косвенно терпятъ отъ ведомой въ странѣ «внутренней войны».

Въ настоящій моментъ всѣ: и администрація, и дворъ, и реакціонеры сходятся въ одномъ пунктѣ, а именно, что необходимо установить въ странѣ «порядокъ и спокойствіе». Но какъ разрѣшить эту задачу? Путемъ-ли еще болѣе сильнаго подчеркиванія самодержавной власти царя, или путемъ установленія такъ наз. «правового порядка»? Крайніе реакціонеры не могутъ понять, какъ это неограниченный самодержецъ можетъ быть ограниченъ какими либо законами. Всѣ предлагаемыя ими «реформы» сводятся къ тому, чтобы еще больше усилить власть «царя». Изъ чисто отвлеченныхъ соображеній реакціонеры—противъ бюрократіи и требуютъ, чтобы царь, въ интересахъ контроля надъ послѣдней, учредилъ новый Верховный Судъ, который руководился бы не какими-либо законами, а лишь его личными желаніями и волею.

Всѣ традиціи царизма несомнѣнно на ихъ сторонѣ.

Какъ полусовременное государство, Россія не можетъ, конечно, обойтись безъ нѣкотораго правопорядка, организованности и системы. Въ ея огромныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ, напримѣръ, невозможно одно лишь

личное усмотрѣніе, и казна должна примѣнять болѣе или менѣе современные методы. Но русское правительство имѣетъ цѣлый рядъ спеціальныхъ функцій, въ смыслѣ всяческихъ преслѣдованій русскихъ подданныхъ, функцій, которыя никогда не могутъ быть вполнѣ классифицированы, упорядочены, подведены подъ законъ. Законность, правопорядокъ, основанные опять таки на насиліи, распространятся, можетъ быть, на нѣкоторыя вѣдомства, но рядомъ съ ними будетъ держаться теперешній старый режимъ грубаго деспотизма, висѣлицъ, тюремъ, каторжныхъ работъ, ссылки и кнута.

Никогда русское правительство не говорило такъ часто о «реформахъ», какъ теперь, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что онѣ будутъ проведены. Царизмъ долженъ будетъ влить свѣжую кровь въ свой собственный организмъ или же подвергнуться окончательному разложенію. Испорченность русскихъ правительственныхъ чиновниковъ давно уже извѣстна всему міру, но никогда еще она не достигала такихъ колоссальныхъ размѣровъ, какъ послѣ русско-японской войны, и во время войны противъ «внутренняго врага». Меньше всего, однако, извѣстно внѣшнему міру существующее вѣчное треніе, зависть и вражда между разными вѣдомствами и отдѣльными, разныхъ ранговъ, чиновниками. Что все это будетъ въ значительной мѣрѣ устранено и реформировано съ помощью новой Думы, интересующейся больше административными нежели соціальными преобразованіями, не подлежитъ, на нашъ взглядъ, никакому сомнѣнію. Если администрація не подвергнется немедленно реформированію, то правительство врядъ ли много успѣетъ въ борьбѣ съ революціей. И возможно, что тогда часть его теперешныхъ союзниковъ, большая часть низшаго и даже значительная часть высшаго чиновничества, присоединится къ революціи. Недавно были уже случаи, что нѣсколько министровъ и одинъ генералъ главнаго штаба перешли въ оппозиціонный лагерь. Огромное большинство желѣзнодорожныхъ, поч-

товыхъ и телеграфныхъ чиновниковъ присоединилось уже разъ, два года тому назадъ, къ революціонной всеобщей забастовкѣ, а нѣсколько сотъ военныхъ офицеровъ давно уже принадлежатъ къ революціоннымъ организаціямъ. Былъ уже моментъ, когда полицейскіе и тѣ бастовали, и когда чиновники всѣхъ ранговъ помогали умѣренной оппозиціи. Добрую половину своей декларації передъ Третьей Думой Столыпинъ счелъ необходимымъ посвятить угрозамъ по адресу правительственныхъ чиновниковъ, которые вздумаютъ якшаться съ оппозиціонными партіями, какъ умѣренны послѣднія ни были бы. Онъ, однако, ни слова не проронилъ относительно того, что чиновники поощряются вступать во всѣ реакціонныя партіи, даже въ такія, которыя открыто выступаютъ противъ министровъ за недостаточную будто-бы реакціонность послѣднихъ. Если правительство не желаетъ оказаться совершенно деморализованнымъ внутренними распрями или же толкнуть своихъ слугъ въ ряды революціи, то оно должно немедленно заняться реорганизаціей своихъ же рядовъ. Если правительство дѣйствительно имѣетъ въ виду когда либо провести хотя бы намѣченныя имъ самимъ реформы, то необходимо прежде всего, чтобы сама бюрократія обновилась.

Интересы крупныхъ капиталистовъ равно какъ и интересы помѣщиковъ, ведущихъ свое хозяйство на капиталистическихъ началахъ, достаточно хорошо представлено въ Думѣ, дезорганизація же и хищенія достигли крайне вредныхъ для этихъ интересовъ размѣровъ. Желѣзныя дороги, банки, угольныя копи, за отсутствіемъ надлежащаго контроля, влачатъ жалкое существованіе, и Дума, надо полагать, незамедлитъ употребить единственно предоставленную ей власть разслѣдовать и изобличать, власть достаточную для защиты упомянутыхъ интересовъ.

Никогда, вѣроятно, уже не удастся установить, какія изъ пораженій во время послѣдней войны были обусловлены жадностью и продажностью чиновниковъ, и какія—

дѣйствительнымъ военнымъ превосходствомъ японцевъ. Извѣстно, напримѣръ, что припасы Краснаго креста были разворованы, что тысяча вагоновъ угля исчезли такъ безслѣдно, что посланной для разслѣдованія комиссіи не удалось установить, когда и гдѣ именно эти вагоны исчезли.

Извѣстно также, что на врученномъ ему докладѣ о томъ, что обувь доставлялась въ армію гнилая, и солдаты отмораживали себѣ ноги въ Манжуріи, царь соизволилъ собственноручно начертать: «Бѣдные парни». Обманываніе казны совершается, однако, не только въ горячее военное время: послѣ войны правительство заявило, что намѣрено воспользоваться урокомъ войны и имѣетъ въ виду заняться преобразованіемъ арміи и созданіемъ новаго флота. Первымъ шагомъ къ созданію такого флота должна была послужить постройка семи канонерокъ на Дальнемъ Востокѣ на рѣкѣ Амурѣ. Постройка ихъ была уже почти закончена, но въ самый день прибытія чиновника для ихъ осмотра, онѣ были загадочно уничтожены огнемъ. Русскія газеты довольно недвусмысленно по этому поводу намекали, что канонерки были сожжены по приказу начальства, которое прикарманило порядочную долю суммы, ассигнованной на ихъ постройку. Почему же намъ не повѣрить этому? Развѣ тов. министра не былъ недавно осужденъ за мошенническую сдѣлку на огромную сумму по доставкѣ хлѣба голодающимъ крестьянамъ? Сдѣлку эту онъ совершилъ въ компаніи съ аферистомъ, съ которымъ онъ познакомился черезъ женщину крайне сомнительнаго поведенія . . . Хлѣбъ, конечно, не былъ доставленъ, и тысячи крестьянъ повымерли съ голода. Аферистъ Лидваль былъ посаженъ въ тюрьму, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ опять выпущенъ на свободу. Товарищъ же министра Гурко былъ лишь устраненъ отъ должности.

Наврядъ-ли подобная продажность и прежній чиновничій произволъ будутъ дальше терпимы въ правительственныхъ сферахъ. Возможно, что въ недалекомъ будущемъ чиновниковъ будутъ, по прусскому образцу, держать

строже въ рамкахъ ихъ обязанностей и заставлять ихъ придерживаться точной буквы закона. Приведу одинъ характерный примѣръ чиновничьяго произвола. Губернаторъ Вятской губерніи, князь Горчаковъ, отправился на трехдневную охоту во владѣнія богатаго торговца и не позаботился даже сдать должность вице-губернатору. Во время его отсутствія получился изъ Петербурга приказъ объявить Сарапульскій уѣздъ на военномъ положеніи. Но до возвращенія князя приказа нельзя было выполнить. Когда же послѣдній вернулся, то вмѣсто того, чтобы—какъ это обыкновенно въ такихъ случаяхъ дѣлается—обратиться къ населенію неспокойнаго уѣзда съ спеціальнымъ извѣщеніемъ, онъ, не долго думая, рѣшилъ отдать населеніе этого уѣзда на произволъ гостившаго у него молодого офицера, по имени Де Рошфора. Этотъ молодой, но уже «заслуженный», чиновникъ былъ за какія то скандальныя привычки и за напечатаніе слишкомъ реакціоннаго памфлета противъ правительства уволенъ со службы . . . Но это не помѣшало, однако, сіятельному князю сдѣлать его самодержцемъ злосчастнаго Сарапульскаго уѣзда. Вскорѣ послѣ этого, несмотря на то, что начались уже выборы, нагрянула холера и что въ одномъ изъ уѣздовъ ввѣренной ему губерніи дѣйствовало военное положеніе, сіятельный князь, подъ предлогомъ осмотра военныхъ дѣйствій, опять отлучился на охоту. И за мнимый «осмотръ» онъ не посовѣстился взять себѣ 1000 руб. подъемныхъ. Въ Пруссіи такіе благородные администраторы-бездѣльники не были бы терпимы. Если Столыпинъ обладаетъ хотя бы десятой долей могущества Бисмарка, а новая Дума—«лояльностью» прусскаго Ландтага, то въ нѣсколько лѣтъ должны непремѣнно произойти огромныя перемѣны во всемъ правительственномъ механизмѣ. Изъ неувѣреннаго орудія произвола, какимъ она въ сущности является теперь, русская бюрократія, можно ожидать, превратится въ такое же стройное, гладкоработающее, бездушное орудіе, каковымъ въ настоящій

моментъ является прусская бюрократія. Русское правительство, можетъ быть, пообчиститъ себя отъ своихъ звѣрскихъ элементовъ, и въ результатѣ получится такой же импонирующій, но въ то же время такой же въ высшей степени обманчивый механизмъ, какъ прусскій бюрократизмъ. Прусская бюрократія дѣйствительно создала «правовой порядокъ», но она въ то же время успѣла уничтожить личную иниціативу, укрѣпить кастовый духъ и кастовыя рамки и обратить пруссаковъ въ послушныхъ и запуганныхъ обывателей.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что Столыпинъ и большинство Третьей Думы завистливо смотрятъ на усовершенствованный прусскій абсолютизмъ и желаютъ скопироватъ его до мельчайшихъ подробностей. Они желали бы установить и въ Россіи скорѣе «правовую», нежели «конституціонную» монархію; постепенно расширять гражданскія, но не политическія права, возродить правленіе, но не народъ. Да какъ же иначе? Пруссія, какъ и Россія, имѣетъ бюрократическій абсолютизмъ, милитаризмъ, правительство, которое можетъ положиться на лояльность одного лишь землевладѣльческаго дворянства. Прусскій Ландтагъ такъ же, какъ и русская Дума, состоитъ изъ сановниковъ, аграріевъ и представителей другихъ привиллегированныхъ классовъ, но лишь въ еще большей пропорціи.

Прусская школьная система является для Россіи идеаломъ, ибо, послѣ всего, для нея прусская постановка школьнаго дѣла, вообще народнаго образованія, явилась бы несомнѣннымъ и огромнымъ шагомъ впередъ. Но дальше прусскаго образца Россія, пока народъ ея не захватитъ въ свои руки хотя бы части государственной власти, врядъ ли пойдетъ.

Аналогія съ Пруссіей даетъ намъ ключъ къ лучшему пониманію современнаго курса русскаго правительства. Правда, Пруссія можетъ быть и не потерпѣла бы такихъ дикихъ реакціонеровъ, какіе властвуютъ теперь въ Россіи, но и она не свободна отъ изувѣровъ вродѣ графа Пюклера,

который уже нѣсколько лѣтъ совершенно безнаказанно проповѣдуетъ крестовый походъ на евреевъ. Когда же прусскія власти, наконецъ, рѣшились разъ арестовать Пюклера и посадить его въ крѣпость, то все-же таки разрѣшали ему отлучаться въ свое помѣстье, гдѣ онъ занимался подготовленіемъ «крестьянскаго войска» для такого похода. Къ счастью для прусскаго правительства, графъ сошелъ съ ума, чѣмъ во время избавилъ правительство отъ крайне непріятныхъ шаговъ.

Поразительное сходство между этими двумя правительствами есть больше, чѣмъ аналогія. Сходство это явилось результатомъ одинаковыхъ причинъ и почти одинаковыхъ историческихъ условій и одинаковаго хода развитія. Русскіе цари, напримѣръ, по крови своей больше нѣмцы, нежели русскіе. Огромная часть дворянства и бюрократіи также нѣмецкаго происхожденія. Шесть членовъ, или около половины всего состава одного изъ позднѣйшихъ кабинетовъ имѣли нѣмецкія фамиліи; изъ пятидесяти трехъ членовъ Государственнаго Совѣта восемнадцать были русскіе нѣмцы; изъ сорока шести членовъ перваго департамента Сената двѣнадцать нѣмцевъ; среди прославившихся генераловъ находятся такіе, какъ Клейгельсъ, Каульбарсъ, Ренненкамфъ, Мэллеръ-Закомельскій, Бауэръ и др.; почти половина числа главныхъ организаторовъ еврейскихъ погромовъ носятъ нѣмецкія фамиліи. Правда, все это обрусѣвшіе нѣмцы, но въ то же время большинство изъ нихъ родомъ изъ Прибалтійскихъ провинцій, сохранившихъ нѣмецкую культуру и традиціи и находящихся въ постоянныхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ ихъ прусскими сосѣдями, живущими всего лишь въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ нихъ. У нѣкоторыхъ изъ этихъ нѣмцевъ течетъ въ жилахъ и русская кровь, но очень многіе изъ дворянъ и высшей администраціи, носящіе хотя и русскія фамиліи, по крови больше нѣмцы, нежели русскіе. Вѣрнѣе говоря, высшее русское дворянство и бюрократія по крови и традиціямъ своимъ являются нѣмцами.

Бюрократія и военное сословіе не только проникнуты своими собственными нѣмецкими традиціями, но сознательно сформированны по нѣмецкому образцу. Иногда же бывало наоборотъ. Петръ Великій, напримѣръ, имѣлъ безусловное вліяніе на Фридриха Великаго, а Николай I на Вильгельма I-го. Но Пруссія всегда давала Россіи больше, нежели она позаимствовала отъ послѣдней. Бюрократія, созданная Петромъ Великимъ, состояла главнымъ образомъ изъ нѣмцевъ, а въ позднѣйшихъ царствованіяхъ она еще больше онѣмечилась. Продѣланная Россіей за послѣднее поколѣніе эволюція, такая непонятная для англичанъ, французовъ и американцевъ, является для образованнаго прусскаго нѣмца давно знакомой исторіей. Въ Пруссіи процессъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости продолжался отъ 1808 г. по 1848 г., въ Россіи же освобожденіе произошло въ 1861 г. Въ обѣихъ странахъ положеніе вещей до и послѣ освобожденія были поразительно похожи. Какъ въ той, такъ и въ другой господствовалъ военный и бюрократическій абсолютизмъ; какъ въ той, такъ и въ другой общество дѣлилось на дворянъ, крестьянъ и мѣщанъ, и всѣ военные и гражданскіе посты были заняты дворянами. Въ обѣихъ же странахъ реформы явились не столько результатомъ общественнаго возрожденія, сколько вынужденными мѣрами сверху для спасенія государства отъ окончательнаго разложенія. Обыкновенно эти мѣры являлись результатомъ злополучныхъ войнъ — въ Пруссіи послѣ Наполеоновскихъ войнъ, въ Россіи же послѣ Крымской кампаніи. «Руководящимъ мотивомъ (въ Пруссіи) — говоритъ Сеньобосъ — было не стремленіе улучшить положеніе народа, но желаніе спасти государство отъ окончательнаго раззоренія.» Графъ Гарденбергъ выражается еще откровеннѣй. «Мы—говоритъ онъ—желаемъ создать монархическое государство безъ какихъ-либо демократическихъ началъ.» Его желаніе исполнилось: въ обѣихъ странахъ послѣ, какъ и до освобожденія крестьянъ, послѣдніе

оставались, въ теченіи цѣлаго поколѣнія, подъ полицейской и юридической опекой ихъ прежнихъ господъ. Въ обѣихъ странахъ крестьяне должны были платить непосильные выкупные платежи, какъ за свою свободу, такъ и за жалкіе клочки земли, которыми ихъ надѣлили. Какъ въ той, такъ и въ другой странѣ они были лишены права пользоваться лѣсомъ и частью ихъ собственнаго пастбища и владѣли своей землей при такихъ ненадежныхъ условіяхъ и правахъ, что помѣщики, съ помощью паслушныхъ имъ судей, имѣли всегда возможность отобрать ее у нихъ. До 1891 г., — восемьдесятъ лѣтъ спустя послѣ начала освобожденія крестьянъ, — въ Пруссіи были еще въ силѣ старые феодальные законы. И лишь около этого же времени сельское коммунальное правленіе, которое, какъ я уже раньше указалъ, находилось всецѣло въ рукахъ аграріевъ, перешло, наконецъ, въ руки бюрократіи. То же самое, надо полагать, случится и въ Россіи съ такъ наз. «реформой мѣстнаго самоуправленія».

Въ Пруссіи, какъ и въ Россіи, заемныя операціи правительство долгое время держало подъ спудомъ, и обѣщанное народное представительство какъ въ той, такъ и въ другой странѣ долго откладывалось. Въ обѣихъ странахъ лишь послѣ жестокой борьбы удалось народу вырвать у правительства уступку, чтобы національное собраніе избиралось и сзывалось періодически, а не тогда, когда это заблагоразсудится царю, и чтобы новые подати и налоги вотировались этимъ же собраніемъ. Но въ обѣихъ странахъ государственный бюджетъ часто вотируется уже послѣ того, какъ изспрашиваемыя суммы были уже израсходованы. Подобно Бисмарку, Столыпинъ никогда не задумывается дѣлать расходы вопреки ясно выраженной волѣ національнаго собранія. Наконецъ, въ обѣихъ странахъ глава государства назначаетъ Верхнюю Палату, руководитъ арміей и иностранной политикой, назначаетъ всѣхъ министровъ и чиновниковъ, сохраняетъ за собою право veto надъ всѣми законами.

Россія и Пруссія и даже вся Германская Имперія въ сущности не имѣютъ еще настоящаго конституціоннаго правленія. Въ этомъ можно убѣдиться хотя бы изъ слѣдующаго: когда въ государственной жизни Германіи возникаетъ какой нибудь не предусмотрѣнный конституціей вопросъ, то рѣшаютъ его въ силу старыхъ законовъ. Но такъ какъ старые законы соотвѣтствовали старому абсолютизму, то и выходитъ, что Германія далеко еще не порвала со старымъ режимомъ. Опасеніе, чтобы императоръ въ крайнемъ случаѣ не воспользовался своимъ правомъ примѣненія старыхъ законовъ, и дѣлаетъ оппозиціонныя партіи въ Германіи такими робкими и нерѣшительными. Чего онѣ въ большинствѣ случаевъ требуютъ, это—чтобы народъ пользовался нѣкоторыми правами рядомъ съ почти самодержавными прерогативами короны.

Положеніе вещей въ Россіи такое же и останется таковымъ до тѣхъ поръ, пока революціонное движеніе массъ не опрокинетъ стараго порядка. Но въ настоящій моментъ есть, однако, два огромныхъ различія между этими двумя странами. Столыпинъ оградилъ царизмъ отъ опастности такимъ реакціоннымъ избирательнымъ закономъ, что врядъ-ли встрѣтится ему надобность въ повтореніи недавно произведеннаго coup d'état и созвать другую Думу, болѣе послушную, нежели теперешняя.

Въ то же самое время Столыпину приходится дѣйствовать при гораздо болѣе неблагопріятныхъ условіяхъ, нежели въ свое время приходилось Бисмарку. Онъ не имѣетъ надежды затѣять побѣдоносную для Россіи войну, желѣзомъ и кровью создать объединенную Россію и затѣмъ обновленнымъ же и побѣдоноснымъ оружіемъ раздавить оппозицію. Крестьянство Россіи не воинственно, а революціонно. Но мы знаемъ, что только войны представляютъ благопріятную почву для деспотизма. Безъ войнъ, безъ надежды на какое либо патріотическое кровопусканіе, абсолютизмъ и деспотизмъ не могутъ существовать.

ГЛАВА X.

Послѣдняя надежда самодержавія.

Проблема, которая стоитъ теперь передъ царемъ Николаемъ II-мъ, приблизительно такая-же, какая двѣсти лѣтъ тому назадъ стояла передъ царемъ-геніемъ Петромъ Великимъ. Проблема неразрѣшимая. Русскіе цари въ своихъ попеченіяхъ о благополучіи подданныхъ ни на іоту не отступались отъ прерогативъ своей самодержавной власти. Оттого результатомъ ихъ попеченій былъ всегда не только патернализмъ, но и убійственно опекающій деспотизмъ, въ корнѣ уничтожавшій ихъ же собственныя благія намѣренія. Петръ пытался было создать правильно функціонирующія правительственныя учрежденія и избирательные институты въ странѣ, гдѣ систематическая организація и регулярное участіе какого-либо класса общества въ правленіи страной были дотолѣ почти неизвѣстны. Русскій народъ былъ тогда впервые принужденъ задуматься о лучшей формѣ правленія и глубже проникнуться государственными нуждами. Политика Николая II-го въ первые 10 лѣтъ его царствованія представляетъ поразительную аналогію съ Петровской политикой. Николай II не геній, но зато Витте, можетъ быть, былъ таковымъ. Нашъ вѣкъ-не Петровскій вѣкъ, мы живемъ въ вѣкѣ неслыханныхъ успѣховъ на поприщѣ торговли и промышленности. Естественно поэтому, что Витте создалъ не только политическіе институты, но и желѣзныя дороги, заводскую промышленность, золотую валюту, винную монополію и банки. Не о политическихъ вопросахъ былъ на этотъ разъ принужденъ

думать русскій народъ, но о великихъ экономическихъ проблемахъ нашего вѣка. Аналогія несомнѣнная. «Петромъ,—говоритъ русскій историкъ Костомаровъ,—руководила одна лишь абстрактная идея о государствѣ, народъ былъ для него лишь нулями въ общей суммѣ.» Но народа нельзя было превратить въ нули при помощи одного лишь кнута и меча. Петръ впервые основалъ хитрую систему сыска, къ этому еще онъ возродилъ почти всю жестокую систему пытокъ и казней временъ Ивана Грознаго. Не смотря на всѣ эти мѣры, онъ, однако, не добился своего. Созданный имъ обширный государственный механизмъ оказался роковымъ Франкенштейномъ для него и угрозой его собственному существованію. Вызванная имъ въ жизнь бюрократія состояла сплошь изъ взяточниковъ, изъ людей, до мозга костей испорченныхъ, и легла новымъ и тажелымъ бременемъ на плечи народныя.

Витте смотрѣлъ на государство съ точки зрѣнія универсальнаго капиталиста, крупнаго собственника, заводчика, банкира и работодателя. Его государственный соціализмъ далеко превозошелъ все то, о чемъ Бисмаркъ могъ когда нибудь мечтать.

Если русское правительство будетъ и впредь такъ усиленно вытѣснять частный капиталъ, какъ оно это дѣлало за послѣднія десять лѣтъ Виттевскаго финансоваго режима, то лѣтъ черезъ пятьдесятъ Россія превратится въ классическую страну государственнаго капитализма (болѣе точное, на нашъ взглядъ, выраженіе, чѣмъ — «государственный соціализмъ»), государственной монополіи въ промышленности и банковомъ дѣлѣ. Для проведенія своихъ реформъ Витте не приходилось, какъ Петру, прибѣгать къ помощи нагайки и меча. До тѣхъ поръ, пока обыденныя орудія насилія успѣшно охраняли царизмъ отъ революціи, Витте не нуждался въ экстраординарныхъ средствахъ для проведенія своихъ реформъ. Наоборотъ, онъ часто, тамъ, гдѣ только могъ, старался замѣнить нагайку и мечъ болѣе современными средствами воздѣй-

ствія. Изморъ народа былъ, какъ я покажу ниже, въ буквальномъ смыслѣ фундаментомъ, на которомъ Витте строилъ свои реформы. Но голодъ не можетъ служить основой матерьяльнаго благополучія какого-либо общества. Нельзя, правда, утверждать, что политика Витте потерпѣла уже неудачу, ибо она еще и теперь въ силѣ. Но она должна, въ концѣ концовъ, привести Россію къ такому экономическому катаклизму, какого еще міръ не видалъ.

«Вся Петровская политика,—говоритъ Костомаровъ,—была направлена на борьбу съ общественнымъ индиферентизмомъ и съ отсутствіемъ инціативы въ русскомъ обществѣ того времени.» Въ своемъ докладѣ царю о бюджетѣ на 1906 г. Витте, упомянувъ о предполагаемыхъ реформахъ и пресловутомъ октябрьскомъ манифестѣ, говоритъ между прочимъ слѣдующее: «Непрестанный ростъ сознательности народныхъ массъ несомнѣнно приведетъ ихъ къ правильному пониманію экономическаго прогресса и возбудитъ въ нихъ желаніе добиться улучшенія своего матерьяльнаго благополучія. Вѣрнымъ залогомъ пробужденія общественной жизни служитъ, Ваше Величество, Вашъ призывъ народу вступить на путь независимости и превозглашеніе съ высоты престола равенства всѣхъ подданныхъ Вашего Величества передъ закономъ.» Двѣсти лѣтъ спустя послѣ безплодной Петровской попытки, русскій министръ пытается еще разъ привить народу, надъ которымъ тяготѣетъ царизмъ, духъ инициативы, сознаніе независимости и потребность въ общественности.

Витте потерпѣлъ такую же неудачу, какую въ свое время потерпѣлъ Петръ Великій. Октябрьскій манифестъ, котораго онъ, вопреки кознямъ дворянства и придворной камарильи, добился отъ царя, уже забытъ, забыты и содержащіяся въ немъ обѣщанія. Если бы гр. Витте могъ быть болѣе откровеннымъ, то онъ, можетъ быть, скорбѣлъ бы не о недостаткѣ желанія въ народныхъ массахъ, но о потерѣ ими надежды на дѣйствительное улучшеніе ихъ

положенія сверху. Ошибка Витте лежала, однако, не столько въ его слишкомъ вѣрноподданническомъ довѣріи къ царю, или же въ его крайне бюрократическомъ презрѣній къ народу, сколько въ его основномъ непониманіи своего собственнаго дѣла финансовъ. Это ему самому не доставало правильнаго пониманія законовъ экономическаго развитія, а не русскому народу, котораго онъ обвиняетъ въ такомъ непониманій. «Петръ,—говоритъ въ другомъ мѣстѣ Костомаровъ,—не смогъ привить русскому народу гражданскую доблесть, чувство долга, или любовь къ своему ближнему. Ему не удалось путемъ насилія создать новую, живую Россію.» Подобнымъ же образомъ и Витте не смогъ путемъ голоднаго измора, легшаго въ основу всего его пониманія экономическаго прогресса, привить русскому народу духъ иниціативы и любовь къ общественнымъ дѣламъ.

Петръ Великій положилъ начало современному абсолютизму. Витте-же толкнулъ его на путь единственно возможнаго еще спасенія его. Возможно даже, что въ самый послѣдній моментъ Витте вполнѣ сознавалъ, на какой опасный и отчаянный экспериментъ онъ рѣшается, позволивъ себѣ компромиссы съ архи-врагомъ самодержавія—съ демократіей. Не простая, однако, случайность то обстоятельство, что русское правительство вступило на путь государственнаго соціализма. Не будь Витте, нашелся-бы другой, или другіе, которые взяли бы на себя его миссію. Результатъ былъ бы тотъ же, съ той лишь, быть можетъ, разницей, что странѣ пришлось-бы ждать его дольше, и онъ обошелся бы ей на нѣсколько билліоновъ рублей дороже. Причину, почему Витте избралъ этотъ, а не другой путь, не приходится далеко искать—это призракъ войнъ, это фактъ, что Россія составляетъ часть цивилизованнаго міра, отъ котораго она, какъ и всѣ другія отдѣльныя націи, вынуждена защищаться всѣми новѣйшими средствами борьбы. Помимо этого, милліоны русскаго народа усвоили ту же культуру, что и мы, и

добрая половина его подростающаго поколѣнія умѣетъ уже читать и писать. Почему же мы забываемъ всѣ эти очевидные факты и пытаемся судить о Россіи, какъ о чемъ-то чуждомъ намъ? Даже Японія и Турція вовлечены въ кругъ современной цивилизаціи, и главнымъ образомъ благодаря необходимости защиты своей самостоятельности съ помощью модерныхъ средствъ.

Эта необходимость защиты своей политической самостоятельности заставляла русскихъ царей усердно перенимать и насаждать культуру запада на русской почвѣ. Нужда въ деньгахъ для поддержки и содержанія огромной арміи и дорого стоющаго флота въ свое время побудила Александра II-го уничтожить крѣпостное право, а его сына—Александра III-го—заставила призвать къ власти такого современнаго финансиста, какъ Витте. Тяжкое пораженіе, нанесенное Франціей и Англіей во время Крымской войны, наглядно показало Россіи, что въ интересахъ сохраненія своей независимости она должна произвести радикальныя преобразованія въ арміи. Профессіональная армія забитыхъ военныхъ рабовъ, принужденныхъ цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ тянуть солдатскую лямку, должна была быть замѣнена гораздо болѣе многочисленной и современной арміей изъ всѣхъ молодыхъ людей страны, готовыхъ защищать отечество не только за страхъ, но и за совѣсть. Бунтовавшихся крестьянъ нужно было превратить не только въ лояльныхъ, но и ревностныхъ подданныхъ. Необходимо было соорудить военныя желѣзныя дороги, создать новый флотъ и модерное вооруженіе. Государству необходимо было хоть кое какъ одѣть своихъ солдатъ, чтобы они не замерзали до смерти, какъ это случалось часто во время прежнихъ войнъ. Для больныхъ и раненныхъ была необходима организація медицинской помощи, отсутствіе которой на войнѣ причиняло больше потерь, нежели вражескія пули; необходимъ былъ также достаточный запасъ пороха для пушекъ и ружей. На это все нужны были средства,

которыхъ у русскаго правительства почти не было. Изъ опасенія потерять свою независимость русское правительство вынуждено было поэтому освободить крестьянъ, заняться постройной желѣзныхъ дорогъ и поощрять промышленность. Такимъ образомъ, не внутреннее положеніе вещей привело къ освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, не оно заставило Россію еще разъ многое позаимствовать у Европы, но настоятельная необходимость догонять сосѣдей въ силѣ, чтобы быть готовой къ ихъ нашествію.

Современная цивилизація представляетъ собою неразрывное цѣлое. Поэтому врядъ ли какая нибудь страна можетъ съ успѣхомъ пользоваться и вводить у себя современныя орудія и методы производства безъ того, чтобы одновременно не открыть дверей для современныхъ идей и не дать хотя бы небольшое мѣсто для свободы личности, хотя бы элементарныя демократическія учрежденія для массъ. Для полученія займа на проведеніе желѣзныхъ дорогъ въ какомъ-нибудь не промышленномъ районѣ, гдѣ такія дороги должны будутъ работать въ убытокъ, необходимо имѣть въ запасѣ достаточно денегъ, чтобы быть въ состояніи выплачивать проценты на желѣзнодорожныя облигаціи. Для полученія какого нибудь дохода отъ хлѣбной торговли въ раззоренной странѣ, приходится болѣе или менѣе развить вывозную торговлю. Но высокіе налоги и подати могутъ быть взимаемы лишь тамъ, гдѣ существуетъ высоко развитая промышленность и сельское хозяйство, дающее высокую прибыль, и только при высоко развитомъ земледѣліи возможно производство достаточнаго количества хлѣба для вывоза его заграницу. Современная индустрія требуетъ для международнаго обмѣна звонкаго металла, а не бумажныхъ денегъ. Задолженное государство нуждается въ большей вывозной торговлѣ, которая одна лишь можетъ служить гарантіей прочности его золотой валюты. Въ современномъ государствѣ армія, флотъ, военныя дороги, кредитъ, высокіе

налоги, золото, обширный вывозъ земледѣльческихъ продуктовъ и протекціонный тарифъ—все тѣсно связано и переплетено одно съ другимъ. Все это было навязано царямъ силою того обстоятельства, что Россія является интегральной частью цивилизованнаго міра. Государственный капитализмъ пошелъ въ Россіи дальше, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ. Монополизаціей винной торговли Витте забралъ въ свои руки одну изъ самыхъ крупныхъ отраслей промышленности въ странѣ. Основаніемъ закладныхъ въ земельныхъ банкахъ и поощреніемъ активнаго участія государственныхъ банковъ и желѣзныхъ дорогъ въ содѣйствіи или противодѣйствіи того или иного частнаго торговаго промышленнаго предпріятія Витте пріобрѣлъ такую же диктаторскую власть въ области финансовъ, какой царь пользуется въ области политической и военной. И подобно тому, какъ царь оказался безпомощнымъ передъ тѣмъ великимъ фактомъ, что людьми нельзя вѣчно править съ помощью грубаго насилія, такъ и Витте оказался безсильнымъ передъ великимъ закономъ экономическаго развитія, въ силу котораго нельзя добиться благосостоянія государствъ безъ поднятія матерьяльнаго благосостоянія народныхъ массъ.

Въ концѣ 1902-го года Государственный Совѣтъ признался, что правительство не въ силахъ реорганизовать крестьянскій бытъ и помочь развитію сельско-хозяйственной промышленности. Это ничто иное, какъ признаніе экономической несостоятельности царизма. Три четверти русскаго народа состоятъ изъ крестьянъ, и двѣ трети всего богатства страны создаются земледѣльческимъ трудомъ. Спрашивается, какую пользу можетъ правительство послѣ всего этого извлечь отъ государственнаго соціализма или автократическаго капитализма, если оно, по собственному признанію, потеряло уже всякую надежду на экономическое возрожденіе «въ эту эпоху» главной промышленности страны и огромнаго большинства ея насе-

ленія. Витте, собственно говоря, откровенно и заявилъ въ своемъ докладѣ о государственномъ бюджетѣ, что это возрожденіе принадлежитъ будущему, т. е. будущему поколѣнію, или даже будущему столѣтію.

Витте былъ, такимъ образомъ, принужденъ открыто признаться въ своемъ безсиліи, и къ сознанію своего безсилія онъ пришелъ подъ вліяніемъ не перспективы войни или революціи, ибо ни та, ни другая еще тогда не началась, а въ виду промышленнаго кризиса, явившагося логическимъ результатомъ его же попытки наладить современную фабричную и заводскую промышленность среди народа, большая часть котораго страдаетъ отъ хроническаго голода. Такой народъ, понятно, не въ состояніи быть ни покупателемъ продуктовъ отечественной промышленности, ни поставщикомъ товаровъ или пассажировъ для отечественныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Но до того, какъ страшый крахъ русской промышленности въ 1900 г. вынудилъ у него это откровенное признаніе, Витте уже успѣлъ своей политикой въ значительной степени революціонизировать экономическія условія Россіи — я говорю въ значительной степени — ибо, по утвержденію лучшихъ русскихъ экономистовъ, та же политика, съ помощью которой Витте революціонизировалъ русскую промышленность, послужила въ то же самое время причиной прогрессивнаго и постояннаго упадка сельскаго хозяйства.

Какъ я уже указалъ, пересозданіе національнаго хозяйства по европейскимъ образцамъ началось съ момента освобожденія крестьянъ въ 1861 г. Оно пошло быстрѣе съ вступленіемъ на престолъ Александра III-го въ бытность у власти предшественника Витте, Вышнеградскаго. Послѣдній впервые ввелъ высокія таможенныя пошлины на заграничные фабрикаты и увеличилъ косвенные налоги на многіе предметы потребленія. Какъ скоро крестьянство, точнѣе не голодающее меньшинство его, начало потреблять какой нибудь ввозный фабрикатъ,

послѣдній немедленно-же облагался непосильнымъ налогомъ. Извѣстные слои крестьянства научились пить чай съ сахаромъ, потреблять бумажную матерію, керосинъ и спички, примѣнять стальные плуги и желѣзные гвозди. Какъ скоро на всѣ эти предметы появился спросъ, налоги на нихъ были тотчасъ же непомѣрно повышены. Такая политика неоднократно повторялась и во время хозяйствованія Витте, и послѣ этого. Такимъ образомъ, налоги такъ высоки, что и безъ того обнищавшій русскій крестьянинъ теперь долженъ за нѣкоторые предметы массоваго потребленія платить въ два, три и даже четыре раза больше того, что за нихъ платитъ напр. нѣмецкій, или французскій крестьянинъ. Въ результатѣ получилось то, что въ то время, какъ въ Западной Европѣ потребленіе этихъ продуктовъ, вслѣдствіе значительнаго удешевленія ихъ производства, во много разъ увеличилось, въ Россіи оно слабо лишь растетъ, и особенно слабо тамъ, гдѣ въ нихъ больше всего нуждаются. Въ общемъ русскій крестьянинъ принужденъ ограничиваться небольшимъ лишь количествомъ гвоздей, довольствоваться самымъ дешевымъ плугомъ и обходиться совсѣмъ почти безъ керосина. Единственная рубаха на его тѣлѣ должна ему служить годы, сахаръ является роскошью для него, и столь любимый имъ чай—рѣдкимъ напиткомъ. Во время Вышнеградскаго крестьяне уже чувствовали на себѣ тяжесть новыхъ налоговъ, вызванныхъ усиленными постройками желѣзныхъ дорогъ и насажденіемъ индустріи. Это обложеніе, которое шло на покрытіе дефицитовъ, вмѣстѣ съ непосильными выкупными платежами, которые крестьянамъ приходилось платить за свою «свободу», сдѣлало ихъ жизнь уже тогда невыносимой. Въ 1891-мъ году были опять повышены таможенныя пошлины. Въ теченіи первыхъ десяти лѣтъ хозяйничанія Витте (1892—1902) желѣзнодорожный тарифъ былъ удвоенъ, операціи государственныхъ банковъ болѣе чѣмъ удвоились, и основанъ былъ спеціальный банкъ для дворянъ. Въ 1894 г.

введена была винная монополія, а въ 1897 г. была, наконецъ, установлена золотая валюта.

Всѣ эти мѣры были тѣсно связаны одна съ другой, а также съ усиленнымъ вывозомъ хлѣба заграницу. Но крестьянинъ имѣетъ мало что вывозить: скудныхъ продуктовъ его клочка земли едва хватаетъ ему для удовлетворенія его самыхъ насущныхъ нуждъ. Къ тому же, въ то время, какъ крестьяне были придавлены косвенными налогами на поддержку новаго огромнаго и исскуственно созданнаго экономическаго зданія, ихъ врагамъ помѣщикамъ разрѣшалось запускать руки въ казну уже и безъ того обѣднѣвшаго государстда. Имъ выдавались ссуды за проценты гораздо ниже банковыхъ, и въ размѣрахъ значительно превышающихъ стоимость ихъ имуществъ. Дворянскій поземельный банкъ оказался недостаточнымъ для этихъ операцій, и правительство открыло еще одинъ банкъ, носящій звонкое имя «крестьянскій банкъ». Этотъ банкъ давалъ возможность наиболѣе нуждающимся помѣщикамъ сбыть всю, или часть своей земли по чрезвычайно высокой оцѣнкѣ или нуждающемуся въ этой землѣ крестьянству, или же деревенскимъ кулакамъ, которые разбогатѣли насчетъ своихъ голодающихъ сосѣдей. Болѣе того—Витте, какъ онъ это самъ заявилъ, сдѣлалъ все возможное въ этой голодающей странѣ, чтобы въ интересахъ помѣщиковъ повысить цѣны на хлѣбъ.

Но голодъ сдѣлался частымъ гостемъ и началъ приходить черезъ каждый второй годъ.

Блестящіе урожаи въ другихъ странахъ или финансовые кризисы понижали цѣны на хлѣбъ, вопреки всѣмъ стараніямъ Витте, который въ концѣ концовъ долженъ былъ признаться своему царю, что оба они безсильны справиться съ законами экономическаго развитія земного шара.

Витте любилъ говорить своимъ друзьямъ: «Но вы не знаете всѣхъ картъ.» Онъ тогда еще не успѣлъ показать

своей послѣдней карты и имѣлъ въ запасѣ очень непріятный сюрпризъ для помѣщиковъ и царя. Было-бы однако несправедливо обвинять Витте въ двойной игрѣ. Онъ всегда поощрялъ промышленность, хотя бы даже для того, чтобы создать отечественный рынокъ для продуктовъ земледѣльческаго производства. Тогда онъ чувствовалъ себя достаточно сильнымъ и свою политику считалъ достаточно испытанной, чтобы развернуться во всю.

Его бюджетная рѣчь въ 1897-мъ году была уже обращена не къ однимъ лишь помѣщикамъ, но и къ такой силѣ, какъ международный капиталъ. Его сношенія съ крупными банкирами имѣли, конечно, частный характеръ. Бюджетная рѣчь имѣла ввиду не этихъ банкировъ, а ихъ протеже, мелкихъ вкладчиковъ. Въ этой рѣчи Витте уже утверждаетъ, что низкія цѣны на земледѣльческіе продукты имѣютъ свою хорошую сторону для другихъ не помѣщичьихъ элементовъ. И онъ хвастается, что обрабатывающая промышленность обогнала уже теперь сельскохозяйственную. Правда, промышленность искусственно хотя и разрослась, но Витте тѣмъ не менѣе употребилъ здѣсь вульгарную передержку. Продукты земледѣлія онъ оцѣнилъ въ полтора билліона рублей, продукты фабричной и заводской промышленности въ два билліона. Но большая часть продуктовъ такъ наз. обрабатывающей промышленности относится къ сырому матерьялу. Дѣйствительная-же стоймость продуктовъ обрабатывающей промышленности, по вычисленію такого спеціалиста, какъ De Vaux, въ то время не превышала четырехъ сотъ милліоновъ, т. е. какъ разъ одной пятой указанной Витте суммы.

Вмѣсто того, чтобы быть той богатой страной, каковой ее рисовалъ Витте, Россія на самомъ дѣлѣ невѣроятно бѣдна.

Однимъ изъ позднѣйшихъ нововведеній Витте были сберегательныя кассы. Гроши не совсѣмъ голодающаго меньшинства населенія стекались въ сберегательныя кассы,

имѣющія обыкновенно отдѣленія при казенныхъ кабакахъ, почтовыхъ конторахъ, желѣзнодорожныхъ вокзалахъ, пароходахъ, казармахъ и даже школахъ. Въ продолженій пятнадцати лѣтъ (1891—1906 г.) администраціи Витте общее число вкладчиковъ возросло отъ одного до пяти милліоновъ, общая-же сумма вкладовъ возросла отъ двухсотъ до тысячи милліоновъ рублей. Сберегательныя кассы эти оказались очень выгодной операціей для правительства. Но это служитъ лишь еще однимъ показателемъ бѣдности этой обширной страны. Въ настоящее время сберегательныя кассы перестали уже такъ быстро развиваться, вѣроятно, по той причинѣ, что всѣ свободные гроши уже выцѣжены ими. Что значитъ одинъ биллiонъ рублей для населенія въ сто сорокъ милліоновъ? Сберегательныя кассы другихъ значительно меньшихъ по размѣру странъ имѣютъ капиталъ въ десять разъ больше.

Суммы, поступающія въ сберегательныя кассы, почти цѣликомъ идутъ въ казну. Это своего рода налогъ. Казна даетъ вкладчикамъ очень низкій процентъ на ихъ сбереженія, сама же она беретъ высокіе проценты. Первоначально вклады въ сберегательныя кассы превращались прямо въ правительственныя облигаціи. Но мудрый и современный Витте сталъ впослѣдствіи помѣщать эти деньги въ желѣзнодорожныя и банковыя операціи. Этимъ онъ хотѣлъ дать толчокъ развитію желѣзнодорожнаго дѣла, но его старанія были почти безплодны. Не смотря на многочисленные желѣзнодорожные займы, сдѣланные Витте, Россія въ 1902 г. имѣла всего лишь около 73-хъ тысячъ верстъ желѣзнодорожнаго пути, тогда какъ Соединенные Штаты имѣютъ около 350 тысячъ. Къ тому же еще нужно прибавить, что одну четвертую часть всей желѣзнодорожной сѣти, составляютъ военныя дороги и находится въ необыкновенно жалкомъ состояніи. По смѣтамъ за 1906 г. ассигновки на всѣ казенныя желѣзныя дороги были до невозможности малы. Такъ напримѣръ: на постройку — сорокъ два милліона рублей; на улуч-

шенія—двѣнадцать; на подвижной составъ—два милл.; на ремонтъ подвижнаго состава—три милліона. На такихъ мизерныхъ ассигновкахъ далеко не уѣдешь. Немудрено поэтому, что въ русской прессѣ повседневно раздаются отовсюду горькія жалобы на безалаберное веденіе желѣзнодорожнаго дѣла. Товары задерживаются иногда на цѣлые мѣсяцы въ пути, при этомъ многіе совсѣмъ портятся до негодности; заводы и фабрики часто закрываются изъ за недоставленнаго каменнаго угля, а скудость предохраняющихъ, предупреждающихъ средствъ необходимо обусловливаетъ обиліе несчастныхъ желѣзнодорожныхъ случаевъ. Россія такимъ образомъ ужасно скудно снабжена желѣзными дорогами. Въ Соединенныхъ Штатахъ на каждую душу населенія приходится желѣзнодорожнаго пути въ восемь разъ больше, нежели въ Россіи. Однако, пока русскій народъ не будетъ обезпеченъ отъ хроническаго голоданія, Россіи будетъ трудно двигать впередъ желѣзнодорожное строительство. Витте хвастался, что ежегодный дефицитъ, съ которымъ работаютъ казенныя желѣзныя дороги, сократился со ста тысячъ семидесяти шести милліоновъ рублей въ 1892 г. до девяноста милліоновъ въ 1897 г. Согласно передернутымъ оффиціальнымъ даннымъ, дефицитъ этотъ сократился до тридцати пяти милліоновъ въ 1901 г., но уже за 1903 г. онъ опять увеличился до шестидесяти милліоновъ.

Еще хуже обстоитъ дѣло въ Россіи съ шоссейными дорогами. За исключеніемъ тѣхъ, которыя проложены возлѣ самыхъ городовъ и черезъ велико-княжескія владѣнія, я въ Россіи не видѣлъ другихъ шоссейныхъ дорогъ. Въ сравненіи съ Россіей Франція имѣетъ во сто разъ, а Великобританія въ шестьсотъ разъ большее протяженіе шоссейныхъ дорогъ.

Фактически въ Россіи нѣтъ никакихъ богатствъ, кромѣ добываемаго непосредственно изъ земли сырья, которое было бы тамъ и въ томъ случаѣ, еслибъ страна была совершенно не населена. Россія не имѣетъ ни крупной

современной сельскохозяйственной промышленности, ни транспортной системы, ни развитой обрабатывающей промышленности, ни, сравнительно съ величиной ея населенія, значительнаго ввоза и вывоза. Стоимость продуктовъ производства русской промышленности, по даннымъ самого Витте, равнялась меньше одной десятой, а продуктовъ земледѣлія одной пятнадцатой доли стоимости соотвѣтственныхъ продуктовъ въ Соед. Штатахъ. Русскій крестьянинъ, по признанію того же Витте, находится въ такомъ же положеніи, въ какомъ находился европейскій крестьянинъ въ 1800—1850 г. Я позже докажу, что это въ дѣйствительности такъ. Русскій крестьянинъ получаетъ съ акра втрое меньше продуктовъ, нежели англійскій или же германскій, несмотря на то, что сидитъ на гораздо лучшей землѣ, чѣмъ послѣдній. Въ то время, какъ производство пшеницы въ теченіи послѣдняго десятилѣтія увеличилось въ Соед. Штатахъ на одну треть, въ несчастной Россіи оно поднялось меньше, чѣмъ на одну десятую, т. е. увеличивалось медленнѣе даже, чѣмъ приростъ населенія. За этотъ же періодъ вывозъ пшеницы изъ Соед. Штатовъ удвоился, русскій-же экспортъ пшеницы остался тотъ же самый.

Но какъ я уже указалъ, весь экономическій укладъ русскаго общества и правительственный кредитъ опираются и зависятъ главнымъ образомъ отъ вывоза. Двѣ трети этого вывоза—хлѣбъ, а остальная треть, за исключеніемъ, можетъ быть, трехъ процентовъ, состоитъ изъ сырья или полусырья. Вывозъ скота и животныхъ продуктовъ скотоводства изъ Россіи не превышаетъ и десятой доли вывоза тѣхъ-же продуктовъ Германіи, несмотря на то, что первая неизмѣримо больше и обладаетъ болѣе благопріятными естественными условіями для развитія скотоводства, чѣмъ послѣдняя. Ввозъ шерсти въ Россію значительно превышаетъ вывозъ, и въ общемъ этотъ вывозъ уступаетъ вывозу шерсти въ десяти значительно меньшихъ ея странахъ.

Вся промышленность Россіи за послѣднее десятилѣтіе до войны возросла лишь на 25% — медленнѣе даже, чѣмъ приростъ ея населенія. Вывозъ же въ общемъ увеличился всего на 14 проц., и необходимый для процвѣтанія промышленности перевѣсъ вывоза надъ ввозомъ понизился на одну треть. За послѣдніе три года, впрочемъ (1903, 1904 и 1905 г.), перевѣсъ этотъ удвоился. Объясняется это странное и неожиданное явленіе тѣмъ, что—какъ мнѣ лично заявилъ министръ финансовъ Шиповъ—крестьяне были въ такой нуждѣ, что имъ ничего не оставалось сдѣлать, какъ продать запасы, необходимые для ихъ собственнаго и ихъ скота прокормленія; эти скудные крестьянскіе запасы и были экспортированы заграницу. Но даже и въ этомъ случаѣ вывозъ превышалъ ввозъ всего лишь на четыреста милліоновъ рублей. Сумма, недостаточная даже для уплаты годовыхъ процентовъ на государственные, внѣшніе и внутренніе, займы. А съ 1906 и 1907 г. нагрянулъ голодъ.

Политика министерства финансовъ была вначалѣ направлена къ тому, чтобы хоть какою угодно цѣною поддержать вывозъ и такимъ образомъ быть хотя бы отчасти въ состояніи уплатить по внѣшнему долгу. Въ настоящій моментъ, однако, даже реакціонеры требуютъ воспрещенія вывоза хлѣба, такъ необходимаго для голодающаго народа. Правительство не наложило запретовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно уже больше не форсируетъ вывоза, и послѣдній поэтому значительно сократился.

Если въ слѣдующее десятилѣтіе голодъ не перестанетъ быть хроническимъ въ Россіи, то врядъ ли можно ожидать, чтобы вывозъ превышалъ ввозъ болѣе, чѣмъ на 200 милліоновъ,—на сумму, недостаточную для погашенія однихъ лишь процентовъ по внѣшнему долгу.

Является-ли русское правительство плохимъ коммерческимъ учрежденіемъ или нѣтъ, но одно несомнѣнно, что страна, которой правительство это правитъ, представляетъ собою далеко не солидную фирму. Правитель-

ство имѣетъ то лишь преимущество передъ страной, что можетъ доставать заграницей денегъ въ долгъ. А деньги кредиторы даютъ ему потому, что вѣрятъ въ его способность выколачивать и выжимать побольше налоговъ изъ народа, а также въ его готовность помогать своими ружьями и пушками какому нибудь внѣшнему союзнику. Въ обоихъ случаяхъ иностранный вкладчикъ одалживаетъ не коммерческому предпріятію, но арміи продажныхъ наемниковъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ, сдѣлка имѣетъ двѣ стороны. Если иностранный вкладчикъ, покупающій русскія облигаціи, соглашается не интересоваться вопросомъ, откуда и какъ добываетъ царь денегъ на уплату причитающихся ему процентовъ, царь обязанъ тогда доставить свои военныя силы. Царь тогда въ распоряженіи своихъ кредиторовъ, къ которымъ онъ долженъ годъ за годомъ обращаться за денежной субсидіей.

Одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ реакціонныхъ органовъ сердито протестовалъ уже, что, молъ, не Дума, а иностранные финансисты представляютъ дѣйствительный парламентъ Россіи.

Вотъ какъ новая финансовая политика и послѣдняя надежда самодержавія довела страну до постоянной финансовой зависимости отъ иностраннаго капитала. И если обѣднѣніе страны явилось слабой стороной политики графа Витте, то внѣшняя зависимость составляетъ ея силу. Международные банкиры, хотя и взыскательные, но за то они вліятельные и неоцѣнимые друзья царизма, охраняющіе и поддерживающіе его. Царизмъ этотъ вѣдь не поддерживается русскимъ народомъ—русскій народъ давно бы его уничтожилъ—но золотомъ всего капиталистическаго міра.

Россія бѣдна, но міръ богатъ. Русскіе финансы, сами по себѣ, также безнадежны, какъ были французскіе до революціи. Но въ то время не было и десятой доли тѣхъ богатствъ, которыми міръ владѣетъ въ наше время, и всѣ народы того времени, за исключеніемъ лишь одной

Англіи, были бѣднѣе Франціи. Въ настоящее же время существуютъ четыре великихъ державы, изъ которыхъ каждая въ нѣсколько разъ богаче Россіи, и четыре меньшихъ странъ, которыя по богатству равны Россіи. Всѣ старыя страны имѣютъ избытокъ капитала и ищутъ выгоднаго помѣщенія его, а Россія, подобно Индіи или Китаю, сдѣлалась финансовымъ рынкомъ для международнаго капитала.

Россія въ настоящій моментъ является наиболѣе задолженной, какъ и наиболѣе бѣдной изъ всѣхъ великихъ державъ. Правительство одолжило пять билліоновъ на военныя цѣли и три билліона на желѣзныя дороги; въ то-же время частныя желѣзныя дороги и промышленныя предпріятія Россіи задолжали почти на такую же сумму. Съ 1890 г. по 1896 г. правительство заключило четыре большихъ займа, съ 1897 г. по 1903 г. большинство займовъ носили частный характеръ. Со времени войны не проходитъ года, чтобы Россія обошлась безъ новаго внѣшняго займа. Налоги и подати повышены почти до невозможнаго, главныя статьи расходовъ, армія и флотъ, предполагается увеличить, ибо лишь при условіи сохраненія военныхъ силъ возможно для русскаго правительства заручаться внѣшними союзниками и заключать займы. Очевидно, что дефициту въ нѣсколько сотъ милліоновъ, который значится въ бюджетѣ подъ благозвучнымъ названіемъ «чрезвычайные расходы», суждено уже остаться постояннымъ. Каждый годъ или два правительство будетъ заключать новые займы съ такою же регулярностью, съ какой въ странѣ появляется голодъ. Проценты по займамъ съ каждымъ годомъ будутъ поглощать все большую сумму, и финансовое положеніе правительства сдѣлается все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Но пока не разразится какой нибудь международный военный или финансовый кризисъ, Россія застрахована отъ окончательнаго банкротства. Потому что, если правительство и не въ силахъ провести какія нибудь радикаль-

ныя реформы, то оно тѣмъ не менѣе всегда будетъ въ состояніи съ помощью иностраннаго капитала сохранить теперешніе налоги и расходы.

Но страна требуетъ реформъ, а реформы при настоящемъ положеніи Россіи значили бы уменьшеніе налоговъ или увеличеніе правительственныхъ расходовъ. Тѣмъ элементамъ, которые желаютъ чего либо основательнаго, будь то новый флотъ или лучшія школы, придется разрѣшить финансовую дилемму. И скоро убѣдившись, что совершенно безполезно ожидать чего-либо отъ правительства, они начнутъ все больше и больше обращать свои взоры черезъ головы министра финансовъ и царя въ сторону заграничныхъ повелителей послѣднихъ. И здѣсь они получатъ не больше того, что они уже получали—и всѣ живыя и активныя силы страны, какъ революціонныя, такъ и реакціонныя, возможно, что поднимутъ тогда знамя борьбы противъ иностранныхъ кредиторовъ. Революціонеры уже заявили, что они не признаютъ займа, не санкціонированнаго народной Думой, а реакціонеры почти въ одинъ голосъ уже давно кричатъ, что Витте продалъ Россію заграничнымъ «жидамъ», сирѣчь европейскимъ финансистамъ. Наиболѣе популярной мѣрой будетъ, надо ожидать, не полный отказъ отъ долговъ, а прекращеніе платежа процентовъ на облигаціи, или-же уплата ихъ бумажными деньгами.

Тѣмъ временемъ частный капиталъ почти что не растетъ въ Россіи, потому что большинство выгодныхъ предпріятій монополизированы правительствомъ. Согласно вычисленіямъ Витте, которыя мы уже приводили, доходы съ частнаго капитала не превышаютъ двухъ или трехъ билліоновъ рублей. Но казенныя предпріятія и желѣзныя дороги однѣ даютъ въ общемъ билліонъ дохода, и казна получаетъ еще одинъ билліонъ съ народа въ видѣ налоговъ. Помимо этого, правительство одолживаетъ ежегодно нѣсколько сотъ милліоновъ рублей, сумму, въ нѣсколько разъ большую той, какую частнымъ

предпринимателямъ удается доставать заграницей. Большую часть своихъ доходовъ русскій народъ получаетъ такимъ образомъ отъ правительства, въ видѣ ли жалованія, покупокъ или подрядовъ. Разбогатѣть въ Россіи можно не столько при помощи промышленной предпріимчивости или удачнаго веденія своего промышленнаго предпріятія, сколько посредствомъ умѣнія втереться въ расположеніе администраціи, или же стать членомъ послѣдней.

Естественно поэтому, что концентрація капитала въ частныхъ рукахъ идетъ въ Россіи очень медленно. Ни чуть не уменьшая бѣдности населенія, государственный капитализмъ сдѣлалъ все для того, чтобы воспрепятствовать росту частнаго капитала.

Витте иначе не можетъ себѣ представить всемогущаго государства, какъ въ видѣ «раздавателя кредита» и полномочнаго хозяина промышленности. Витте ни разу и не пытался даже использовать эту великую силу государства въ интересахъ крестьянина, чтобы дать ему возможность стать самостоятельно на ноги, накопить достаточно капитала и поставить свое хозяйство на раціональныхъ началахъ. Витте успѣлъ только на короткое время перенести экономическую политику правительства изъ сферы вліянія землевладѣльцевъ въ сферу вліянія иностранныхъ банкировъ. Займы, которые Россія заключила во время Японской войны, еще болѣе укрѣпили это вліяніе иностранныхъ финансистовъ, но отставка Витте и послѣдовавшая затѣмъ реакція противъ либеральнаго курса да Третья Дума снова, казалось, вернули помѣщиковъ ко власти надъ экономическими силами и рессурсами страны. Подъ руководствомъ Столыпина и Гучкова возможенъ, впрочемъ, возвратъ къ «золотой серединѣ», господствовавшей въ царствованіе отца теперешняго царя. «Золотая середина», какъ извѣстно, выражалась въ томъ, что помѣщики вмѣстѣ съ заграничными и отечественными капиталистами дѣлили между собою всюду богатую добычу

покровительственнаго деспотизма, которая почему либо миновала руки бюрократіи.

Косность, реакція, или же реформы для отвода глазъ, вотъ тѣ три курса, которые открыты для русскаго правительства, но самый излюбленный его курсъ, это косность. Косность въ конецъ убила титаническія попытки Петра Великаго пруссифицировать его имперію и въ позднѣйшіе годы низвела созданные имъ департаменты и вѣдомства до пародіи на государственныя учрежденія. Царскій произволъ, мѣшающій проведенію какихъ-либо радикальныхъ экономическихъ реформъ, отсутствіе какой-либо свободы договора, равенства передъ закономъ, неприкосновенности ни имущества, ни труда и то обстоятельство, что правительство не иначе можетъ добывать денегъ для проведенія именно такихъ реформъ, какъ цѣною обѣщанія помочь въ случаѣ нужды своей арміей ссудившей ему деньги державѣ, или же цѣною гарантій, что оно какимъ бы то ни было способомъ будетъ продолжать выколачивать изъ народа деньги, все это низводитъ до еще болѣе трагической пародіи попытку Витте сочетать бракомъ самодержавіе съ всемогущимъ капиталомъ, европеизировать Россію. Брачный союзъ состоялся, и онъ далъ уже свои плоды. Но какъ при заключеніи брачныхъ союзовъ между королевскими домами, мнѣнія народа и здѣсь не спрашивали. Народъ, однако, освѣдомленъ, и сила враждебнаго его противодѣйствія не знаетъ предѣла. И въ Россіи дѣйствуютъ экономическіе законы, противъ которыхъ безсильна даже воля царизма и капитализма. О томъ, что представляютъ собою эти законы, у меня пойдетъ рѣчь лишь послѣ того, какъ познакомлю читателя съ народомъ, съ новой Россіей, которая до извѣстной степени независима отъ вліянія правительства.

ГЛАВА XI.

Враги народа — союзники царя.

Ни реформа путемъ насилія, ни государственный капитализмъ не пріостановили кампаніи реакціонныхъ классовъ противъ всего прогрессивнаго. Въ настоящій моментъ тенденція правительственной дѣятельности представляетъ равнодѣйствующую слѣдующихъ трехъ силъ: укрѣпленія и лучшей организаціи абсолютизма, вытѣсненія частной промышленности и борьбы противъ свободы личности во всѣхъ сферахъ частной и общественной жизни; эта тенденція, однимъ словомъ, имѣетъ осуществить то «грядущее рабство», призракъ котораго такъ преслѣдовалъ Герберта Спенсера. И будетъ эта тенденція въ силѣ до тѣхъ поръ, пока народъ не заставитъ царя признать —не то, что онъ добровольно даровалъ нѣкоторыя реформы, сохранивъ при этомъ въ полной силѣ свою самодержавную власть, но что народъ принудилъ его отказаться отъ своей власти или-же подѣлиться ею съ нимъ, съ народомъ.

Будущему правительству уже не нужно будетъ разрабатывать детальные планы подавленія личности. За то оно будетъ все еще нуждаться въ поддержкѣ извѣстныхъ классовъ, получающихъ свои доходы больше отъ данныхъ имъ привилегій, нежели непосредственно изъ казенныхъ сундуковъ противъ все болѣе подымающагося прилива революціонныхъ чувствъ въ массахъ. И эти классы охотно будутъ обмѣниваться взаимными услугами съ деспотическимъ правительствомъ: взамѣнъ своей поддержки они получатъ помощь послѣдняго для своей

борьбы съ конкурентами или для дѣла порабощенія ими своихъ рабочихъ и служащихъ. Этотъ обмѣнъ услугъ не будетъ сопровождаться какими-либо безпорядками. Жизнь потечетъ тихо и по «закону», какъ это предполагаютъ умѣренные реакціонеры. Народамъ западной Европы и американцамъ чужда даже мысль о томъ, чтобы общественная эволюція могла привести къ регрессу. Ростъ благосостоянія Америки, Великобританіи и Франціи былъ такъ великъ и постояненъ, что гражданамъ этихъ странъ трудно себѣ представить движеніе вспять. Тѣмъ не менѣе, мы всѣ знаемъ, что подобное движеніе не только возможно, но и существуетъ теперь какъ фактъ въ русской дѣйствительности: отступленіе назадъ, полная реакція—вотъ желанный идеалъ господствующихъ классовъ въ Россіи. Реакція—желанный идеалъ господствующихъ классовъ не потому, что они ненавидятъ прогрессъ вообще, но потому, что ненавидятъ и боятся его у себя дома, въ Россіи, ибо онъ является угрозой ихъ доходамъ, привилегіямъ и ихъ господству.

«Реформы» начнутся съ самаго низа, онѣ будутъ сперва испробованы въ школахъ. Прежде всего правительство приложитъ всѣ усилія къ тому, чтобы только изъять состоятельную молодежь изъ сферы воспріимчивости разныхъ прогрессивныхъ и свободолюбивыхъ идей, побуждающихъ ее, молодежь, къ школьнымъ безпорядкамъ. Отнынѣ ее будутъ воспитывать въ любви къ императору, будутъ пріучать проводить время въ оргіяхъ и дебошахъ, игнорировать все серьезное и научное и интересоваться лишь карьерами, чинами и тепленькими мѣстечками. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ будутъ внушать ей ненависть ко всему не русскому, ненависть къ крестьянамъ и рабочимъ, точь въ точь какъ воспитываютъ еще и по сію пору молодежь въ прусскихъ университетахъ.

Съѣздъ монархистовъ въ Москвѣ (въ іюлѣ 1907 г.) требовалъ «здравой народной русской школы». Образцовая такая школа уже открыта въ С. Петербургѣ. Въ

связи съ той же пропагандой о необходимости воспитанія въ юношествѣ здравыхъ національныхъ (читай шовинистическихъ) идей, съѣздъ настаивалъ на болѣе дѣйствительномъ и строгомъ преслѣдованіи и наказаніи за агитацію въ прессѣ—какъ будто-бъ цензура не превзошла еще всего того, что цивилизованный человѣкъ нашихъ дней могъ когда либо представить себѣ.

Реакціонеры основываютъ свою программу прежде всего на опозиціи ко всему тому, что имъ казалось демократическимъ въ правительствѣ, и затѣмъ на требованіи «первенства русской народности въ Россіи». Подъ первенствомъ русской народности нельзя подразумѣвать ничего иного, какъ угнетеніе и преслѣдованіе не русскихъ. Реакціонеры далѣе настаиваютъ на продолженіи политики Александра III-го, политики, которой втеченіе перваго десятилѣтія своего царствованія Николай II-ой неуклонно слѣдовалъ, и которая въ настоящій моментъ цѣликомъ возстановлена новой господской Думой. Вернула-ли реакція помѣщиковъ къ власти, или-же помѣщики вызвали реакцію—это, вѣроятно, навсегда останется вопросомъ. Въ умѣ русскаго человѣка мысль о реакціи тѣсно сопряжена съ представленіемъ о помѣщичьей власти.

На другомъ съѣздѣ монархистовъ, предшествовавшемъ только что упомянутому, предсѣдатель, «благородный» дворянинъ и помѣщикъ, Щербатовъ, заявилъ, что во время революціи дворянство или молчало, или же въ лицѣ своихъ представителей присоединилось къ врагу. Теперь-же дворянство проснулось и изгнало измѣнниковъ изъ всѣхъ своихъ собраній, и отнынѣ дворянскіе съѣзды вмѣстѣ съ «Союзомъ истинно-русскихъ людей» будутъ направлять правительственную политику въ желательную для нихъ сторону. Это дворянскій съѣздъ и Союзъ «истинно-русскихъ» требовали разгона первой Думы и coup d'état сопровождавшаго разгонъ второй. Это въ угоду имъ избирательный законъ былъ въ прямомъ противорѣчіи съ такъ называемыми «основными

законами» измѣненъ такъ, чтобы впредь истинные представители народа могли попасть въ Думу лишь въ крайне незначительномъ меньшинствѣ. Монархистскіе съѣзды, такимъ образомъ, имѣютъ не малое значеніе. Они ясно указываютъ позиціи господствующаго класса въ Россіи, такъ какъ и Союзники и дворянство представлены на нихъ. Рѣчь предсѣдателя на съѣздѣ 1906 г. послужила маякомъ въ часто непроницаемомъ мракѣ реакціи. Если Думу совершенно упразднятъ, говорилъ тотъ же царедворецъ и помѣщикъ, будемъ тогда надѣяться, что она будетъ замѣнена соборомъ стараго русскаго типа, соборомъ исключительно изъ «представителей коренного русскаго населенія». Царь, правда, не послѣдовалъ цѣликомъ этому совѣту, онъ сохранилъ имя Думы и разрѣшилъ нѣкоторое представительство отъ Кавказа и Польши. Но онъ несомнѣнно вплотную подошелъ къ намѣченной предсѣдателемъ дворянскаго съѣзда цѣли. Еще одинъ небольшой шагъ и цѣль эта достигнута.

«Принципъ суверенныхъ прерогативъ русской народности» долженъ осуществляться различными способами, требуетъ Щербатовъ. Во-первыхъ, всѣ отвѣтственные правительственные посты должны быть заняты и пополнены «истинно русскими», и даже мелкія должности должны быть пополнены таковыми. Съѣздъ 1907 г. пошелъ въ своихъ вожделѣніяхъ еще дальше и распространилъ свою заботливость не только на мелкихъ чиновниковъ, но и на домашнюю прислугу. Съѣздъ постановилъ, что его члены должны употреблять всевозможныя средства, чтобы пріискать среди христіанъ мѣста для тѣхъ русскихъ, которые служатъ теперь у евреевъ. Это въ дѣйствительности очень разумно было со стороны Союза, обѣщать кое-что сдѣлать для домашнихъ слугъ. Это наиболѣе невѣжественный элементъ населенія, изъ среды котораго Союзъ главнымъ образомъ и вербуетъ въ большихъ городахъ своихъ членовъ.

Единственное препятствіе, которое «Союзъ истинно-

русскихъ людей» и подобныя ему организаціи встрѣчаютъ на своемъ пути, заключается не въ сопротивленіи правительства ихъ вліянію, а въ трудности вербованія членовъ. Правительственные чиновники, домашняя прислуга и мелкіе ремесленники не составляютъ и десятой доли населенія. Крестьянство-же, какъ признается самъ князь Щербатовъ, находится въ броженіи и, по его выраженію, само «того не замѣчая», послѣдовало за революціонерами. Но Союзники не теряютъ надежды съ помощью духовенства вернуть его обратно на путь истины. Принятыя съѣздомъ резолюціи о необходимости наказанія священниковъ, въ чемъ либо проявившихъ либеральный образъ мыслей, или же вздумавшихъ противодѣйствовать Союзу, фактически приводятся уже въ исполненіе. Повседневно почти бываютъ теперь случаи, что популярныхъ и любимыхъ народомъ священниковъ заточаютъ въ монастыри; тѣ же изъ нихъ, которые выступали въ Г. Думѣ въ защиту народа, были вовсе растрижены. Большинство священниковъ, попавшихъ въ Третью Думу, состоитъ уже изъ ярыхъ реакціонеровъ.

Своеобразное черносотенное движеніе, представители котораго вѣчно твердятъ о своихъ вѣрноподданическихъ чувствахъ къ царю, въ тоже время враждебно настроено противъ правительства. Черносотенцы свирѣпо нападаютъ на чиновничество за пораженіе, понесенное Россіей въ войнѣ съ Японіей, и требуютъ отъ него отчета за израсходованіе имъ народныхъ денегъ. Они столь враждебно относятся къ произволу и продажности бюрократіи, что были бы не прочь лишить ее власти, но, конечно, не путемъ отвѣтственнаго передъ Думой министерства. О, нѣтъ, это было-бы слишкомъ демократично. Нѣтъ, они стоятъ за то, чтобы министровъ сдѣлать еще болѣе отвѣтственными передъ царемъ. Надъ существующими уже сотнями царскихъ департаментовъ и вѣдомствъ они рекомендуютъ поставить новое учрежденіе—«Верховный Судъ», который былъ бы отвѣтственъ непосредственно

Его Величеству. Къ этому «Верховному Суду» всѣ шестьдесятъ милліоновъ взрослыхъ русскихъ гражданъ должны имѣть свободный доступъ, и тогда, увѣряютъ они, хорошо будетъ житься на Руси. Такова политическая мудрость реакціонеровъ.

Политическая экономія нашихъ «царистовъ» можетъ быть выражена въ одномъ словѣ: «Государство все». Я уже говорилъ о тѣхъ шагахъ, которые были сдѣланы въ направленіи монополизированія государствомъ индустріи, транспорта и кредита. Профессіональный реакціонеръ не останавливается на полдорогѣ; онъ всегда идетъ дальше, чѣмъ само правительство. Государство, имѣющее быть «всѣмъ», не должно затруднять себя скопленіемъ запаса золота для поддержанія золотой валюты. Бумажныя кредитки являются не только естественной потребностью въ отчаянно обѣднѣвшей и задолжавшей странѣ, но и логическимъ, неизбѣжнымъ выводомъ изъ всѣхъ принциповъ, лежащихъ въ основѣ царизма.

Цари никогда не управляли самолично. Они всегда пользовались поддержкой сильной господствующей касты. Самодержавіе было лишь орудіемъ, которымъ олигархія правила. Подчиняясь всецѣло самодержцу, помѣщики, однако, всегда при этомъ руководились тѣмъ соображеніемъ, что царедворцы, министры, генералы и администраторы избираются исключительно изъ ихъ среды. Царь мыслитъ и дѣлаетъ все черезъ помѣщиковъ. Они его воспитываютъ съ дѣтства, служатъ его непремѣнными совѣтниками въ дѣлахъ правленія, выполняютъ его приказы.

За цѣлое тысячелѣтіе русскій народъ жилъ подъ двойнымъ игомъ; экономически онъ былъ закабаленъ у помѣщиковъ, политически у государства. Народъ всегда былъ закабаленъ двойными цѣпями, господа же его въ дѣйствительности были одни и тѣ же. Царь, самъ крупнѣйшій въ странѣ помѣщикъ, является поэтому естественнымъ главой класса помѣщиковъ. Послѣдніе обязаны своимъ

имуществомъ, привилегіями и ихъ властью вліянію ихъ на царя. Ни въ средѣ самого дворянства, ни между дворянствомъ и царемъ въ Россіи никогда еще не происходило серьезныхъ конфликтовъ, которые дали бы народу возможность воспользоваться и добиться участія въ правленіи страной, какъ это неоднократно имѣло мѣсто у народовъ Западной Европы.

Въ Россіи не было искуственныхъ границъ, которыя въ Европѣ повели къ возникновенію независимыхъ бароновъ—грабителей. Постоянная угроза татарскаго и турецкаго нашествія укрѣпила военную силу и сохранила абсолютное господство царя. Россія не имѣла тогда важныхъ морскихъ портовъ или промышленныхъ центровъ, которые дали бы возможность зарожденію и развитію независимыхъ городовъ, или промышленности, которая создала-бы средній классъ, игравшій въ другихъ странахъ роль буфера. Если и случалось иногда кому нибудь изъ народа выйти въ царскіе генералы или губернаторы, то его немедленно надѣляли землей и дѣлали помѣщикомъ, ибо за неимѣніемъ другихъ свободныхъ рессурсовъ государство въ прежнія времена расплачивалось и вознаграждало за услуги землею. Въ продолжніи многихъ вѣковъ крестьяне терпѣли подъ разными формами это двойное иго. За это время крѣпостное право успѣло утвердиться, быть затѣмъ отмѣненымъ. «Конституція» была дарована, и происходили выборы. Но царь все еще остается неограниченнымъ самодержцемъ, онъ все еще правитъ въ интересахъ дворянской касты, избираетъ большинство своихъ министровъ и почти всѣхъ губернаторовъ и военно-начальниковъ изъ помѣщичьяго сословія. Въ новой Думѣ, которая избрана на основаніи новаго реакціоннаго избирательнаго закона и большинство которой состоитъ поэтому изъ помѣщиковъ, послѣдніе во всемъ и поддерживаютъ царское правительство. Теперь, какъ и въ прошломъ, царизмъ и помѣщичье сословіе дѣйствуютъ вмѣстѣ для сохраненія своего господства.

Въ настоящій моментъ, моментъ революціоннаго упадка—нельзя сказать, чтобы помѣщики вполнѣ и во всемъ были единодушны, но никто изъ нихъ, однако, не стоитъ за требованія крестьянъ. Фактически всѣ они преданы монархіи, и подавляющее большинство ихъ является ревностнымъ защитникомъ самодержавія. Помѣщики, за малыми лишь исключеніями, дѣлятся на три партіи: крайнихъ реакціонеровъ, консерваторовъ или умѣренныхъ реакціонеровъ и умѣренныхъ либераловъ. Возможно, что самой вліятельной изъ этихъ партій является въ настоящій моментъ партія крайнихъ реакціонеровъ, которые требуетъ полнѣйшаго возврата къ старому, а именно, чтобы крестьянъ вернуть къ положенію крѣпостныхъ, города и промышленность оставить въ распоряженіи безотвѣтственной бюрократіи, ограниченной лишь вліяніемъ придворной камарильи. Въ такой обширной и сложной странѣ, какую представляетъ собой современная Россія, правленіе абсолютнаго монарха въ сущности означаетъ правленіе придворной камарильи. Не было еще такого правителя, который самолично справился-бы съ управленіемъ такой обширной страной...

Программа реакціонеровъ можетъ быть выражена однимъ словомъ—репрессія. Пусть Россія будетъ залита кровью, если это необходимо для потушенія послѣдней искры проявленія народнаго самосознанія. Пусть царь навсегда упразднитъ Думу, возродитъ величіе православной Церкви, возобновитъ гоненіе на раскольниковъ, поляковъ и евреевъ и въ завершеніе всего, пусть будетъ введена такая реформа, которая заставила бы всѣхъ помѣщиковъ, не чувствующихъ нѣжной привязанности къ ихъ помѣстьямъ, перепродать ихъ за счетъ народа крестьянамъ—реформа, которая была бы, собственно говоря, въ интересахъ раззоряющихся помѣщиковъ. Пусть правительство—требуютъ дальше реакціонеры—субсидируетъ «крестьянскій банкъ», и пусть этотъ банкъ постепенно скупаетъ помѣстья. Это—какъ было указано

Крестьянинъ юга Россіи
(Съ картины Рѣпина)

Центральная Рабочая
Библиотека
Моск. Губ. Сов. Проф. Союз.

Дворецъ полѣщика

Центральная Рабочая
Библиотека
Моск. Губ. Сов. Проф. Союз.

бывшимъ министромъ земледѣлія Кутлеромъ—повело бы къ постоянному возростанію цѣнъ на землю, и, въ концѣ концовъ, помѣщики получали бы за нее такія суммы, которыя имъ никогда и не снились.

Кутлеръ былъ такъ возмущенъ этимъ проэктомъ реформы, предложенной кстати Витте въ 1906 году, что онъ немедленно подалъ въ отставку. Во Второй Думѣ Кутлеръ былъ избранъ предсѣдателемъ комиссіи по аграрному вопросу и сдѣлался финансовымъ авторитетомъ и вождемъ умѣренно-опозиціонной партіи.

Земельная «реформа» обошлась бы Россіи въ три или четыре билліона рублей—почти во столько же, во сколько обошлась война съ Японіей. Послѣдней осенью въ бесѣдѣ со мною одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ лидеровъ придворной партіи, нѣкій графъ Х, пожелалъ знать мое мнѣніе относительно возможности заинтересовать американскихъ финансистовъ въ займѣ на проведеніе такой реформы. Графъ слыхалъ, что Америка имѣетъ обильный запасъ денегъ, который она охотно ссужаетъ иностраннымъ правительствамъ подъ хорошее обезпеченіе и трехъ —четырехъ годовыхъ: графъ, однимъ словомъ, желалъ знать—не смогла-ли бы Россія занять у Америки одинъ или два билліона подъ земельное обезпеченіе. Этотъ графъ принадлежалъ къ той самой группѣ реакціонеровъ, которая предлагала заложить русскія желѣзныя дороги у какого нибудь изъ морганновскихъ синдикатовъ и фактически содѣйствовала заложенію значительной части акцій «Крестьянскаго банка» у англійскихъ банкировъ.

До «казни» его террористами, пресловутый жидоѣдъ, графъ Игнатьевъ, былъ лидеромъ придворной камарильи. Глава церкви, Побѣдоносцевъ, военный диктаторъ Петербурга, Треповъ и другіе царскіе совѣтники, за нѣсколькими лишь исключеніями, были всѣ активными и главными воротилами этой камарильи. Эта дворцовая партія, которая вѣрнѣе можетъ быть названа «старо-помѣ-

щичьей партіей», считается совершенно «легальной», т. е. ей розрѣшается устраивать всякія публичныя собранія и демонстраціи, тогда какъ такая крупная партія, какъ конституціонно-демократическая, все еще считается «нелегальной». Программа дворцовой партіи покоится не на чемъ иномъ, какъ на грубомъ насиліи, на беззаконномъ правительственнымъ произволѣ, не останавливающемся передъ военнымъ положеніемъ, и, гдѣ послѣднее оказывается недѣйствительнымъ, на натравливаніи подонковъ общества на всѣ «неблагонадежные элементы». Это партія того класса помѣщиковъ, имѣнія которыхъ охраняются такъ наз. стражниками и казаками. Одинъ изъ такихъ помѣщиковъ не постѣснялся разсказать мнѣ, что онъ отдалъ приказъ своимъ свирѣпымъ стражникамъ сжечь до тла всю деревню въ случаѣ, если кто-либо изъ крестьянъ притронется къ его имуществу. Таково, собственно, было рѣшеніе, принятое на съѣздѣ «зубровъ», т. е помѣщиковъ, по отношенію къ крестьянамъ, которые вздумали бы напасть на ихъ имѣнія.

Болѣе полированная и менѣе дикая часть помѣщичьей партіи при дворѣ, или «ново-помѣщичья» партія, добивается не упраздненія Думы, а ея распущенія и измѣненія избирательнаго закона въ прусскомъ духѣ. Эти помѣщики знаютъ, что Дума была создана не волею царя и не революціей, но волей заграничныхъ финансистовъ и уже поэтому самому она не можетъ быть совершенно упразднена. Они не добиваются еще большаго насилія и произвола, но стоятъ за строгое и неукоснительное примѣненіе и впредь всѣхъ тѣхъ мѣръ и репрессій, которыя въ настоящій моментъ примѣняются, и въ силу которыхъ въ теченіи одного прошлаго года двѣсти или триста тысячъ человѣкъ было брошено въ тюрьму или сослано въ мѣста столь и не столь отдаленныя.

Первоначально они полагались на «конституцію», которая даетъ возможность царскому Государственному Совѣту противодѣйствовать рѣшеніямъ Думы и въ случаѣ

такого противодѣйствія оставляетъ право за царемъ самолично издавать законы.

Съ опубликованіемъ-же новаго избирательнаго закона, который три четверти губерній Россійской Имперіи передалъ въ ихъ руки, а во всѣхъ остальныхъ обезпечилъ имъ-же вмѣстѣ съ выборщиками отъ городскихъ богатыхъ и привилегированныхъ выдающуюся роль при выборахъ, помѣщики совсѣмъ ожили. Третья-же группа, которая занимаетъ среднюю позицію между этими двумя, состоитъ исключительно изъ землевладѣльцевъ-провинціаловъ.

Равновѣсіе силъ въ Третьей Думѣ зависитъ отъ одной изъ этихъ 3-хъ группъ, группы умѣренныхъ, но лишь тогда, когда демократическія и народныя партіи не воздерживаются отъ голосованія а вотируютъ съ умѣренными противъ своихъ крайнихъ враговъ. Но стоитъ только крайнимъ лѣвымъ въ видѣ протеста удалиться изъ засѣданія или воздержаться отъ голосованія, какъ реакціонный центръ беретъ верхъ. Это случается и тогда, когда часть группы умѣренныхъ голосуетъ со своими друзьями изъ наиболѣе дикихъ реакціонеровъ. Въ томъ и другомъ случаѣ помѣщичья партія господствуетъ въ Думѣ.

Вождемъ этой умѣренно-реакціонной партіи является богатый графъ Бобринскій. Возможно, что эта партія умѣренныхъ реакціонеровъ пользуется теперь большими симпатіями министерства, нежели партія крайнихъ реакціонеровъ, и что она находится въ тѣсномъ союзѣ съ октябристами, которые, дѣйствительно, имѣютъ въ виду проведеніе нѣкоторыхъ умѣренныхъ реформъ. Обѣ эти партіи соглашаются уже на одномъ, а именно, что какія перемѣны ни произошли бы, интересы помѣщиковъ не должны отъ нихъ пострадать. И только незначительный, а потому и мало вліятельный, слой помѣстнаго дворянства проникнутъ болѣе либеральными идеями средняго класса городского населенія.

Эти помѣщики сознаютъ, что Россія не можетъ ни пойти назадъ, ни въ ея политической эволюціи оставаться на той-же точкѣ, на которой она теперь остановилась. Они придерживаются того мнѣнія, что побѣда либерализма и постепенная эволюція умѣренно-демократическаго государства сможетъ задержать революціонное движеніе и спасти ихъ отъ угрожающаго имъ финансоваго раззоренія. Часть этихъ помѣщиковъ вошла въ конституціонно-демократическую партію. Нѣкоторые-же изъ нихъ сформировались въ такъ наз. «правое крыло» помѣщичьей партіи; другіе сформировались въ болѣе консервативную и независимую группу «мирно обновленцевъ». Таковы князь Долгорукій, Трубецкой, Львовъ, графъ Гейденъ (нынѣ уже покойный) и бывшій министръ Кутлеръ. Ихъ политика казалась многимъ помѣщикамъ болѣе мудрой—и вначалѣ обѣщала быть болѣе успѣшной. Ихъ вліяніе на «кадетовъ» настолько отодвинуло послѣднихъ съ позиціи революціонной оппозиціи къ правительству, что партія кадетовъ потеряла весь свой и безъ того не особенно высокій престижъ среди демократическихъ элементовъ населенія. Своей численностью во Второй Думѣ конституціонно-демократическая партія почти исключительно была обязана нѣсколькимъ сотнямъ тысячъ городскихъ избирателей, которые, благодаря недостаткамъ и несовершенствамъ, коими и старый избирательный законъ обладалъ, имѣли такое-же представительство, какое имѣли двадцать милліоновъ крестьянскихъ избирателей. Но по мѣрѣ того, какъ партія эта теряла свой престижъ въ народѣ, она выигрывала въ глазахъ правительства и заграничныхъ финансистовъ. Партія, которая на одномъ изъ первыхъ своихъ съѣздовъ превозгласила своимъ идеаломъ демократическую республику, къ достиженію которой должна стремиться вся Россія, впослѣдствіи въ Думѣ защищала монарха противъ всѣхъ нелояльныхъ замѣчаній по адресу послѣдняго. Одинъ изъ ея лидеровъ, Гессенъ, заявилъ, что его партія готова

пойти на компромиссъ по двумъ главнымъ требованіямъ, а именно—требованію равнаго избирательнаго права и требованію передачи земли народу.

До созыва Первой Думы конституціонно-демократическая партія, большинство которой состояло изъ землевладѣльцевъ, не смогла, по увѣренію вождя трудовой группы—Аладьина, ни понять, ни удовлетворить крестьянскія требованія.

Вождями партіи к.-д. были въ то время Петрункевичъ, Родичевъ и Набоковъ, всѣ дворяне и помѣщики. Они, однако, не принадлежали къ такъ наз. «правому крылу» партіи, но скорѣе всего къ ея центру. Чувство общественнаго долга безусловно играетъ огромную роль въ ихъ дѣятельности. Тѣмъ не менѣе они помѣщики, и ихъ арендаторы, рабочіе и крестьяне, такъ мало довольны были ихъ позиціей по отношенію къ аграрному вопросу въ Первой Думѣ, что число представителей этой партіи во Второй Думѣ сократилось на половину.

Многіе помѣщики присоединились къ этой консервативно-либеральной партіи, и съ присоединеніемъ помѣщиковъ крестьяне все больше и больше отворачивались отъ кадетовъ. Послѣ многовѣковаго помѣщичьяго гнета крестьяне естественно не могутъ питать довѣрія къ партіи, состоящей изъ помѣщиковъ, и поэтому всюду они выставляютъ своихъ собственныхъ кандидатовъ противъ кандидатовъ этой партіи. Всего лишь поколѣніе тому назадъ крестьяне уже имѣли разъ горькій опытъ съ реформой, подправленной, если не проведенной, тѣмъ-же помѣщичьимъ классомъ.

Со времени своего такъ называемаго освобожденія крестьянство пережило самыя горькія испытанія. Многіе изъ крестьянъ въ то время были даже противъ освобожденія. Они получили такіе ничтожные надѣлы, что были прямо осуждены на жизнь впроголодь.

Ихъ страшила больше зависимость отъ помѣщика изъ-за куска хлѣба, нежели тѣлесныя наказанія, ко-

торымъ онъ до тѣхъ поръ былъ вправѣ ихъ подвергать. Помѣщики-же привѣтствовали освобожденіе еще до того, какъ послѣднее совершилось. Они, очевидно, предвидѣли образованіе новаго крестьянства, крестьянства свободнаго, но не обезпеченнаго землей, а поэтому вѣчно вынужденнаго наниматься къ нимъ за такую плату, которая сдѣлаетъ трудъ свободнаго крестьянина гораздо дешевле труда крѣпостного. Кромѣ этихъ соображеній, помѣщиковъ прельщали еще три матерьяльныя выгоды отъ освобожденія крестьянъ. Казна обѣщала заставить крестьянъ платить какъ за освобожденіе, такъ и за жалкіе клочки земли, которыми помѣщики ихъ надѣлятъ. Въ придатокъ къ тѣмъ наличнымъ суммамъ помѣщики удержали за собою лѣса и лучшую часть пастбищной земли, которой крестьяне раньше хотя и не владѣли, но свободно пользовались. Противодѣйствіе, которое помѣщичье сословіе оказало освобожденію крестьянъ, было лишь торгашескимъ пріемомъ, чтобы добиться еще лучшихъ для себя условій сдѣлки. Когда, наконецъ, «великое освобожденіе» совершилось, то надежды помѣщиковъ болѣе чѣмъ оправдались, оправдались также и страхи крестьянъ.

Вскорѣ послѣ этого освобожденія, въ 1861 г. крестьянскіе безпорядки во многихъ мѣстахъ приняли такіе размѣры, что потребовалось вмѣшательство военной силы. Потребовалось, однако, цѣлое поколѣніе, чтобы результаты этой помѣщичьей «реформы» окончательно выяснились: крестьяне были окончательно разорены. Голодъ 1906 г., послѣдовавшій за цѣлымъ рядомъ такихъ-же голодныхъ годовъ, низвелъ промышленность и положеніе класса, выносящаго на своихъ плечахъ все русское общество, до экономическаго уровня, на которомъ они стояли сто лѣтъ тому назадъ.

Для болѣе успѣшнаго взысканія тѣхъ огромныхъ выкупныхъ суммъ, которыя оно выдало помѣщикамъ за уступленную крестьянамъ землю, самодержавное правительство пускало въ ходъ всѣ орудія порабощенія «осво-

божденнаго» крестьянства къ государству. Крестьянъ освободили отъ помѣщиковъ лишь для того, чтобы закрѣпить къ еще болѣе жестокому властелину—государству. Послѣднее было всегда худшимъ изъ господъ. До такъ наз. «освобожденія крестьянъ» Николай I превратилъ многихъ изъ нихъ въ военныхъ рабовъ, заставляя ихъ служить по двадцать пять лѣтъ въ его арміи при самой жестокой дисциплинѣ. Эта менѣе всего извѣстная внѣшнему міру жестокая и безчеловѣчная дисциплина примѣнялась ко всѣмъ горнорабочимъ, къ почтовымъ и, вообще, ко всѣмъ низшимъ государственнымъ служащимъ. И, что еще важнѣе, это то, что полицейскій режимъ, почти такой-же варварски жестокій, былъ установленъ надъ такъ наз. государственными крестьянами, составлявшими почти половину всего крестьянскаго населенія.

Для половины крестьянства царь былъ не только архи-тираномъ, но и единственнымъ властелиномъ. Государство тогда не только владѣло арміей солдатъ, но и арміей слугъ, рабочихъ, углекоповъ, государственныхъ служащихъ. Посредствомъ «освобожденія» государственное закрѣпощеніе было лишь распространено на всю страну. Полиціи была дана власть болѣе деспотическая и врядъ ли менѣе непосредственная, чѣмъ была власть помѣщичья. Новое закрѣпощеніе замѣнило старое, и жестокость этого новаго закрѣпощенія была если не всецѣло, то въ большей своей части, усилена въ интересахъ помѣщиковъ. Чтобы облегчить взиманіе государственныхъ податей главнымъ образомъ для покрытія выкупныхъ платежей и для ссудъ помѣщикамъ и чтобы помѣщики, паче чаянія, не остались безъ запасной арміи дешевыхъ рабочихъ рукъ, крестьяне были опять прикрѣплены къ землѣ. Имъ было воспрещено оставлять свою деревню безъ особаго на то разрѣшенія начальства. Такое разрѣшеніе имъ, конечно, рѣдко когда выдавали. Когда раздались первые раскаты революціи, эта мѣра была отмѣнена, какъ «законъ», но она была замѣнена

чисто полицейскимъ нововведеніемъ точно такого же характера. Чтобы заставить крестьянъ платить недоимки и подати, была введена круговая порука, т. е. общину сдѣлали отвѣтственной за каждаго неплатежеспособнаго ея члена. Зато общинѣ предоставлялось право подвергать несостоятельнаго крестьянина тѣлесному наказанію или заставить его отработывать недоимки.

Вѣчная боязнь раззоренія отъ нашествія дикихъ казаковъ заставляла общины часто пользоваться предоставленнымъ имъ «правомъ». Порка стала обыкновеннымъ явленіемъ въ деревнѣ. Тѣлесное наказаніе, принужденный трудъ и прикрѣпленіе къ землѣ, это ли не крѣпостничество?

Пару десятковъ лѣтъ позднѣе, убѣдившись, наконецъ, что она больше не сможетъ ничего выбить изъ обѣднѣвшихъ и полуголодныхъ крестьянъ, казна наложила на нихъ новое тяжелое ярмо—косвенные налоги, которыхъ они, крестьяне, не имѣли уже никакой возможности избѣжать. Эта мѣра оказалась наиболѣе дѣйствительной. Какъ было уже указано мною раньше, налоги эти повышались съ каждымъ годомъ, и крестьянину въ настоящее время приходится платить въ тридорога за такіе предметы необходимости, какъ плугъ, керосинъ, единственная рубаха на его тѣлѣ и даже такое неприхотливое его удовольствіе, какъ чай и сахаръ.

Положеніе крестьянъ за все это время не только не улучшалось, но неизмѣнно ухудшалось: земледѣліе приходило въ все большій и большій упадокъ, и земля быстро истощалась. Въ настоящее время среднее крестьянское хозяйство собираетъ съ каждой десятины меньше, нежели во время освобожденія сорокъ лѣтъ тому назадъ, тогда какъ во всѣхъ другихъ странахъ земледѣліе сдѣлало огромные шаги впередъ. Американскій фермеръ производитъ, напримѣръ, за день почти вдвое больше чѣмъ прежде. Съ каждымъ годомъ на долю крестьянина приходится все меньше и меньше земли, его лошади и рабочій скотъ

вырождаются и количественно уменьшаются. Благодаря отсутствію корма, лошадь русскаго крестьянина вѣситъ вдвое меньше лошади французскаго крестьянина. Она требуетъ, правда, меньше корма, но даже принявъ это въ расчетъ, три лошади русскаго крестьянина врядъ ли получаютъ то, что необходимо для двухъ.

Земледѣльческія орудія и даже упряжь и желѣзо, необходимыя для телѣгъ, почти недоступны для крестьянина; они часто замѣняются приспособленіями изъ дерева и веревокъ. Бороны сдѣланы изъ дерева, и плугъ русскаго крестьянина вспахиваетъ почву лишь на нѣсколько дюймовъ толщины. Недавнее изслѣдованіе установило, напримѣръ, что во время засухи сборъ хлѣба съ крестьянской земли въ два раза меньше того, что съ земли ихъ ближайшаго сосѣда—помѣщика, которая обработывается болѣе усовершенствованными орудіями.

Голодъ, который сдѣлался частымъ непрошеннымъ гостемъ русской деревни, даетъ себя обыкновенно хуже чувствовать въ годы засухи. Засухи эти являются однако лишь второстепенной причиной крестьянской невзгоды. При меньшей нуждѣ и съ болѣе усовершенствованными орудіями въ его распоряженіи, крестьянинъ даже въ годы засухи не страдалъ бы такъ отъ неурожая, какъ онъ страдаетъ теперь. Въ хорошіе же годы онъ былъ бы въ состояніи отложить извѣстный излишекъ капитала, котораго хватало-бы на слѣдующій годъ—какъ это дѣлаютъ наши (американскіе) фермеры въ безводныхъ мѣстностяхъ. Теперь-же русскій крестьянинъ въ годы засухи вынужденъ продать свое хозяйство, рабочій скотъ и даже плугъ. Въ такіе именно моменты помѣщики, пользуясь безвыходнымъ положеніемъ крестьянъ, нанимаютъ ихъ за безцѣнокъ на работу. Послѣ голоднаго года положеніе крестьянъ становится еще хуже, и каждое сухое лѣто увеличиваетъ жатву смерти. Ежегодная смертность достигла уже цифры сорокъ на каждую тысячу—цифры вдвое большей, чѣмъ въ какой-либо другой цивилизованной странѣ.

Помѣщики наживаются не отъ одного лишь голоданія крестьянъ. Постоянный земельный голодъ среди крестьянства достигъ уже такой точки, что помѣщикамъ удается получать въ видѣ арендной платы за землю въ четыре или пять разъ больше доходу, чѣмъ та же земля приносила имъ ко времени освобожденія крестьянъ.

Земельная нужда такъ велика, что крестьяне могутъ удѣлять своей землѣ всего лишь одну пятую своего, и одну треть всего рабочаго времени лошадей. Чтобы отогнать голодъ отъ своего порога, крестьяне вынуждены или наниматься къ помѣщику, или же платить такую арендную плату, которая даетъ послѣднему не меньшій доходъ, чѣмъ онъ успѣваетъ выколачивать изъ крестьянъ прямой эксплоатаціей ихъ труда.

Такимъ вотъ образомъ помѣщики жирѣютъ въ то время, когда крестьяне умираютъ съ голода. И, не смотря на то, что какъ крестьяне, такъ и необходимый для ихъ хозяйства рабочій скотъ, все больше и больше недоѣдаютъ, поощряемые правительствомъ помѣщики не перестаютъ форсировать вывозъ хлѣба заграницу. Въ 1906 г., когда въ деревняхъ свирѣпствовалъ отчаянный голодъ, помѣщики экспортировали количество хлѣба, котораго было бы совершенно достаточно для прокормленія голодающаго русскаго крестьянства. Хроническія голодовки деревни почти совсѣмъ не отражаются на русскомъ хлѣбномъ экспортѣ.

Помѣщики, такимъ образомъ, благоденствовали не только благодаря освобожденію крестянъ, но также благодаря все возраставшему ихъ вліянію на царя. Законы на сторонѣ помѣщиковъ. Всѣ договоры послѣднихъ съ «свободными» крестьянами оказались фарсомъ. Каждый помѣщикъ или кто-либо изъ членовъ его семьи имѣютъ право, по ихъ собственному усмотрѣнію, штрафовать своихъ крестьянъ—рабочихъ, не только за небрежность въ работѣ, но и за недостаточно почтительное отношеніе съ ихъ стороны. Но и всего этого помѣщикамъ было

мало. Въ ихъ интересахъ для улаженія ихъ все учащавшихся споровъ съ крестьянами, возникавшихъ на почвѣ недоразумѣній изъ-за заработной платы и арендныхъ цѣнъ, былъ вскорѣ созданъ институтъ «земскихъ начальниковъ», которымъ и поручено было разрѣшать всѣ недоразумѣнія между помѣщиками и крестьянами. Съ самаго начала крестьяне возненавидѣли земскихъ начальниковъ еще больше, чѣмъ худшихъ изъ своихъ прежнихъ господъ-помѣщиковъ. Земскій начальникъ отвѣтственъ не передъ мѣстнымъ начальствомъ, а непосредственно передъ Петербургомъ. Въ его распоряженіи всѣ средства самодержавной царской власти—тюрьма, розги, Сибирь и казацкая расправа.

Больше того, царскій указъ о земскихъ начальникахъ предписываетъ, что лишь дворянинъ можетъ быть назначенъ на такой исключительный постъ, ну, а дворянинъ въ большинствѣ случаевъ тожественъ съ помѣщикомъ! Эти новые чиновники при поддержкѣ окружающихъ ихъ друзей скоро дали почувствовать всю свою власть. Волненія крестьянъ противъ новой власти безжалостно подавлялись казаками: послѣдніе разстрѣливали крестьянъ, сжигали ихъ избы, насиловали ихъ женъ, однимъ словомъ, точь въ точь какъ татары въ дни Тамерлана. Когда-же терроризированные крестьяне на приказы деспотовъ—земскихъ начальниковъ—отвѣчали, бывало, смиренными аргументами о Божьей и Царской волѣ, то эти джентльмены обычно отвѣчали въ такихъ случаяхъ: «я вашъ Богъ и Царь».

Помѣщичья воля управляла всегда Россіей съ самаго времени закрѣпощенія.—Крестьяне врядъ ли когда нибудь опять вручатъ свою судьбу партіи, въ которой помѣщики играютъ хоть какую либо роль. Выборы во всѣ три Думы показали, что они больше, чѣмъ когда либо, остаются вѣрны своей собственной партіи и программѣ послѣдней. За свое стремленіе къ свободѣ крестьяне горько уже поплатились жестокими экзекуціями, тюрьмой, ссыл-

кой, голодомъ и многими жизнями. Новыя надежды на лучшее будущее успѣли уже глубоко засѣсть въ душѣ крестьянина.

Совершенно понятно и справедливо поэтому ихъ требованіе имѣть свой вѣскій голосъ въ представительномъ собраніи, а также требованіе о передачѣ въ ихъ руки земли, за которую они ни теперь, ни въ ближайшемъ будущемъ не въ состояніи будутъ платить.

Все это, вмѣстѣ съ тѣмъ вліяніемъ, которое революціонное движеніе оказало на крестьянство, заставляетъ всѣ тѣ партіи, которыя стоятъ на стражѣ крестьянскихъ интересовъ, не искать и не разсчитывать на содѣйствіе партіи либеральныхъ помѣщиковъ; заставляетъ ихъ не оставаться въ вѣчномъ ожиданіи, что что-нибудь да будетъ сдѣлано «сверху» для крестьянъ.

Даже конституціонно-демократическая партія сознается, что страхъ передъ революціей является теперь, какъ это было и во время освобожденія крестьянъ, руководящимъ мотивомъ правительственной политики.

Вскорѣ послѣ аграрныхъ безпорядковъ 1902—1903 гг. царь отмѣнилъ законъ о тѣлесномъ наказаніи, а также законъ, которымъ крестьяне были фактически прикрѣплены къ своей деревнѣ. Послѣ аграрныхъ безпорядковъ 1905 г. царь далъ крестьянамъ значительное представительство въ только что созданной Думѣ, простилъ имъ половину выкупныхъ платежей, сократилъ службу въ арміи, улучшилъ пищу и увеличилъ жалованье солдатъ.

Послѣ безпорядковъ 1906 г. крестьянамъ предоставлено было право покупать часть удѣльныхъ земель; крестьянъ уравняли въ правахъ съ другими сословіями, и имъ дано было право распоряжаться своей собственной землей до выхода изъ общины и продажи ее включительно.

Въ продолженіи 1907 г. не было какихъ либо значительныхъ аграрныхъ безпорядковъ, и поэтому не было и «реформъ».

Энергичное выступленіе крестьянъ противъ ихъ угнетателей сдѣлало для нихъ очень многое: полиція стала относиться къ нимъ съ большимъ уваженіемъ; нѣкоторые, болѣе ненавистные крестьянамъ помѣщики покидали свои гнѣзда, а другіе повысили заработную плату и понизили арендную цѣну. И если мы примемъ во вниманіе, что крестьянское движеніе послѣднее время принимаетъ болѣе организованную форму, то мы поймемъ, почему крестьяне, стиснувъ зубы, ждутъ лишь момента и почему они теперь, какъ никогда еще въ прошломъ, проникнуты духомъ независимости и сознаніемъ своего человѣческаго достоинства. Крестьяне полны надеждъ. Если положеніе русскаго народа въ данный моментъ хотя и отчаянно и кажется безнадежнымъ для настоящаго поколѣнія, то это лишь благодаря извѣстнымъ историческимъ причинамъ, надъ которыми этотъ великій народъ не властенъ. И главная изъ этихъ причинъ лежитъ не въ царизмѣ съ его арміей, казаками, чиновниками и полиціей, но въ господствующей кастѣ ста тридцати тысячъ помѣщиковъ, кастѣ недавнихъ рабовладѣльцевъ, интересы которыхъ діаметрально противоположны интересамъ народа.

Часть третья.

ГЛАВА I.

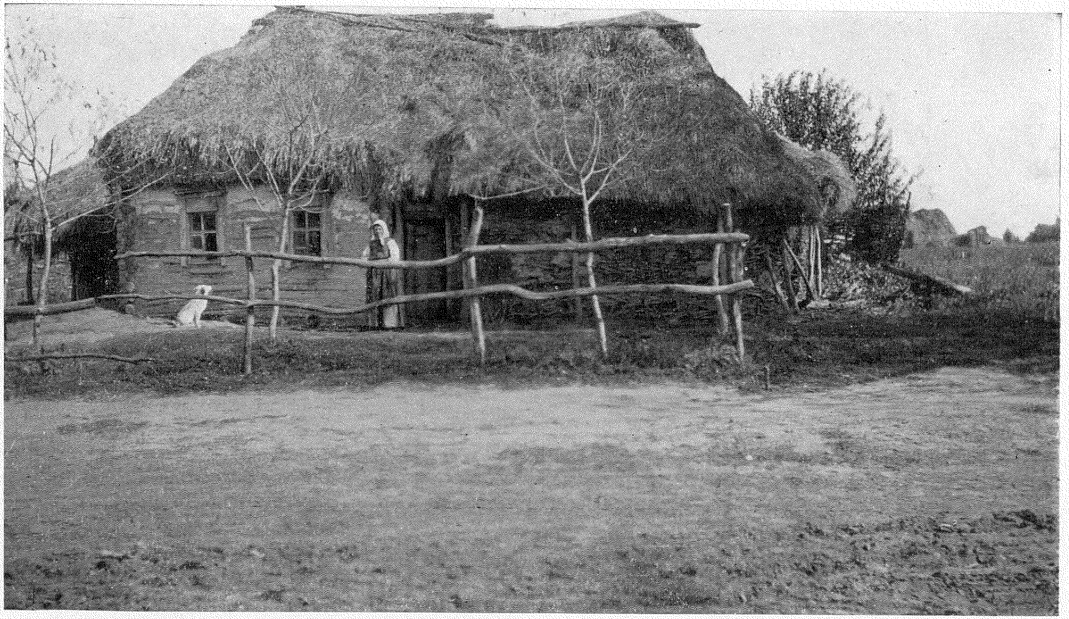
Русскій народъ—загадка.

Царь и его министры не перестаютъ увѣрять міръ, что истинно-русскій народъ, что все стомилліонное русское крестьянство всегда было довольно, лояльно и преданно престолу. Изъ всей суммы лжи и клеветы противъ своего собственнаго народа, это наиболѣе гнусная клевета русскаго правительства. О многихъ творимыхъ въ Россіи гнусностяхъ мы часто и понятія не имѣемъ. И это потому, что всѣ новости изъ Россіи процѣживаются сквозь строгую цензуру. Иностранные корреспонденты систематически подкупаются русскимъ правительствомъ, которое всячески старается представить положеніе дѣлъ внутри страны въ выгодномъ для себя свѣтѣ. Благодаря всему этому, многія стороны жизни русскаго народа и дѣянія его правительства остаются невѣдомыми для внѣшняго міра. Мракомъ неизвѣстности было для многихъ покрыто дѣйствительное положеніе вещей въ русской деревнѣ, гдѣ живетъ четыре пятыхъ всего народа. Каково развитіе этого народа, каково отношеніе его къ царю, церкви, чиновникамъ, помѣщикамъ и революціи, все это оставалось неизвѣстнымъ для внѣшняго міра.

Безъ знанія дѣйствительныхъ фактовъ и дѣйствительнаго положенія вещей мы всецѣло полагались на оффиціальныя и всегда безцеремонно лживыя свѣдѣнія. До того какъ для крестьянства открылась возможность громко заявить о себѣ и своихъ нуждахъ въ представи-

тельномъ собраніи, эти оффиціальныя свѣдѣнія успѣли уже вселить въ сознаніи и литературѣ иностранныхъ народовъ крайне туманное и крайне неопредѣленное, но тѣмъ не менѣе крайне неблагопріятное представленіе о русскомъ народѣ вообще и объ его крестьянствѣ въ частности. Оффиціальные глашатаи русскаго правительства обыкновенно рисовали крестьянъ тупыми и лѣнивыми животными, невѣжественными, пьяницами, фанатично религіозными и слѣпо преданными царю. Естественно, что мы, иностранцы, мало могли сочувствовать народу, у котораго, какъ насъ увѣряли отсутствуетъ сознаніе своего достоинства. И разъ онъ—разсуждали мы—примиряется съ проклятымъ царизмомъ, то ему, очевидно, не дорога свобода. Въ самой Россіи сторонники царизма поносятъ крестьянъ до положительной абсурдности. И какъ истые патріоты, они стараются увѣрять сомнѣвающихся иностранцевъ, что указываемыя ими отрицательныя качества въ характерѣ русскаго народа въ сущности являются лишь достоинствами послѣдняго. Ключемъ ко всей крестьянской психологіи можетъ—по мнѣнію этихъ «патріотовъ»—служить присущее крестьянамъ «великое чувство самоотреченія». Это—увѣряютъ они—является одной изъ величайшихъ добродѣтелей, на какія только можетъ быть способенъ человѣкъ, такъ какъ она дѣлаетъ изъ него беззавѣтнаго сторонника всѣхъ священныхъ устоевъ русской государственности, самодержавія, православія и народности. Согласно увѣреніямъ русскихъ «патріотовъ», или славянофиловъ, все, что русское, то хорошо. Но русскіе крестьяне бѣдны и безграмотны. Спрашивается, является ли въ такомъ случаѣ ихъ бѣдность и безграмотность тоже частью той величайшей добродѣтели, на какую только способенъ человѣкъ? Недавно умершій глава святой православной церкви могъ бы дать авторитетный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Я имѣю въ виду Побѣдоносцева, который былъ однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ совѣтниковъ Александра III и теперешняго царя. Этотъ ужасный

старикъ былъ, какъ извѣстно, противникомъ народнаго образованія, свободы печати и всего того, что могло бы въ какой-либо степени содѣйствовать умственному развитію народа. Онъ доводилъ свои взгляды до логическаго ихъ вывода. Онъ безстрашно защищалъ предъ всѣмъ міромъ свои чудовищныя доктрины: что косность есть рычагъ прогресса и что «бѣдность, смиреніе и самоотреченіе—справедливая доля человѣка». Таковы принципы, которые руководили царемъ въ его отношеніи къ народу. Что русскій народъ обладаетъ этими качествами, считалось однимъ изъ символовъ государственной вѣры всѣхъ патріотовъ. И вѣра въ этотъ «оффиціальный характеръ» русскаго крестьянства была правительствомъ внушена почти всѣмъ иностраннымъ писателямъ о Россіи. Трехтомная книга Леруа-Болье представляетъ собою несомнѣнно одно изъ наиболѣе серьезныхъ изслѣдованій «Имперіи Царей», какое когда либо было предпринято иностраннымъ писателемъ. При помощи научно-историческаго метода авторъ всесторонне анализируетъ русскую жизнь, начиная съ географическихъ условій страны и кончая позднѣйшимъ политическимъ, экономическимъ и культурнымъ ея развитіемъ. Но какъ и всѣ другіе писатели о Россіи, онъ не съумѣлъ встать на точку зрѣнія, которая одна лишь можетъ повести къ истинному и правильному пониманію русскаго народа. Леруа-Болье не съумѣлъ отличить сторону русской жизни, явившуюся результатомъ естественнаго развитія русскаго народа, отъ той, которая чужда ему и была силой навязана чуждымъ ему правительствомъ. Происхожденіемъ и существованіемъ своимъ эта сторона отчасти обязана иностранной власти и вліянію, отчасти же тому милитаризму, который явился насущной необходимостью для страны въ виду того, что, обладая такой длинной границей, она болѣе, чѣмъ какая-нибудь иная страна была открыта для нападенія со стороны турокъ и татаръ. Этотъ знаменитый ученый, но далеко не симпатичный изслѣдователь, приписывая



Крестьянская изба
(Внутренній видъ)

Центральная Рабочая
Библиотека
Моск. Губ. Сов. Проф. Союз.

Землянка

жестокость и варварство правительства всему русскому народу, этимъ самымъ очернилъ послѣдній въ глазахъ тѣхъ, которые мало знакомы съ Россіей. Россія, по его мнѣнію, средневѣковая еще страна. Русскій народъ мистиченъ, фаталистиченъ, инертенъ. «Какъ бы съ внѣшней стороны,—судя по ея арміи, бюрократіи и нѣкоторымъ, бросающимся въ глаза, формамъ жизни,—Россія ни казалась намъ цивилизованной страной, говоритъ онъ,—она все же, по образу жизни, по духовному развитію ея народа, является еще средневѣковой страной.»

Эта краткая цитата представляетъ собою, однако, такой конгломератъ правды, неправды и полуправды, что я не берусь дѣлать какіе-либо коррективы къ ней, а нахожу нужнымъ предложить кое-что взамѣнъ ея. Я увѣренъ, что, извращая такъ факты, авторъ думалъ лишь объ одной сторонѣ русской жизни, а именно о правительствѣ, которому онъ дѣйствительно даетъ болѣе или менѣе правильную оцѣнку. Приведенную выше цитату слѣдовало бы читать такъ: «какъ бы русское правительство, если посмотрѣть на него съ внѣшней стороны, ни казалось модернымъ въ отношеніи его арміи и бюрократіи, господствующая каста по духу и по взглядамъ своимъ остается все еще средневѣковой.» Несомнѣнно, что русская армія организована и вооружена по европейскому образцу, несомнѣнно, что русскія тюрьмы и русская полиція превосходятъ даже европейскія.—Эти организованныя орудія насилія въ дѣйствительности и составляютъ всю опору самодержавія. Послѣднее, собственно говоря, существованіемъ своимъ и господствомъ надъ русскимъ народомъ главнымъ образомъ обязано тому постоянному модернизированію всѣхъ средствъ и орудій насилія. Но этимъ ограничиваются добродѣтели господствующей касты. Вся исторія Россіи и теперешней революціи показываетъ, что по духу и взглядамъ своимъ офицеры арміи и правительственные чиновники являются не только реакціонерами, но и переживаніями средне-

вѣковья. Изъ всѣхъ критическихъ трудовъ о Россіи наиболѣе вреднымъ является, на нашъ взглядъ, именно тотъ, который старается доказать, что всѣ источники зла лежатъ въ самомъ русскомъ народѣ. Леруа-Болье, который осторожно избѣгаетъ прямой аттаки на славянскій народъ, какъ таковой, тѣмъ не менѣе характеризируетъ русскихъ крестьянъ, какъ косныхъ и неодаренныхъ творческой силой людей. Но, спрашивается, какой вѣчно угнетенный и голодный народъ обнаружилъ когда либо хотя бы признакъ творческой силы? Развѣ крестьяне восточной Пруссіи, матеріальное положеніе которыхъ куда лучше положенія русскихъ, не реакціонны и косны? Подобное обвиненіе врядъ ли можно бросать революціонно и соціалистически настроеннымъ русскимъ крестьянамъ. Развѣ русскіе крестьяне не приспособляются быстро ко всѣмъ различнымъ сторонамъ современной жизни и индустріи? Какъ будто бывшіе недавно крестьяне не показали себя во многихъ уже случаяхъ способными работать и управлять самыми сложными земледѣльческими орудіями, локомотивами и наиболѣе сложными машинами? Въ дѣйствительности добрая половина всѣхъ пяти или шести милліоновъ промышленнаго пролетаріата Россіи не состоитъ изъ бывшихъ крестьянъ.

Болѣе того, Леруа-Болье говоритъ все время о «мистицизмѣ», «фатализмѣ» и «пассивной терпѣливости», какъ о главныхъ чертахъ, свойственныхъ крестьянскому характеру. Развѣ не могутъ такія отрицательныя качества, если они только существуютъ, быть временнымъ результатомъ долголѣтняго гнета? Мистицизмъ можетъ быть порожденъ страстнымъ именно желаніемъ со стороны тѣхъ, которымъ отказано было въ образованіи, отыскать раціональное объясненіе жизни; фатализмъ можетъ исходить отъ интенсивнаго и неудовлетвореннаго желанія и надежды добиться лучшаго режима; пассивная терпѣливость можетъ явиться результатомъ сознанія безполезности въ

данный моментъ сопротивляться болѣе сильной физической власти. Леруа-Болье самъ признается, что онъ въ своей книгѣ говоритъ лишь объ отрицательныхъ качествахъ, такъ какъ въ то время, когда онъ писалъ свою книгу, у него,—по его словамъ,—не было ни возможности, ни данныхъ дать оцѣнку «дѣйствительнымъ творческимъ силамъ, таящимся въ русскомъ крестьянствѣ». Эту именно положительную творческую силу въ русскомъ крестьянствѣ мы и постараемся понять.

Это національное предубѣжденіе еще съ большей рѣзкостью проявляется въ болѣе позднихъ и менѣе научныхъ трудахъ о Россіи, чѣмъ трудъ Леруа-Болье, нашедшихъ не менѣе широкое распространеніе заграницей и вселившихъ совершенно ложное мнѣніе о Россіи. Одинъ изъ такихъ трудовъ, появившійся въ Америкѣ какъ разъ наканунѣ Русско-Японской войны, заслуживаетъ особаго вниманія. Авторъ этого труда—всѣмъ извѣстный въ Соед. Штатахъ сенаторъ Бевериджъ. Взгляды его о Россіи несомнѣнно принимались многими за чистую монету. Среди наиболѣе подмѣченныхъ имъ поразительныхъ чертъ въ характерѣ славянской расы онъ между прочимъ перечисляетъ фатализмъ, лѣнь, тупость, косность, неуклюжесть, консерватизмъ, раболѣпіе и отсутствіе иниціативы. Сенаторъ, между прочимъ, находитъ, что Побѣдоносцевъ является наиболѣе яркимъ выразителемъ духа русскаго народа . . . Достойно, однако, замѣчанія, что послѣ смерти этого человѣка вся иностранная печать справедливо охарактеризовала его, какъ наиболѣе ненавистнаго всей Россіи человѣка.

Свѣдѣнія свои о Россіи сенаторъ Бевериджъ черпалъ изъ «патріотическаго» источника, отсюда соотвѣтствующіе выводы. Авторъ откровенно выражаетъ свою признательность Побѣдоносцеву, генераламъ, правительственнымъ чиновникамъ, помѣщикамъ, банкирамъ, купцамъ и фабрикантамъ за тѣ свѣдѣнія, которыя они доставили ему въ теченіе немногихъ недѣль его пребыванія въ европейской

Россіи и которыя главнымъ образомъ и послужили основаніемъ для его выводовъ о Россіи. Авторъ находитъ, что всѣ эти любезные господа чрезвычайно преданы царю и русскимъ устоямъ и что вообще «царь пользуется такой благоговѣйной любовью огромнаго большинства подданныхъ, какой ни одинъ правитель никогда еще не пользовался.» Въ заключеніи авторъ этой характерной книги увѣряетъ читателей, что каждый славянинъ глубоко убѣжденъ, что на самодержавіи и православіи зиждется вся цивилизація . . .

Къ сожалѣнію, многіе до сихъ поръ еще думаютъ, что русскія народныя массы дѣйствительно преданы царю и православной церкви. И это не смотря на то, что за время революціи обнаружилось множество фактовъ, говорящихъ совершенно противное. Въ одной изъ ближайшихъ главъ я постараюсь доказать всю неосновательность этихъ до недавняго еще времени общепринятыхъ взглядовъ. Пока же я лишь укажу на крайнюю голословность утвержденій почтеннаго сенатора. Послѣдній, напримѣръ, принимаетъ на вѣру безъ коментаріевъ критики утвержденіе одного помѣщика, что де освобожденіе «либеральнымъ» царемъ крестьянъ произошло насчетъ русскаго дворянства. Въ дѣйствительности-же одной изъ главныхъ причинъ, вызвавшихъ русскую революцію, является именно бремя взимаемыхъ съ крестьянъ непосильныхъ налоговъ и податей, идущихъ на покрытіе сдѣланныхъ и дѣлаемыхъ правительствомъ расходовъ по щедрому вознагражденію дворянъ какъ за уступленную ими землю, такъ и за отказъ отъ даровой труда крѣпостныхъ. Тотъ же помѣщикъ повѣдалъ автору также о томъ, что невѣжественный крестьянинъ не зналъ де какъ воспользоваться своей свободой и даже отказался примѣнять желѣзные или стальные плуги. Въ дѣйствительности же крестьяне употребляли желѣзные плуги еще въ то время, когда они были крѣпостными; что же касается стальныхъ, то они, правда, и по настоящее время не употребляются, но не

почему либо другому, а по той простой причинѣ, что такіе плуги имъ не по карману. И, вообще, неправда, что крестьяне будто бы упорно отказываются примѣнять усовершенствованныя земледѣльческія орудія. Напротивъ, при малѣйшей возможности они всегда пріобрѣтаютъ таковыя. Въ заключеніе помѣщикъ сообщилъ сенатору Бевериджу, что русскіе крестьяне давно уже забыли жестокость крѣпостного режима и въ настоящее время помнятъ лишь тѣ «сравнительно мелкія неудобства», которыя имъ приходится теперь испытывать. Ниже я укажу, каковы на самомъ дѣлѣ эти «сравнительно мелкія неудобства». Я не нахожу достаточно рѣзкихъ выраженій для подходящей оцѣнки той смѣси невѣжества, небрежности и индиферентности, съ какой Бевериджъ пишетъ о теперешней Россіи. И пишетъ онъ съ очевиднымъ расчетомъ расположить въ пользу Россіи неосвѣдомленныхъ американскихъ читателей.

Возможно, что русскій крестьянинъ страдаетъ теперь меньше, нежели въ то время, когда онъ былъ крѣпостнымъ, но эти страданія отнюдь не мелочи, и говорить о нихъ, какъ лишь о «мелочныхъ неудобствахъ», значитъ, на нашъ взглядъ, чудовищнымъ образомъ извращать факты.

Чтобы покончить съ книгой сенатора Бевериджа, приведемъ сужденіе послѣдняго о двухъ важныхъ событіяхъ. На самомъ канунѣ Русско-Японской войны сенаторъ авторитетно заявилъ въ своей книгѣ, что для между-народныхъ отношеній и интересовъ не можетъ быть ничего лучше и желательнѣе, какъ окончательная окупація Манджуріи Россіей . . . Далѣе, упоминая самъ о сопровождавшихся кровопролитіемъ рабочихъ безпорядкахъ 1902 и 1903 гг., авторъ тѣмъ не менѣе съ видомъ вполнѣ освѣдомленнаго человѣка увѣряетъ читателей, что въ Россіи не было . . . значительныхъ рабочихъ безпорядковъ, что рабочіе послушны, и что въ Россіи вообще нѣтъ рабочаго вопроса. Всего лишь за годъ до революціи человѣкъ пишетъ, что нѣтъ въ Россіи рабочаго вопроса!

Всего за годъ до революціи «проницательный» сенаторъ не видитъ ничего серьезнаго въ крупныхъ рабочихъ безпорядкахъ! Вотъ какъ сенаторъ освѣдомленъ о Россіи!

Не лишнее будетъ сказать нѣсколько словъ еще объ одной книгѣ, которая можетъ служить образцомъ злостнаго извращенія фактовъ. Во время голода 1906—7 гг. мистеръ Говардъ П. Кеннардъ, докторъ медицины, англійскій «гуманитарій», прибылъ въ Россію съ цѣлью помогать голодающему населенію и вмѣстѣ съ правительствомъ и помѣщиками бороться съ болѣзнями и другими послѣдствіями голода, до котораго они же сами довели крестьянъ. Его книга, «Русскій Крестьянинъ»,—какъ онъ увѣряетъ,—была написана имъ на основаніи его личныхъ наблюденій. Въ предисловіи къ книгѣ онъ, однако, сознается, что своими свѣдѣніями онъ обязанъ такимъ извѣстнымъ друзьямъ Николая II-го и врагамъ русскаго народа, какъ французъ Леруа-Больe, англичанинъ сэръ Дональдъ Макенци и царедворецъ князь Николай Щербатовъ—человѣкъ, котораго ненавидитъ вся Россія.

Мистеръ Кеннардъ недвусмысленно намекаетъ на то, что со времени Ивана Грознаго крестьяне ничуть не прогрессировали. Описывая національное крестьянское пиршество, онъ называетъ его «типичной оргіей звѣрей». Природная лѣнь и пьянство—утверждаетъ онъ—довели русскаго крестьянина до того положенія, въ которомъ онъ теперь находится. Для русскаго крестьянина, по мнѣнію Кеннарда, «брюхо его—богъ»; крестьянинъ, говоритъ онъ, совершенно не желаетъ улучшенія собственнаго положенія и отказывается воздѣлывать землю какимъ-либо инымъ способомъ, кромѣ того, который достался ему въ наслѣдство отъ его праотцевъ. Больше того, мистеръ Кеннардъ утверждаетъ, что лишенный якобы какихъ-либо способностей къ образованію, русскій крестьянинъ обладаетъ разумомъ и воображеніемъ, которые легко воспринимаютъ все, что только церковь, государство и всякій желающій воздѣйствовать на него не вобьетъ ему въ его

одурѣвшую отъ пьянства голову. Единственная тема, на которую крестьянинъ будто-бы способенъ только говорить,—это о чертяхъ. И первая мысль, которая занимаетъ его утромъ, это—что-то домовой натворилъ опять? Короче говоря, мистеръ Кеннардъ находитъ, что русскому крестьянину совершенно чуждо понятіе объ образованіи, прогрессѣ и просвѣщеніи.

Въ концѣ онъ дѣлаетъ такого рода резюмэ: «Богомъ обдѣленный русскій крестьянинъ происходитъ отъ человѣко-подобнаго существа, отъ какого-то полоумнаго творенія, отъ смертнаго безъ всякихъ атрибутовъ. Жалко-болѣзненный и проклятый невѣжествомъ и слабоуміемъ, русскій крестьянинъ въ двадцатомъ столѣтіи остается безнадежнымъ.»

Всѣ эти утвержденія мистера Кеннарда о русскомъ народѣ являются настолько же злостной клеветой, насколько таковой оказывается всякое огульное обвиненіе противъ цѣлаго народа или огромной части его. Книга Кеннарда можетъ служить классическимъ образцомъ того яда человѣко-ненавистничества, которымъ проникаются нѣкоторые при видѣ отвратительной язвы на тѣлѣ ближняго. Я не надѣюсь устыдить писателя, способнаго на такую клевету, но я надѣюсь доказать, что какъ бы мало русскій крестьянинъ ни былъ образованъ, онъ всежъ таки обладаетъ нѣкоторыми знаніями и стремится къ еще большимъ знаніямъ; что, далекіе отъ поклоненія дьяволу, русскіе крестьяне обладаютъ врожденнымъ влеченіемъ къ оригинальному религіозному и этическому мышленію. Я надѣюсь также показать, что лишь предубѣжденіе, или врожденная умственная слѣпота, или же глубоко врожденное чувство человѣко-ненавистничества могли побудить человѣка, поверхностно лишь ознакомившагося съ русскимъ крестьяниномъ, писать о немъ, какъ о чемъ-то среднемъ между человѣкомъ и звѣремъ.

Надѣюсь, что для читателя теперь должно быть ясно, что русскій народъ имѣетъ всюду враговъ. Имѣетъ вра-

говъ даже среди тѣхъ, которые громко претендуютъ быть его друзьями. Надѣюсь также, что читатель прочтетъ то, что я предлагаю его вниманію, безъ всѣхъ тѣхъ предразсудковъ, которые были порождены трудами писателей, подобныхъ вышецитированнымъ.

Истинный характеръ русскаго крестьянина оставался до сихъ поръ неразгаданнымъ. И разгадка этого характера является наиболѣе интересной человѣческой проблемой нашего времени. Другими словами, онъ обладаетъ природой родового человѣка.

Крестьянская изба
(Внешний вид)

Центральная Рабочая
Библиотека
Моск. Губ. Сов. Проф. Союз.

Крестьянская телѣга, стоющая всего пять рублей

ГЛАВА II.

Истинный характеръ русскаго народа.

Туманность, окружавшая все время имя русскаго крестьянина, и низкая репутація, которой послѣдній всюду пользовался, начинаютъ, наконецъ, разсѣиваться. Со времени Первой и Второй Думы, въ которыхъ скрытые вѣками чувства и взгляды народа были впервые громогласно провозглашены, мы начали присматриваться и понимать истинный характеръ крестьянъ и ихъ дѣйствительное отношеніе къ правительству. Избранные самими крестьянами, представители указали въ Думѣ на то, что крестьяне не переставали быть мятежно настроены, и если бы не полумилліонная дикая орда казаковъ, охраняющая царя и правительство, революція давно уже бы ихъ свергла. Въ прямомъ противорѣчіи ко всему тому, что правительство говоритъ о крестьянахъ, послѣдніе оказываются проникнутыми съ головы до ногъ демократизмомъ. Въ вопросѣ о землѣ крестьяне оказались соціалистами, они оказались также свободными отъ расовыхъ и національныхъ предразсудковъ, и въ религіозныхъ своихъ взглядахъ они оказались либеральными и даже независимыми. Что это такъ, можно заключить хотя-бы по десяткамъ тысячъ собраній, которыя имѣли мѣсто въ деревняхъ по всей Россіи. На этихъ собраніяхъ крестьяне выражали свою солидарность съ ихъ представителями. Они часто за свои политическія вѣрованія шли въ тюрьмы и даже на висѣлицы.

Если не физическое, то духовное противодѣйствіе народа росло въ прямой пропорціи съ усиленіемъ без-

смысленности, несправедливости и произвола господствующей касты. Вмѣсто преданности царю крестьянинъ проникнутъ совершеннымъ равнодушіемъ къ его закону и почти такимъ же равнодушіемъ къ авторитету православной церкви. Въ этомъ отношеніи русскіе крестьяне рѣзко отличаются отъ всегда покорнаго властямъ нѣмецкаго крестьянина и покорныхъ своимъ попамъ южныхъ итальянцевъ.

Исторія возникновенія русскаго православія можетъ служить лучшимъ объясненіемъ его настоящаго положенія. До «обращенія» въ христіанство древніе славяне придерживались очень простыхъ и очень эластичныхъ вѣрованій. Они не были идолопоклонниками и не имѣли жрецовъ. Ихъ культъ ограничивался лишь однимъ сварогомъ—богомъ небесъ и свѣта. Это было божество скорѣе духовное, которое могло служить больше всего символомъ вселенной и ея жизни. Случилось такъ, что потомокъ варяговъ, князь Владиміръ, прослышавъ о славѣ Византіи и греческой церкви, совершенно въ духѣ научнаго изслѣдователя, посылаетъ комиссію познакомиться на мѣстѣ съ религіей грековъ, а попутно также съ религіями другихъ народовъ. Комиссія вернулась очарованная всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ въ Византіи. Делегаты доложили, что они не нашли ни радости среди болгаръ, ни красоты въ нѣмецкихъ храмахъ, но зато у грековъ они нашли такую красоту, что не знаютъ, какъ передать о ней, и, будучи въ храмѣ, они не знали — разсказывали делегаты — «находятся ли они на небѣ или на землѣ». «Тамъ-то именно богъ находится среди людей — доложили делегаты — и богослуженіе тамъ превосходитъ все видѣнное нами въ другихъ странахъ.»

Такимъ то образомъ, подъ вліяніемъ внѣшней красоты и импозантности Византійскихъ храмовъ и великолѣпія богослуженія въ нихъ, а также въ награду за руку княжны Восточной имперіи, Владиміръ принялъ крещеніе и отказался отъ первоначальнаго своего плана захватить Кон-

стантинополь, что, если-бы случилось, предопредѣлило-бы, можетъ быть, совсѣмъ иной ходъ исторіи Европы и всего міра. Не успѣлъ Владиміръ самъ принять крещеніе, какъ уже по самодержавному «быть по сему», приказалъ гнать народъ къ рѣкѣ и тамъ крестить его. Вотъ какимъ образомъ русскій народъ былъ обращенъ въ православную греческую вѣру.

Въ такомъ же духѣ русскій законъ требуетъ отъ каждаго русскаго, не принадлежащаго къ какой либо изъ «признанныхъ» вѣроисповѣданій, посѣщать не меньше одного раза въ годъ православную службу. Со времени такъ наз. «крещенія Руси» были приняты и силою проведены въ жизнь много другихъ, подобныхъ только что приведенному, принудительныхъ законовъ. И понятно, что такіе законы не могли быть почитаемы народомъ. Въ настоящее время крестьянъ привлекаетъ въ церковь не служба сама по себѣ, а больше всего церковное пѣніе. Попъ рѣдко пользуется какимъ либо почетомъ или серьезнымъ вліяніемъ среди крестьянъ. За требы крестьяне почти всегда платятъ ему натурой и поэтому матеріально онъ зависитъ отъ бѣднѣйшихъ крестьянъ. Попъ часто бываетъ принужденъ исполнять грязную обязанность правительственнаго агента. Крестьяне, конечно, прекрасно сознаютъ и помнятъ это. Попы, напримѣръ, получили свыше подробныя инструкціи о томъ, какъ они должны вести себя во время выборовъ въ Думу. Возмущенные крестьяне отвѣтили тѣмъ, что перестали посѣщать церковь, отказались дѣлать какую либо работу на попа, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ принимали на сельскихъ сходахъ рѣшенія отобрать у попа общинную землю. Экономически зависимые отъ крестьянъ и политически подчиненные полиціи, сельскіе пастыри, даже тѣ немногіе изъ нихъ, которые способны быть дѣйствительными духовными вождями, не въ состояніи этого сдѣлать.

Въ чемъ же, спрашивается, выражается пресловутая привязанность крестьянъ къ православію? Во первыхъ,

крестьяне всегда проявляли непреодолимое стремленіе къ независимому религіозному мышленію, а совершенно не къ оффиціальному православію, когда два съ половиной столѣтія тому назадъ одинъ изъ русскихъ царей опять командировалъ комиссію для новаго ознакомленія съ детальными формами греческаго православія, то новые религіозные обряды, которые по возвращеніи комиссіи были рекомендованы въ богослуженіи, были встрѣчены такимъ упорнымъ пассивнымъ сопротивленіемъ, какого еще міръ никогда не видалъ. Противники новыхъ формъ, такъ наз. «старообрядцы», крѣпко стояли за освященныя уже вѣками и ими самими выработанныя формы богослуженія. Геній народа развилъ черезъ посредство церкви такую оригинальную и истинно прекрасную духовную музыку, которая можетъ служить дѣйствительнымъ источникомъ высшаго наслажденія. Народъ любилъ эти вѣками сложившіяся формы и считалъ, что самимъ богомъ было дано ему право пользоваться ими. И поэтому «старообрядцы», несмотря на всѣ пытки и преслѣдованія, которымъ ихъ подвергали, упорно отказывались подчиняться царской реформѣ. Съ другой же стороны, цари сознавали, что одна свобода повлечетъ за собой другую и потому съ равнымъ упорствомъ и настойчивостью до сихъ еще поръ утверждаютъ, что данная имъ провидѣніемъ абсолютная власть надъ тѣлами крестьянъ распространяется также на души послѣднихъ.

Значительная часть крестьянъ посѣщаетъ еще церковь, но это лишь потому, что въ угрюмыхъ, изолированныхъ и часто голодающихъ деревняхъ, раскинутыхъ среди лѣсовъ и степей, наиболѣе красивымъ или вѣрнѣе наименѣе безобразнымъ зданіемъ и мѣстомъ бываетъ церковь, а богослуженіе настолько интереснымъ, что плѣняетъ крестьянъ, какъ единственное разнообразіе, вносимое въ ихъ монотонную жизнь. Крестьяне никогда не слушались царскихъ духовниковъ и успѣли выработать свою собственную мораль. Сторонники старыхъ обрядовъ,

несмотря на всѣ преслѣдованія, мало по малу отмежевались и зажили своимъ собственнымъ религіознымъ міромъ. Стремленіе избавиться отъ поповъ сдѣлалось почти общимъ. Огромная часть «старовѣровъ», въ особенности тѣ изъ нихъ, которые поселились въ разныхъ глухихъ углахъ, гдѣ трудно было вообще достать священника, рѣшили, въ концѣ концовъ, обойтись совершенно безъ таковыхъ. Идея эта нашла себѣ много сторонниковъ и толкнула этихъ «безпоповцевъ» на путь самостоятельнаго религіознаго мышленія. Въ результатѣ такого отношенія народа къ оффиціальной церкви, въ Россіи въ настоящее время найдется не менѣе, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ, искреннихъ и раціоналистическихъ религіозныхъ мыслителей.

Но эволюція религіозной мысли на этомъ не остановилась. Она усиливалась вмѣстѣ съ ростомъ образованія, вмѣстѣ съ новой жизнію, съ открытіемъ новыхъ отраслей производства и промышленности въ этой уже полусовременной странѣ. Вмѣстѣ съ политической революціей, по значенію своему равной французской, въ нѣдрахъ широкихъ народныхъ массъ происходитъ также широкая религіозная трансформація, сравнимая лишь съ крестьянскимъ движеніемъ временъ Мотера. Русскіе крестьяне создали систему новаго религіознаго культа, основаннаго на совершенно оригинальныхъ началахъ. Утонченность, простота и благородство этого культа очаровали не одного наблюдателя русской народной жизни. Толстой, напримѣръ, признался, что многими идеями своими онъ обязанъ молоканамъ и духоборамъ. Несмотря на то, что эти многочисленныя секты находятся еще только въ процессѣ развитія и роста, послѣдователи ихъ насчитываются уже милліонами.

Въ настоящее время правительство дѣлаетъ, конечно, все возможное для борьбы съ отщепенствомъ и для укрѣпленія православной церкви. Гоненія, которыя было ослабѣли на годъ или больше послѣ пресловутаго царскаго обѣщанія дать свободу совѣсти, съ каждымъ днемъ теперь

возобновляются и усиливаются. Эта борьба между истинно-народной и ненавистной государственной религіей будетъ несомнѣнно продолжаться съ неослабной энергіей.

Крестьяне, однимъ словомъ, проявили столько же стоицизма по отношенію къ оффиціальной православной церкви, сколько къ царскимъ законамъ. Тысячи подавленныхъ цѣною народной крови возмущеній и сотни тысячъ сгнившихъ въ тюрьмахъ и ссылкѣ крестьянъ были результатомъ лишь болѣе мелкихъ проявленій народной ненависти къ правительству. Тамъ, гдѣ народъ былъ усмиренъ грубой казачьей силой, а это имѣло мѣсто въ большинствѣ русскихъ селъ и деревень, тамъ еще больше укрѣпился духъ пассивнаго противодѣйствія, которое въ прошломъ неоднократно кончалось полной побѣдой народа надъ царемъ.

Цари всегда успѣвали выжимать изъ крестьянъ ужасную дань въ формѣ податей и рекрутовъ. И для того, чтобы успѣшнѣе взимать эту дань, крестьянъ прикрѣпили даже къ землѣ. Но всякій разъ, когда они пытались вмѣшаться во внутренія экономическія взаимо-отношенія этихъ крестьянъ, то царская воля неизмѣнно разбивалась объ ихъ понятіе о справедливости и несправедливости. До сихъ поръ крестьяне успѣшно противостояли всѣмъ попыткамъ правительства измѣнить формы земельной собственности и крестьянскаго самоуправленія. Сотни тысячъ деревень, въ которыхъ живутъ массы русскаго народа, по внутреннему устройству своему съ незапамятныхъ временъ представляютъ собою маленькія республики. Подобно примитивнымъ коммунамъ, онѣ въ своихъ экономическихъ и соціальныхъ отношеніяхъ проникнуты истиннымъ демократическимъ духомъ. Вѣдая земельной собственностью каждаго ея члена, община имѣетъ неограниченную власть надъ самымъ его существованіемъ. Но эта власть столько же демократична, сколько она неограниченна. Русскіе крестьяне, живущіе обыкновенно въ деревняхъ, находятся въ гораздо болѣе тѣсныхъ сношеніяхъ, чѣмъ наши фермеры, которые, по большей

части, живутъ изолированно другъ отъ друга. Русскіе крестьяне обыкновенно работаютъ вмѣстѣ и находятся всегда другъ у друга на глазахъ. Среди нихъ всегда преобладаетъ товарищескій духъ, укрѣпленію котораго содѣйствуетъ еще общинное землевладѣніе. Демократизмъ въ русской деревнѣ покоится на прочномъ чувствѣ полнаго соціальнаго и экономическаго равенства. Сельскіе сходы занимаются главнымъ образомъ вопросами, касающимися жизненныхъ интересовъ какъ всей общины, такъ и каждаго отдѣльнаго члена ея. Такимъ образомъ, равенство, существующее въ десяткахъ тысячахъ маленькихъ русскихъ коммунъ, не имѣетъ себѣ подобнаго, ибо оно покоится не только на политическомъ, но и на соціальномъ демократизмѣ. Между выборной сельской администраціей и ея избирателями рѣдко бываютъ какіе-либо конфликты. Русскіе крестьяне не избираютъ, какъ во многихъ такъ называемыхъ демократическихъ общинахъ, временныхъ господъ надъ собою. Староста, или глава села, въ дѣйствительности слуга общины и остается таковымъ вопреки всѣмъ правительственнымъ стараніямъ сдѣлать изъ него послушное себѣ орудіе для своихъ деспотическихъ цѣлей. Царь, напр., издалъ указъ, чтобы старосты получали хорошее жалованіе и были свободны отъ податей и тѣлеснаго наказанія. Этимъ онъ намѣревался «купить» сельскихъ старостъ и сдѣлать ихъ получиновниками. Но община продолжаетъ считать его своимъ слугой и на каждомъ сходѣ даетъ ему свои распоряженія, которыя онъ и обязанъ выполнять.

Всѣми дѣлами села вѣдаетъ самъ сходъ, и лишь очень немногіе изъ крестьянъ не принимаютъ активнаго участія въ дѣлахъ общины. Жизненые вопросы обсуждаются на этихъ сходахъ въ понятной для всѣхъ формѣ, и фактически эти сходы сдѣлались нераздѣльными съ крестьянскимъ существованіемъ. Общественность въ жизни крестьянина не есть, какъ это вообще бываетъ въ демократическихъ обществахъ, что-то побочное. Всюду, даже въ наиболѣе

демократическихъ странахъ нашего времени, частные интересы вытѣсняютъ общественные. Политика для многихъ служитъ тамъ часто средствомъ для достиженія личныхъ корыстныхъ цѣлей, для того, чтобы въ той или иной мѣрѣ присосаться къ общественному пирогу. «Какъ только служеніе обществу перестаетъ быть главнымъ интересомъ гражданъ — говоритъ Руссо — обществу этому тогда близокъ конецъ.» Изъ всѣхъ современныхъ обществъ русской деревнѣ менѣе, чѣмъ всѣмъ остальнымъ, грозитъ такая опасность. Въ нѣкоторыхъ общинахъ существуетъ полный коммунизмъ. Крестьяне не только коммунистически владѣютъ землей, но и обработываютъ ее на коммунистическихъ началахъ. Послѣднее даетъ такимъ общинамъ возможность не только пользоваться всѣми усовершенствованными методами и орудіями въ обработкѣ земли, но и вести свое хозяйство на широкихъ началахъ, недоступныхъ для мелкаго фермера. Крестьянскія артели часто арендуютъ или пріобрѣтаютъ клочекъ земли, обработываютъ ее сообща и учавствуютъ въ расходахъ и доходахъ по заранѣе выработанному плану. Во всѣхъ деревняхъ крестьянскій скотъ пасется на общинномъ выгонѣ, крестьяне косятъ траву общими силами и часто владѣютъ общей житницей. Значительная часть крестьянства, вмѣстѣ съ лучшими знатоками крестьянскаго быта и земледѣлія, возлагаютъ большія надежды на артельное движеніе среди нихъ. Это движеніе, по ихъ мнѣнію, явилось естественнымъ результатомъ крестьянскаго міровоззрѣнія и завѣтныхъ его упованій, и оно, надѣются они, неминуемо поведетъ къ дѣйствительной и полной соціализаціи земли, которая сдѣлается основой русскаго землевладѣнія и русскаго общества вообще. Крестьянскіе представители въ Думѣ требовали, чтобы крестьянамъ разрѣшалось, если только они этого пожелаютъ, устраиваться на коммунистическихъ началахъ. Такое право широко было-бы использовано крестьянами и, конечно, повело бы къ окончательному упраздненію,

по крайней мѣрѣ въ двухъ третяхъ страны, частной собственности на землю.

Царское правительство всегда съ подозрѣніемъ и затаеннымъ опасеніемъ смотрѣло на эти ячейки деревенскаго демократизма и коммунизма. Поколѣніе еще тому назадъ, Александръ II не разъ задумывался надъ деревенской общиной. Онъ сознавалъ, что существованіе такихъ демократическихъ ячеекъ является опасностью для царизма. Но послѣдній давно уже оказался между двумя одинаковыми опасностями. Одна—это ростъ просвѣщенія и умственнаго развитія народныхъ массъ внутри страны, а другая—ростъ промышленнаго развитія и прогресса въ сосѣднихъ государствахъ. Если бы вмѣсто общиннаго введено было въ деревнѣ частное землевладѣніе, то этимъ самымъ былъ бы положенъ конецъ существующимъ уже съ незапамятныхъ временъ деревенскимъ республикамъ. Но съ другой стороны это способствовало бы развитію двухъ классовъ: огромнаго класса безземельнаго крестьянства, доставлявшаго бы дешевыя рабочія руки, и класса средней сельской буржуазіи, который доставлялъ бы капиталъ и капиталистическую инціативу и предпріимчивость. Развитіе класса капиталистовъ и дешевый деревенскій трудъ, въ свою очередь, содѣйствовали бы развитію капитализма вообще и создали бы для государства возможность организаціи дорого стоящей арміи и флота, способныхъ потягаться въ случаѣ нужды съ военными силами сосѣднихъ государствъ. Но развитіе капитализма было для многихъ высшихъ чиновниковъ крайне нежелательнымъ. Они прекрасно сознавали, что какъ пролетаріатъ, такъ и классъ средней буржуазіи повсюду демократично настроены. Въ Революціи 1848 г. послѣдній былъ наиболѣе даже активнымъ элементомъ. И Александръ II, послѣ всѣхъ этихъ соображеній, рѣшилъ сохранить общину. Онъ предпочелъ помириться съ демократической деревней, нежели съ свободнымъ государствомъ, съ обѣднѣніемъ народа, нежели съ конституціей.

Но этотъ же царь постарался сохранить и обезпечить существованіе другого класса, интересы котораго находятся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ интересами деревенской общины. Онъ заставилъ помѣщиковъ освободить своихъ крѣпостныхъ, но позволилъ имъ лишить ихъ лучшей части ихъ земли и за полученную свободу взвалить на крестьянъ непосильную тяжесть податей и выкупныхъ платежей. Результатомъ такого компромисса было то, что крестьяне съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе бѣднѣли и голодали; земледѣліе приходило все болѣе и болѣе въ упадокъ; платежеспособность крестьянъ все больше и больше уменьшалась, промышленность за отсутствіемъ внутренняго рынка не развивалась и, въ виду всего этого, государственные финансы оказались въ плачевномъ и безнадежномъ состояніи. Министры финансовъ, одинъ за другимъ, вводили всевозможные налоги и подати, брали подъ свое покровительство отечественную промышленность, ввели золотую валюту, строили желѣзныя дороги, все больше и больше задалживались у заграничныхъ ростовщиковъ и пр. и пр. И послѣ всего этого, Государственный Совѣтъ во время долженъ былъ недавно признаться, что всѣ эти мѣры потерпѣли фіаско, что правительство оказалось безсильнымъ реорганизовать крестьянскую жизнь и разрѣшить жгучій аграрный вопросъ. Цари оказались безсильными вывести народъ изъ его положенія. Но послѣднее становилось невыносимымъ, и цари, сами почти не сознавая, начали мѣнять свою старую политику, пока, наконецъ, теперешній царь рѣшилъ пожертвовать общиной. Если для него оказалось невозможнымъ спасти массу народа отъ хроническаго голоданія, то, можетъ быть, рѣшилъ онъ, ему удастся помочь извѣстному слою крестьянъ сформироваться и основать прочный средній земледѣльческій классъ на развалинахъ пауперизованнаго остального крестьянства.

Министръ Столыпинъ намѣревается теперь нанести

послѣдній ударъ общинѣ. Онъ прежде всего предполагаетъ провести законъ, которымъ разрѣшалось бы каждому крестьянину выйти изъ общины и продать свою землю. Затѣмъ онъ, конечно, лишитъ общины того права самоуправленія, которымъ онѣ до сихъ поръ пользовались, и подчинитъ ихъ мѣстной администраціи. Весьма, однако, сомнительно, чтобы деревня уступила свои исконныя права и еще болѣе сомнительно, чтобы она позволила нѣсколькимъ изъ ея среды скупить земли остальныхъ. Популярность общиннаго землевладѣнія все время росла, и вполнѣ опредѣленная соціалистическая и революціонная политика, которую крестьянскіе представители развернули во Второй Думѣ, не оставляетъ уже больше никакого сомнѣнія, что въ одно прекрасное время въ Россіи осуществится соціализація земли. Крестьянскія коммунистическія общины послужатъ основой для будущаго государственнаго строя Россіи.

Крестьяне, какъ мы видѣли, проявили свою творческую силу, какъ въ религіозномъ отношеніи, такъ и въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ. Они независимы и положительны въ своихъ мысляхъ и чувствахъ и демократичны въ общественной жизни. Спрашивается, обладаютъ ли они достоинствами практическаго характера, которыя могли бы служить залогомъ того, что революція будетъ доведена до успѣшнаго конца? Намъ извѣстны по крайней мѣрѣ два наиболѣе существенныхъ для быстраго и здороваго развитія достоинства. Это, во-первыхъ, готовность къ воспринятію передовыхъ идей и, во-вторыхъ, преобладающій среди нихъ духъ солидарности. Крестьяне готовы привѣтствовать радикальную перемѣну во всемъ государственномъ строѣ, и это потому, что у нихъ, помимо навязанныхъ царскимъ произволомъ, нѣтъ національныхъ традицій. Крестьяне не участвовали въ національномъ законодательствѣ, а лишь, подъ страхомъ жестокаго наказанія, принуждены были соблюдать законъ. Крестьяне прогрессивны также

еще потому, что условія тѣсно, духовно и матеріально, сблизили ихъ съ двумя другими классами, которые столь же, если не больше еще, прогрессивны, какъ соотвѣтствующіе имъ классы любой другой страны—это рабочій классъ и представители свободныхъ профессій.

Въ Россіи, какъ ни въ какой другой странѣ, городской пролетаріатъ и крестьяне представляютъ собою одно цѣлое. Городской пролетаріатъ вышелъ только что изъ деревни и поэтому связанъ кровными узами съ ней. Большинство рабочихъ имѣютъ еще до сихъ поръ обыкновеніе отъ времени до времени навѣщать деревню. Многіе изъ нихъ ежегодно въ страдное время оставляютъ свою городскую работу и возвращаются въ деревню на полевыя работы. Это движеніе изъ города въ деревню пополняется еще десятками тысячъ крамольныхъ рабочихъ, которыхъ правительство въ наказаніе то и дѣло высылаетъ обратно въ ихъ деревни. Всѣ эти рабочіе приносятъ, конечно, съ собою въ деревни тѣ революціонныя идеи, которыми они пропитались въ городахъ.

Представители свободныхъ профессій, или интеллигенція успѣла установить въ высшей степени дружескую и интимную связь между собою и городскимъ и деревенскимъ людомъ. Какъ будто бы вся страна состоитъ изъ безконечнаго ряда общежитій народныхъ дѣятелей, которые не только пожертвовали нѣкоторыми личными удобствами и роскошью, но взяли еще на себя рискъ подвергнуться за свою преданность народу тюремному заключенію, ссылкѣ и даже смерти. Во всѣхъ революціонныхъ народныхъ организаціяхъ интеллигенція играла и играетъ первенствующую роль. Народъ ее всюду встрѣчалъ съ распростертыми объятіями, и она всегда дѣйствовала рука объ руку съ народными вождями, которые были ей же обязаны своимъ образованіемъ. Во главѣ всѣхъ радикальныхъ и революціонныхъ партій стоятъ тѣ же испытанные и просвѣщенные демократы изъ интеллигенціи. Даже тѣ еще болѣе типично-народныя

организаціи, какъ Крестьянскій Союзъ, Желѣзнодорожный Союзъ, Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, были также подъ исключительнымъ вліяніемъ и непосредственнымъ руководствомъ людей съ университетскимъ образованіемъ и интеллигентныхъ крестьянъ и рабочихъ. Вся интеллигенція, начиная съ извѣстныхъ ученыхъ профессоровъ и адвокатовъ съ національной репутаціей и кончая земскими врачами и сельскими учителями, вся интеллигенція шла въ народъ. Движеніе это стремилось не только объединить всѣхъ противъ деспотизма, но и привить народу всѣ великія идеи и чаянія современной цивилизаціи. Это движеніе содѣйствовало широкому разспространенію среди народныхъ массъ и воспринятію ими величайшихъ идей и стремленій человѣчества. Многіе русскіе крестьяне и рабочіе въ настоящее время очень серьезно и сознательно интересуются и изучаютъ исторіи другихъ народовъ, ихъ литературу, экономику и политику. Политическое же и экономическое положеніе ихъ собственной страны они имѣютъ возможность изучать изъ цѣлаго океана разспространяемыхъ среди нихъ популярныхъ брошюръ, подпольныхъ, хотя и недолговѣчныхъ, газетъ, которыя буквально пожираются въ каждой деревнѣ, фабрикѣ, заводѣ и мастерской.

Такимъ путемъ установилось дружеское единеніе между народными массами и интеллигенціей. Съ другой стороны стоятъ сторонники царизма—помѣщики, чиновники, военное сословіе и всѣ тѣ, которые пристраиваются при нихъ. Ни классовая ненависть, отличавшая когда то Германію, ни преобладающій еще и по сію пору въ Соединенныхъ Штатахъ характерный эгоизмъ крайняго индивидуализма, не были извѣстны русскому народу, а потому ему остались чужды антиобщественные инстинкты, на изжитіе которыхъ потребовались бы цѣлыя поколѣнія. Происхожденіе русскаго народа, его дружная борьба противъ союзныхъ злобныхъ силъ, что называется царизмомъ, а больше всего то положеніе, въ которомъ онъ въ

настоящее время находится, все это вмѣстѣ взятое способствуетъ созданію изъ Россіи одной изъ сильнѣйшихъ и первой по своимъ соціальнымъ и соціалистическимъ тенденціямъ странъ.

Не только психологія народа сама по себѣ, но и настоящее положеніе вещей вызвали въ немъ соціалистическое чувство и настроеніе. Ибо каковы бы ни были причины революціоннаго кризиса, послѣдній уже самъ по себѣ требуетъ соціальнаго рѣшенія. Ситуація эта рѣзко отличается отъ той, которая преобладала при колыбели нашей націи. Соед. Штаты были основаны демократическимъ населеніемъ, задачей котораго было тогда заселеніе обширныхъ и совершенно не заселенныхъ территорій. Соединенные Штаты Россіи будутъ основаны демократическимъ народомъ, задачей котораго будетъ обезпечить землей огромную часть населенія. Наши задачи внутренняго устройства сводились къ задачамъ чисто политическаго характера, а именно—защитить однихъ отъ насилія другихъ. Рѣшеніе большинства экономическихъ и соціальныхъ проблемъ было предоставлено личностямъ, а не самому обществу. Результатомъ этого было то, что индивидуализмъ и индивидуалистическій принципъ получилъ въ нашей странѣ такое развитіе и примѣненіе, какого онъ нигдѣ не получалъ. Русскій же народъ, наоборотъ, находится лицамъ къ лицу съ проблемами какъ соціальнаго, такъ и экономическаго и политическаго характера. Политическая проблема, стоящая передъ русскимъ народомъ, заключается не въ одной лишь борьбѣ противъ насилія отдѣльныхъ индивидуумовъ, но въ борьбѣ и устраненіи правительственнаго насилія. Экономическая же проблема состоитъ въ необходимости поднять народную промышленность и земледѣліе до уровня, на какомъ они стоятъ въ другихъ цивилизованныхъ странахъ, а также въ улучшеніи положенія всего земледѣльческаго класса. Такъ какъ земледѣліе и земледѣльческій классъ находятся въ настоящее время на оди-

наково низкомъ уровнѣ, то эта экономическая проблема не только является жгучимъ вопросомъ для всѣхъ классовъ русскаго общества, но въ разрѣшеніи ея послѣднее, какъ цѣлое, должно принять и, конечно, приметъ активное участіе. Вторая великая соціальная проблема касается настоящаго и будущаго раздѣла земли. Допусти Дума безпрепятственное развитіе частнаго землевладѣнія и свободу купли и продажи земли, безденежное и нуждающееся крестьянство неминуемо сдѣлается жертвой тѣхъ своихъ хозяйственныхъ членовъ, которые успѣли сколотить достаточно капитала для скупки земли у своихъ нуждающихся собратьевъ. Крестьяне сознаютъ эту опасность и поэтому на безчисленныхъ сельскихъ сходахъ высказывались и продолжаютъ высказываться въ томъ смыслѣ, что уничтоженіе общиннаго владѣнія землей означало бы для нихъ еще большее раззореніе и обѣднѣніе, означало бы обогащеніе новаго класса землевладѣльцевъ на счетъ окончательнаго обнищанія огромнаго большинства крестьянъ. Большинство крестьянъ поэтому стоятъ за сохраненіе общины, которую, по ихъ мнѣнію, слѣдуетъ лишь приспособить къ новымъ нуждамъ и условіямъ. Крестьяне, однимъ словомъ, стоятъ за абсолютное подчиненіе частныхъ интересовъ общественнымъ, стоятъ за національзацію земли. Духомъ общественности проникнутъ весь русскій народъ. Инородцы не составляютъ въ этомъ отношеніи исключенія. То же чувство солидарности сплотило въ одно цѣлое всѣ расы и національности этой обширной имперіи. Финны, татары, съ ихъ различными религіями, вѣками жили въ дружескомъ сосѣдствѣ съ русскими крестьянами. Существующія въ нѣкоторыхъ районахъ нѣмецкія и еврейскія земледѣльческія колоніи пользовались всегда такою же доброжелательностью и дружелюбіемъ крестьянъ. Бѣлоруссы и малороссы цѣлыя поколѣнія жили въ мирѣ и согласіи съ латышами, литовцами и поляками. Сибирскіе поселенцы уживались съ безчисленными азіатскими племенами,

населяющими Сибирь. Мы, американцы, не смогли вѣдь ужиться съ нашими индѣйцами, какъ и англичане съ туземцами въ ихъ колоніяхъ. Когда цари вздумаютъ возвести особыя гоненія противъ какой либо изъ подчиненной имъ народностей, какъ напримѣръ евреевъ, то поддержку народа имъ удается обезпечить за собою не возбужденіемъ національнаго антагонизма, а тѣмъ, что прикрываютъ свой адскій планъ соображеніями чисто религіознаго характера, т. е. тѣмъ средствомъ, которое помогаетъ правительству возбуждать русскихъ православныхъ противъ русскихъ же сектантовъ. Тѣ же немногочисленныя столкновенія народныхъ массъ съ евреями, которыя и произошли на почвѣ расовой розни, были дѣломъ рукъ не русскихъ, а поляковъ или молдаванъ вродѣ Крушевана. Отсутствіе расовой вражды можетъ служить однимъ изъ наиболѣе яркихъ доказательствъ того духа солидарности и общественности, которыми проникнутъ этотъ великодушный народъ.

На огромной территоріи, охватывающей цѣлое земное полушаріе,—отъ береговъ Тихаго океана до береговъ Чернаго и Балтійскаго морей, зарождается не только новая раса или нація. Возрожденная Россія, по уничтоженіи всякаго правительственнаго произвола, мирная и спокойная внутри своей свободой и обширностью, защищенная отъ нападенія враговъ извнѣ, будетъ объединена вся одной общей соціальной проблемой и одной общей идеей. Свободнымъ духомъ и силой своей она окажетъ рѣшительное вліяніе на установленіе универсальнаго мира. По существу своему новый народъ на міровой аренѣ, обладая необъятной и почти что нетронутой почвой, свободный отъ традицій, привыкшій къ экономическому равенству и проникнутый духомъ общественности, русскій народъ въ недалекомъ, можетъ быть, будущемъ сдѣлается главнымъ вдохновителемъ другихъ націй, будетъ играть ту роль, которую до недавняго еще времени играли Соединенные Штаты.

ГЛАВА III.

Крестьянская жизнь.

Стомилліонное русское крестьянство, хотя и свободное отъ какихъ либо реакціонныхъ традицій, какъ религіозныхъ, такъ и національныхъ, обладаетъ однакожъ нѣкоторыми отрицательными особенностями, противъ его воли навязанными ему его собственной незавидной долей, непосильнымъ и почти что невознаграждаемымъ трудомъ и тѣми бѣдствіями, которыя ему приходилось переживать. Чтобы заглянуть во внутренній міръ этихъ такъ плохо понятыхъ людей, ознакомиться съ ихъ дѣйствительной будничной трудовой жизнью, чтобы понять значеніе послѣднихъ событій, — и больше того, чтобы вникнуть и понять ихъ настоящія думы и чаянія, необходимо не только ознакомиться со взглядами выдающихся русскихъ прогрессивныхъ людей, но также побывать у нихъ самихъ. Послѣднее необходимо также и для того, чтобы убѣдиться, насколько сильно среди этихъ крестьянъ чувство и жажда соціальнаго переворота, чтобы узнать, насколько они, крестьяне, рѣшаются противодѣйствовать правительству и каковы тѣ достоинства и качества ихъ, которыми они надѣются побѣдить и сдѣлаться господами величайшаго въ мірѣ государства. Исходя изъ этихъ соображеній, я, послѣ того, какъ успѣлъ побесѣдовать съ извѣстными спеціалистами и знатоками аграрнаго вопроса, отправился въ глубь страны. Я, конечно, запасся необходимыми рекомендаціями къ такимъ лицамъ, какъ земскіе врачи, сельскіе учителя и другіе представители работающей среди крестьянства интеллигенціи, а также къ нѣкоторымъ

интеллигентнымъ крестьянамъ, которые лучше, чѣмъ кто-либо другой, могли бы меня ознакомить съ крестьянской средой. Въ общемъ я посѣтилъ съ полсотни деревень, расположенныхъ на пространствѣ отъ Костромскихъ лѣсовъ до южныхъ степей, отъ азіатской границы до древняго Кіева, и успѣлъ побесѣдовать съ нѣсколькими сотнями крестьянъ всѣхъ положеній и состояній. Я поставилъ себѣ за правило провѣрять всегда то, что мнѣ въ этихъ бесѣдахъ говорили и избѣгать пристрастныхъ мнѣній. Статистическія данныя, которыми меня въ изобиліи любезно снабжали въ губернскихъ земствахъ, я имѣлъ обыкновеніе провѣрять на мѣстѣ личными наблюденіями, и затѣмъ, наоборотъ, свои наблюденія я предоставлялъ критикѣ тѣхъ, которые работаютъ среди крестьянства въ теченіе всей своей жизни. На это занятіе я посвятилъ половину лѣта 1906 г., когда революціонная волна вздымалась еще высоко, и затѣмъ половину лѣта 1907 г., когда эта волна значительно уже отхлынула, и крестьянство уже успѣло убѣдиться въ томъ, что царизмъ удастся свергнуть лишь послѣ отчаянной схватки, и то не въ настоящій моментъ, а лишь черезъ нѣсколько лѣтъ.

Нѣсколько словъ объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ мои поѣздки, дадутъ уже читателю нѣкоторое представленіе о внутреннемъ положеніи дѣлъ въ Россіи. Правительство дѣлаетъ все возможное для того, чтобы изолировать деревню отъ малѣйшаго вліянія цивилизаціи, изолировать точно отъ заразы, отъ азіатской холеры или чумы. Многіе изъ тѣхъ, къ которымъ у меня были рекомендаціи, часто оказывались неожиданно для нихъ самихъ внезапно арестованными и брошенными въ тюрьму, или сосланными въ сибирскія тундры. За что? Большей частію не за то, что они были активными революціонерами, а лишь за то, что они водили знакомство съ крестьянами. Большинство изъ тѣхъ, которые болѣе открыто проявляли свой либеральный образъ мыслей, я на обратномъ пути уже не заставалъ. Меня часто вся-

чески убѣждали отказаться отъ самой мысли посѣщать русскія деревни. Для не-крестьянина посѣщеніе деревни связано въ Россіи съ почти непреодолимыми трудностями и препятствіями. Не удивительно поэтому, что по моемъ возвращеніи съ первой поѣздки въ 1906 г. меня спѣшили интервировать даже такіе люди, которые всю свою жизнь посвятили на изученіе крестьянскаго быта.

Этотъ чудовищный карантинъ, которымъ русская деревня бываетъ изолирована отъ городской «заразы», еще болѣе, чѣмъ правительственными мѣропріятіями и рогатками, поддерживается скудостью желѣзнодорожныхъ и вообще какихъ либо хорошихъ путей сообщенія. Каждый разъ, когда приходилось на какой либо станціи ожидать поѣзда, я находилъ десятки, а часто и сотни крестьянъ, валявшихся на твердомъ полу, уже нѣсколько дней ожидая поѣзда. Поѣзда иногда просто опаздывали, чаще же всего такая задержка бывала по винѣ самого правительства, которое не считаетъ нужнымъ заботиться о такихъ пассажирахъ и потому не доставляетъ нужнаго количества вагоновъ для перевозки ихъ.

Въ сторонѣ отъ желѣзныхъ дорогъ условія передвиженія еще хуже. Шоссейныхъ и мостовыхъ дорогъ тамъ и помину нѣтъ. Кое гдѣ дѣлается лишь слабая попытка высушать слишкомъ глубокіе рвы и ямы, да перекинуть мостокъ черезъ оврагъ или рѣку, которые нельзя объѣхать. Дѣлается это однако такъ небрежно, что иногда по цѣлымъ недѣлямъ переѣздъ по такимъ мѣстамъ бываетъ невозможенъ, или сопряженъ съ опасностью провалиться. Виною всему этому бываетъ не только бѣдность крестьянина, который въ такой, напримѣръ, губерніи, какъ Симбирская, не въ состояніи расходовать въ теченіи года больше одной копейки на содержаніе дорогъ,—но также правительственная политика, которая даетъ помѣщикамъ абсолютный перевѣсъ въ мѣстномъ правленіи и освобождаетъ ихъ отъ налоговъ на благоустроенные пути сообщенія. Въ огромномъ большинствѣ тѣхъ губерній, черезъ которыя

мнѣ случилось проѣзжать, я ни разу не встрѣтилъ изолированныхъ фермъ. Деревни часто отдѣлены другъ отъ друга лѣсами и полями, тянущимися на большое число верстъ. Первое, что обыкновенно поражаетъ взоръ путешественника при приближеніи къ русской деревнѣ, это огромное число вѣтряныхъ мельницъ. Послѣднія повсюду устроены по одному и тому же примитивному образцу, такъ какъ онѣ строились сотни лѣтъ тому назадъ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что каждая такая мельница принадлежитъ артели, которая сообща и пользуется ею. Принципъ кооперацій можно еще наблюдать въ формѣ ухода за скотомъ, который пасется обыкновенно на общемъ выгонѣ и подъ наблюденіемъ одного общаго пастуха.

Русская деревня часто состоитъ изъ одной улицы, длиною въ одну версту или нѣсколько больше. Внутренній видъ деревни сразу напомнилъ мнѣ о вездѣсущемъ деспотизмѣ, который тяжелымъ кошмаромъ виситъ надъ всей страной. Многія деревни имѣютъ видъ укрѣпленныхъ лагерей, окруженныхъ изгородью, и въѣздъ въ нихъ охраняется ночью стражникомъ. Въ нѣкоторыхъ русское правительство третируетъ крестьянъ, какъ заключенныхъ. Вотъ, напримѣръ, распоряженіе, изданное въ 1899 г. однимъ земскимъ начальникомъ, послужившее потомъ образцомъ для многихъ ему подобныхъ начальниковъ: никто и ни подъ какимъ видомъ не долженъ отлучаться изъ деревни ночью или днемъ больше, чѣмъ на двадцать четыре часа, и безъ оповѣщенія старшины о томъ, куда и по какому дѣлу отлучается. За каждую отлучку безъ должнаго разрѣшенія виновный подлежитъ наказанію. О всякомъ отлучающемся ночью безъ такого разрѣшенія должно быть караульнымъ или стражникомъ доложено старшинѣ, на обязанности котораго будетъ немедленно разслѣдовать дѣло и наказать виновника за ослушаніе; и это даже въ томъ случаѣ, когда будетъ установлено, что ничего подозрительнаго не было въ его отлучкѣ.

Что это постановленіе примѣняется въ настоящее время болѣе чѣмъ когда либо прежде, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Правительство не только сторожитъ деревню, но во многихъ мѣстахъ, подобно тому, какъ въ завоеванной странѣ, посылаетъ военные патрули на рекогносцировку во внутрь и вокругъ деревни.

Деревенскія избы порозительно похожи одна на другую. Во всей деревнѣ, можетъ быть, найдутся два или три дома, которые по своей постройкѣ отличаются нѣсколько отъ остальныхъ. Желѣзо почти что не употребляется на постройку, лѣсъ же употребляется съ большой экономіей. Единственная входная дверь дѣлается обыкновенно такой маленькой и низкой, что человѣкъ средняго роста не можетъ войти не согнувшись. Размѣръ крестьянской избы бываетъ не больше пятнадцати футовъ на тридцать. При этомъ половина избы безъ оконъ отводится часто для животныхъ. Иногда эта половина служитъ простымъ стоиломъ. При входѣ въ крестьянскую избу вы прежде всего попадаете именно въ эту часть и часто спотыкаетесь о какую-нибудъ домашнюю скотину,—курицу, поросенка или же о какое-нибудь земледѣльческое орудіе. Эта часть избы не поддается описанію, ибо, въ сущности говоря, тутъ нечего описывать. Входя во вторую дверь попадаемъ въ комнату, занимающую всю остальную часть избы, около пятнадцати футовъ въ квадратѣ. Комната эта служитъ кухней, спальней и помѣщеніемъ для всей семьи, насчитывающей иногда отъ шести до двѣнадцати членовъ. Слѣдуетъ принятъ во вниманіе, что крестьянская семья состоитъ часто не только изъ родителей и дѣтей, но также изъ дѣдовъ и прадѣдовъ, а иногда еще одного или двоихъ чужихъ людей. Дѣло въ томъ, что одинокіе сироты часто распредѣляются между членами общины.

Неспособные къ труду старики служатъ часто причиной величайшихъ трагедій въ крестьянской жизни. Они въ положеніи пауперовъ среди пауперовъ. Нелегко бываетъ для семьи, работоспособные члены которой сами

живутъ впроголодь, дѣлиться своимъ кускомъ хлѣба съ тѣми, которые уже неспособны къ труду. Бываетъ, что крестьянская семья съ нетерпѣніемъ ждетъ момента, когда смерть избавитъ ее отъ лишняго рта. Но это еще не самое худшее въ той трагедіи, которой полна крестьянская жизнь. Излишне будетъ, думаемъ мы, пытаться подробно описать всѣ тѣ ужасныя послѣдствія, которыя неминуемо возникаютъ тамъ, гдѣ десять, или пятнадцать человѣкъ безъ различія пола и возраста, вынуждены валяться въ одной кучѣ на широкихъ полатяхъ и на печи, которыя служатъ въ крестьянской избѣ общимъ и единственнымъ мѣстомъ для спанья. Единственной мебелью такой избы служатъ столъ, скамьи вокругъ стѣнъ, вышеупомянутыя полати, на которыхъ, за исключеніемъ стариковъ, спитъ вся семья; старикамъ же отводится печь. Вся обстановка крестьянской избы напоминаетъ скорѣе всего тюрьму. Въ болѣе благоустроенныхъ государствахъ такая обстановка разсматривается и дается какъ наказаніе осужденному преступнику . . .

Крестьянская изба имѣетъ очень мало оконъ, и тѣ, которыя есть, обыкновенно очень малы. Окна эти часто бываютъ съ выломанными стеклами и такъ вдѣланы въ стѣну, что не открываются круглый годъ. Не надо забывать, что въ тѣхъ мѣстахъ лѣто бываетъ такое же жаркое и сухое, какъ въ Америкѣ. Невозможность открыть лѣтомъ окно не особенно, конечно, пріятна, но еще хуже, когда крестьянинъ въ теченіи всей долгой и суровой зимы не въ состояніи бываетъ разрѣшить себѣ вставить въ окно разбитое стекло. Мало того, когда наступаетъ зима, то наглухо забиваются на всю зиму и тѣ окна, которыя можно открывать. Многіе поверхностные наблюдатели возмущаются часто такимъ анти-гигіеничнымъ обычаемъ крестьянъ. Но голая нужда заставляетъ ихъ дѣлать такъ. Дѣло въ томъ, что во многихъ мѣстахъ въ Россіи ничто такъ не дорого, какъ топливо. Поэтому открытіе, хотя бы и на короткое время одного малень-

каго окна, обошлось бы крестьянину въ нѣсколько лишнихъ копеекъ на топливо, каковой роскоши онъ часто не можетъ себѣ позволить.

Не слѣдуетъ быть слишкомъ поспѣшнымъ въ осужденіи крестьянина за его вынужденную нечистоплотность. Безусловно, онъ живетъ въ скверной и вредной близости съ своимъ скотомъ. Причина его нечистоплотности очевидна и кроется въ томъ, что во время длинной и суровой русской зимы мелкій домашній скотъ и птица навѣрное замерзли бы, если бы не держать ихъ въ закрытомъ и болѣе или менѣе тепломъ помѣщеніи. Такимъ единственнымъ помѣщеніемъ является у крестьянина его изба. Хуже такого тѣснаго и нездороваго сосѣдства съ животными являетя, на нашъ взглядъ, то, что крестьянинъ крайне рѣдко мѣняетъ свое бѣлье. Но послѣднее объясняется просто тѣмъ, что ему фактически нечего мѣнять. Благодаря однако существованію того, что является чисто русскимъ учрежденіемъ, а именно благодаря публичнымъ банямъ, имѣющимся въ каждой русской деревнѣ, можно смѣло сказать, что, послѣ всего, въ Россіи больше чистоты, нежели было, напр., въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Соединен. Штатовъ, гдѣ такія учрежденія до недавняго времени совсѣмъ отсутствовали.

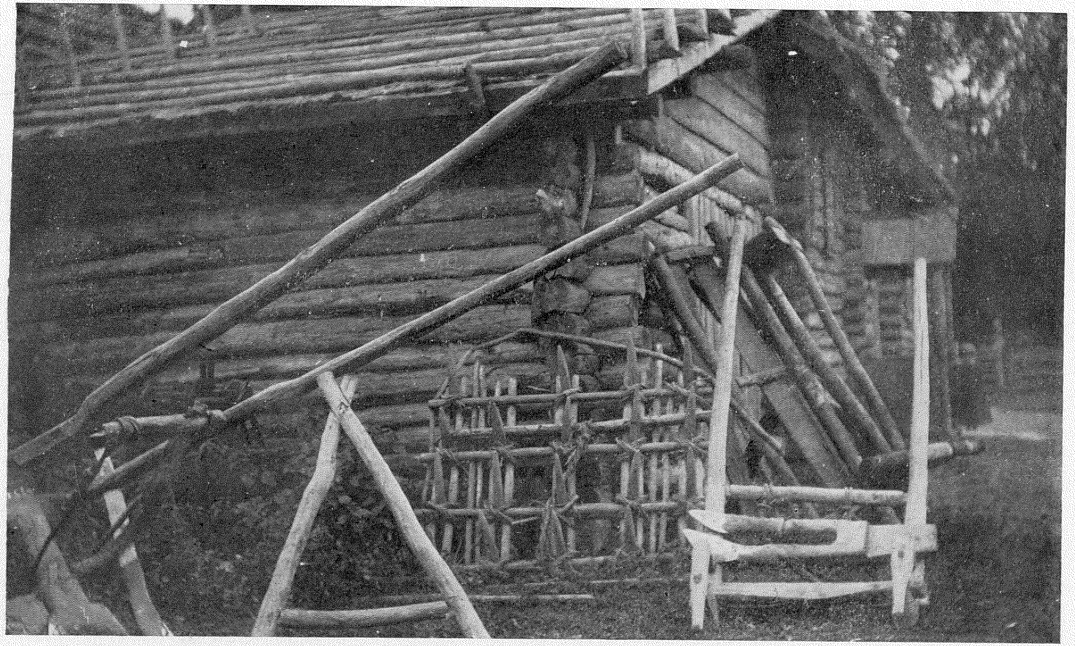
Русскіе крестьяне терпятъ недостатокъ не только въ нижнемъ бѣльѣ, но и въ обуви, и въ самой необходимой верхней одеждѣ. Я былъ, напр., крайне пораженъ, когда въ одинъ холодный и вѣтряный зимній день увидѣлъ шедшую по дорогѣ крестьянку въ своей короткой и безъ слѣдовъ шерсти одеждѣ на ея тѣлѣ. Если бы русское правительство не взимало такихъ высокихъ пошлинъ за ввозные бумажные и шерстяные товары, и крестьянину не пришлось бы платить за нихъ втридорога, то онъ, можетъ быть, имѣлъ бы еще кое какую возможность одѣваться по-человѣчески. Теперь крестьянину часто нечѣмъ прикрыть свое голое тѣло. О шерстяной одеждѣ и говорить нечего: она совсѣмъ рѣдкость въ деревнѣ. Развѣ

не чудовищно, что въ странѣ, обладающей большей чѣмъ какая-либо другая страна въ мірѣ, пастбищной землей, народъ нуждался въ шерсти для самаго необходимаго платья и въ кожѣ для обуви? Крестьяне носятъ круглый годъ лапти—обувь, которую можно найти въ употребленіи у самыхъ примитивныхъ народовъ.

Почти что излишне будетъ распространяться о томъ, чѣмъ крестьяне питаются. Они считаютъ себя счастливыми, если имѣютъ хоть чего-либо поѣсть. Черный ржаной хлѣбъ и картофельный супъ составляютъ главную пищу крестьянина въ продолженіе всего года, за исключеніемъ лишь лѣтняго времени, когда онъ имѣетъ возможность нѣсколько разнообразить свою пищу, употребляя разныя овощи. Главный напитокъ крестьянина составляетъ не чай, какъ это вообще принято думать, но болѣе дешевый напитокъ—хлѣбный квасъ. На чай, сахаръ и часто на капусту и даже на соль крестьянинъ привыкъ смотрѣть, какъ на недоступныя ему лакомства. Что же касается мясной пищи, то даже наиболѣе жесткія части свиного мяса считаются въ крестьянскомъ обиходѣ праздничнымъ блюдомъ. Огромное число крестьянскихъ семействъ видитъ у себя мясное блюдо лишь въ большіе праздники, т. е. приблизительно четыре раза въ годъ.

Это все говорится о крестьянахъ съ среднимъ достаткомъ, настоящая же крестьянская бѣднота живетъ, конечно, гораздо хуже.

Можно себѣ представить, какова жизнь крестьянской женщины при такихъ условіяхъ. Нельзя, конечно, требовать отъ женщины, которая наравнѣ съ мужчиной работаетъ въ полѣ, чтобы она еще удѣляла много вниманія и времени стряпнѣ. Она печетъ хлѣбъ разъ въ недѣлю, и это собственно вся стряпня. Иногда лишь съ большимъ усиліемъ и съ ущербомъ для ея уже и безъ того истощенныхъ силъ, крестьянка сваритъ вечеромъ картофельный супъ или щи. Она обыкновенно оставляетъ, когда уходитъ на работу, нѣсколько кусковъ хлѣба



Земледѣльческія орудія крестьянина
(Съ лѣвой стороны — соха, рядомъ съ нею — борона)

Центральная Рабочая Библиотека

Крестьяне въ зимней одеждѣ

для дѣтей, беретъ нѣсколько кусковъ съ собой въ поле и возвращается лишь черезъ двѣнадцать или пятнадцать часовъ. Очень часто случается, что крестьянская женщина рожаетъ въ полѣ во время работы. Въ такихъ случаяхъ ее отвозятъ домой лишь съ возвращеніемъ всѣхъ съ работы, а черезъ три или четыре дня она опять уже работаетъ въ полѣ, куда она беретъ съ собою и младенца. Неизбѣжнымъ результатомъ такой жизни является то, что почти у каждой, средняго возраста, крестьянской женщины обыкновенно здоровье надорвано. Естественно, что при такихъ условіяхъ крестьянская женщина не въ состояніи услѣдить за жизнью и разобраться въ томъ, что вокругъ нея дѣлается. Одна крестьянка, съ которой мнѣ случилось бесѣдовать и которая, вопреки всему, оказалась очень смышленой, разсказала мнѣ, что во всѣ сорокъ пять лѣтъ ея жизни она, несмотря на то, что жила по близости отъ желѣзнодорожной станціи, еще ни разу не ѣздила по желѣзной дорогѣ. Всего одинъ лишь разъ въ своей жизни она позволила себѣ, лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, посѣтить сосѣдній городокъ. Крестьянка эта, слѣдуетъ замѣтить, не была исключеніемъ. Крестьянскія женщины часто не въ состояніи кормить грудью своихъ младенцевъ, а кормятъ послѣднихъ разжеваннымъ въ кашицу хлѣбомъ. Такія дѣти умираютъ, конечно, массами. Самый большой процентъ ужасной смертности въ Россіи падаетъ именно на дѣтей ниже годового возраста.

Бесѣдуя разъ въ Петербургѣ съ однимъ изъ приближенныхъ Витте, я какъ то коснулся этихъ ужасныхъ условій крестьянской жизни и, между прочимъ, спросилъ его—на что, по его мнѣнію, можетъ надѣяться русскій крестьянинъ? Я, конечно, не получилъ какого-либо удовлетворительнаго отвѣта на мой вопросъ. Тѣмъ не менѣе у него былъ свой особый взглядъ на этотъ вопросъ. Взглядъ этотъ обнаружился во время его разсказа о томъ, какъ крестьянинъ привыкъ для заглушенія голодныхъ спазмъ въ желудкѣ затягивать потуже свой поясъ.

«Развѣ при настоящемъ, совершенно безнадежномъ положеніи вещей это затягиваніе живота не является практичнымъ рѣшеніемъ вопроса? Почему крестьянину для пользы Россіи и своей собственной не подтянуться потуже? Крестьянинъ, правда, не доѣдаетъ, но зато у него вѣдь и работы не Богъ вѣсть сколько. Ему поэтому не нужно такъ много ѣсть. Развѣ это въ самомъ дѣлѣ не является счастьемъ для Россіи, что ея крестьянинъ не имѣетъ скверной привычки ѣсть столько, сколько ѣстъ крестьянинъ въ другихъ странахъ? Въ большинствѣ случаевъ они ухищряются жить и обходиться государству сравнительно дешево, и такъ какъ не откуда достать большаго, то русскій крестьянинъ долженъ считать себя воистину счастливымъ. Одна страна отличается отъ другой, между прочимъ, и уровнемъ потребностей ея населенія. Есть много дикихъ племенъ, которыя вынуждены были обстоятельствами приспособиться къ самой что ни на есть скудной и грубой пищѣ. И только этой способности приспособляться они часто обязаны своимъ существованіемъ.»

Адъютантъ Витте, очевидно, вполнѣ сознавалъ весь трагизмъ положенія русскаго крестьянина, но смотрѣлъ на это какъ на нѣчто неизбѣжное. Подобно министру финансовъ, онъ прекрасно понималъ, что вывозъ хлѣба изъ Россіи временами увеличивается исключительно благодаря тому, что народъ слишкомъ бѣденъ, чтобы оставлять хлѣбъ для своей собственной нужды. Онъ самъ, напр., указалъ, что вывозъ яицъ и сливочнаго масла изъ Сибири лишаетъ сибирскихъ крестьянъ этихъ простыхъ и здоровыхъ предметовъ питанія. Когда онъ, однако, перешелъ на экономическую точку зрѣнія и началъ говорить о крестьянинѣ, какъ о рабочей лошади, тогда лишь обнаружилась вся его внутренняя философія. Во время нашей бесѣды о вырожденіи русской лошади и о томъ, что крестьянская лошадь получаетъ недостаточно корму, онъ старался доказать, что такую лошадь и не стоитъ кормить.

При этомъ онъ приводилъ тѣ же доводы, какіе онъ приводилъ по поводу крестьянскаго недоѣданія.

Ужасно низкая продуктивность крестьянскаго земледѣлія и ничтожность его доходовъ являются главными причинами его страданій. Доходы русскаго крестьянина не превышаютъ одной трети доходовъ нѣмецкаго и одной четверти французскаго крестьянина.

Мы здѣсь не коснемся аграрнаго вопроса въ его цѣломъ, а сдѣлаемъ это нѣсколько ниже. Теперь же мы ограничимся однимъ лишь указаніемъ на то, какъ правительство не только не старается улучшить положеніе крестьянъ, но еще ухудшаетъ его. Приведемъ нѣкоторыя достовѣрныя вычисленія, съ точностью опредѣляющія, какая часть доходовъ крестьянина идетъ, въ формѣ податей, въ государственную казну. Статистическія данныя, собранныя въ сравнительно небогатой Саратовской губерніи, гдѣ годовой доходъ крестьянина не превышаетъ 114 рублей, показываютъ, что больше половины этой суммы идетъ именно въ видѣ податей въ государственную казну. Въ богатой же Московской губерніи, гдѣ годовой доходъ крестьянина достигаетъ четырехъ сотъ рублей—наивысшій доходъ крестьянина во всей Россіи—почти одна пятая этой суммы уходитъ на уплату государственныхъ податей. Изъ налоговъ самыми тяжелыми для крестьянина являются косвенные налоги. По скольку прямые налоги и подати медленно, но постоянно все понижаются, по стольку косвенные, наоборотъ, быстро растутъ и повышаются.

За послѣднія двадцать пять лѣтъ косвенные налоги имѣли все время тенденцію повышаться. Статистическими данными установлено, напримѣръ, что за время отъ 1880 по 1892 г. налогъ на чай повысился втрое, на-сахаръ въ пять разъ и на бумажную матерію въ шесть разъ. Въ такой же приблизительно пропорціи повышены были пошлины на мѣдь и желѣзо. Правительственнымъ статистическимъ бюро въ Соединен. Штатахъ вычислено,

напримѣръ, что, благодаря русской налоговой системѣ, русскій народъ вынужденъ платить за керосинъ въ четыре раза больше того, что онъ платилъ бы при отсутствіи такой системы. Въ результатѣ онъ не только переплачиваетъ за самые обыкновенные предметы, но иные предметы стали совсѣмъ недоступными для него по своей дороговизнѣ. Тамъ, гдѣ развивается промышленность, какъ, напримѣръ, въ городахъ, и гдѣ населеніе поэтому не терпитъ такой нужды, какъ крестьяне, сахаръ употребляется въ пять разъ, чай въ десять и керосинъ въ восемнадцать разъ больше. Но не одна казна грабитъ народъ посредствомъ налоговъ и пошлинъ: ими пользуются и фабриканты, которые, благодаря высокому тарифу, защищающему ихъ отъ иностранной конкуренціи, имѣютъ возможность брать въ тридорога за свои фабрикаты. Такъ, напримѣръ, отъ непомѣрныхъ цѣнъ на сахаръ и бумажные товары извлекаютъ пользу преимущественно фабриканты. Что же касается другихъ предметовъ употребленія, какъ чая, спирта, напр., то тутъ налоговая система дѣйствуетъ уже всецѣло почти въ пользу самого правительства. Четыре пятыхъ всей суммы, которую крестьяне расходуютъ на спиртные напитки, и половина того, что они расходуютъ на чай, идетъ въ правительственную казну. Одинъ только налогъ на чай и бумажныя матеріи, которые главнымъ образомъ употребляются народными массами, даетъ казнѣ выше ста милліоновъ рублей.

Мы совершенно не въ состояніи будемъ представить себѣ положеніе русскаго крестьянина, не принимая въ соображеніе, что онъ обреченъ на хроническій голодъ. Этотъ голодъ не является какимъ-либо случайнымъ бѣдствіемъ въ Россіи, ибо за послѣдніе годы онъ повторяется съ замѣчательной регулярностью каждые два или три года. Чтобы собственными глазами видѣть условія жизни крестьянъ, я не преминулъ посѣтить одну изъ мѣстностей, пораженныхъ голодомъ. Въ Бузулукскомъ

уѣздѣ Самарской губерніи урожай въ 1906 г. былъ такъ плохъ и хлѣбныхъ зеренъ было такъ мало, что крестьяне рѣшили разобрать колосья руками, а не пользоваться косой. Лошади и коровы остались безъ сѣна, и уже къ августу начался повальный падежъ скота отъ истощенія. Крестьяне лишь тщетно пытались поддержать жизнь издыхающихъ истощенныхъ животныхъ соломой съ крышъ своихъ избъ. Въ одной небольшой волости около этого же времени было продано крестьянами семьсотъ головъ рогатаго скота, что, конечно, означало, что грядущій голодъ дастъ себя еще хуже чувствствовать. Лошадей продавали за безцѣнокъ, по пяти и десяти рублей за лошадь; козъ по семидесяти пяти коп. Нѣсколько позже крестьяне вынуждены были платить по рублю двадцати пяти коп. за пудъ той самой муки, которую они всего лишь нѣсколько недѣль тому назадъ распродавали по рублю за три пуда. Дѣти крестьянъ настолько ослабѣли отъ голода, что уже не въ состояніи были посѣщать школы. Нѣкоторые родители, сознавая свою безпомощность облегчить страданія своихъ дѣтей оставаясь дома, пускались въ далекій путь въ надеждѣ найти какой нибудь заработокъ.

Правительственная помощь голодающимъ крестьянамъ была болѣе чѣмъ незначительна и притомъ всегда сопровождалась возмутительными злоупотребленіями. Каждой голодающей крестьянской семьѣ выдавалось, напримѣръ, на весь сезонъ по сорока фунтовъ на душу, тогда какъ необходимо было по двѣсти фунтовъ. Помимо недостаточности такой порціи часто случалось еще, что посланное крестьянамъ для посѣва сѣмя было настолько перемѣшано съ землей и навозомъ, что во многихъ мѣстахъ крестьяне, несмотря на свою нужду, наотрѣзъ отказывались принять такую «помощь». Бывало также, что и посланная крестьянамъ мука оказывалась гнилой и кишащей червями. Въ иныхъ же случаяхъ обнаруживалось, что львиная доля предназначенной для помощи голодающимъ крестьянамъ суммы была безцеремонно

прикарманена чиновниками. Яркимъ примѣромъ такого хозяйничанія и наживы насчетъ голодающаго крестьянства можетъ служить знаменитая Гурко-Лидвальская исторія.

Слѣдуетъ еще помнить, что въ то самое время, когда крестьяне голодали, продолжался вывозъ хлѣба даже изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ наиболѣе свирѣпствовалъ голодъ. Въ 1906 г. этотъ вывозъ даже усилился. Поощреніе вывоза хлѣба, какъ мы видѣли, служитъ основой всей финансовой политики русскаго правительства. Ко всему этому, новый законъ о правѣ каждаго крестьянина выдѣлиться изъ общины и продать или заложить свою землю при настоящихъ условіяхъ приведетъ крестьянъ къ еще болѣе безнадежному безвыходному положенію.

Въ 1906 г., когда даже оффиціальный правительственный отчетъ сообщалъ, что тридцати милліонамъ крестьянъ неминуемо грозитъ голодъ, вывезено было хлѣба болѣе чѣмъ на пятьсотъ милліоновъ рублей. Это количество вывезеннаго за границу хлѣба было бы болѣе чѣмъ достаточно для спасенія голодающаго населенія отъ голоднаго тифа и нѣсколькихъ сотъ тысячъ крестьянскихъ дѣтей отъ смерти, а также для сохраненія въ живыхъ необходимыхъ крестьянамъ лошадей и домашняго скота. Если крестьянъ не разоряли бы податями и налогами, они имѣли бы, можетъ быть, возможность покупать предназначенный для вывоза за границу хлѣбъ. И если бы помѣщика не одаряли разными привиллегіями во вредъ крестьянину, послѣдній тогда не нуждался бы въ землѣ. Повальный голодъ является несомнѣнно результатомъ бѣдности. У насъ въ Америкѣ бываютъ иногда не меньшія засухи, чѣмъ въ Россіи, бываютъ и неурожаи, тѣмъ не менѣе у насъ невозможно такое массовое голоданіе. Наши фермеры дѣлаютъ препорядочные вклады въ банки.

Но русское правительство мало думаетъ о томъ, чтобы помочь крестьянамъ. Новый законъ о выходѣ изъ общины — самая великая Столыпинская реформа —

обрекаетъ подавляющее большинство русскаго народа на голодъ. Государство и не думаетъ ради спасенія крестьянства ни отпускать значительныя средства, ни реорганизовать свое правительство. Оно поэтому рѣшило сдѣлать все возможное для сформированія земледѣльческаго класса изъ нѣсколькихъ милліоновъ крестьянъ-фермеровъ нѣмецкаго и американскаго типа, пожертвовавъ массами ради созданія этого небольшого класса «хозяйственныхъ мужичковъ». Безденежнымъ и нуждающимся крестьянамъ впервые будетъ дозволено продавать или закладывать свои небольшіе надѣлы.

Слѣдующій же голодный годъ заставитъ ихъ продать эти надѣлы кулакамъ и вообще болѣе зажиточнымъ сосѣдямъ. Для послѣднихъ откроется тогда возможность расширять свои фермы до пятидесяти или ста десятинъ и вести болѣе интенсивное современное хозяйство, пользуясь при этомъ дешевымъ трудомъ оставшихся безъ земли крестьянъ.

ГЛАВА IV.

Какъ крестьяне обработываютъ землю.

Русскому крестьянину невозможно выпутаться изъ своего ужаснаго положенія. Его хозяйство обречено съ самаго начала на неудачу. Послѣдній батракъ у американскаго фермера умеръ бы отъ одного раздраженія, если бы его заставили работать при тѣхъ условіяхъ, при какихъ работаютъ русскіе крестьяне. Весьма трудно дать читателю ясное представленіе о томъ, насколько русскіе крестьяне отстали въ этомъ отношеніи; тѣмъ не менѣе мы не должны ихъ считать слишкомъ отсталыми. Не больше какъ поколѣніе тому назадъ практикуемый ими способъ обработыванія земли былъ въ употребленіи во многихъ частяхъ Америки, какъ и въ нѣкоторыхъ Европейскихъ странахъ. Въ Соединен. Штатахъ даже по сію еще пору можно найти уголки въ уединенныхъ гористыхъ мѣстностяхъ восточной части страны, гдѣ способъ обработыванія земли немногимъ отличается отъ русскаго. По существующимъ въ Россіи условіямъ труда можно лучше всего судить, насколько крестьяне были лишены возможности вкусить отъ плодовъ цивилизаціи, а также понять, почему ничто, кромѣ революціоннаго переворота, не можетъ вывести ихъ изъ безнадежнаго положенія. Мы видѣли, какъ крестьяне хронически недоѣдаютъ. Корниловъ, напримѣръ, указываетъ, что крестьяне принимаютъ пищи на 17%, лошади на 40% меньше того количества, которое необходимо хотя бы для сохраненія ихъ рабочей силы. Но русскіе крестьяне нуждаются въ работѣ такъ же, какъ они нуждаются въ

хлѣбѣ, и фактъ тотъ, что они больше недорабатываютъ, нежели недоѣдаютъ. Назначенная правительствомъ комиссія для изслѣдованія причинъ крестьянской бѣдности въ центральной Россіи нашла, что тамошніе крестьяне находятъ примѣненіе лишь для одной пятой, а лошади для одной трети ихъ рабочей силы.

Таково истинное положеніе крестьянъ. Ни земледѣлецъ, ни его рабочій скотъ не получаетъ достаточно пищи для сохраненія себя отъ физическаго вырожденія. Даже въ случаѣ, если бы крестьянинъ имѣлъ достаточно работы для сохраненія себя отъ голодной смерти, у него все же не было бы возможности сберечь хоть какой нибудь капиталъ, безусловно необходимый для возстановленія его хозяйства; даже въ случаѣ, еслибы крестьяне и ихъ рабочій скотъ получали бы пищи вдоволь, то и тогда первые были бы осуждены на бездѣлье въ теченіи трехъ четвертей своего времени, а второй въ теченіи половины своего времени. И крестьяне все же не имѣли бы и тогда денегъ на пріобрѣтеніе лучшихъ животныхъ или лучшихъ плуговъ, не имѣли бы средствъ для увеличенія жалкой продуктивности земли и для улучшенія своего собственнаго положенія.

Эти обстоятельства нельзя объяснить лишь тѣмъ, что Россія въ сельскохозяйственномъ отношеніи отстала отъ современной цивилизаціи. Проѣзжая по Россіи, вы часто встрѣчаете большія экономіи, принадлежащія или помѣщикамъ, или купцамъ, или же разбогатѣвшему деревенскому кулаку. Почти въ каждой такой экономіи земледѣліе ведется наилучшимъ современнымъ способомъ посредствомъ усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій. Всюду въ такихъ экономіяхъ крестьяне работаютъ въ качествѣ батраковъ и, послѣ нѣкотораго естественнаго предубѣжденія вначалѣ, скоро научаются управлять самыми сложными орудіями. Такимъ образомъ виною всему не народное невѣжество, и бѣдность русскаго народа не бѣдность отъ варварства, но бѣдность

отъ цивилизаціи, логическій продуктъ общественныхъ условій.

Всякій интересующійся можетъ при желаніи съ карандашемъ и бумагой въ рукахъ въ нѣсколько минутъ провѣрить выкладки великаго географа Элизэ Реклю, что Россія, культивированная по англійскому образцу, могла бы кормить пятисотъ-милліонное населеніе. И даже при американской культурѣ она въ состояніи была бы содержать въ довольствѣ и достаткѣ половину этого числа. При существующемъ же положеніи вещей значительная часть ея сто-сорока милліоннаго населенія живетъ впроголодь. Мы не видимъ никакой тенденціи къ улучшенію этого положенія вещей. При ежегодномъ ростѣ населенія въ два или три процента продукты земледѣлія во всей странѣ увеличиваются лишь на одинъ или полтора процента; въ то время какъ американскіе фермеры за послѣднее полстолѣтіе успѣли по меньшей мѣрѣ удвоить продуктивность своего труда. Русскіе крестьяне фактически производятъ теперь меньше, чѣмъ во время ихъ освобожденія въ 1861 г.

Это означаетъ банкротство и вырожденіе крестьянскаго земледѣлія въ Россіи. Почва, конечно, истощена, и рабочій скотъ окончательно вырождается. Смертность вообще въ русской деревнѣ въ два раза больше, нежели въ какой либо изъ современныхъ странъ. Каждые полгода милліонъ человѣческихъ жизней, больше чѣмъ за все время Русско-Японской войны, падаютъ жертвами голода.

Это и есть то соціальное зло въ Россіи, та тина и сыпучій песокъ, на которомъ царедворцы воздвигаютъ позолоченое и мишурное зданіе полицейской реформы. Со времени признанія Витте въ Государственномъ Совѣтѣ, что правительство безсильно помочь крестьянамъ, ни у одного изъ министровъ не хватило еще нахальства заявить, что можно что-либо сдѣлать для устраненія существующаго зла.

Когда я очутился въ русской деревнѣ, я вполнѣ

сознавалъ, что вижу предъ собою условія, которыя существуютъ болѣе чѣмъ полстолѣтіе, и которыя въ настоящее время ничуть не улучшаются, и что правительство не питаетъ никакой надежды «въ эту эпоху», выражаясь словами Витте, въ какой либо степени улучшить матеріальное положеніе крестьянства. Когда я собственными глазами увидѣлъ, какими устарѣлыми методами и орудіями крестьянинъ сѣетъ и жнетъ, и какъ русское правительство совсѣмъ не заботится объ улучшеніи этихъ орудій, я постигъ сущность притязаній царизма. Оставляя на одинъ моментъ въ сторонѣ вопросъ о правѣ кѣмъ-либо править и господствовать надъ другимъ безъ согласія на то послѣдняго, забывая на моментъ, что русскій крестьянинъ властенъ надъ своей собственной жизнью, посмотримъ, что царь преслѣдуетъ своимъ «богомъ даннымъ притязаніемъ быть», выражаясь опять излюбленной оффиціальной фразой,—«пастыремъ его стада».

Еще до въѣзда въ самую деревню, можно уже изъ окна вагона замѣтить нѣсколько отличительныхъ чертъ крестьянскаго земледѣлія. Вамъ, во первыхъ, бросается въ глаза то обстоятельство, что поля всюду размежеваны въ длинныя и до абсурдности узкія полосы, часто простирающіяся въ длину далеко за предѣлы вашего поля зрѣнія, а въ ширину всего лишь на нѣсколько шаговъ. Во вторыхъ, вы замѣчаете, что каждое третье поле оставляется круглый годъ подъ паромъ. Размежеваніе на полосы является результатомъ общиннаго землевладѣнія. Въ своей простодушной попыткѣ установить равенство въ земельныхъ надѣлахъ, крестьяне, въ виду отсутствія какого-либо метода для точной оцѣнки достоинства различныхъ сортовъ почвы во владѣніяхъ общины, размежевываютъ такимъ путемъ каждое поле между нѣсколькими стами членами общины. Даже тамъ, гдѣ, какъ это случается въ западной части Европейской Россіи, крестьянину предоставляется право пользоваться нѣсколькими «надѣлами», преобладаетъ тотъ же способъ раздѣла. Этотъ

обычай, какъ правительствомъ, такъ и крестьянами разсматриваемый, какъ одно изъ худшихъ золъ въ русскомъ земледѣліи, непосредственно вытекаетъ изъ факта правительственнаго угнетенія народа. Какъ только русскому народу годъ или больше тому назадъ улыбнулась свобода, крестьяне, подъ руководствомъ работавшей для нихъ интеллигенціи, немедленно приступили къ замѣнѣ крайне непрактичной системы частаго передѣла земли какимъ либо прогрессивнымъ поземельнымъ налогомъ, напримѣръ, вродѣ практикующагося уже въ Австраліи. Желаніе крестьянъ удлинить сроки передѣловъ отнюдь не свидѣтельствуетъ, что у нихъ появилось стремленіе освободиться отъ почти врожденнаго имъ чувства экономическаго равенства, но для нихъ было очевидно, что подобный прогрессивный налогъ приведетъ скорѣе къ осуществленію этого равенства, нежели постоянный передѣлъ земли и въ особенности въ формѣ крайне непрактичныхъ узкихъ полосъ.

Другая особенность, что бросается вамъ въ глаза глядя на крестьянскія владѣнія, то, что въ Россіи еще въ общемъ употребленіи примитивная «трехпольная» система. Крестьяне никогда не были въ состояніи позволить себѣ засѣвать по очереди различные злаки. Крестьяне также никогда не имѣли рабочаго скота въ достаточномъ количествѣ, чтобы быть въ состояніи утилизировать эти растенія, жатву и надлежащимъ образомъ удобрять почву. Если русскіе крестьяне придерживаются старой непрактичной и не экономной системы земледѣлія, такъ это не благодаря ихъ невѣжеству, а потому, что они просто вынуждены къ этому настоящей экономической необходимостью.

Орудія, которыми крестьяне обработываютъ землю, невѣроятно примитивны. Крестьянскія телѣги, которыя мнѣ приходилось видѣть, сдѣланы изъ дерева безъ атома желѣза, точно такія, какія были въ употребленіи у нашихъ фермеровъ-піонеровъ лѣтъ сто тому назадъ. Плугъ русскаго крестьянина въ большинствѣ случаевъ тоже такого

же образца, какой былъ въ употребленіи за цѣлыя столѣтія; да и плугъ новаго образца, въ сущности говоря, вовсе не новъ: онъ извѣстенъ былъ земледѣльцамъ другихъ странъ нѣсколько уже поколѣній тому назадъ. Борона, подобно телѣгѣ, вся деревянная. Но не одно лишь желѣзо является недоступнымъ для крестьянъ.

Въ этой живописной и невѣроятно богатой земледѣльческой странѣ съ ея длинными солнечными днями лѣтомъ, съ ея изобиліемъ снѣга зимою и съ удивительнымъ черноземомъ, и съ ея обширнѣйшей во всемъ мірѣ площадью, годной для земледѣлія, послѣднее ведется такимъ примитивнымъ и опустошительнымъ способомъ, что огромныя ея богатства остаются совершенно не использованными. Употребленіе машинъ въ земледѣліи крестьянину недоступно. Все дѣлается рукою. Сѣмена разбрасываются рукой изъ мѣшка или фартука, какъ это дѣлалось сто лѣтъ тому назадъ. Естественно, что значительная часть этихъ сѣмянъ подбирается птицами, которыя носятся обыкновенно цѣлыми роями надъ только что засѣяннымъ полемъ. Пощаженныя птицами зерна гніютъ въ случаѣ обилія дождя или разносятся вѣтромъ во время засухи. Почва обыкновенно вспахивается не болѣе, какъ на шесть или восемь дюймовъ въ глубину. Въ восточной части Европейской Россіи, отличающейся особенно богатой почвой, очень часто бываютъ засухи. Уже одно вспахиваніе земли плугомъ, который забираетъ почву глубоко, до двѣнадцати — восемнадцати дюймовъ, не говоря уже о новой идеѣ — защиты почвы отъ засухи спеціальнымъ покровомъ изъ пыли,—спасло бы крестьянъ отъ столь частыхъ голодовокъ. Что это не преувеличеніе съ нашей стороны, можно судить хотя бы по тѣмъ результатамъ, которые достигнуты нѣкоторыми нѣмецкими колонистами, поселившимися болѣе столѣтія тому назадъ въ самомъ, такъ сказать, сердцѣ Россіи.

Лѣтомъ 1906 г., когда все низовье Волги было поражено неурожаемъ, мнѣ удалось собрать нѣкоторыя ста-

тистическія данныя объ успѣхахъ этихъ нѣмецкихъ колонистовъ и ихъ русскихъ сосѣдей въ девяти нѣмецкихъ и восемнадцати русскихъ селахъ. Эти данныя показываютъ, что тамъ, гдѣ русскіе крестьяне не умѣли ничего собрать, нѣмецкіе колонисты успѣвали сравнительно очень много. Въ большинствѣ русскихъ общинъ сборъ равнялся почти нулю, въ то время, какъ большинство нѣмецкихъ колонистовъ было въ состояніи добыть безмалаго одну четверть нормальной жатвы. Далѣе, въ то время, какъ значительная часть этихъ русскихъ общинъ имѣла меньше одной четверти нормальнаго сбора пшеницы, большинство нѣмецкихъ колонистовъ успѣвало добыть отъ одной четверти до одной половины нормальнаго сбора ея. Слѣдуетъ еще замѣтить, что нѣмецкіе колонисты также бѣдны и не имѣютъ достаточно средствъ для пріобрѣтенія усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій и пр. Нѣтъ поэтому никакого сомнѣнія, что тамъ, гдѣ эти колонисты успѣваютъ сдѣлать четверть нормальнаго сбора, нашъ канзаскій фермеръ сдѣлалъ-бы половину сбора.

Весь годовой доходъ средней крестьянской семьи не превышаетъ ста, двухъ сотъ рублей. Изслѣдованія въ Воронежской губерніи показали, съ другой стороны, что общій годовой расходъ по хозяйству, за исключеніемъ пищевыхъ припасовъ для людей и скота, въ крестьянской семьѣ не достигаетъ ста рублей. Остальные расходы крестьянина выражаются въ слѣдующихъ цифрахъ: на постройку—тридцать четыре, на одежду—двадцать пять, на рабочій скотъ—двадцать четыре, на орудія—около восьми, на мебель и домашнюю утварь—шесть рублей. Комментаріи излишни.

Я часто старался узнавать, сколько крестьяне платили за свои плуги, бороны и телѣги. Платимыя цѣны, какъ увидитъ читатель, какъ нельзя лучше показываютъ негодность этихъ орудій. За самаго позднѣйшаго издѣлія плугъ крестьянинъ платитъ пять рублей, и каждые три года онъ тратитъ 1 руб. 80 к. за ремонтъ его. Плуги

эти обыкновенно фабрикуются тутъ же деревенскимъ кузнецомъ. Крестьянинъ рѣдко платитъ за телѣгу болѣе десяти рублей, и одинъ телѣжный мастеръ увѣрялъ меня, что большинство телѣгъ онъ продаетъ по пяти рублей и что смастерить одну телѣгу нужно ему цѣлую недѣлю.

Бороны съ желѣзными зубьями обходятся крестьянину отъ пяти до шести рублей, но я чаще всего встрѣчалъ деревянныя бороны, которыя стоили всего лишь одинъ или два рубля.

Виною всѣхъ этихъ условій является, на мой взглядъ, прежде всего крестьянская бѣдность и потомъ общія условія страны, но часть отвѣтственности падаетъ также на правительство. Послѣднее, впрочемъ, повинно еще кое въ чемъ. Пошлины на желѣзо такъ высоки, что крестьяне едва ли въ состояніи покупать такой необходимый для хозяйства матеріалъ, какъ гвозди. Результатомъ этого является то, что потребленіе желѣза въ Россіи приходится на каждую голову въ десять разъ меньше того количества, что приходится въ Соединен. Штатахъ. Пошлины на самыя необходимыя въ крестьянскомъ обиходѣ орудія также непомѣрно высоки, и крестьяне поэтому вынуждены отказываться отъ покупки такихъ орудій.

Посмотримъ, какъ обстоитъ дѣло съ живымъ инвентаремъ. Болѣе одной четверти крестьянскихъ хозяйствъ совершенно не имѣютъ лошадей; треть имѣетъ по одной лошади, и лишь нѣсколько больше одной трети всего числа крестьянскихъ хозяйства имѣютъ по двѣ или больше лошадей. И эти условія не только не улучшаются, но все ухудшаются. Въ центральной части страны число безлошадныхъ крестьянъ ростетъ по одному на каждую сотню; притомъ русская лошадь вѣситъ нѣсколько больше половины обыкновенной породы французской лошади. Въ 1870 г. на каждое хозяйство приходилось по девять головъ рабочаго скота. Съ тѣхъ поръ число это постепенно уменьшалось, и въ 1900 г. среднимъ числомъ приходилось уже по шести лишь головъ на каждое хозяйство.

Въ отношеніи нерабочаго скота—коровъ, овецъ или свиней русскій крестьянинъ вчетверо бѣднѣе своего нѣмецкаго собрата.

Чтобы еще лучше иллюстрировать отсталость крестьянскаго земледѣлія въ Россіи, попытаемся провести параллель между лучшими крестьянскими хозяйствами въ Россіи и фермерскимъ хозяйствомъ въ наиболѣе развитыхъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи сѣверо-западныхъ штатахъ Соединен. Штатовъ Америки. Фермеръ владѣетъ землей въ количествѣ около ста акровъ; русскій же крестьянинъ владѣетъ участкомъ всего около двадцати акровъ. Цѣнность земли американскаго фермера въ четыре раза больше цѣнности земли русскаго крестьянина. Мы видимъ такимъ образомъ, что земельное богатство американскаго фермера въ двадцать разъ больше его русскаго конкурента—ибо не слѣдуетъ забывать, что Россія и Соединен. Штаты являются въ дѣйствительности конкурентами на міровомъ рынкѣ по вывозу хлѣба.

Въ отношеніи количества живого инвентаря и стоимости орудій крестьянское хозяйство уступаетъ фермерскому почти въ той же пропорціи. Стоимость всего живого инвентаря и орудій русскаго крестьянина не превышаетъ ста рублей; въ то время, какъ стоимость однихъ земледѣльческихъ орудій американскаго фермера доходитъ до четырехъ сотъ рублей, живой же инвентарь его стоитъ не менѣе тысячи шести сотъ рублей. Въ 1897 г. Витте оцѣнилъ стоимость земледѣльческихъ продуктовъ страны въ полтора билліона рублей; стоимость же продуктовъ земледѣлія Соединен. Штатовъ была тогда въ восемь разъ больше. Площадь посѣва въ обѣихъ странахъ по величинѣ почти одинаковая. За послѣднія десять лѣтъ это отношеніе между американскимъ и русскимъ земледѣліемъ ничуть не измѣнилось. Производство пшеницы въ Соединен. Штатахъ увеличилось, напримѣръ, на 39%, въ Россіи же едва на 9%.

Голодающіе крестьяне-татары Восточной Россіи

Центральная Рабочая Библіотека
Моск. Губ. Сов. Проф. Союз.

Молотьба ногами и цѣпомъ

Центральная Рабочая
Библиотека
Моск. Губ. Сов. Проф. Союз.

Контрастъ между обѣими странами выступаетъ еще рѣзче, когда мы присматриваемся къ цифрамъ экспорта. За пятнадцатилѣтній періодъ до 1902 г. Соединен. Штаты почти удвоили свой вывозъ пшеницы, въ Россіи же онъ оставался на одномъ уровнѣ. Но, какъ я уже указалъ въ одной изъ предыдущихъ главъ, финансы страны, твердость золотой валюты, способность платить проценты по внѣшнимъ займамъ, все это находится въ зависимости отъ состоянія хлѣбнаго экспорта. Главный же предметъ вывоза изъ Россіи въ дѣйствительности составляетъ хлѣбъ; коровье масло и яйца вмѣстѣ съ послѣднимъ составляютъ двѣ трети всего вывоза; остальную треть составляетъ сырье, вродѣ лѣса и нефти. Вывозъ же продуктовъ фабричнаго производства не достигаетъ и трехъ процентовъ общей суммы вывоза. И такъ какъ вывозъ земледѣльческихъ продуктовъ, въ особенности пшеницы, возрастаетъ крайне медленно, то естественно, что вся финансовая политика русскаго правительства, построенная именно на этомъ вывозѣ, должна была оказаться несостоятельной.

Со стороны русскаго правительства было бы, конечно, болѣе разумно отказаться отъ политики форсированія вывоза хлѣба въ виду того, что и крестьяне, и рабочій скотъ голодаютъ изъ за недостатка послѣдняго. Во время послѣдняго голода министръ финансовъ былъ, наконецъ, вынужденъ не только отказаться отъ этой политики, но фактически противодѣйствовать вывозу хлѣба. Со стороны крайне реакціонной, равно какъ и со стороны крайне революціонной партій раздались энергичныя требованія о запрещеніи вывоза хлѣба изъ мѣстностей, пораженныхъ голодомъ, но лишь послѣ того, какъ сосѣдняя Турція пріостановила экспортъ хлѣба въ интересахъ защиты своего населенія отъ голода, русское правительство вынуждено было послѣдовать ея примѣру. Запрещеніе вывоза хлѣба, какъ это признается всѣми экономистами, должно быть лишь временной мѣрой, абсолютно

необходимой лишь въ годину голода или войны. Дѣйствительная причина вырожденія русской сельскохозяйственной промышленности лежитъ однако глубже, чѣмъ въ вывозѣ пищевыхъ продуктовъ столь нужныхъ дома.

Еще въ годъ освобожденія крестьянъ въ 1861 г., было уже установлено, что для того, чтобы крестьянская семья могла сносно существовать безъ посторонней поддержки, она должна имѣть въ своемъ владѣніи не меньше двѣнадцати съ половиной десятинъ земли. И въ тѣхъ случаяхъ, когда помѣщики нарѣзали своимъ крестьянамъ меньше этой нормы, правительство настаивало, чтобы крестьяне были переселены въ нѣкоторыя новыя мѣстности, какъ, наприм., въ Самарскую губ. Но уже въ 1875 г. средняя величина крестьянскаго надѣла не превышала уже девяти десятинъ, а къ 1900 г. онъ сократился до шести десятинъ, какъ разъ до половины того количества, которое, по вычисленіямъ самого правительства, необходимо для поддержанія крестьянской семьи. Это еще не соотвѣтствуетъ всей дѣйствительности, ибо въ южной и западной части Россіи крестьяне, въ настоящее время, владѣютъ меньше половины того, чѣмъ они владѣли во время ихъ освобожденія.

Лишь на крайнемъ югѣ стоимость средняго крестьянскаго надѣла достигаетъ пятисотъ рублей, тогда какъ въ наиболѣе земледѣльчески развитыхъ мѣстностяхъ центральной и восточной Россіи она колеблется между тремя стами и пятью стами рублей, а на сѣверѣ и западѣ она еще ниже. Американецъ можетъ получить представленіе объ этихъ крестьянскихъ хозяйствахъ лишь путемъ сравненія ихъ съ жалкимъ хозяйствомъ нашихъ южныхъ негровъ. Впрочемъ, положеніе русскаго земледѣльца еще хуже. Лѣса, такъ необходимые для строительнаго матеріала, топлива, также луга, столь нужные какъ пастбища для скота, исключительно почти находятся въ рукахъ помѣщиковъ. На сѣверѣ, гдѣ земля такъ бѣдна, и на востокѣ, гдѣ преобладаетъ такъ наз. «нищенскій

надѣлъ», всѣ происходившіе за послѣдніе годы бунты и споры съ помѣщиками были главнымъ образомъ изъ-за пользованія лѣсами и лугами. Помѣщики настолько монополизировали послѣдніе, что даже запрещаютъ крестьянамъ собирать тамъ ягоды и грибы.

«Нищенскими» называются тѣ крошечные надѣлы, которыми иные помѣщики безвозмездно надѣляли своихъ крестьянъ, чтобы не быть вынужденными за выкупъ нарѣзать послѣднимъ достаточные для веденія хозяйства участки земли. «Нищенскій надѣлъ» обыкновенно не превышалъ одной десятины. Теперь же, благодаря приросту населенія и раздѣлу земельной собственности, собственники такого надѣла владѣютъ меньше, чѣмъ полудесятиной земли, и вынуждены, конечно, арендовать землю у помѣщиковъ на условіяхъ, которыя послѣднимъ только заблагоразсудятся. Крестьяне такимъ образомъ закабаливаются у помѣщиковъ, которые фактически заставляютъ ихъ работать на себя почти задаромъ. Тѣмъ временемъ условія эти все больше и больше ухудшаются. Истощенность почвы и бѣдность крестьянина сдѣлали то, что земля даетъ теперь послѣднему меньше того, что она давала ему поколѣніе тому назадъ, въ то время какъ цѣны на землю и арендная плата возросли больше, чѣмъ въ три раза. Ничего не дѣлая для улучшенія безнадежнаго положенія народа, правительство еще отягчаетъ его участь, отягчаетъ еще больше, чѣмъ помѣщики. Профессоръ Янсонъ показалъ, что въ теченіе многихъ лѣтъ непрерывно подати часто поглощали весь доходъ крестьянина съ его земли, а иногда были даже вдвое больше того. Правительству, конечно, не удается сполна выколачивать изъ крестьянъ такихъ непомѣрныхъ податей. Но зато податные чиновники донимаютъ крестьянъ, сторожатъ ихъ во время жатвы и забираютъ у нихъ все, что только находятъ возможнымъ. Облагая крестьянство такими податями, правительство, какъ мы это увидимъ ниже, имѣло въ виду замѣнить крѣпостную зависимость крестьянина отъ частнаго лица

крѣпостной же зависимостью отъ государства. Налоги и подати были такъ высоки, что поглощали у крестьянина не только все то, что ему давала земля, но также значительную часть его постороннихъ заработковъ.

Профессоръ Колумбійскаго университета Симховичъ на основаніи статистическихъ данныхъ по Новгородской губерніи вычислилъ, что крестьяне этой губерніи получаютъ отъ земледѣлія пищевыхъ продуктовъ на 3 милліона рублей меньше, чѣмъ имъ необходимо для поддержанія своего существованія, каковую сумму они должны добывать работой на сторонѣ; для покрытія недоимокъ они должны зарабатывать такую же сумму. И все, что у крестьянской семьи остается на всѣ расходы, на хозяйство, одежду и пр., послѣ всей работы на себя и другихъ, это лишь двѣнадцать съ половиной рублей. Результатомъ этой крайней бѣдности явилось то, что значительная часть крестьянства находится въ положеніи батраковъ. Такихъ теперь въ Россіи много милліоновъ. А что значитъ быть сельскимъ рабочимъ въ Россіи, можно легко судить по той платѣ, которую такой рабочій получаетъ. Полтавское земство сдѣлало по этому поводу одно изъ наиболѣе серьезныхъ и обстоятельныхъ изслѣдованій. Поденная плата сельскихъ рабочихъ—согласно статистическимъ даннымъ этого земства за періодъ отъ 1890 до 1900 г. — колебалась отъ двадцати двухъ до сорока копеекъ въ день. Средняя поденная плата равнялась тридцати тремъ копейкамъ въ день. Мѣсячная плата въ среднемъ была около шести рублей, и годовая около пятидесяти рублей.

Это еще не самое худшее въ положеніи сельскихъ рабочихъ въ Россіи. Мы должны принять во вниманіе вліяніе хорошихъ и плохихъ урожаевъ, а также времени года на высоту рабочей платы. Во время страды въ извѣстные годы поденная плата иногда повышается почти до одного рубля въ день, зато въ плохіе годы падаетъ до пятидесяти коп. Но мы однако должны взять въ разсчетъ длинный весенній и зимній сезонъ, когда поденная

плата часто падаетъ до двадцати пяти и даже до восемнадцати коп.

Въ распредѣленіи продуктовъ земледѣльческаго производства въ Россіи замѣчается вопіющее неравенство. Правительство и помѣщики присваиваютъ себѣ добрую половину продуктовъ крестьянскаго труда. Болѣе того, для того, чтобы сохранить за собой возможность обирать крестьянъ, правительство и помѣщики не даютъ имъ возможности увеличить свои доходы и развить земледѣліе. При свободныхъ политическихъ условіяхъ, какъ въ Америкѣ, и при владѣніи всей землей крестьянами Россія производила бы въ десять разъ больше того, что она производитъ въ настоящее время. И если-бы русскій народъ уже столѣтіе тому назадъ владѣлъ свободой и землей, то Россія стояла бы теперь передъ той же соціальной проблеммой, передъ которой въ настоящее время стоятъ Соединен. Штаты.

Россіи въ этомъ отношеніи посчастливилось меньше, чѣмъ другимъ государствамъ. Соціальное зло, отъ котораго она въ настоящее время страдаетъ, гораздо глубже, нежели въ другой какой либо странѣ; соціальная проблема, передъ которой она стоитъ, гораздо шире, и соответсвенно этому разрѣшеніе этой проблемы должно быть болѣе революціонно и сопровождаться болѣе глубокими измѣненіями, чѣмъ въ другихъ странахъ.

ГЛАВА V.

Крестьяне даютъ наказы.

Послѣ разгона Первой Думы для всѣхъ стало очевидно, что великая революція представляетъ собою нѣчто большее, чѣмъ борьбу противъ абсолютизма только. Правда, въ теченіи цѣлаго поколѣнія и даже больше велась въ Россіи сильная агитація и борьба за политическую свободу. Агитація эта завершилась всеобщей забастовкой, октябрьскимъ манифестомъ и Государственной Думой. Правда также, что вплоть до самаго разгона Первая Дума занималась больше политическими, нежели соціальными вопросами. Конституціонно-демократическое большинство всячески избѣгало обсужденія назрѣвшихъ общественныхъ вопросовъ. На ихъ партійномъ съѣздѣ аграрный вопросъ, напримѣръ, не былъ даже внесенъ въ программу ихъ партійнаго съѣзда; по поводу такого жгучаго вопроса они ограничились одной лишь резолюціей. А въ Думѣ кадеты совсѣмъ забыли про этотъ вопросъ. За нѣсколько дней до разгона Думы, когда подъ вліяніемъ аграрныхъ безпорядковъ и подъ непосредственнымъ давленіемъ крестьянскихъ депутатовъ конституціонные демократы вынуждены были, наконецъ, взяться за обсужденіе аграрнаго вопроса, который въ сущности лежалъ въ основѣ всего титаническаго возмущенія, они сразу покинули революціонную тактику, которой они неизмѣнно придерживались при обсужденіи политическихъ вопросовъ. Отъ политическаго революціонизма они перешли не къ соціальному революціонизму, а лишь къ соціальному реформизму. Они предложили

очень радикальныя мѣры: отчужденіе крупно-помѣщичьихъ имѣній и снабженіе крестьянъ землей по «справедливой оцѣнкѣ», ограниченіе земельнаго надѣла каждаго размѣрами «возможно близкими» къ «кормовой нормѣ», т. е. достаточными для того, чтобы крестьянинъ могъ кормиться на счетъ своей земли и былъ въ состояніи платить налоги. Устами извѣстнаго экономиста Герценштейна, члена ихъ же партіи, они отрицали возможность надѣлить крестьянъ землей свыше кормовой нормы, возможность «обезпечить работой весь народъ». Они отрицали возможность быстраго поднятія агрикультуры, такъ какъ крестьянинъ не будетъ владѣть достаточнымъ количествомъ земли, чтобы имѣть возможность скопить какой нибудь капиталъ. Въ то же самое время они говорили о святости и неприкосновенности частной собственности и утверждали, что они стоятъ не за соціальную революцію, но за соціальную реформу.

Но русская революція не есть лишь политическая борьба за освобожденіе отъ архаическихъ формъ правленія. Нѣтъ, она выражаетъ также стремленіе народныхъ массъ къ возрожденію. Старый порядокъ осужденъ: правительство, господствующее сословіе, господствовавшіе взгляды, религія, имущественныя отношенія, хозяйственные методы, господствующая общественная власть.

Подобно революціямъ, имѣвшимъ мѣсто во Франціи, Англіи и Соединен. Штатахъ, и русская революція добивается политическихъ и гражданскихъ свободъ для народа. Но не въ примѣръ упомянутымъ революціямъ, она выставляетъ на своемъ знамени и соціальныя права, экономическое равенство, право каждаго владѣть такимъ количествомъ земли, какое только онъ можетъ своимъ трудомъ обработывать, и право всего трудящагося народа на вѣчное владѣніе всей землею.

Первая Дума была разогнана не потому, что конституціонно-демократическое большинство ея рекомендовало революціонно-политическія мѣры и радикальныя рефор-

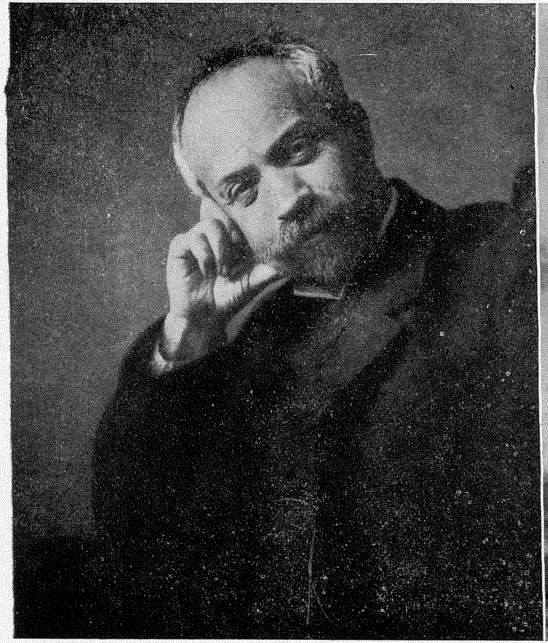
мы, а потому, что крестьянскіе депутаты дѣлали зловѣщія подготовленія къ соціальной революціи. Трудовая группа предложила не экспропріацію нѣкоторыхъ, но полное упраздненіе помѣстной собственности на землю вмѣстѣ съ системой земельной аренды и батрачества. Они требовали не временнаго только устраненія священнаго права частной собственности, но полнаго уничтоженія этого права, уничтоженія на всегда. Трудовая группа развивала тотъ взглядъ, что общество должно обезпечить работой всѣхъ желающихъ работать. Поэтому они и предложили надѣлить всякаго трудящагося крестьянина такимъ количествомъ земли, какое только онъ въ состояніи обрабатывать своими собственными руками, надѣлить его землей по возможности согласно «трудовой нормѣ».

Въ Россіи, кажется, не имѣется столько земли, чтобы хватило въ достаточной мѣрѣ для всѣхъ земледѣльцевъ. Но какъ разъ это и служитъ причиной тому, что земельный вопросъ сталъ въ Россіи соціальной проблемой. Если бы земли было достаточно, каждаго желающаго можно было бы надѣлить ею и предоставить ему бороться съ природой, какъ это практиковалось въ Соединен. Штатахъ. Каждый воздѣлывалъ бы столько земли, сколько способности и силы позволили бы ему. Существовала бы тогда конкурренція въ сбытѣ земледѣльческихъ продуктовъ, но не было бы мѣста для отчаянной и смертельной борьбы изъ-за самой земли. Русская сельско-хозяйственная промышленность столкнулась уже лицомъ къ лицу съ тѣмъ кризисомъ, предъ которымъ рано или поздно, если не окажется новаго запаса свободныхъ земель, должны очутиться всѣ другія страны. Послѣднія вынуждены будутъ тогда или обобществить собственность на землю или предоставить ее какъ монополію одному какому либо крупному или мелкому общественному классу.

Если въ Россіи — разсуждаютъ крестьяне — недостаточенъ запасъ земли даже по отчужденіи ея у помѣщиковъ, то почему же въ такомъ случаѣ разрѣшать

Центральная Рабочая
Библиотека
Моск. Губ. Сов. Проф. Союз.

Жатва



Богоразъ (Поэтъ Танъ)

В. Г. Короленко

отдѣльнымъ лицамъ пріобрѣтать огромные участки земли и этимъ еще больше сокращать этотъ запасъ? Никто не долженъ имѣть права владѣть землей на томъ только основаніи, что онъ ее купилъ, и даже его право собственности на эту землю должно быть ограничено не согласно кормовой нормѣ, какъ это предлагаетъ конституціонно-демократическая партія, но согласно трудовой нормѣ, т. е. согласно тому, сколько земледѣлецъ одинъ или въ кооперації съ другими можетъ обработать. Ибо, какъ говорилъ Аникинъ въ Думѣ: «крестьянамъ нужна земля не для продажи и заложенія ея, не для спекуляцій, не для того, чтобы сдавать ее и богатѣть, но для воздѣлыванія ее. Земля интересуетъ крестьянъ не какъ предметъ продажи или товаръ, но какъ средство для добыванія полезныхъ продуктовъ. Земля имъ нужна лишь для вспахиванія, и поэтому они не желаютъ частнаго владѣнія ею.»

Но для того, чтобы сохранить экономическое равенство, необходимо или періодическое ее передѣленіе, или же прогрессивный налогъ на лучшіе участки земли. Трудовая группа признаетъ и то, и другое. Тамъ, гдѣ цѣны на землю быстро повышаются, возросшая стоимость земли должна быть немедленно обложена въ интересахъ общины. Въ случаѣ значительнаго повышенія въ цѣнѣ, можно прибѣгнуть и къ передѣлу земли. Съ возрастаніемъ цѣнъ на предметы необходимости и соотвѣтствующимъ ростомъ кормовой нормы, каждый можетъ потребовать прирѣзка, а безземельный крестьянинъ всегда имѣетъ право требовать себѣ надѣла. Проблема безработицы должна быть разрѣшена правомъ каждаго рабочаго на участокъ земли.

Такъ какъ максимумъ и минимумъ земельнаго надѣла, который крестьяне предполагаютъ установить, будетъ совпадать одинъ съ другимъ — каждый, по ихъ мнѣнію, получаетъ лишь такой надѣлъ, какой онъ въ состояніи самъ воздѣлывать, — то очевидно, что ихъ цѣль ни больше ни меньше, какъ дѣйствительное экономическое равенство. Нѣкоторое колебаніе отъ средняго допускается согласно

индивидуальнымъ особенностямъ каждаго къ труду. Но амплитуда колебанія не должна быть широка. Безчисленное множество наказовъ, принятыхъ на сельскихъ сходахъ, съ точностью указываютъ, каково, по воззрѣнію крестьянъ, должно быть распредѣленіе земли. Крестьяне, сидящіе на землѣ худшаго качества, рекомендуютъ надѣлы въ размѣрахъ отъ пятидесяти шести до ста тридцати двухъ акровъ; тѣ же, которые живутъ на болѣе плодородной землѣ, рекомендуютъ предоставленіе каждому отъ двадцати четырехъ до шестидесяти шести акровъ, расчитывая при этомъ, что лучшій рабочій врядъ ли можетъ сработать въ три раза больше своего сосѣда. Это почти равенство: тутъ заключается признаніе того принципа, что никто не долженъ присваивать продукты труда другого человѣка.

Стомилліонное крестьянство прекрасно сознаетъ, что ему нужна не соціальная реформа, а соціальная революція и реальная политическая власть въ странѣ. Крестьяне понимаютъ, что безвластная Дума врядъ ли будетъ въ состояніи осуществить то, къ чему они стремились въ теченіе послѣдняго полустолѣтія. Въ наказахъ, которые крестьяне въ десяткахъ тысячъ посылали своимъ депутатамъ въ Думѣ, сквозитъ мысль о возможномъ отчаянномъ столкновеніи съ правительствомъ. «Боритесь вы, братцы, боритесь до рѣшительнаго конца—говорилось въ одномъ наказѣ.—Идите безстрашно впередъ за народное дѣло. Милліоны до смерти изнуренныхъ и истерзанныхъ крестьянъ обращаютъ свои взоры на васъ и ждутъ. До тѣхъ поръ, пока вы стоите за насъ, мы постоимъ за васъ.» Крестянскіе депутаты послушались. Въ Думѣ они жестоко обличали правительство и его дѣянія. Послѣ разгона Думы они звали народъ къ вооруженному возстанію. Они не сложили оружія, и лишь тюрьма да эшафотъ положили конецъ ихъ борьбѣ. И крестьяне, какъ могли, также сдержали свое слово: они часто жертвовали своею жизнью и свободой, чтобы только спасти своихъ депутатовъ отъ ареста.

Другой наказъ ясно говоритъ о стремленіи крестьянъ къ дѣйствительному и конкретному соціальному равенству. «Нѣсколько десятковъ тысячъ владѣютъ землей и живутъ въ роскоши—говорится въ этомъ наказѣ—въ то время, какъ десятки милліоновъ должны жить впроголодь и работать для нихъ всю свою жизнь.

«Мы, люди, всѣ равны и братья. Мы должны пользоваться одинаково тѣмъ, что создано творцомъ. А потому мы рѣшили просить Думу, чтобы она конфисковала всю землю, и чтобы государство взяло ее въ свое вѣдѣніе и позволило бы пользоваться землей только тѣмъ, которые своими собственными руками будутъ ее обрабатывать. Мы возлагаемъ всѣ надежды на представителей, которыхъ мы избрали, мы надѣемся, что они сдѣлаютъ все возможное для того, чтобы избавить насъ отъ всякаго рода напастей и отъ казаковъ. Мы же съ своей стороны обѣщаемъ сдѣлать все, что только отъ насъ Дума потребуетъ.»

Слѣдующій «наказъ», присланный изъ одной деревни Самарской губерніи, самый типичный по своему содержанію:

«Мы собрались здѣсь, чтобы писать вамъ, и послѣ обсужденія мы пришли къ заключенію, что голодъ, несчастія и невѣжество русскаго народа, позорная война съ Японіей, неслыханныя бѣдствія, постоянныя возмущенія происходятъ отъ того, что лучшія земли принадлежатъ господамъ, помѣщикамъ, царю, казнѣ и монастырямъ. Противъ нашей собственной воли мы вынуждены арендовывать эти земли и платить за нихъ ежегодно по тридцать рублей за десятину.

«До сихъ поръ намъ не позволяли даже думать о нашихъ правахъ. Господа забирали нашу собственность, вдоволь надсмѣхались надъ нами, и съ назначеніемъ земскихъ начальниковъ мы окончательно попали въ руки господъ чиновниковъ. Мы не можемъ сдѣлать шага безъ разрѣшенія маленькаго деспота (земскаго начальника). Наши личныя и общинныя, семейныя и имущественныя дѣла должны быть предоставлены на ихъ усмотрѣніе.

Нѣкоторые изъ нихъ часто говорятъ, что они должны быть для насъ «Богомъ и Царемъ».

«Мы поэтому думаемъ, что всѣ недуги нашей бѣдной страны происходятъ отъ того, что мы находимся во власти небольшой кучки господъ, богатыхъ людей и бюрократовъ. Мы уже достаточно натерпѣлись. Нашему терпѣнію пришелъ уже конецъ и мы шлемъ нашему депутату Шувалову наказъ, чтобы онъ требовалъ въ Думѣ:

«1. Права посылать въ Думу, какъ нашихъ представителей, людей, которыхъ мы почитаемъ и убѣжденія которыхъ намъ извѣстны. Эти представители должны обладать конституціонной властію. Они должны быть избираемы прямымъ, общимъ, равнымъ и тайнымъ голосованіемъ;

«2. Конфискаціи удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ и частныхъ земель и передачи ихъ въ руки всего народа на условіяхъ, что каждый гражданинъ можетъ пользоваться ею, если только онъ будетъ обработывать ее своими собственными руками, съ помощью его семьи или сообща съ другими.»

Наказъ этотъ требовалъ еще возвращенія помѣщиками въ государственную казну всѣхъ денегъ, уплаченныхъ уже крестьянами за ихъ землю, замѣны пошлинъ и акцизныхъ сборовъ прогрессивнымъ подоходнымъ налогомъ, общей амнистіи всѣмъ политическимъ заключеннымъ и сосланнымъ, отмѣны смертной казни, избиранія мѣстной администраціи, обязательнаго школьнаго обученія и осуществленія всѣхъ свободъ, обѣщанныхъ въ манифестѣ 17-го октября.

Такимъ образомъ, наравнѣ съ обобществленіемъ земли, русскій простой народъ настаиваетъ на многихъ другихъ революціонныхъ требованіяхъ: признаніи драгоцѣнности и святости человѣческой жизни и отмѣнѣ смертной казни; постепенномъ уравненіи собственности посредствомъ постепеннаго подоходнаго налога; наиболѣе демократическомъ представительномъ правленіи, одной полновластной палаты съ законодательными, судебными и исполни-

тельными правами, избранной по примѣру англійскаго парламента прямымъ, равнымъ, общимъ и тайнымъ голосованіемъ. Каждая изъ этихъ демократическихъ мѣръ была уже то здѣсь, то тамъ испытана и осуществлена, но, къ нашему вѣчному стыду и позору, ни одна изъ нихъ не уцѣлѣла въ Соединен. Штатахъ. Русскіе превозошли насъ въ своихъ политическихъ требованіяхъ. Они дѣлаютъ героическую революціонную попытку добиться такого демократизма и свободъ, которые остаются еще благими лишь пожеланіями у американцевъ.

Тѣ люди, которымъ крестьяне довѣряютъ и къ которымъ они направляютъ свои наказы и своихъ ходоковъ, революціонеры. Они сдѣлали все, что было возможно сдѣлать въ царской Думѣ. Пока Дума засѣдала, они настаивали на мирномъ переворотѣ и требовали немедленнаго созыва учредительнаго собранія, учрежденія избранныхъ народомъ мѣстныхъ комитетовъ, которые потомъ давали бы свои отчеты о земельномъ вопросѣ учредительному собранію. Когда Дума была разогнана, крестьянскіе депутаты открыто взывали къ революціи, обвиняли правительство въ измѣнѣ, призывали армію къ возмущенію, предлагали населенію игнорировать распоряженія чиновниковъ и поощряли крестьянъ къ захвату земли.

Крестьянскіе депутаты были также соціалистами. Они держали себя независимо отъ формулированныхъ партійныхъ программъ, какъ истинные демократы, увѣренные, что сами крестьяне направятъ страну на путь соціализма. Программа, которую они внесли въ Думу, была не ихъ собственная, но за годъ до этого выработанная Крестьянскимъ Союзомъ и до созыва Думы одобренная въ тысячахъ селъ и деревень.

Требованіе Крестьянскаго Союза и населенія двадцати тысячъ деревень, и требованіе трудовой группы выросли изъ стараго требованія «земли и воли» въ боевой кличъ соціальной революціи: «народу вся власть и вся земля».

ГЛАВА VI.

Какъ крестьянинъ сдѣлался революціонеромъ.

«Было время, когда въ царѣ мы видѣли земного Бога и величайшаго изъ всѣхъ благодѣтелей. Теперь же газеты открыли намъ, простому народу, глаза. Мы теперь видимъ, что онъ лишь богатѣйшій изъ помѣщиковъ и первѣйшій кровопіецъ. Настанетъ когда-нибудь день расплаты за кровь, которую онъ пьетъ.»

Эта рѣчь можетъ служить типичнымъ образцомъ того, какъ разсуждали крестьяне, потерявшіе вѣру въ царя послѣ разгона имъ Первой Думы. Эта рѣчь была произнесена въ моемъ присутствіи въ одной изъ приволжскихъ деревень предъ случайнымъ сборищемъ крестьянъ. Послѣдніе просили меня записать эти слова и послать ихъ въ Америку, чтобы показать, что простой русскій народъ думаетъ о царѣ. Русское правительство сидитъ на спящемъ вулканѣ народной ненависти. Настоящая революція стомилліоннаго крестьянства еще впереди. Когда она грянетъ, то она совершенно затмитъ французскую революцію. Ибо силы, каторыя придется одолѣть русскому народу, гораздо крупнѣе и несравненно лучше организованы, нежели прогнившій феодализмъ, который французская революція имѣла побѣдить.

Каковы шансы этой непостижимой по грандіозности революціи? На первый взглядъ перспективы кажутся далеко не отрадными. Народъ какъ будто-бы опустилъ руки въ отчаяніи. Средніе классы возлагаютъ свои надежды на игру въ Думу. Ихъ послѣдней картой было пассивное противодѣйствіе, которое должно было выра-

зиться въ неплатежѣ налоговъ, въ отказѣ давать рекрутовъ и дискредитировать платежеспособность русскаго правительства передъ Европой.

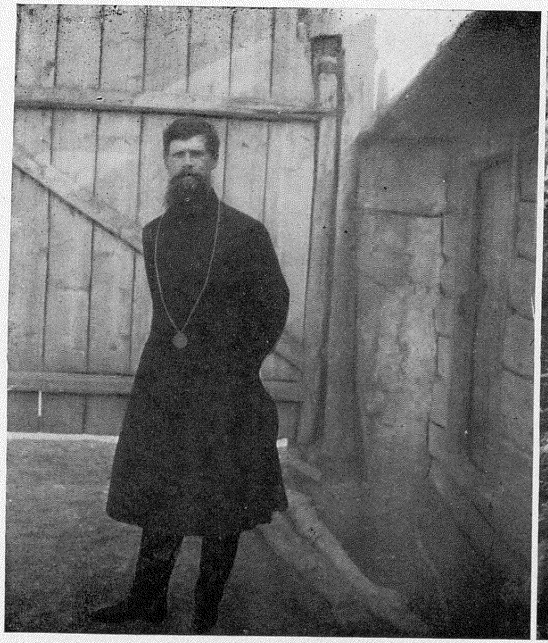
Но послѣ того, какъ пассивное противодѣйствіе оказалось непригоднымъ средствомъ противъ активнаго деспотизма, оно было оставлено прежде всего самой партіей, предложившей его. Дискредитированіе правительства отозвалось незначительнымъ лишь паденіемъ курса на русскія бумаги. Конституціоналистамъ—демократамъ — сторонникамъ упомянутыхъ мѣръ, удалось предупредить распаденіе ихъ партіи, но они были безсильны предупредить массовое бѣгство изъ ея рядовъ. Въ провинціи, куда явственнѣе доносятся, точно глухіе раскаты грома, голоса придушеннаго и придавленнаго крестьянства, происходитъ безпокойное исканіе новыхъ партій и новыхъ средствъ, которыя соотвѣтствовали бы размѣрамъ растущаго возмущенія. Рабочіе врядъ ли находятся въ лучшемъ положеніи, чѣмъ средніе классы городского населенія. Блестящая по своему успѣху октябрьская забастовка дала манифестъ; но повидимому этотъ результатъ слѣдуетъ приписать тому, что царь былъ захваченъ въ расплохъ. Прежде всѣхъ это поняли рабочіе. Слѣдующая всеобщая забастовка должна была повести къ вооруженному возстанію. Въ этомъ духѣ высказался Петербургскій Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, нѣсколько дней спустя послѣ забастовки. Забастовка—возстаніе разразилась однако гораздо раньше, нежели она предполагалась, прежде, чѣмъ этотъ революціонный Совѣтъ успѣлъ сдѣлать нужныя къ ней приготовленія.

Московскія баррикады нашли откликъ въ дюжинѣ другихъ значительныхъ промышленныхъ центрахъ. Но правительство оказалось на этотъ разъ подготовленнымъ, какъ на случай стачки, такъ и на случай вооруженнаго возстанія. Въ нѣсколько недѣль отъ баррикадъ и слѣда не осталось, вожди были брошены въ тюрьму или разстрѣляны, и желѣзнодорожные служащіе подъ страхомъ

немедленнаго разстрѣла были вынуждены исполнять свою работу.

Это было послѣднее конвульсивное усиліе революціоннаго пролетаріата. Со времени баррикадной борьбы массы городского населенія напрасно мечтали о возобновленіи вооруженныхъ выступленій. Революціонеры стали проектировать возстаніе солдатъ и рабочихъ—бунтарскую стачку. Два непреодолимыхъ препятствія стояли на пути къ осуществленію новыхъ замысловъ. Солдаты-рабочіе, большею частью изъ артиллеріи, а также саперы теперь были готовы умереть за общее дѣло, и въ дѣйствительности сотни ихъ погибли въ Свеаборгѣ и Кронштадтѣ; но солдаты-крестьяне остались вѣрными царю. Желѣзнодорожный Союзъ былъ готовъ объявить забастовку, но, не увѣренный въ полномъ успѣхѣ, онъ не рѣшалася рискнуть. Съѣздъ Союза пришелъ къ единодушному заключенію, что для обезпеченія успѣха стачки одно только прекращеніе работы недостаточно, а должно еще сопровождаться разрушеніемъ желѣзнодорожнаго полотна, мостовъ и телеграфныхъ линій. Правительство объявило, что желѣзнодорожная забастовка будетъ считаться бунтомъ и что со стачечниками будутъ расправляться, какъ съ государственными измѣнниками. Въ отвѣтъ на такое оффиціальное «военное положеніе» Союзъ предложилъ также объявить войну. Но для такой войны недостаточно однихъ желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ; они должны быть поддержанны населеніемъ, живущимъ вблизи желѣзнодорожныхъ линій, населеніе должно быть готово при случаѣ не только скрывать разсѣянныхъ и безъ поддержки его совершенно безпомощныхъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, но и активно участвовать въ изолированіи и разъединеніи правительственныхъ силъ, что возможно лишь тогда, когда крестьяне сами возстанутъ. Желѣзнодорожный Союзъ рѣшилъ обождать.

Такимъ образомъ всѣ пути, по которымъ вступала какъ «легальная» опозиція, такъ и нелегальная революція

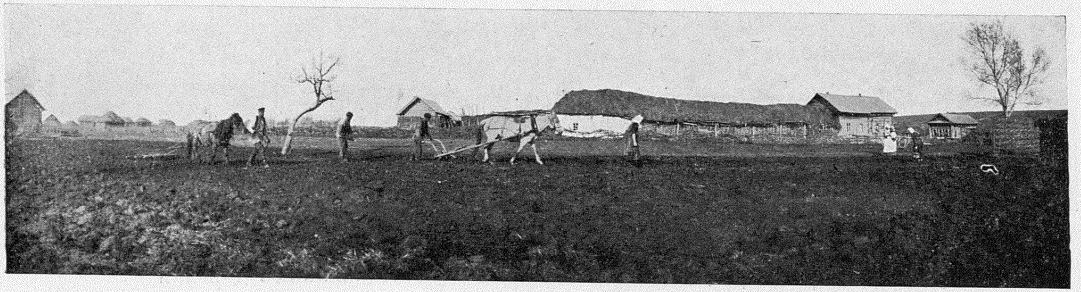


Деревенскій мудрецъ,
о которомъ Л. Н. Толстой говорилъ, что онъ лучше освѣдомленъ о положеніи страны, чѣмъ Дума и Правительство

Избранникъ деревни
Типъ старосты, котораго правительство тщетно старается превратить въ деревенскаго деспота

Центральная Рабочая Библиотека
Моск. Губ. Сов. Проф. Союз

Деревенская улица



Общественныя работы въ деревнѣ

въ концѣ концовъ привели къ крестьянину. Отказъ платить налоги и давать рекрутовъ, отказъ стрѣлять въ возмутившихся рабочихъ, разрушеніе желѣзнодорожныхъ путей, — все можетъ быть исполнено лишь крестьянами. Что же отвѣтили на это послѣдніе? Мы знаемъ, какъ они поступили во время первыхъ двухъ Думъ: они послали туда наиболѣе радикальныхъ и смѣлыхъ представителей. Мы знаемъ, какъ они въ двадцати тысячахъ наказовъ выражали свою солидарность со своими представителями и творителями ихъ воли. Что же они намѣрены были предпринять теперь, когда ихъ Дума была упразднена, когда ихъ лишили послѣдней возможности свободно обсуждать съ Думской платформы ихъ судьбы и нужды, когда всѣ классы общества обратили на нихъ свои взоры и ждали отъ нихъ рѣшительныхъ дѣйствій? Какъ отнеслись крестьяне къ разгону Первой Думы? Столичнымъ газетамъ воспрещено было касаться этого вопроса. Но провинціальныя газеты правительству труднѣе было угомонить; вкусивши отъ свободы печати въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, онѣ продолжали предаваться непреодолимому влеченію свободно выражаться даже тогда, когда свободѣ этой наступилъ конецъ. И изъ этихъ газетъ видно было, что во многихъ мѣстахъ крестьянство, вопреки духовенству и полиціи, продолжало открыто обсуждать свои экономическія и политическія нужды какъ и до разгона Думы. Я объѣхалъ нѣкоторые губернскіе и уѣздные города, чтобы убѣдиться въ достовѣрности этихъ извѣстій. Я всюду нашелъ, что крестьяне знакомы съ главными задачами революціи. Привыкшіе къ правительственному произволу, крестьяне, вообще мало надежды возлагавшіе на Думу, оказалось, были мало поражены и мало унывали при разгонѣ ея. Давно ненавидя правительство, они теперь стали ненавидѣть царя. Потерявъ давно уваженіе къ правительственной церкви, они теперь повели активную борьбу противъ послѣдней. Изложивъ свои нужды и чаянія предъ Думой и видя презри-

тельное отношеніе къ нимъ, видя, что избранные ими депутаты брошены въ тюрьму, они теперь вполнѣ сознали, что получатъ отъ правительства лишь то, что они сами смогутъ взять.

«Когда Гапонъ съ рабочими пошелъ съ петиціей къ царю, министры назвали ихъ бунтовщиками»—сказалъ крестьянинъ, рѣчь котораго я привелъ въ самомъ началѣ этой главы.—«Тогда мы повѣрили этому. Когда Дума засѣдала, министры выступили противъ народа, и мы поняли, что они наши враги. Но теперь, когда Дума разогнана, мы убѣдились, что царь за одно съ министрами. Теперь мы знаемъ, что царь также нашъ врагъ и что необходимо свергнуть все правительство. И крестьяне готовы это сдѣлать.» Таково въ дѣйствительности мнѣніе многихъ крестьянъ. Кровавая бойня 9-го января 1905 г. вытравила послѣдніе слѣды лояльности пролетарскихъ массъ и гражданъ. Грубый разгонъ Первой Думы и упраздненіе Второй—покончили съ послѣдними иллюзіями и надеждами крестьянства. Вечеромъ 9-го января Витте со слезами въ глазахъ жаловался посѣтившему его другу, что послѣдняя надежда націи была уничтожена, вѣра народа въ царя. Тогда это было вѣрно по отношенію къ населенію городовъ; теперь это вѣрно по отношенію всего народа, какъ деревни, такъ и города. Прислушайтесь къ голосу другой деревни. Небольшая группа крестьянъ объясняла мнѣ мнѣніе и настроеніе деревни, и вокругъ нихъ скоро собралась вся деревня, старъ и младъ, возвращавшіеся съ полевыхъ работъ, женщины и дѣти. Многіе говорили сразу, но крестьяне знаютъ какъ сговориться,—этому они научились на своихъ сходахъ. Изъ общаго говора ясно выдѣлилась слѣдующая общая рѣчь:

«Мы не надѣялись, что Дума поможетъ намъ. Но теперь мы видимъ, что она создана для богатыхъ, а не для бѣдныхъ. Намъ еще давно говорили, что Дума чистый обманъ, придуманный лишь для того, чтобы насъ водить за носъ. Мы узнали о разгонѣ Думы нѣсколько дней

спустя, но мы не слышали, когда читали царскій манифестъ въ церкви. Мы не ходимъ въ церковь, потому что, когда мы слышимъ, какъ попъ молится за правительство и царя, то это все равно, какъ если бы кто нибудь повернулъ ножъ въ нашихъ животахъ.»

«Мы повѣрили также октябрьскому манифесту, а черезъ три дня царь уже взялъ его обратно. Теперь мы всѣ видимъ, что ожидать намъ больше нечего. Мы достаточно выносили помѣщиковъ на нашихъ плечахъ. Лучше умереть за правое дѣло. Если другія деревни подымутся, мы не отстанемъ.»

«Вѣрите ли вы въ царя?» предложилъ я вопросъ.

«Мы вѣрили въ него, какъ въ Бога,—отвѣтили они протестующимъ голосомъ,—но намъ теперь открыли глаза. Теперь мы знаемъ, что не министры, а самъ царь всему виною.»

Деревни, о которыхъ тутъ идетъ рѣчь, расположены въ среднемъ и нижнемъ Поволожьи. Выше, ближе къ источнику рѣки, среди сѣверныхъ лѣсовъ, которые теряются въ тундрахъ близь Ледовитаго океана и въ которыхъ бродятъ олени, я посѣтилъ еще одно село. Въ чайной собрались солидные, крѣпкосложенные, съ правильными чертами лица мужики для заключенія сдѣлки, относительно поставки сѣна, съ ихъ другомъ земскимъ агрономомъ, который и привезъ меня съ собой. Они тоже были единодушны въ своихъ взглядахъ. Они охотно бойкотировали бы налоги и отказались бы давать рекрутовъ, если бы только такой бойкотъ былъ возможенъ. Но деревня не можетъ противостоять ротѣ казаковъ; къ тому еще большинство налоговъ были косвенные налоги, которые не могутъ быть поэтому бойкотированы. Они прекрасно знали о существованіи пошлинъ на бумажныя матеріи и чай и объ акцизныхъ налогахъ на керосинъ, спиртъ, сахаръ и водку, за которые имъ приходится платить въ три дорога. Они имѣли опредѣленное мнѣніе о Думѣ и сознавали безполезность ея. Слѣдующая Дума должна быть

учредительнымъ собраніемъ, и за такую Думу они готовы положить свои животы. Учредительное собраніе, по ихъ мнѣнію, это Дума, которая будетъ назначать всѣхъ министровъ и чиновниковъ. Дума должна быть полновластной, и никому (даже царю) не должно быть дано право вмѣшиваться въ ея дѣйствія. Пока пожилые крестьяне такъ разсуждали, молодые какъ бы въ акомпаниментъ имъ пѣли на улицѣ около чайной пламенно революціонные куплеты крестьянской «марсельезы».

Не смотря на то, что сотни тоннъ брошюрной и газетной литературы конфискуются и уничтожаются и до сихъ поръ полиціей, эта литература не миновала безслѣдно ни одной русской деревни. Какъ я уже указывалъ, апетитъ крестьянской интеллигенціи къ литературѣ возросъ до невѣроятности. Крестьяне просятъ газетъ у проѣзжающихъ, они посылаютъ въ городъ за духовной пищей къ студентамъ, проводятъ ночи въ амбарахъ и лѣсахъ за чтеніемъ о французской революціи или за слушаніемъ изложенія не оффиціальной русской исторіи, они всегда и неизмѣнно просили отъ насъ газетъ, и я часто поражался ихъ начитанностью. Часто они вытаскивали при мнѣ изъ кармана самыя революціонныя прокламаціи и предлагали мнѣ чрезвычайно разумные вопросы о положеніи вещей въ Соединенныхъ Штатахъ.

Почти всѣ крестьяне, которыхъ я встрѣчалъ на протяженіи двухъ тысячъ миль моего путешествія по Волгѣ, читали прекрасную еженедѣльную газету, издающуюся въ Казани и спеціально для крестьянъ—«Казанскій Вѣстникъ».

Черносотенныя газеты, поддерживаемыя правительственными субсидіями или щедрыми подачками высокопоставленныхъ бюрократовъ, генераловъ и помѣщиковъ, тщательно скрывающія все происходившее въ странѣ, не въ состояніи привлечь вниманіе крестьянъ. Въ одной лишь деревнѣ я нашелъ нѣсколько экземпляровъ реакціонныхъ органовъ, разсылаемыхъ безплатно по всей

странѣ. Органы эти были не только вульгарны и лживы, но поражали отсутствіемъ какой-либо умной мысли и логичности въ сужденіяхъ о крестьянахъ. Голодающимъ крестьянамъ, которыхъ, къ слову сказать, въ 1906—7 гг. насчитывалось цѣлыхъ тридцать милліоновъ,—эти черносотенныя газеты говорили, напримѣръ, что извѣстія о голодѣ были возмутительно преувеличены и что если они страдаютъ, такъ виною этому ихъ собственная лѣнь и пьянство.

«Безъ земскихъ начальниковъ, полиціи и другихъ благодѣтелей—говорится въ одной изъ характерныхъ для черносотенныхъ газетъ статей—крестьяне погибли бы, какъ стадо безъ пастуха.» Ненависть крестьянъ къ этимъ самымъ чиновникамъ и полиціи слишкомъ ужъ сильна, чтобы можно было выразить ее словами. Извѣстны многочисленные случаи, когда и гдѣ эти «пастухи» забивали своихъ «овецъ» до смерти или же калѣчили ихъ на всю жизнь. Въ городѣ Тамбовѣ осенью 1905 г. были захвачены около пятидесяти крестьянъ на мѣстѣ преступленія въ то время, когда они открыто увозили помѣщичій хлѣбъ,—какъ крестьяне это дѣлали въ то время въ тысячахъ другихъ деревень. Полицейскіе «пастыри» немедленно перевязали крестьянъ, заткнули имъ рты и заперли ихъ въ тотъ самый амбаръ, откуда тѣ начали было вывозить хлѣбъ. Арестованныхъ заставили лежать нѣсколько дней на одномъ боку, и при всякой попыткѣ повернуться на другой—ихъ избивали. Ихъ «допрашивали» по одиночкѣ, и каждаго истязали такъ, чтобы другіе слышали его крики. Шестнадцать изъ нихъ были такимъ образомъ медленно убиты до смерти. Каждая деревня видѣла или знала о подобныхъ случаяхъ насилія властей. Какое же послѣ этого вліяніе можетъ имѣть газета, которая считаетъ этихъ звѣроподобныхъ людей «пастырями» крестьянскаго стада?

За послѣдніе два съ половиною года въ деревнѣ прочитано было больше книгъ, обсуждалось больше

вопросовъ, нежели за всѣ предшествовавшія сорокъ шесть лѣтъ. Крестьяне, стало быть, освѣдомлены объ общемъ положеніи дѣлъ, и знаютъ также, какихъ знаній имъ еще недостаетъ.

Они многое обсуждали на своихъ сходахъ, и часто населеніе нѣсколькихъ деревень сходилось гдѣ-нибудь въ лѣсу для обсужденія разныхъ вопросовъ. Часто устраивались тайные съѣзды, на которыхъ были представлены десятки, сотни и даже тысячи деревень. Всѣ эти чтенія, дискуссіи и организаціи, какъ бы несовершенны они ни были, все же таки приносятъ свои плоды.

Мысль о крестьянскомъ союзѣ и крестьянской партіи, мысль объ абсолютной необходимости общей всероссійской организаціи крестьянъ укрѣпилась въ умахъ крестьянскихъ массъ. Укрѣпилось въ нихъ и сознаніе того, что народная Дума не по душѣ правительству и царю, а потому и была разогнана. Крестьяне вполнѣ также понимаютъ и поддерживаютъ требованіе созыва учредительнаго собранія, и глубоко убѣждены въ томъ, что вся земля должна принадлежать всему народу, что не должно быть допущено ни теперь, ни въ будущемъ, существованіе класса помѣщиковъ. Огромное большинство крестьянъ сходится въ своей оцѣнкѣ путей и средствъ, съ помощью которыхъ народъ можетъ добиться власти и земли. Они сами и ихъ представители — которые, кстати сказать, задолго еще до возникновенія конституціонно-демократической партіи совѣтовали народу оказывать пассивное сопротивленіе, не давать рекрутовъ, не платить податей, дискредитировать правительство въ глазахъ внѣшнихъ кредиторовъ—поняли также раньше другихъ, что этими мѣрами не принудить правительство къ уступкамъ. Больше того, крестьяне сознали, что мѣры, предлагаемыя ихъ собственными представителями, практически неосуществимы въ настоящій моментъ. Послѣ разгона Первой Думы крестьянскіе депутаты не только объявили правительство незаконнымъ и въ войнѣ съ народомъ, но они порвали

всякія мирныя съ нимъ отношенія. Они покинули фабіянскую тактику крестьянскаго союза и присоединились къ соціалистическимъ партіямъ въ призывѣ къ возмущенію и вооруженному возстанію раньше, чѣмъ армія была готова взбунтоваться, а крестьянство возстать.

Ну, такъ какъ-же отнеслась деревня къ поведенію своихъ представителей? Деревня читала воззваніе трудовой группы и отъ души соглашалась какъ съ тѣмъ, что правительство беззаконно, такъ и съ тѣмъ, что оно должно быть низвергнуто. Что же касается призыва къ вооруженному возстанію, то она отнеслась къ нему, какъ отнеслась къ кадетскому призыву о пассивномъ сопротивленіи: она сочла его непрактичнымъ и перешла къ порядку дня—къ испытанной и развитой уже тактикѣ крестьянскаго союза.

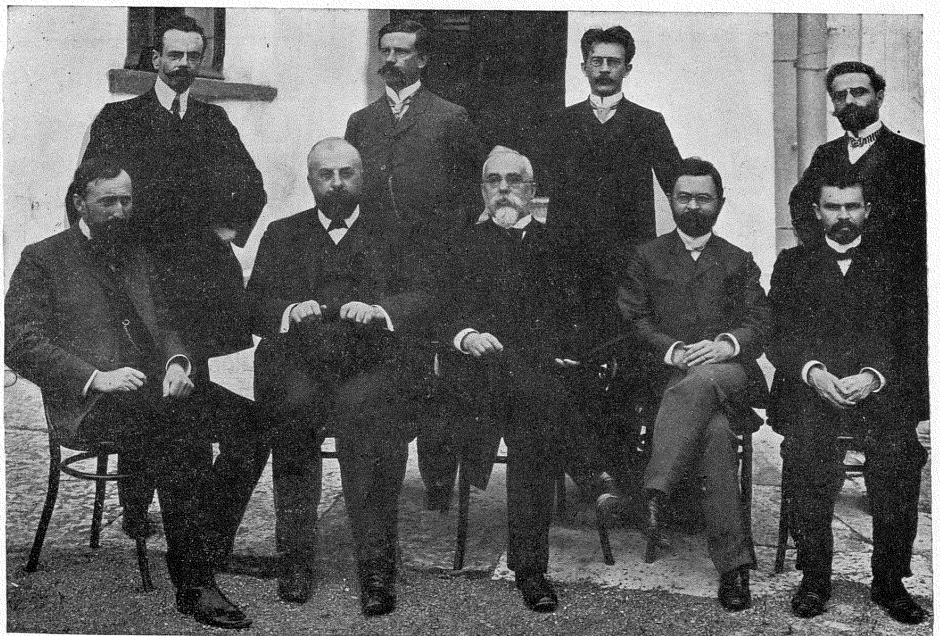
Вотъ программа крестьянъ: очевидно, что правительства нельзя еще ни забаллотировать, ни заморить голодомъ, ни внезапно свергнуть. Но его можно будетъ постепенно обезсилить и довести до полной растерянности. Постепенно слѣдуетъ отрѣзать всѣ источники его существованія, распропагандировать армію; выборами можно будетъ воспользоваться для агитаціи и безпорядковъ, помѣщиковъ, единственный классъ поддерживающій правительство, слѣдуетъ выморить, ихъ дома и хлѣба могутъ быть сожжены и они сами буквально прогнаны съ ихъ земли; жизнь сельской администраціи, чиновниковъ, поповъ и полиціи можно будетъ сдѣлать невыносимой—если будетъ необходимо, то лишить ихъ имущества и жизни. Правительственное имущество можетъ быть разгромлено, а чиновники убиты. Въ случаѣ успѣха партизанскихъ выступленій и борьбы, какъ на Кавказѣ и въ Прибалтійскихъ провинціяхъ, слѣдуетъ организовать партизанскіе отряды, снабжать ихъ пищей и деньгами, а въ подходящій моментъ мосты и желѣзныя дороги могутъ быть разрушены. Принудительная же служба солдатъ изъ крестьянъ противъ ихъ же родственниковъ и друзей можетъ по-

вести къ быстрому возмущенію и къ переходу большинства арміи на сторону борющагося народа. Что эта программа выполнима, видно изъ того факта, что всѣ детали ея осуществлялись уже на практикѣ. Всеобщее, одновременное, вооруженное возстаніе, можетъ быть, никогда не удастся поднять. Но между вооруженнымъ возстаніемъ и робкой покорностью предъ такими «легальными» реформами, которыя могутъ быть даны правительствомъ, руки котораго обагрены народной кровью,—есть много степеней возмущенія.

Тайная революція и партизанская война могутъ быть продолжительны и обойтись очень дорого, но зато захватываютъ самые рѣшительные элементы и ведутъ часто къ рѣшительнымъ результатамъ. Россія можетъ еще пережить то, что Германія пережила во время тридцати лѣтней войны. Она еще не перенесла и десятой доли тѣхъ жертвъ, которыя перенесли мы, за чуждую намъ расу, во время междоусобной войны. Но факты на лицо, факты, показывающіе, что несмотря на то, что весь капиталистическій міръ снабжаетъ царя золотомъ, Россія идетъ по пути децентрализованнаго, общаго и революціоннаго разоруженія правительства и уничтоженія царизма.

Центральная Рабочая
Библиотека
Моск. Губ. Сов. Проф. Союз.

Типы малороссійскихъ крестьянъ



Группа лидеровъ партіи к.-д.

Посрединѣ Муромцевъ, по правой сторонѣ его Кн. Долгорукій

ГЛАВА VII.

Деревня противъ царя—настроеніе умовъ.

Тяготѣющая надъ Россіей возможность дорого стоющей, кровопролитной и ужасной революціи всей массы народной, является теперь движущей силой политической жизни въ странѣ. Всенародное возстаніе, какъ послѣднее средство, единственная теперь цѣль всѣхъ революціонныхъ партій. Даже правительство сознательно готовится ко всенародному возстанію. Послѣднее является тѣмъ единственнымъ дѣйствительнымъ аргументомъ, которымъ страна можетъ когда либо воздѣйствовать на царизмъ. Когда произойдетъ возстаніе—въ этомъ ли году, или въ слѣдующемъ, или же никогда—въ сущности, не важно. Важно, что революція—грозящая возможность, даже вѣроятность. Чтобы понять шансы революціи, мотивы революціонеровъ, весь внутренній смыслъ правительственной политики, мы должны, вмѣстѣ со всѣми хорошо освѣдомленными русскими людьми, помнить, что это массовое движеніе. При настоящемъ положеніи вещей, массоваго движенія можно ожидать въ любой моментъ. Мы должны также знать, что предпринимаетъ правительство и на что еще оно можетъ рѣшиться, чтобы воспрепятствовать такому массовому движенію; также—какія достоинства таятся въ народѣ и какіе элементы въ общей ситуаціи даютъ революціонерамъ ту замѣчательную вѣру въ народъ, которая воодушевляетъ ихъ на подвиги.

Правительство прилагаетъ всевозможныя усилія, чтобы уберечь крестьянъ отъ революціонной заразы. Это и есть ключъ къ пониманію всей правительственной

политики съ тѣхъ поръ, какъ Витте очутился у власти. Графъ Витте,—какъ онъ признался въ моемъ присутствіи —надялся, что Первая Дума—въ большинствѣ крестьянская—будетъ состоять изъ антисемитовъ; т. е. онъ въ дѣйствительности разсчитывалъ, что въ отвѣтъ на царскій призывъ крестьяне пошлютъ въ Думу крайнихъ реакціонеровъ. Въ этой ошибочной вѣрѣ и лежитъ вся причина созыва Первой Думы, которая неожиданно для правительства оказалась столь враждебной ему. Правительство ожидало, что большинство Думы будетъ состоять изъ реакціоннаго крестьянства, которое нанесетъ ударъ революціонизму, земству, интеллигенціи и рабочимъ. Но вмѣсто того, чтобы послать реакціонеровъ, крестьянство послало такихъ людей, какъ Аладьинъ и ему подобныхъ. Эти люди послѣ разгона Думы не замедлили обратиться къ крестьянству съ призывомъ возстать противъ правительства, которое «предало» его, «измѣнило» ему и потеряло поэтому всякій авторитетъ, всѣ притязанія на послушаніе народа.

Не только созывъ представительнаго собранія, но всѣ другія правительственныя реформы съ осени 1905 г. вмѣстѣ съ безчисленными лживыми обѣщаніями реформъ вызывались и давались правительствомъ лишь подъ давленіемъ растущаго среди крестьянъ недовольства. Возьмите, напримѣръ, такъ назыв. «свободу совѣсти». Немедленно послѣ октябрьскаго манифеста разспространенной сектѣ раскольниковъ, или «старовѣровъ», была дана религіозная свобода, въ то время какъ для евреевъ и другихъ народностей это обѣщаніе осталось мертвой буквой. Почему старовѣрамъ было оказано такое предпочтеніе? Потому что среди нихъ насчитывается около пятнадцати или двадцати милліоновъ крестьянъ. Затѣмъ обратите вниманіе на единственную важную реформу въ налоговой системѣ. Еще за много недѣль до назначенія Витте премьеромъ, крестьяне были освобождены отъ прямыхъ налоговъ на землю въ общемъ на сумму въ тридцать пять милліоновъ

рублей, а въ 1906 г. правительство скинуло съ крестьянъ такую же сумму. А возмѣщеніе этого убытка казнѣ правительство возложило на все населеніе страны тѣмъ, что повысило всѣ другіе налоги. Затѣмъ незадолго до разгона Первой Думы, было издано распоряженіе о продажѣ удѣльныхъ земель—капля въ морѣ крестьянской нужды въ землѣ, но крупная потеря для царизма. Далѣе, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ были отмѣнены нѣкоторые исключительные законы о крестьянахъ. Впервые послѣднимъ было дано право передвиженія и равенство передъ закономъ. Наконецъ, имущественное безправіе—въ отношеніи продажи или заложенія ихъ части общинной земли—было отмѣнено, и, какъ полагаютъ, община вмѣстѣ съ гарантируемой ею круговой отвѣтственностью передъ правительствомъ за недоимки отдѣльныхъ ея членовъ теперь на пути къ исчезновенію.

Всѣ эти уступки были сдѣланы во время, или послѣ тысячъ случаевъ крестьянскихъ безпорядковъ. И что оказалось въ результатѣ? Крестьяне чувствуютъ, что они вынудили правительство пойти на уступки. Они не благодарны, что имѣло бы мѣсто, еслибы правительство дало эти реформы добровольно. Наоборотъ, они требуютъ лишь большаго, ибо ни одна изъ этихъ реформъ не устраняетъ корня зла крестьянской бѣдности, громаднаго бремени невозможныхъ косвенныхъ налоговъ—главный источникъ существованія для правительства—не устраняетъ произвола мѣстной администраціи, отсутствія малѣйшаго хотя бы слѣда свободы личности и той общественной жизни, которая можетъ существовать лишь при мѣстномъ и національномъ самоуправленіи народа. Кромѣ того, большинство данныхъ реформъ въ дѣйствительности вовсе не проводятся въ жизнь. Всякая попытка воспользоваться новыми или старыми «свободами» подавляется чудовищнымъ ростомъ военныхъ судовъ, военныхъ губернаторовъ, и грубой административной ссылкой. Дѣйствительность разбавлена и подмѣшана массой лживыхъ и нарушенныхъ

обѣщаній. Русское крестьянство было всегда бунтарски настроено, и бунтарскія его традиціи почитаются и сохраняются въ немъ въ теченіи сотенъ лѣтъ. Болѣе двухъ столѣтій тому назадъ, почти вслѣдъ за утвержденіемъ крѣпостного права, произошелъ знаменитый, поднятый разбойникомъ Стенькой Разинымъ, бунтъ, въ которомъ принимало участіе нѣсколько милліоновъ крестьянъ. Болѣе чѣмъ столѣтіе тому назадъ половина крестьянской Руси была охвачена бунтомъ крѣпостныхъ противъ ихъ господъ подъ предводительствомъ претендента Пугачева. Въ этомъ бунтѣ сотни тысячъ крестьянъ пали за свободу. Но ни власти, ни крестьяне никогда не забывали этого событія. Мнѣ случилось прошлымъ лѣтомъ проѣзжать по одной поволжской губерніи, гдѣ въ одной деревнѣ крестьяне требовали, чтобы попъ отслужилъ панихиду по усопшимъ душамъ Пугачева и Стеньки Разина.

Въ продолженіе всего прошлаго столѣтія нѣтъ ни одной губерніи, которая не переживала ужаснаго кровопролитнаго подавленія крестьянскихъ бунтовъ. Въ 1854 и 1855 гг. крестьянскіе бунты разспространились по значительной части Россіи, и до извѣстной степени просвѣщенный Александръ II заявилъ помѣщикамъ, что они должны или согласиться на проэктирующееся освобожденіе крестьянъ, или же подвергнуться опасности крестьянскаго самоосвобожденія, освобожденія снизу. Даже этотъ царь, такой ярый самодержецъ въ послѣднюю половину своего царствованія, сознавалъ силу и завѣтное желаніе крестьянъ опрокинуть существующее государственное зданіе. Великое освобожденіе, такимъ образомъ, было совершено не изъ филантропическихъ мотивовъ или изъ экономическихъ соображеній, но изъ вполнѣ основательной боязни немедленной революціи.

Послѣ освобожденія крестьяне опять стали проявлять свое нежеланіе примириться ни съ самодержавіемъ, ни съ искусно замаскированной тѣнью реформъ, какой «освобожденіе» въ дѣйствительности оказалось. Помѣщичья ко-

миссія, на заключеніе которой царь направилъ проэктъ объ освобожденіи крестьянъ, уже позаботилась, чтобы послѣднее не давало имъ ни свободы, ни необходимой земли. Государство просто на просто сдѣлалось господиномъ и вымогателемъ вмѣсто помѣщика, который еще поудобнѣй устроился на лучшей землѣ. Послѣдующіе годы были годами самой оживленной дѣятельности для царскихъ казаковъ и драгунъ. Цѣлый рядъ губерній былъ охваченъ крестьянскими волненіями, во многихъ мѣстахъ безпорядки оказались настолько серьезными, что потребовалась военная сила для подавленія ихъ.

Съ самаго времени освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости крестьянскіе безпорядки безпрерывно вспыхивали то здѣсь, то тамъ. Пять лѣтъ тому назадъ, наканунѣ Японской войны, въ однѣхъ только двухъ губерніяхъ было около полусотни пунктовъ, охваченныхъ крестьянскими безпорядками. Крестьяне смирились лишь послѣ жестокой расправы съ ними. А въ 1906 г. крестьянскія волненія такъ широко разразились по всей странѣ, какъ никогда, можетъ быть, во всей исторіи русскаго государства.

Въ отвагѣ или въ матеріалѣ для бунтовъ въ русской деревнѣ недостатка никогда не было. Но крестьяне не всегда имѣли физическую возможность возстать вмѣстѣ, одновременно. Никакая армія не можетъ дѣйствовать дружно, какъ одно цѣлое, когда она раздѣлена на сотни тысячъ отрядовъ, разсѣянныхъ по цѣлому полушарію. Но если крестьянскія возстанія и теперь еще немногимъ лишь лучше согласованны и организованны чѣмъ раньше, то они зато дѣлаются теперь все болѣе и болѣе всеобщими и все болѣе и болѣе осмысленными. Деревня цѣлыми мѣсяцами и годами обсуждаетъ общее положеніе всей страны. Возникаетъ общій по всей странѣ кризисъ.

Вліяніе этого кризиса одинаково отзывается на всѣхъ деревняхъ и вызываетъ вездѣ одинаковыя дѣйствія. Стоитъ только въ одной какой нибудь деревнѣ сдѣлать

отчаянный шагъ, и безпорядки распространяются какъ страшное пламя по всей странѣ. Постороннему это все представляется стихійнымъ, непонятнымъ. Деревенскій же наблюдатель не бываетъ ни потрясенъ, ни удивленъ случившимся. И такимъ образомъ духъ и формы крестьянскихъ волненій носили всегда общій характеръ и вылились въ одно общее движеніе.

Первые корни революціи можно прослѣдить до самаго источника крестьянской природы. Русскій крестьянинъ былъ вначалѣ закабаленъ при помощи звѣрской жестокости и кровопролитія послѣ вѣковъ той же самой сравнительной свободы, которой пользовались наши англосаксонскіе предки до нашествія норманновъ. Но въ Англіи закабаленіе произошло тысячу лѣтъ тому назадъ, въ Россіи же лишь триста тому назадъ—всего за десять или двѣнадцать поколѣній раньше,—и крестьяне никогда не забывали своей прежней относительной свободы. Крѣпостное право не успѣло еще наложить свою печать на психологію крестьянина. Русскій душой оставался еще свободенъ, какъ и до закрѣпощенія. И поэтому крестьяне почти съ равнодушіемъ отнеслись къ своему освобожденію въ 1861 г. отъ ига, съ которымъ въ душѣ они никогда не мирились. Крѣпостное право успѣло лишь сохранить въ душѣ крестьянина духъ возмущенія противъ всѣхъ властей.

Государственная религія, какъ мы имѣли уже случай видѣть, также не имѣла большого вліянія на крестьянъ. Ни одинъ европейскій народъ такъ не оязычилъ, если можно такъ выразиться, первоначальнаго христіанства своими народными легендами и своими истинно-народными святыми, какъ это сдѣлалъ русскій народъ. Многіе милліоны крестьянъ, совершенно отдѣлившись отъ русской церкви, образовали наиболѣе раціональныя секты, которыхъ никакія правительственныя гоненія не могли уничтожить. Что же касается остальныхъ, такъ называемыхъ, православныхъ, то они хотя машинально

исполняютъ религіозные обряды офиціальной церкви, но сами дѣйствительно проникнуты искреннимъ духомъ христіанства. Нигдѣ они не обнаруживаютъ какого либо глубокаго уваженія ни къ попамъ, ни къ офиціальнымъ проповѣдямъ съ амвона. Ни въ католической Италіи, ни въ протестантской Англіи церковь не встрѣчаетъ такого враждебнаго отношенія къ себѣ, какъ къ учрежденію, нигдѣ вы въ населеніи не натолкнетесь на такую религіозную независимость, какъ въ Россіи. Крестьянинъ пропитанъ и проникнутъ въ своихъ религіозныхъ чувствахъ, т. е. въ глубинѣ души, захватывающимъ его всего мятежнымъ духомъ. Въ вопросахъ морали и права деревня руководится исключительно своимъ собственнымъ понятіемъ и своимъ кодексомъ морали. Жизненный, эластичный, не застывшій въ мертвыхъ формахъ, измѣняющійся вмѣстѣ съ жизнью, въ общемъ и цѣломъ возвышенный и человѣчный—вотъ общее мнѣніе объ этомъ кодексѣ морали, мнѣніе любого изъ великихъ русскихъ писателей, хотя бы Тургенева или Толстого. Что же касается кодекса Петербургскаго, офиціальнаго, правительственнаго, то крестьяне не могутъ не соблюдать его, ибо къ этому принуждаютъ ихъ нагайкой, пулей, тюрьмой или ссылкой. Соблюдаютъ какъ внѣшнее, навязанное, соблюдаютъ лишь въ его буквѣ, но не въ духѣ.

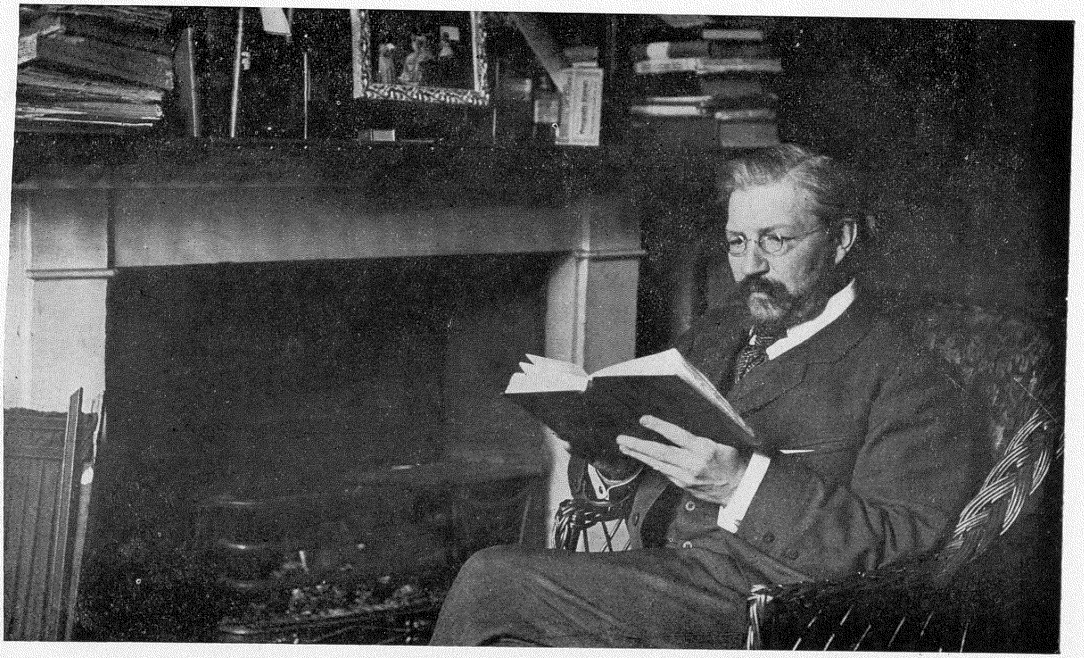
Крестьяне рождаются и воспитываются въ атмосферѣ безсознательнаго и даже сознательнаго пассивнаго сопротивленія какъ церкви, такъ и государству. Петербургъ, напр., запрещаетъ крестьянскому міру ставить какія либо препятствія переходу земли отъ отца къ сыну. Но крестьяне издавна привыкли считать, что земля въ сущности составляетъ общую собственность всей деревни. Когда наслѣднику достается слишкомъ мало земли, то деревня округляетъ его участокъ насчетъ общинной земли; если же ему перепадаетъ слишкомъ много, она излишекъ отбираетъ въ пользу общины. Такимъ образомъ царскія предписанія совершенно игнорировались. Его свирѣпые

казаки были безсильны противъ спокойной воли деревни, противъ общаго, какъ бы религіознаго убѣжденія народа, что земля принадлежитъ общинѣ.

Деревенское большинство уравнивало надѣлы не только между наслѣдниками, но и между различными семьями въ деревнѣ. Революція обнаружила опасность общиннаго начала для царскаго правительства, а потому послѣднее рѣшило совсѣмъ упразднить общинное право на землю. Можно сомнѣваться, удастся ли царской власти упразднить общину. Въ деревнѣ больше господствуетъ сельскій сходъ, нежели царь.

Еще до созыва Первой Думы, еще до того, какъ Крестьянскій Союзъ успѣлъ выработать планъ кампаніи, крестьянскій духъ противодѣйствія уже проявился въ отказѣ платить налоги и давать рекрутовъ. Въ однихъ мѣстахъ деревня подъ разными предлогами отказывалась платить подати; въ другихъ она отказывалась дать послѣдній сборъ рекрутовъ во время войны. Такая программа дѣйствій предлагалась крестьянами на всѣхъ съѣздахъ Крестьянскаго Союза еще за годъ до Думы; она была принята и проводилась въ жизнь вездѣ, по всей странѣ. Когда правительство разогнало Первую Думу, представители народа не нашли лучшаго плана для выраженія всенароднаго протеста, какъ способъ, предложенный раньше крестьянами, планъ отказа правительству въ налогахъ и рекрутахъ. Такимъ образомъ первая крупная революціонная мѣра, которая была одобрена всѣмъ, можно сказать, русскимъ народомъ, не исходила ни отъ профессіональныхъ революціонеровъ, ни отъ какого либо высшаго соціальнаго класса, но отъ самого народа.

Но задолго до того, какъ члены Первой разогнанной Думы приняли эту мѣру, она уже была достаточно испробована крестьянами, чтобы быть отвергнутой ими, какъ мѣра непрактичная, потому что она давала всѣ преимущества въ руки правительства. Послѣднее не стѣснялось силой брать какъ подати, такъ и рекрутовъ. Крестьяне



П. Н. Милюковъ.

Центральная Рабочая
Библиотека
Моск. Губ. Сов. Проф. Союз.

обратились къ менѣе пассивнымъ средствамъ, чтобы дать почувствовать свою силу. Первый и самый естественный шагъ съ ихъ стороны былъ противъ помѣщиковъ, которые составляютъ главную опору трона. Какъ только царь далъ октябрьскій манифестъ, крестьяне приступили къ подготовленіямъ. Судя по энтузіазму, съ которымъ манифестъ былъ принятъ въ городахъ, крестьяне были увѣрены, что манифестъ даетъ что-то конкретное всему народу. Самое реальное для крестьянъ, конечно, земля. Поэтому, полагали они, манифестъ долженъ раньше или позже помочь имъ владѣть земельнымъ имуществомъ помѣщиковъ. Они начали смотрѣть на себя, какъ на будущихъ собственниковъ помѣщичьихъ имѣній. Протесты помѣщиковъ были тщетны.

Когда помѣщики услыхали, какъ крестьяне истолковываютъ манифестъ, они начали обзаводиться вооруженными стражниками. Они, очевидно, намѣрены перечить царской волѣ—говорили крестьяне, видя эти подготовленія помѣщиковъ.—Крестьяне уже позаботятся о томъ, чтобы эта воля была безпрекословно исполнена.

Внезапно скрытая классовая ненависть между деревней и помѣщиками разразилась въ гигантскую классовую войну. Въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль надъ всей страной стояло зарево отъ тысячъ подожженныхъ помѣщичьихъ имѣній—и въ общемъ милліоновъ на пятьдесятъ помѣщичьяго имущества было уничтожено. Всюду движеніе выразилось въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ, такъ какъ оно и было вызвано одинаковыми причинами, вездѣ одинаково дѣйствовавшими на одну и ту же крестьянскую натуру. Процессъ экспропріированія помѣщиковъ совершался вездѣ, какъ бы по сговору, на одинъ и тотъ же манеръ. Крестьяне, бывало, цѣлой деревней идутъ на сосѣднее помѣстье, часто днемъ, и всегда съ ихъ лошадьми и телѣгами. Они забирали все движимое имущество—орудія, скотъ и хлѣбъ—и дѣлили его между собою на болѣе или менѣе равныя части. Дѣлежъ они совершали

именемъ народа или Крестьянскаго Союза. Передъ уходомъ крестьяне предавали огню помѣщичій домъ. Это была военная мѣра противъ врага народнаго, помѣщика, на случай, если онъ вздумаетъ вернуться и потребовать того, что онъ считаетъ своимъ собственнымъ. Лишь очень рѣдко совершались нападенія на личность самого помѣщика или его слугъ. Во всемъ этомъ движеніи почти совсѣмъ отсутствовалъ духъ личной мести.

Вотъ по какому универсальному плану крестьяне дѣйствовали въ продолженіи всего ноября и декабря 1905 г. Съ наступленіемъ зимы активность движенія и военныя дѣйствія обыкновенно пріостанавливаются на время. Крестьяне такимъ образомъ имѣли время пообдумать первый свой революціонный шагъ, и холодный разсудокъ подсказалъ имъ, что онъ, шагъ-то, былъ неособенно практиченъ. И дѣйствительно: казаки наводнили деревни. Не на всѣ сразу они нагрянули, для этого не хватило бы казаковъ во всей странѣ. Они шли изъ деревни въ деревню, отбирая у крестьянъ помѣщичье имущество да избивая крестьянъ до полусмерти. Попадавшихся имъ подъ руку крестьянскихъ вожаковъ они или убивали, или же ссылали въ Сибирь, или отвозили въ тюрьму. Помѣщики такимъ образомъ получили обратно достаточно имущества, чтобы имѣть возможность вернуться. Планъ крестьянской кампаніи потерпѣлъ фіаско во всѣхъ отношеніяхъ. Крестьяне не успѣли ни улучшить посредствомъ него свое экономическое положеніе, ни добиться малѣйшей свободы. Они лишь больше возстановили противъ себя помѣщиковъ и полицію.

ГЛАВА VIII.

Царскія арміи мстятъ.

Шифрованная телеграмма за № 929 янв. 5-го дня 1906 г. «Сегодня былъ арестованъ одинъ агитаторъ въ мѣстечкѣ Кагарлыкѣ, Кіевской губ., въ имѣніи Черткова. Толпа съ угрозами требуетъ немедленнаго его освобожденія. Наличность имѣющейся здѣсь вооруженной силы недостаточна. Я поэтому настоятельно прошу, въ этомъ случаѣ и подобныхъ ему, распорядиться, чтобы бунтовщики были немедленно истреблены вооруженной силой и въ случаѣ какого-либо сопротивленія съ ихъ стороны сжечь ихъ дома. Въ настоящій моментъ необходимо разъ навсегда искоренить стремленіе народа взять законъ въ собственныя руки. Аресты недостигаютъ теперь своей цѣли; невозможно судить сотни и тысячи людей. Единственное, что теперь необходимо, это, чтобы войско безпрекословно повиновалось приказаніямъ свыше. (Подп.) П. Дурново.»

Въ началѣ 1906 г. сдѣлалось уже очевиднымъ, что русское правительство объявило войну огромной части русскаго народа. Мѣры, предложенныя въ приведенномъ выше приказѣ министра внутреннихъ дѣлъ, являются мѣрами незаконными даже при военномъ положеніи. Эти мѣры являютъ собою высшую ступень правительственнаго насилія. 30-го ноября 1905 г. Дурново издалъ другой приказъ, также направленный противъ русскаго гражданскаго уложенія, и не совсѣмъ согласный съ военными даже понятіями о законности. Этотъ приказъ относился къ мѣстнымъ агентамъ охраннаго отдѣленія:

«Прошу:

«1. арестовать всѣхъ тѣхъ революціонныхъ главарей и агитаторовъ, которые не были арестованы судебными властями, и немедленно же установить надъ ними полицейскій надзоръ;

«2. не дѣлать въ такихъ случаяхъ какихъ либо спеціальныхъ разслѣдованій, но составлять лишь протоколъ съ краткимъ изложеніемъ причинъ ареста и фактовъ, устанавливающихъ виновность;

«3. если лица, извѣстныя какъ агитаторы, освобождаются судебными властями, то ихъ слѣдуетъ задержать и поступить согласно пункту 2-ому.»

Какъ разъ около этого времени я имѣлъ продолжительное интервью съ военнымъ министромъ Редигеромъ, который замѣтилъ, между прочимъ, слѣдующее: «Когда отрядъ солдатъ подъ командой офицера посланъ въ деревню съ приказомъ арестовать и разстрѣлять такихъ то и такихъ то личностей или сжечь такіе то и такіе то дома, то это можетъ быть исполнено безъ нарушенія обычныхъ обязанностей и правилъ, обязательныхъ для современной арміи. Даже если офицеру дано приказаніе разстрѣлять каждаго десятаго крестьянина или сжечь каждый десятый домъ, то это приказаніе можно въ точности выполнить. Но какой имѣетъ смыслъ поручать какому-нибудь молодому офицеру усмирить деревню? (Стереотипное официальное выраженіе для обозначенія мести, творимой карательными экспедиціями.)

«Нельзя отрицать, что значительная часть молодого офицерства не обладаетъ ни достаточной твердостью характера, ни образованіемъ, ни чувствомъ отвѣтственности для того, чтобы имъ можно было довѣрить такое отвѣтственное дѣло. Нельзя отрицать и того факта, что многіе молодые офицеры часто бываютъ горькіе пьяницы. Совершенно невозможно предвидѣть, какое насиліе могутъ себѣ позволить такіе офицеры, командированные на нѣсколько дней или мѣсяцевъ въ деревню, съ абсолютной властью надъ жизнью и смертью всего населенія ея.»

Если мы примемъ во вниманіе, что многіе молодые офицеры не только пьяницы, но что они еще къ тому сами помѣщики или сыновья помѣщиковъ, противъ которыхъ крестьяне ведутъ борьбу, то мы поймемъ, какія

жестокости и превышенія полномочій эти «усмирители» могутъ себѣ позволить. Мы совершенно не удивляемся ни тому поголовному избіенію и разстрѣлу крестьянъ, ни варварскимъ пыткамъ, которымъ они не разъ подвергались и подвергаются теперь. Я и не думаю даже пытаться суммировать всѣ безчисленные случаи неслыханныхъ пытокъ, жертвами которыхъ часто бывали молодыя дѣвушки. Я также не буду говорить о томъ, какъ послѣ пытокъ многихъ изъ заключенныхъ убивали изъ боязни, чтобы внѣшній міръ не узналъ о томъ, на какія звѣрства способны правительственные агенты. Читателю, можетъ быть, однако интересно будетъ ознакомиться съ однимъ характернымъ, вполнѣ достовѣрнымъ случаемъ изъ безчисленнаго множества другихъ случаевъ, когда одну женщину избивали по приказу получившаго печальную извѣстность остзейскаго барона фонъ Сиверса, подвизавшагося въ Фелинѣ. Когда ее избивали, женщина не испустила ни одного звука, но послѣ этого она сильнымъ и энергичнымъ голосомъ заявила своимъ истязателямъ, что «это противъ закона. Нѣтъ такого русскаго закона, который разрѣшаетъ вамъ наказывать такъ людей.» Отвѣтомъ фонъ Сиверса было то, что онъ приказалъ повторить «порцію».

Сотни тысячъ были такимъ образомъ уже избиваемы и десятки тысячъ убиты подъ тонкимъ покровомъ и предлогомъ военнаго положенія. Поголовное избіеніе цѣлыхъ деревень, въ духѣ цитированнаго выше приказа Дурново, слѣдуетъ квалифицировать не какъ простое наказаніе, отличающееся крайней несправедливостью и жестокостью, а какъ гражданскую войну, ибо большинству избиваемыхъ истязатели не могли ставить въ вину никакого преступленія, кромѣ того развѣ, что избиваемые не желали помочь правительству выполнить его жестокую месть.

Вотъ типичный случай, переданный изъ письма одного жителя деревни Коровьино, Смоленской губерніи.

«8-го января была послана въ деревню рота солдатъ. Вмѣстѣ съ солдатами прибылъ становой приставъ, жан-

Жестокость этого царскаго холопа напоминала жестокость варварскихъ вождей. Онъ велѣлъ разстрѣливать женщинъ, стариковъ и дѣтей безъ всякой причины; казаки его убивали крестьянъ у дверей ихъ домовъ, въ самыхъ домахъ; въ толпу крестьянъ стрѣляли безъ всякаго предупрежденія; дѣтей закалывали на глазахъ у ихъ родителей. «Экспедиція» дала нѣсколько десятковъ убитыхъ и во много разъ больше раненыхъ и истерзанныхъ людей.

Я бесѣдовалъ съ крестьянами тѣхъ деревень, которыя подверглись расправѣ карательной экспедиціи, и они подтвердили приводимые Короленко факты и вполнѣ раздѣляли его мнѣніе. Я бесѣдовалъ также съ либеральнымъ мѣстнымъ мировымъ судьей, который и обратилъ вниманіе Короленко на эти факты. Этотъ судья ручался, что все происходило такъ, какъ Короленко разсказывалъ въ своемъ письмѣ. Каждому русскому обывателю были извѣстны тысячи фактовъ, подобныхъ тѣмъ, которые указаны были въ письмѣ; тѣмъ не менѣе смѣлое заявленіе Короленко было въ теченіи многихъ недѣль сенсаціей во всей странѣ, и знаменитый писатель еще и теперь не свободенъ отъ преслѣдованія правительства за свое мужественное выступленіе. Читателю будетъ, вѣроятно, интересно знать, что извергъ Филоновъ былъ впослѣдствіи убитъ революціонерами.

Филоновская экспедиція, конечно, не ограничилась Сорочинцами, а коснулась еще цѣлаго ряда деревень. Я посѣтилъ всѣ деревни въ томъ порядкѣ, въ какомъ ихъ посѣтилъ Филоновъ, и убѣдился, что всюду безчеловѣчное, звѣрское поведеніе этого палача было одинаково; я узналъ также, что крестьяне радовались его смерти и сдѣлались гораздо болѣе революціонными, чѣмъ они были до его визита. Филоновская экспедиція не была еще примѣромъ крайней звѣрской жестокости. Насколько мнѣ удалось ознакомиться съ исторіей карательныхъ экспедицій, она была лишь типичный случай. Нѣкоторые

чиновники были менѣе жестоки, но ихъ было немного. Помножьте теперь двадцать Филоновскихъ деревень на нѣсколько сотъ и вы получите приблизительное представленіе о правительственной мести среди русскаго крестьянства. Прибавьте къ этому еще гораздо болѣе серьезную поголовную рѣзню и погромы среди всѣхъ не русскихъ національностей, латышей, поляковъ, армянъ, грузинъ и другихъ, и вы будете имѣть общее представленіе обо всей этой обширной главѣ изъ исторіи колоссальныхъ правительственныхъ преступленій. Нѣкоторыя изъ наихудшихъ поголовныхъ истязаній, практиковавшихся Столыпинымъ въ бытность его губернаторомъ Саратовской губ., были совершены съ цѣлью заставить крестьянъ ложно свидѣтельствовать противъ себя же самихъ. У меня имѣется подписанный документъ, составленный подъ присягой цѣлой деревни, свидѣтельствующій о подобномъ именно дѣйствіи. Описанное дѣйствіе представляетъ собою одинъ изъ очень многихъ Столыпинскихъ подвиговъ, и самъ Столыпинъ является типичнымъ представителемъ сотни высшихъ столповъ русскаго правительства, которые вели себя подобнымъ образомъ по отношенію къ побѣжденному народу. Вотъ документъ:

«Ноября 18-го дня 1905 г. мы, нижеподписавшіеся, крестьяне деревни Хвалынщины, Сордобскаго уѣзда, Саратовской губ., собравшись на деревенскій сходъ въ числѣ 215 человѣкъ, обсуждали вопросъ объ арестѣ, сдѣланномъ въ нашей общинѣ по приказу ген. Сахарова.

8-го ноября г. Сахаровъ прибылъ въ нашу деревню въ сопровожденіи губернатора Столыпина, уѣзднаго исправника, станового пристава, другихъ членовъ и отряда казаковъ.

Былъ созванъ сходъ, передъ которымъ Сахаровъ объяснилъ цѣль своего визита и власть, которая ему при этомъ дана.

Староста и общинный совѣтъ пожелали говорить за крестьянъ и въ пользу посылки ходоковъ въ С. Петербургъ

для объясненія тамъ ихъ отчаяннаго положенія, но они были немедленно арестованы и избиты до потери сознанія.

Послѣ краткой бесѣды г. Сахаровъ отправился въ волостное правленіе, откуда потомъ г. Столыпинъ вызывалъ по одиночкѣ членовъ нашей общины, которымъ учиняли слѣдующаго рода допросъ:

— Грабилъ ты имущество помѣщика Беклемишева? Сжегъ ты его домъ?

— Нѣтъ,—былъ отвѣтъ.

Послѣ этого казаки начинали бить допрашиваемаго нагайками, кулаками, штыками и плашмя своими саблями, рвали волосы и бороды несчастныхъ крестьянъ. Многихъ били по два или по три раза съ цѣлью добиться отъ нихъ признанія. Нѣкоторые, истекая кровью, въ концѣ-концовъ сознались. Все это происходило на глазахъ у начальства, которое приказывало «подбавить жару». Такимъ вотъ образомъ учинили допросъ надъ тридцатью двумя арестованными крестьянами.

Послѣ этихъ истязаній губернаторъ Столыпинъ предложилъ остальнымъ крестьянамъ подписать приговоръ, въ которомъ община объявлетъ исключеніе этихъ тридцати двухъ человѣкъ изъ своей среды, какъ опасныхъ людей. И мы дѣйствительно подписали приговоръ потому, что послѣ страха, который мы пережили, у насъ не хватило силы отказаться. Всѣ арестованные находятся теперь въ тюрьмѣ.

Скоро мы сознали всю незаконность поступка администраціи. Мы узнали, что она дѣйствовала на основаніи донесенія мѣстной полиціи, сыщиковъ и другихъ трусливыхъ людишекъ. Хотя имущество Беклемишева и было разграблено, но виновность тридцати двухъ крестьянъ нашей общины не была установлена. Всѣ арестованные были извѣстны, какъ люди, которые никогда ничего предосудительнаго не совершали. Они подверглись наказанію по наущенію полицейскихъ сыщиковъ и мѣстнаго начальства. Приговоръ, который мы подписали 8-го но-

ября и которымъ эти тридцать два человѣка приговаривались къ ссылкѣ въ Сибирь, мы считаемъ недѣйствительнымъ потому, что онъ былъ вырванъ у насъ насиліемъ. Въ виду всего этого, мы рѣшили обратиться къ совѣту юристовъ съ просьбой представить нашъ приговоръ высшей администраціи для того, чтобы его отмѣнили и учинили новое разслѣдованіе относительно тридцати двухъ крестьянъ, несправедливо осужденныхъ, и чтобы администраторы, которые допустили звѣрское истязаніе казаками, были вызваны въ судъ. Мы надѣемся, что наша просьба будетъ услышана.»

Излишне говорить о томъ, что просьба несчастныхъ не была услышана. Но позже Сахаровъ, который былъ повиненъ въ пролитіи столько невинной крови, былъ «казненъ» революціонерами.

Ужасныя истязанія, которымъ подвергали крестьянъ, отнюдь не сдѣлали ихъ болѣе лояльными къ правительству.

Ни одному изъ администраторовъ не удалось такъ поразительно мало напугать крестьянъ, какъ премьеру Столыпину въ бытность его Саратовскимъ губернаторомъ.

Извѣстный поэтъ и литераторъ Танъ (Богоразъ), одинъ изъ основателей Крестьянскаго Союза, ученый этнологъ, описываетъ свои впечатлѣнія, вынесенныя имъ во время визита его въ село Ивановское, вскорѣ послѣ посѣщенія Столыпинской «карательной экспедиціи». Причиной, навлекшей кару на это село, послужилъ одинъ наказъ, принятый сельскимъ сходомъ. Авторъ этого наказа, молодой интеллигентный крестьянинъ, былъ типичный образецъ народившагося новаго типа крестьянскихъ вождей. Самоучка, онъ послѣ неимовѣрныхъ трудовъ и жертвъ добился учительскаго званія, но за либеральный образъ мыслей начальство не давало ему ходу. Какъ всѣ наказы, наказъ принятый въ этомъ селѣ требовалъ свободы слова, печати и собранія, учредительнаго собранія, избраннаго равнымъ и всеобщимъ голосованіемъ, и передачи всей земли народу.

Нѣсколько дней послѣ принятія наказа въ село прибылъ Столыпинъ, бывшій тогда губернаторомъ:

— Бунтовщики, революціонеры! Кто научилъ васъ такъ поступать?—закричалъ онъ.

— Вся деревня!—было ему отвѣтомъ.

— Вы врете! Кто составилъ наказъ?

Биченковъ, молодой человѣкъ, выступилъ впередъ и заявилъ:

— Я его составилъ!

— Ты врешь! Иди пиши!

Биченкова взяли въ сосѣднюю комнату, ему дали перо и чернилъ.

— Почему же ты не пишешь?

— Погодите, я долженъ нѣсколько подумать; я очень волнуюсь!

— Ты врешь! Отчего тебѣ волноваться?

— Я никогда не былъ такъ близокъ возлѣ такого великаго человѣка, какъ вы. Въ полчаса Биченковъ составилъ наизусть принятый селомъ наказъ.

— Ты врешь! Ты заучилъ его наизусть.

— Молчать, не смѣй разсуждать со мной!

Требованіе націонализаціи земли больше всего возмутило губернатора. Послѣ его свирѣпой ругани по адресу крестьянъ, изъ среды послѣднихъ выступилъ сѣдой старикъ со слѣдующей рѣчью:

— Ваше благородіе! мы выслушали Вашу рѣчь. Теперь послушайте нашу. Я имѣю двухъ сыновей на войнѣ и долженъ кормить двадцать одну душу дома, земли же у меня всего на одну душу. Какъ же намъ прокормиться?

Губернаторъ на это могъ лишь отвѣтить Мальтузіанской теоріей:

— Кто заставлялъ васъ такъ распложаться?

— Грѣшно такъ говорить,—отвѣтилъ старикъ. Это противъ Бога.

— Молчать, не разсуждать! — закричалъ на старика Столыпинъ.

Крестьяне были окружены казаками и потомъ разогнаны; сельская же выборная администрація была арестована. Послѣ двухчасовой свирѣпой ругани губернаторъ потребовалъ, чтобы село выдало ему всѣхъ руководителей, чтобы созналось въ томъ, кто повліялъ на крестьянъ принять наказъ, и чтобы оно приняло другой наказъ, который былъ бы по вкусу начальству. Вечеромъ того же дня шло совѣщаніе крестьянъ по поводу Столыпинскихъ требованій.

— Ну что, старики, какъ порѣшили? — спросилъ на завтра губернаторъ крестьянъ.

— Ваше благородіе! Мы приняли наказъ,—отвѣтилъ старшина.

— Это хорошо. Гдѣ онъ, этотъ новый наказъ вашъ?

— Мы рѣшили подтвердить старый.

Губернаторъ разсвирѣпѣлъ. Онъ самъ допрашивалъ каждаго, но всѣ молчали.

На слѣдующій день двадцать изъ наиболѣе вліятельныхъ крестьянъ были арестованы. Восемнадцать изъ нихъ были приговорены къ тюремному заключенію на одинъ мѣсяцъ, а Биченковъ и одинъ старикъ, по фамиліи Савельевъ, на два мѣсяца.

Во всемъ селѣ оказался одинъ лишь измѣнникъ и, когда открылось, что это онъ доносилъ на всѣхъ Столыпину, то противъ него былъ объявленъ безжалостный бойкотъ. Два раза подожгли его амбары и, наконецъ, ему категорически заявили, что онъ долженъ покинуть село. Жалкій шпіонъ отправился къ своему сыну въ Вольскъ, но сынъ отказался принять его, заявивъ, что ему «не нужны такіе Іуды-предатели». Въ концѣ концовъ несчастный доносчикъ долженъ былъ убраться въ другую губернію.

Когда арестованные крестьяне были увезены, сельчане исполняли за нихъ всю работу по ихъ хозяйству, семей болѣе бѣдныхъ арестованныхъ снабжали даже хлѣбомъ и картофелемъ. Когда мѣсяцъ спустя осужденные вернулись, они были встрѣчены какъ герои. Община послала

имъ на встрѣчу восемнадцать повозокъ, въ каждой по четыре человѣка, лошади были украшены зелеными листьями и красными лентами,—и когда процессія въѣзжала въ село, ее привѣтствовали пѣніемъ марсельезы. Биченковъ и Савельевъ вернулись мѣсяцемъ позже. Имъ тоже устроили тріумфальную встрѣчу.

Село, конечно, не такъ еще легко отдѣлалось. Нѣсколько позже, Столыпинъ еще разъ навѣстилъ злополучное село и, простоявъ тамъ два дня, оставилъ сотню казаковъ, одного офицера и восемь сельскихъ стражниковъ для выполненія его приказаній. Съ его отъѣздомъ пошли гулять нагайки по спинамъ и головамъ крестьянъ. Казаки избивали не только крестьянъ села Ивановскаго, но и проѣзжихъ, избивали каждаго, кто, бывало, подвернется имъ подъ руку. Нѣкоторыхъ изъ искалѣченныхъ крестьянъ казачій офицеръ посадилъ въ тюрьму, гдѣ держали ихъ безъ медицинской помощи. Казаки грабили все, что только ни попадалось имъ подъ руку, не брезгая никакой даже хозяйственной мелочью. Одинъ изъ самыхъ почтенныхъ крестьянъ, отправившійся какъ представитель отъ села просить у казачьяго офицера прекращенія насилій и грабежей, былъ тутъ же среди бѣлаго дня убитъ казаками.

Вотъ какимъ образомъ исполнялись приказанія Столыпина, когда онъ, какъ начальникъ губерніи, объѣзжалъ деревни. Мнѣ приходилось бесѣдовать со многими заслуживающими довѣрія жителями Саратовской губерніи, и всѣ они подтверждали, что Столыпинъ велъ себя больше какъ звѣрь, нежели какъ человѣкъ. И этого человѣка царь избралъ для «успокоенія» страны, и объ его дѣятельности отзывался съ большей похвалой!

Помимо ареста, тѣлеснаго наказанія, смертнаго боя, изнасилованія женщинъ, «карательныя экспедиціи» наносили еще крестьянамъ и серьезный экономическій вредъ.

Вездѣ, гдѣ дѣятельность этихъ экспедицій оказывалась наиболѣе успѣшной, помѣщики спѣшили использо-

вать подавленное настроеніе и затруднительное положеніе крестьянъ и немедленно понижали имъ плату за полевыя работы и повышали аренду. Несомнѣнно, что послѣднее главнымъ образомъ и имѣлось помѣщиками въ виду, когда они обращались къ властямъ за присылкой карательныхъ отрядовъ. Для помѣщиковъ въ деспотической Россіи не было необходимости изобрѣтать какія-либо новыя формы экономическаго рабства; необходимо лишь было возобновить примѣненіе старыхъ крѣпостническихъ порядковъ. Русское законодательство фактически низводитъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ до положенія, весьма близкаго къ положенію крѣпостныхъ.

Одинъ изъ послѣднихъ циркуляровъ Полтавскаго губернатора къ земскимъ начальникамъ наглядно показываетъ, какая власть дана помѣщикамъ надъ сельскими рабочими.

«. . . Есть поводъ предположить—говорится въ этомъ циркулярѣ—что агитація революціонныхъ партій въ странѣ будетъ этимъ лѣтомъ направлена къ пріостановкѣ работъ сельскими рабочими. Однимъ изъ наилучшихъ способовъ борьбы противъ такой попытки будетъ быстрое и энергичное вмѣшательство властей и примѣненіе закона, какъ только кто нибудь сдѣлаетъ поползновеніе нарушить его. Произвольное оставленіе работъ безъ уважительной причины есть достаточный поводъ для привлеченія къ суду по донесенію одного лишь работодателя.

«За произвольное оставленіе работы съ рабочихъ можно взыскать убытки на сумму равную трехъ-мѣсячному, установленному при наймѣ, заработку. Примѣненіе этой мѣры оставляется на усмотрѣніе земскихъ начальниковъ, которые могутъ свое рѣшеніе привести немедленно въ исполненіе. Въ случаѣ, если рабочій связанъ письменнымъ обязательствомъ, работодатель имѣетъ право предпочесть при содѣйствіи полиціи принудить батрака немедленно возобновить работу.»

Это губернаторское распоряженіе строго примѣнялось.

Въ сосѣдней губерніи помѣщики обратились къ тюремнымъ властямъ съ просьбой, чтобы, въ виду большого спроса на рабочія руки, тѣ снабжали ихъ за подходящую цѣну арестантами для полевыхъ работъ. Какъ видите, помѣщики пользуются усовершенствованной западней для поимки тѣхъ крестьянъ, которые не въ состояніи прокормиться отъ ихъ собственной земли. Какъ только крестьянскія волненія въ какой нибудь мѣстности оказываются достаточно подавленными, и представляется возможность продолжать полевыя работы, помѣщики, увѣренные въ поддержкѣ властей, немедленно понижаютъ поденную плату и повышаютъ арендную. Есть два способа, которыми помѣщику удается на «законномъ» основаніи закабалить батрака. Въ случаѣ, если предыдущая зима была плохая, то помѣщику очень легко побудить крестьянина, которому грозитъ немедленное раззореніе или даже голодная смерть, подписать какое угодно условіе найма; съ подписаннымъ клочкомъ бумаги въ рукахъ помѣщики дѣлаются полновластными господами надъ крестьянами на срокъ заключеннаго условія. Когда же крестьянину не грозитъ крайняя нужда, и онъ не желаетъ «добровольно» отдаться во временное рабство землевладѣльцу, послѣдній старается всевозможными ложными обѣщаніями заманить крестьянина къ себѣ на работу. По заключеніи же условія помѣщикъ преображается и донимаетъ крестьянина штрафами, невозможной пищей, придирчивой требовательностью и т. д. И если крестьянинъ не стерпитъ и броситъ работу, то помѣщикъ привлекаетъ его къ отвѣтственности и суду, гдѣ засѣдаетъ свой человѣкъ, земскій начальникъ. Тогда крестьянину остается одно изъ двухъ; или во избѣжаніе суда немедленно пойти обратно къ помѣщику и работать на него на прежнихъ условіяхъ, или же попасть по приговору земскаго начальника въ тюрьму, начальникъ которой законтрактуетъ его къ тому же помѣщику.

Но хотя всякая организованная попытка крестьянъ

улучшить свое положеніе была подавляема казацкими ружьями и нагайками, правительству все же не удалось, какъ ему этого хотѣлось, окончательно запугать ихъ. Правда, крестьяне не могутъ противъ вооруженной силы успѣшно бороться при помощи забастовокъ, но они все же таки могутъ готовиться и работать для приближенія революціи. Въ борьбѣ, которую они переживаютъ, они закаляются и обогащаются рѣшимостью и отвагой.

Русскіе крестьяне все чаще уже осмѣливаются примѣнять самосудъ, который является могучимъ средствомъ для отпугиванія враговъ. Вотъ случай примѣненія этого новаго метода борьбы крестьянъ съ помѣщиками:

Помѣщикъ Павловскій села Шестковки, Херсонской губерніи, объѣзжая свои поля, замѣтилъ крестьянскую лошадь. Онъ обратился къ крестьянину, который только что пришелъ за своей лошадью, съ вопросомъ—почему онъ пускаетъ лошадь на чужое поле. Крестьянинъ отвѣтилъ, что лошадь сама пришла на это мѣсто. Павловскій, не говоря ни слова, тутъ же выстрѣломъ изъ ружья убилъ лошадь. Послѣ этого собственникъ убитой лошади вмѣстѣ съ другими крестьянами отправился въ имѣніе Павловскаго, гдѣ заявилъ служащимъ, что господинъ ихъ убилъ его лошадь, и потому онъ, собственникъ этой лошади, возьметъ взамѣнъ одну изъ господскихъ лошадей. Между служащими и крестьянами произошло столкновеніе, во время котораго первыми было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ, которыми былъ раненъ собственникъ убитой лошади и его сынъ. Изъ страха передъ народной расправой, служащіе поспѣшили къ станціи, гдѣ двое изъ нихъ сами отдались въ руки полиціи, а третій былъ арестованъ. Какъ намъ потомъ сообщили, толпа крестьянъ отправилась на станцію, вломилась въ контору, вытащила оттуда помѣщичьихъ слугъ и учинила надъ ними народный судъ.

Новый судъ Линча, практикующійся крестьянами, направленъ не только противъ однихъ помѣщиковъ, но также противъ союзниковъ послѣднихъ, мѣстнаго началь-

Трудовая группа въ Первой Думѣ

Центральная Рабочая Библіотека
Моск. Губ. Сов. Проф. Союз.

Соціаль-демокр. депутаты въ Первой Думѣ

Центральная Рабочая
Библиотека
Моск. Губ. Сов. Проф. Союз.

ства. Во многихъ мѣстахъ такъ наз. земскіе начальники массами оставляютъ свои мѣста, и правительству очень трудно приходится найти охотниковъ на эту службу. Въ одной губерніи земскіе начальники не смѣютъ показаться въ деревнѣ безъ вооруженной охраны. Въ Воронежской губ. правительству приходится перемѣщать земскихъ начальниковъ изъ одного уѣзда въ другой, въ надеждѣ предотвратить такимъ путемъ рѣзкія столкновенія, которыя неизбѣжно происходятъ, какъ только крестьяне успѣютъ познакомиться съ новымъ «начальникомъ». Въ одномъ уѣздѣ Ярославской губерніи изъ четырехъ земскихъ начальниковъ лишь одинъ остался на своемъ мѣстѣ и этотъ не рѣшался показываться въ служебной формѣ. Другой, прослужившій не болѣе шести недѣль, впалъ въ острое умопомѣшательство. Онъ сталъ писать прошенія, въ которыхъ умолялъ крестьянъ не разрывать его на куски, а лишь повѣсить. Его пришлось отправить въ больницу.

За послѣднее время случаи такого открытаго столкновенія съ вооруженной силой властей, какое имѣло мѣсто въ тысячѣ случаевъ въ 1905 и 1906 гг., стали очень рѣдки. Въ то же время сдѣлалось почти обычаемъ для крестьянъ при приближеніи врага взбираться на церковную колокольню и бить тревогу въ набатъ. Огромныя толпы крестьянъ, которыя собирались тогда на набатный зовъ, часто легко могли справиться съ ротой солдатъ. Теперь же, когда казаки прибываютъ въ деревню, они прежде всего направляются къ церкви и привязываютъ колокольный языкъ, а то и совсѣмъ удаляютъ его. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ бывало даже, что «неизвѣстнымъ ворамъ» (полиціи) удавалось украсть колоколъ.

Болѣе успѣшнымъ оказался старый и давно извѣстный крестьянскій способъ борьбы—это поджогъ вражескаго имущества и запасовъ. Помѣщичьи дома все еще поджигаются крестьянами по всей странѣ. Поджоги такъ разспространились, что, согласно сообщенію реакціоннаго

«Новаго Времени», «ни одно страховое общество въ Россіи, благодаря частымъ поджогамъ, не выдаетъ полисовъ на земледѣльческую утварь или помѣщичьи дома. Помѣщики долгое время скрывали истинное положеніе вещей, вводя такимъ образомъ въ заблужденіе и страховыя компаніи и правительство, но правда всплыла скоро наружу.» Поджоги являются однимъ изъ наиболѣе серьезныхъ для помѣщиковъ вопросовъ. Недавно премьера Столыпина посѣтила делегація съ проэктомъ возстановленіи страхованія помѣщичьихъ имѣній. Столыпинъ въ принципѣ одобрилъ проэктъ, но, конечно, не видѣлъ возможности привлечь правителство къ участвованію въ такомъ невыгодномъ дѣлѣ.

Но ни Столыпинъ, ни другіе исполнители царскихъ приказовъ, никогда не имѣли и не могутъ имѣть какого-либо прочнаго успѣха въ подавленіи непреодолимо растущаго революціоннаго духа, который уже одушевляетъ огромную часть стомилліоннаго русскаго крестьянства.

Часть четвертая.

Эволюція новой націи.

ГЛАВА I.

Объединеніе націи.

Борясь противъ царизма, русскій народъ борется за право свободнаго развитія. Профессора борются за академическую свободу, крестьяне—за землю, рабочіе—за право организоваться, граждане—за самоуправленіе, публицисты—за свободу слова и печати, а народъ въ цѣломъ за элементарную человѣческую свободу. Поэтому въ Россіи столько партій, сколько группъ населенія, подчеркивающихъ ту или другую сторону борьбы. Но изъ этого факта отнюдь не слѣдуетъ, что эти партіи взаимно антагонистичны. Напротивъ, никакихъ крупныхъ недоразумѣній между ними не происходитъ. Всякая болѣе или менѣе прогрессивная партія—либеральная, радикальная или революціонная—преслѣдуетъ одну опредѣленную цѣль—отнять власть у некомпетентнаго, безнравственнаго и преступнаго царизма. Всѣ оппозиціонныя партіи сходятся въ томъ, что правительство никогда не внимало никакимъ доводамъ, кромѣ довода силы; что борьба, которую народъ до сихъ поръ велъ противъ правительства, была вполнѣ естественна и имѣла полное оправданіе; что Дума должна быть облечена абсолютной и верховной властью; что слѣдуетъ ввести всеобщее избирательное право, чтобы народныя массы имѣли возможность вліять на судьбы націи. Выражаясь языкомъ Максима Ковалевскаго, въ современной Россіи существуетъ одинъ толь-

ко вопросъ—это вопросъ о томъ, быть ли Россіи европейскимъ или азіатскимъ государствомъ.

Между различными революціонными и оппозиціонными организаціями возможны недоразумѣнія и страстные споры по вопросамъ тактики или по пониманію главной цѣли и задачъ революціи. Тѣмъ не менѣе онѣ всѣ вмѣстѣ участвуютъ въ общей кооперації; безсознательнымъ для нихъ образомъ, а, можетъ быть, даже противъ ихъ воли, установилось совершенно опредѣленное раздѣленіе труда. Либералы и конституціонные демократы борются за парламентаризмъ въ странѣ и чистоту парламентарныхъ идей; Крестьянскій Союзъ и Трудовая Группа направляютъ крестьянство въ политику; соціаль-демократы организуютъ рабочихъ; соціалисты революціонеры значительно содѣйствуютъ подготовленію возстаній.

Нація впервые выступила объединенной лишь во время грандіозной генеральной стачки, закончившейся октябрьскимъ манифестомъ. До Манифеста только двѣ организаціи играли болѣе или менѣе важную роль въ политическомъ отношеніи. Это были—съѣздъ земскихъ дѣятелей и представителей городскихъ самоуправленій и Союзъ Союзовъ, обнимавшій союзы представителей всевозможныхъ свободныхъ профессій. Правда, земства и городскія самоуправленія переданы царскимъ закономъ всецѣло въ руки богатыхъ и привилегированныхъ классовъ. Но сфера ихъ полномочій такъ сужена правительствомъ, и ихъ дѣятельность такъ ограничена, что только болѣе народолюбивые элементы принимали участіе въ выборахъ въ упомянутыя учрежденія. Поэтому несмотря на то, что по крайней мѣрѣ девять десятыхъ помѣщиковъ и другихъ богатыхъ классовъ состоятъ изъ консерваторовъ и реакціонеровъ, земскія и городскія учрежденія часто попадали въ руки честныхъ, самоотверженныхъ дѣятелей, а иногда и крайне демократическихъ элементовъ.

Земскій съѣздъ, состоявшійся 6-го ноября 1905 г. въ Москвѣ, 3 недѣли спустя послѣ обнародованія Мани-

феста, отразилъ господствовавшее въ то время у земскихъ дѣятелей настроеніе. Подавляющее большинство участниковъ съѣзда высказалось за крайне революціонныя предложенія, легшія потомъ въ основу знаменитаго отвѣтнаго адреса Первой Думы къ трону. Весьма популярный Родичевъ, одинъ изъ немногихъ крупныхъ политическихъ дѣятелей, избранныхъ во всѣ три Думы, требовалъ, чтобы выборы въ Думу были всеобщими и прямыми. Такъ какъ министерскій проектъ избирательнаго закона былъ составленъ далеко не въ такомъ духѣ, то требованіе Родичева носило характеръ вызова и ультиматума правительству. Родичевъ настаивалъ также на изъятіи правительства изъ сферы вліянія придворной камарильи. Князь Долгорукій предлагалъ отказать правительству въ кредитахъ. Одинъ ораторъ выразился за общую дѣятельность съ крайними революціонерами. «Не бойтесь», говорилъ онъ, «слова—революція! Мы вѣдь тоже революціонеры, въ принципѣ по крайней мѣрѣ.»

Съѣздъ рѣшилъ требовать полной амнистіи для всѣхъ политическихъ и религіозныхъ преступниковъ и въ то же самое время наказанія всѣхъ чиновниковъ, виновныхъ въ погромахъ.

Конечно, на съѣздѣ можно было слышать и умѣренныя, даже консервативныя рѣчи. Князь Трубецкой, напр., ген. Кузьминъ-Караваевъ, Стаховичъ вмѣсто Думы, выбранной на основѣ всеобщаго и равнаго избирательнаго права, предлагали созывъ національнаго собранія изъ представителей земствъ, городскихъ управленій, университетовъ и т. д., которое и выработало бы избирательный законъ. Консервативный взглядъ былъ высказанъ и Максимомъ Ковалевскимъ. Послѣдній высказалъ убѣжденіе, что крестьяне противъ республики. А потому, если во Франціи онъ, Ковалевскій, стоялъ бы за республику, то въ Россіи онъ монархистъ. Графъ Гейденъ раздѣлялъ эту точку зрѣнія.

Еще болѣе консервативные взгляды развивали Алек-

сандръ Гучковъ, нынѣ лидеръ Третьей Думы, князь Волконскій, теперь глава черносотенцевъ, требовавшій, чтобы съѣздъ далъ правительству свою безусловную поддержку.

Гучковъ и Волконскій принадлежали, однако, къ меньшинству съѣзда.

Около того же времени и Союзъ Союзовъ достигъ апогея своего развитія. Онъ дѣятельно поддерживалъ первую генеральную стачку, а нѣсколько позже, въ ожиданіи второй стачки, онъ обложилъ всѣхъ своихъ членовъ взносомъ въ размѣрѣ однодневнаго заработка. Почти всѣ извѣстные инженеры, врачи, адвокаты, журналисты, артисты и т. д. открыто присоединились къ движенію. Даже профессора и школьные учителя организовались и вошли въ Союзъ. Туда вошли и Желѣзнодорожный и Крестьянскій союзы. Въ составъ Союза вошли еще: Союзъ для улучшенія положенія женщинъ и Еврейскій союзъ. Одинъ только послѣдній союзъ, какъ меня увѣрялъ одинъ еврейскій писатель, имѣлъ болѣе 150 филіальныхъ отдѣленій съ 50 тысячами членовъ.

Вотъ выдержки изъ прокламаціи Союза Союзовъ наканунѣ второй стачки:

«. . . Правительство совершило много новыхъ преступленій: оно арестовало центральное бюро Крестьянскаго Союза, Почтово-телеграфнаго Союза, а также Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ. Оно закрыло прогрессивные органы печати, издало законы объ ограниченіи гражданской свободы и . . . нарушаетъ права, провозглашенныя въ манифестѣ . . . Свобода народа въ опасности.

«. . . Центральный комитетъ Союза Союзовъ призываетъ народъ защищать свои права. Правительство желаетъ сраженія; дадимъ же ему сраженіе . . . Центральный комитетъ Союза Союзовъ приглашаетъ всѣ входящіе въ его составъ союзы и организаціи приступить къ мобилизаціи своихъ силъ, чтобы быть готовыми

пристать къ генеральной политической стачкѣ, какъ только она будетъ объявлена.

«Союзъ требуетъ смѣщенія провокаціоннаго правительства и безотлагательнаго созыва учредительнаго собранія.»

3-го мая 1906 г., послѣ заключенія правительствомъ безъ согласія Думы новаго займа въ 850.000.000 р., Союзъ выпустилъ еще одну, тоже революціоннаго характера, прокламацію, въ которой указываетъ, что этотъ заемъ даетъ правительству возможность штыками, пулями, тюрьмой и ссылкой отвѣчать на требованія народа:

. . . . . .

«Союзъ Союзовъ объявляетъ заключеніе этого займа преступленіемъ противъ народа . . . считаетъ его незаконнымъ и необязательнымъ для будущаго народнаго правительства . . .»

Ознакомившись немножко съ характеромъ этихъ двухъ крупныхъ организацій—земскаго конгресса и Союза Союзовъ, намъ уже легче будетъ понять происхожденіе партіи конституціонныхъ демократовъ. Это, въ извѣстномъ смыслѣ, главная политическая партія въ Россіи, потому что, какъ мы видѣли уже, большинство народа, разувѣрившись въ политикѣ, организовалось въ революціонныя организаціи, а не въ политическія партіи.

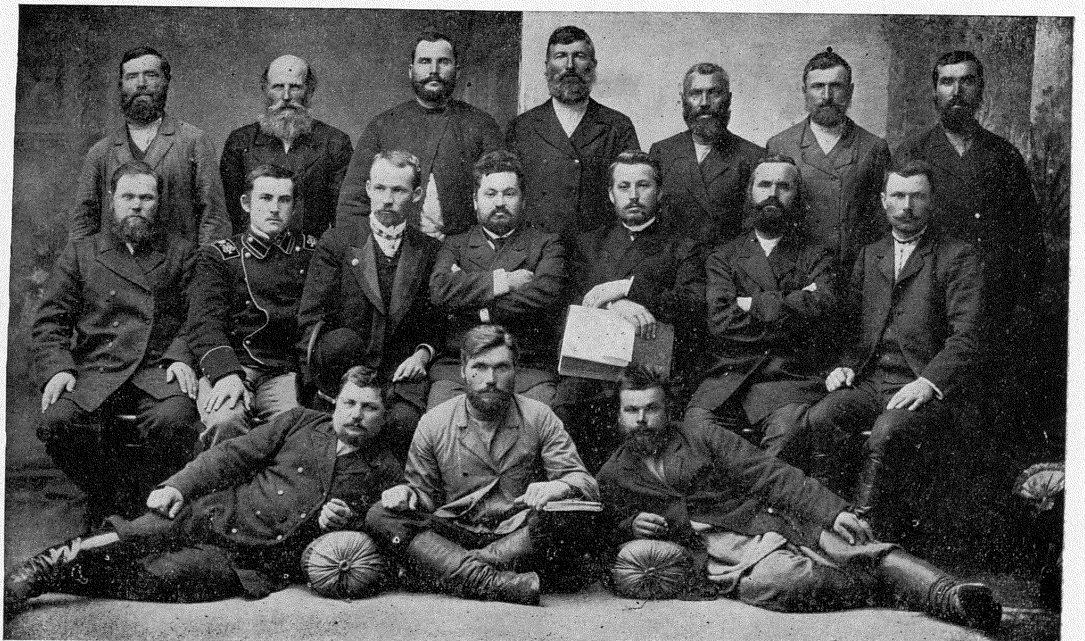
Первый съѣздъ кадетовъ, состоявшійся въ октябрѣ 1905 г., носилъ крайне революціонный характеръ. Проф. Милюковъ въ вступительной рѣчи сказалъ, что цѣль партіи, равно какъ и большинства русскаго народа, добиться учредительнаго собранія, созваннаго на основѣ всеобщаго и равнаго избирательнаго права. Программа его партіи, говорилъ онъ далѣе, радикальна не только для Россіи; она можетъ выдержать сравненіе съ программами самыхъ радикальныхъ партій того же характера въ Западной Европѣ.

Въ первомъ нумерѣ партійнаго органа проф. Милюковъ писалъ: «Мы за революцію постольку, поскольку

она содѣйствуетъ политическому освобожденію и соціальнымъ реформамъ.» Взгляды проф. Милюкова радикально съ тѣхъ поръ измѣнились, какъ я это покажу въ одной изъ слѣдующихъ главъ. Но я нарочно остановился именно на Милюковѣ, чтобы показать, что и онъ и вся его партія шли тогда за одно съ остальнымъ русскимъ народомъ.

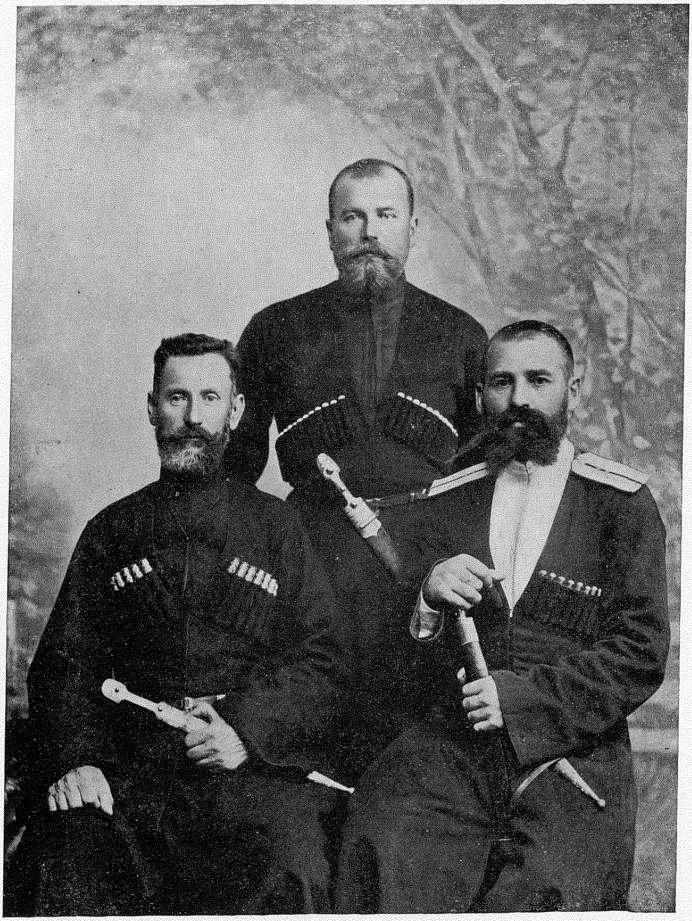
Милюковъ былъ тогда слишкомъ оптимистиченъ. Въ своемъ интервью съ графомъ Витте онъ обратилъ вниманіе послѣдняго на то, что правительству слѣдовало бы уступить желанію народа и созвать учредительное собраніе. Витте отвѣтилъ, что народъ все равно не удовлетворился бы ничѣмъ, исходящимъ свыше. Отдавая отчетъ объ интервью, Милюковъ съ радостью замѣтилъ по поводу послѣднихъ словъ премьера: «Другими словами, графъ Витте либеральнѣе меня.» Милюковъ отвѣтилъ Витте, что народъ потому не удовлетворился бы конституціей свыше, что не вѣритъ въ возможность полученія таковой, и пригрозилъ, что Первая Дума приметъ радикальный избирательный законъ и потребуетъ созыва учредительнаго собранія на основѣ этого закона. Проф. Милюковъ и тогда уже обнаружилъ свою дѣтски наивную вѣру во всемогущество парламентаризма, въ способность законодательнаго учрежденія совершить въ стѣнахъ залы полную революцію, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла изъ пушекъ, стоящихъ за ея стѣнами. Онъ и не подозрѣвалъ, что прогрессивные и революціонные элементы сведены будутъ правительствомъ къ нулю либо путемъ спеціальнаго избирательнаго закона, либо путемъ совершеннаго игнорированія Думы.

Впрочемъ, и проф. Милюкова вначалѣ точилъ червь сомнѣнія въ силу Думы. Онъ писалъ въ одномъ письмѣ, что «до тѣхъ поръ, пока мы еще не имѣемъ отъ правительства признанія конституціи и пока дѣлаются открытыя приготовленія къ coup d'état, невозможно будетъ втиснуть всю революціонную борьбу въ рамки парламентарнаго



Исполнительный комитетъ Крестьянскаго Союза Донской области

Центральная Рабочая Библиотека
Моск. Губ. Сов. Проф. Союз.



Казаки, члены партіи к.-д.

сраженія . . . Мы вовсе не питаемъ себя иллюзіей, что оружіе парламентарной борьбы очень велико.»

Такъ какъ правительство рѣшительно отказалось признать конституцію, и тотъ coup d'état, котораго Милюковъ такъ опасался, уже совершенъ, то мы должны заключить, пользуясь его же образомъ мышленія, что «оружіе парламентарной борьбы весьма ничтожно», какихъ бы взглядовъ на этотъ вопросъ почтенный профессоръ ни держался теперь. Что проф. Милюковъ и партія кадетовъ стали болѣе консервативными объясняется главнымъ образомъ тѣмъ фактомъ, что вмѣсто признанія, что ни парламентарное движеніе, ни внѣ-парламентарное революціонное движеніе не имѣетъ видовъ на немедленный успѣхъ, Милюковъ пессимистически смотритъ лишь на второе, революціонное, движеніе.

Не успѣла еще Первая Дума открыться, какъ конституціонные демократы заявили, что усиліямъ добиться въ ней коренной политической перемѣны они предпочтутъ практическое проведеніе разныхъ соціальныхъ реформъ. Они уже тогда, значитъ, стали на ту наклонную плоскость, которая привела ихъ позже къ жалкому фіаско. Но они еще не покидали тогда освободительнаго движенія, почему мы вправѣ говорить объ единствѣ всего русскаго народа въ Первой Думѣ.

ГЛАВА II.

Народъ выбираетъ революціонный путь.

Отвѣтный адресъ Первой Думы на тронную рѣчь былъ подписанъ всѣмъ составомъ депутатовъ за исключеніемъ ничтожнаго меньшинства семи человѣкъ. Въ этомъ адресѣ русскій народъ представилъ правительству и всему міру свою Magna Charta. Адресъ былъ принятъ единогласно. Тѣ семь реакціонеровъ, которые не вотировали за него, не смѣли, однако жъ, голосовать противъ, а просто удалились въ кулуары, притворившись, что не знаютъ, что происходитъ въ залѣ. Что касается каждаго пункта адреса въ отдѣльности, то одни прошли единогласно, за другіе высказалось подавляющее большинство депутатовъ, какъ 400 противъ 6, противъ 5, 3 или 1. Это единогласіе было достигнуто не только сильнымъ давленіемъ и благоразуміемъ конституціонныхъ демократовъ, составлявшихъ думскій центръ, но и тѣмъ фактомъ, что и крайнія партіи сознавали необходимость единства въ данный историческій моментъ. Самымъ важнымъ пунктомъ адреса, который Дума въ первую голову приняла, было требованіе безотлагательной полной амнистіи для политическихъ, какъ выраженіе «полнаго взаимнаго пониманія и взаимнаго соглашенія между царемъ и его народомъ.» Требованіе амнистіи является самымъ революціоннымъ и самымъ практичнымъ при современныхъ условіяхъ въ Россіи. Нѣсколько сотъ тысячъ политическихъ заключенныхъ терроризованы царизмомъ. Дума понимала, что эти заключенные, выйдя на свободу, прежде всего кинутъ свой взоръ на дѣятельность правительства, дѣйствительно

ли оно идетъ по направленію коренныхъ реформъ. Она чувствовала, что революціонное движеніе станетъ непобѣдимымъ, если оно получитъ такое подкрѣпленіе изъ сотенъ тысячъ дѣятельныхъ революціонныхъ рекрутовъ. Она также требовала отмѣны военныхъ судовъ, прекрасно сознавая, что такая мѣра передала бы цѣлыя области, большую, можетъ быть, часть страны, въ руки народа.

Первая Дума требовала всеобщаго избирательнаго права, отвѣтственности министровъ и другихъ чиновниковъ передъ Думой, а не передъ царемъ, упраздненія Государственнаго Совѣта и всѣхъ законовъ, стоящихъ на пути къ водворенію самодержавія народа. Но выставляя эти требованія, Дума хорошо сознавала, что наврядъ ли царь удовлетворитъ ихъ, и была увѣрена, что самъ фактъ выставленія такихъ требованій ведетъ къ возможнымъ революціоннымъ конфликтамъ.

Не менѣе революціонный характеръ носили и требованія, предъявленныя Думой къ помѣщичьему сословію. Требованіемъ отчужденія земель крупныхъ землевладѣльцевъ Дума стремилась къ соціальному конфликту величайшей важности. Выставляя это требованіе, Дума вплотную подошла къ фундаментальному соціальному вопросу въ Россіи, потому что послѣ правительства самымъ опаснымъ и общимъ врагомъ народа является классъ помѣщиковъ. Взявъ такой курсъ, Дума только исполнила свой долгъ по отношенію къ избирателямъ.

Конституціонные демократы стали, вмѣстѣ со всѣмъ народомъ, въ революціонную позицію не только при открытіи Думы; они въ извѣстномъ смыслѣ оставались въ этой позиціи до роспуска Думы. Дѣйствія Думы, послужившія поводомъ для роспуска послѣдней, были проникнуты тѣмъ же революціоннымъ духомъ, что и отвѣтъ на тронную рѣчь. Дума собиралась расклеить повсемѣстно, во всякой деревнѣ, думскій бюллетень съ разъясненіемъ, что она намѣрена обезпечить всѣхъ крестьянъ землею. Ни правительство, ни большинство помѣщиковъ вовсе

не намѣрены были провести такую радикальную мѣру въ жизнь. Дума, значитъ, намѣревалась провести ее вопреки волѣ царя и господствующаго общественнаго класса. А это уже пахло соціальной революціей.

Не успѣли войска оцѣпить Таврическій дворецъ, чтобы разогнать Думу, какъ дѣятельные члены крестьянской партіи и партіи конституціонныхъ демократовъ распорядились собрать большинство находившихся тогда въ Петербургѣ депутатовъ, въ Выборгѣ, гдѣ и выпустили знаменитый Выборгскій манифестъ. Этотъ историческій документъ, подписанный болѣе чѣмъ 200 народныхъ представителей, предсказывалъ, что правительство употребитъ теперь всѣ усилія для того, чтобы выкроить себѣ рабскую Думу, а если ему удастся «окончательно подавить народное движеніе, оно уже совсѣмъ не созоветъ Думы».

Какъ часто бываетъ съ политическими предсказаніями, они сбываются съ нѣкоторыми видоизмѣненіями. Прежде чѣмъ созвать послушную и рабскую Думу, правительство сдѣлало еще опытъ съ старымъ избирательнымъ закономъ. Но несмотря на всѣ махинаціи полиціи, Вторая Дума была еще болѣе соціалистическая, болѣе революціонная, чѣмъ Первая. Но оправдались предсказанія выборжцевъ на Третьей Думѣ, созванной всего 13 мѣсяцевъ послѣ Выборгскаго манифеста. Разогнавъ Вторую Думу, правительство «окончательно таки подавило народное движеніе и больше не созвало ужъ совсѣмъ Думы», если подъ словомъ «Дума» понимать дѣйствительное народное представительство. Ибо Третья Дума вовсе не Дума, а просто выбранный совѣтъ, избранный не народомъ для народа, а помѣщиками для удобствъ правительства.

Выборгскій манифестъ провозгласилъ три положенія, которыя вовсе не предусмотрѣны конституціей, или такъ наз. основными законами, а именно: правительство не имѣетъ права взимать налоги, брать солдатъ и заключать займы безъ согласія народныхъ представителей. Что это были мало практичныя, запоздалыя требованія,

такъ какъ въ странѣ тогда уже отсутствовалъ тотъ революціонный подъемъ, который былъ на лицо во время генеральной стачки, меня въ данный моментъ не интересуетъ. Что меня интересуетъ, это то обстоятельство, что эти неконституціонныя и революціонныя требованія тѣ же самыя, которыя годъ тому назадъ были выставлены Крестьянскимъ Союзомъ, Желѣзнодорожнымъ Союзомъ, Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ и соціалистическими партіями.

Партіи, участвовавшія въ выработкѣ Выборгскаго манифеста, имѣли наибольшій успѣхъ во время выборовъ во Вторую Думу. Выборщики были только недовольны тѣмъ, что засѣданіе эксъ-депутатовъ произошло въ Выборгѣ, а не въ самомъ Петербургѣ, и что Дума не провозгласила себя правительствомъ. Подобная попытка неминуемо повела бы къ немедленному аресту всей Думы. Но зато эфектъ ея на народъ былъ бы совсѣмъ другой. Арестъ ихъ не только поднялъ бы движеніе внутри страны, но и вызвалъ бы негодованіе всей Европы. Въ концѣ концовъ они все таки были арестованы, судимы и приговорены къ трехмѣсячному заключенію въ тюрьму.

На судѣ проф. Муромцевъ, президентъ Первой Думы, спросилъ, какъ это можно объявить избранныхъ народомъ представителей, а черезъ нихъ и самый народъ, врагами правительства. Такой взглядъ, говорилъ онъ, относитъ насъ назадъ къ среднимъ вѣкамъ, когда правительства обращалась съ народами, какъ побѣдители въ завоеванной странѣ.

Мы видимъ, что даже президентъ Первой Думы за эти два года не измѣнилъ своихъ взглядовъ. Революціонный-же духъ рабочихъ и крестьянскихъ депутатовъ, напротивъ, сильно возросъ. Судъ надъ выборжцами былъ, по выраженію защитниковъ, судомъ не надъ отдѣльными лицами, но надъ всѣмъ русскимъ народомъ. Русское правительство этимъ процессомъ осудило 90% русскаго народа за политическое преступленіе и въ наказаніе заключило его представителей въ тюрьму.

Что выборжцы дѣйствительно выражали интересы народа, видно изъ нападокъ на нихъ со стороны реакціонеровъ. «Русское Знамя», органъ Союза Русскаго Народа требовало смертной казни или пожизненной каторги для президента Думы Муромцева и для вице-президентовъ Долгорукаго и Шаховского.

Жизненность революціоннаго духа Первой Думы сказалась не только въ томъ, что возросло число революціонныхъ и соціалистическихъ депутатовъ, посланныхъ во Вторую Думу, но и въ томъ, что во Второй Думѣ умѣренные сплошь да рядомъ возвращались къ своей революціонной позиціи въ Первой. Роспуская Вторую Думу, Николай II предъявилъ къ ней цѣлый рядъ обвиненій политическаго характера. Съ точки зрѣнія желающаго удержать за собою неограниченную власть эти обвиненія не безъ основанія. Такъ, правительство испрашивало согласія Думы на законъ о наложеніи наказанія за оправданіе, на митингахъ ли, или въ печати, такъ наз. политическихъ преступленій. Дума не дала своего согласія. Правительство предложило мѣры борьбы съ революціонной агитаціей въ арміи. Дума не приняла этихъ мѣръ. Царь также ставилъ Думѣ въ вину, что она дозволяла меньшинству (это 200 соціалистическихъ и полусоціалистическихъ депутатовъ!) пользоваться правомъ Думы интерпеллированія правительства, какъ средствомъ для «возбужденія недовѣрія къ нему». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ эти «обвиненія» вѣрны. Вѣрно также обвиненіе, что Дума, въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ не успѣла принять бюджетъ. Правительство объясняетъ непроизводительность думской работы кознями не-русскихъ элементовъ, дѣйствующихъ въ союзѣ съ революціонными элементами. Вовсе не тайна, что польское коло, державшее въ своихъ рукахъ равновѣсіе силъ въ Думѣ, тормозило принятіе бюджета на томъ основаніи, что правительство продолжало угнетать польскій народъ. Вѣроятно также, что магометанская группа стояла уже ближе къ умѣрен-

нымъ соціалистамъ, чѣмъ къ кадетамъ, и что всѣ эти перечисленныя группы составили бы подавляющее большинство противъ правительственнаго законопроекта о земельной реформѣ, если бы Дума только дожила до обсужденія этого проекта.

Вторая Дума, слѣдов., была гораздо революціоннѣе Первой, не смотря на усилія умѣренной партіи к.-д. мѣшать проявленію ея революціонныхъ тенденцій. По многимъ крупнымъ экономическимъ и политическимъ вопросамъ кадеты не прочь были входить въ компромиссы съ правительствомъ; но въ наиболѣе важныхъ злободневныхъ вопросахъ они подъ вліяніемъ революціоннаго настроенія въ странѣ вынуждены были итти рука объ руку съ революціонерами. Такъ, они отказались провести резолюцію, осуждающую убійство правительственныхъ лицъ. Они одинаково осуждали красный и бѣлый, т. е. революціонный и правительственный терроръ. Правительство никогда имъ не проститъ этого отказа.

Единство русскаго народа, направленное противъ правительства и въ пользу революціоннаго движенія, держалось до роспуска Второй Думы, когда царскій coup d'état фактически положилъ конецъ существованію, хотя бы и на бумагѣ, конституціоннаго и парламентарнаго правительства.

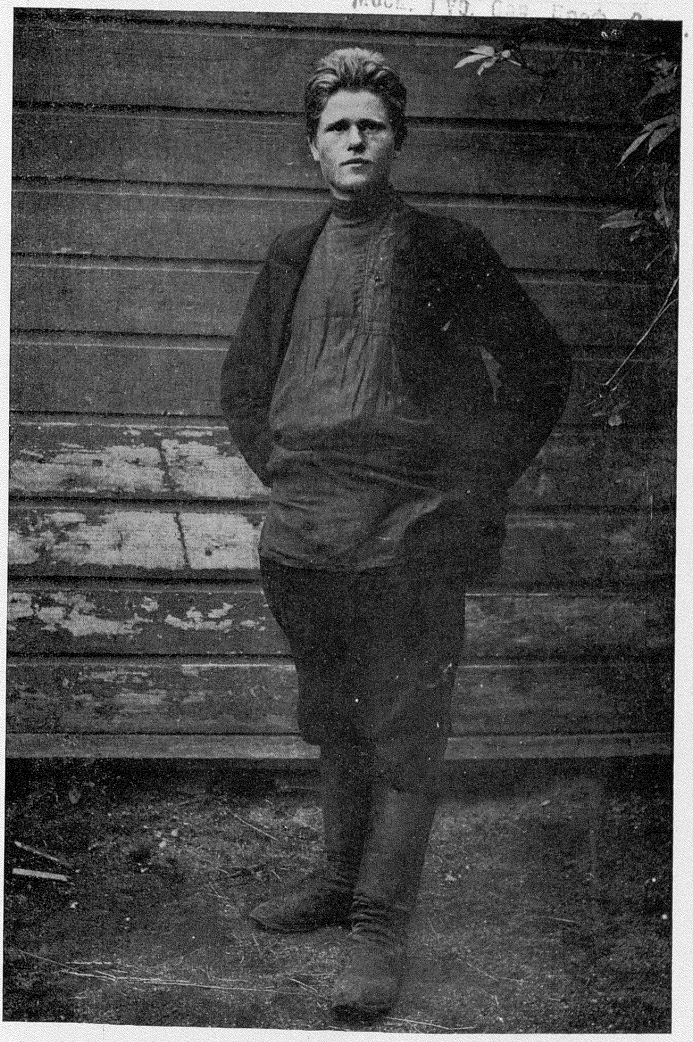
ГЛАВА III.

Расколъ.

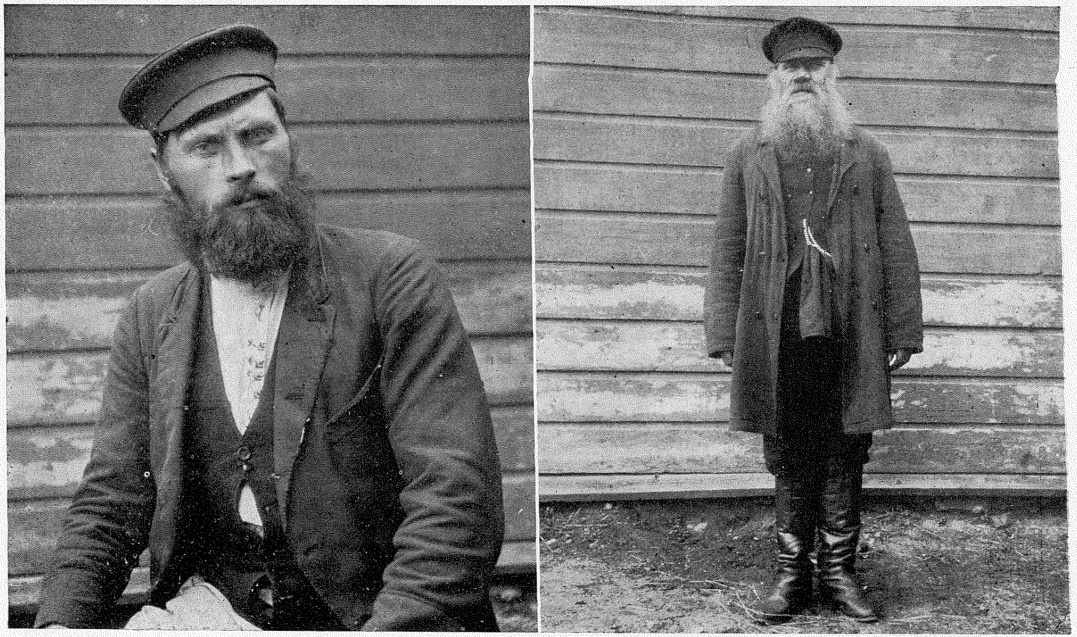
Намъ теперь приходится говорить о единственно, со времени начала русской революціи, серьезномъ расколѣ въ рядахъ революціоннаго народа. Расколъ этотъ, въ сущности говоря, не такъ уже важенъ, какъ онъ въ дѣйствительности представляется. Этотъ расколъ такъ много нашумѣлъ заграницей лишь потому, что онъ главнымъ образомъ касается кадетской партіи, которая, благодаря осужденному ею самой, несправедливому избирательному закону, оказалась въ большинствѣ въ Первой Думѣ и затѣмъ была рѣшающимъ центромъ во Второй. Это обстоятельство ввело въ заблужденіе даже наиболѣе серьезныхъ иностранныхъ наблюдателей русской жизни. Нѣтъ сомнѣнія, что конституціонно-демократическая партія послѣ роспуска Второй Думы потеряла почти всю свою революціонность и сдѣлалась обыкновенной радикальной партіей. Такія партіи очень важны, и существованіе ихъ вполнѣ оправдывается во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ уже существуетъ дѣйствительно конституціонное правленіе. Но очень сомнительно, чтобы такого рода оппозиція имѣла какое либо глубокое значеніе при настоящемъ режимѣ въ Россіи.

То обстоятельство, что одна, хотя и нерѣшительная и въ сущности слабая, партія оставила революціонные ряды и заняла такую умѣренную позицію во время переживаемаго теперь Россіей кризиса, несомнѣнно должно было все таки произвести тяжелое впечатлѣніе въ странѣ. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что въ лицѣ конститу-

Центральная Рабочая
Библиотека
Моск. Губ.



Типъ деревенскаго агитатора.



Типы делегатовъ на Съѣздъ Крестьянскаго Союза

Центральная Рабочая
Библиотека
Моск. Губ. Сов. Проф. Союз.

ціонно-демократической партіи незначительное лишь меньшинство средняго класса оставило революціонное движеніе. Большинство же этого класса, равно какъ и подавляющее большинство ста сорока милліоновъ крестьянства и рабочихъ, остается какъ и прежде солидарнымъ съ революціонными элементами въ борьбѣ за учредительное собраніе и самодержавіе народа.

Тѣмъ не менѣе это дезертирство офиціальной конституціонно-демократической партіи (слѣдуетъ тутъ же замѣтить, что массы, голосовавшія за эту партію, и не думали покидать революцію), будучи первымъ и единственно значительнымъ предательствомъ съ момента начала движенія, является единственнымъ моральнымъ пораженіемъ, которое постигло революціонное движеніе. Хотя эта потеря представляетъ собою лишь потерю части одного изъ многихъ отрядовъ великой революціонной арміи, тѣмъ не менѣе отступленіе кадетовъ въ дѣйствительности разрушило то полное національное единство, которое господствовало во время Первой Думы, когда всѣ элементы населенія страны были, какъ одинъ человѣкъ, противъ царя, благороднаго сословія и ихъ продажныхъ наемниковъ.

Мы должны тщательно разсмотрѣть этотъ фактъ предательства для того, чтобы убѣдиться, нѣтъ ли, съ точки зрѣнія консервативнаго крыла русской умѣренной партіи, какого нибудь основного моральнаго или интеллектуальнаго дефекта въ самомъ революціонномъ движеніи. Конституціонно-демократическая партія была съ самаго момента своего возникновенія оппортунистической и политиканской организаціей. Она не старалась, подобно соціалистическимъ партіямъ, объединить народъ на основныхъ принципахъ соціальной эволюціи; она не старалась, подобно Крестьянскому Союзу или Совѣту Рабочихъ Депутатовъ объединить большія массы населенія на почвѣ ихъ экономическихъ интересовъ. Она была чисто политической партіей, подобная тѣмъ, которыя существуютъ

въ Англіи и Соедин. Штатахъ, гдѣ народъ уже давно добился политической свободы.

Тѣмъ не менѣе эта партія отличалась отъ подобныхъ ей партій въ другихъ странахъ. Въ моментъ ея возникновенія было невозможно, да и теперь еще остается невозможнымъ, организовать какую либо большую партію въ Россіи, которая состояла хотя бы изъ ста тысячъ членовъ и была бы свободна отъ какихъ-либо революціонныхъ и соціалистическихъ элементовъ. Члены этой партіи съ самаго же начала обнаружили крайне радикальный образъ мыслей, и если они не были соціалистами, то были соціалистично настроены. Можно сказать, ничуть не рискуя впасть въ ошибку, что огромная часть этихъ членовъ была «оппортунистическіе соціалисты» и гораздо болѣе дружественно настроена къ соціалистическимъ партіямъ, нежели къ организаціямъ правѣе ихъ. Когда же мы обратимся къ голосовавшимъ за эту партію элементамъ, числомъ и значеніемъ далеко превосходящимъ число и значеніе членовъ ея, то мы убѣдимся, что среди нихъ еще въ большей степени преобладаетъ соціалистическое и революціонное настроеніе. Каждый разъ во время выборовъ значительная часть голосовала за кадетовъ исключительно потому, что не было другой партіи, которая занимала бы промежуточное положеніе между кадетской партіей и соціалистами.

Партійная организація этой партіи сама по себѣ перестала быть революціонной, что врядъ ли имѣло бы мѣсто, если-бы не правительственныя преслѣдованія. Огромная часть радикальныхъ членовъ всѣхъ партійныхъ комитетовъ была арестована по всей странѣ, а это неизбѣжно повело къ тому, что всѣ дѣла перешли въ руки исключительно консервативныхъ элементовъ, которыхъ правительство не рѣшалось или не желало трогать. Чтобы ослабить правительственныя преслѣдованія и чтобы не потерять свои связи въ обществѣ и въ среднемъ классѣ, кадеты всячески старались доказать свою лояльность и

«легальность». Шагъ за шагомъ, съ усиленіемъ правительственныхъ репрессій, эта «легальная» партія была вынуждена отступать все больше и больше назадъ.

Пропитанная недугомъ оппортунизма больше, нежели консерватизмомъ, кадетская партія при созывѣ Второй Думы, казалось, готова была еще разъ перемѣнить свою тактику и занять болѣе революціонную, нежели консервативную, позицію. Во время выборовъ во Вторую Думу и до созыва этой Думы оказалось, что соціалисты имѣли бы почти большинство безъ кадетовъ, и профессоръ Милюковъ тогда публично заявилъ, что его партіи придется работать совмѣстно съ этими элементами. Но съ самыхъ первыхъ дней существованія Второй Думы стало ясно, что агрессивная тактика соціалистовъ противъ правительства можетъ повести къ немедленному роспуску Думы. Какъ чисто оппортунистическая и чисто политическая партія, кадеты безъ Думы фактически не могли имѣть какое либо значеніе. Они поэтому видѣли себя вынужденными пуститься на всевозможныя мѣры, чтобы только ублаготворить правительство въ интересахъ предупрежденія роспуска Думы. Они отбросили всѣ революціонныя требованія, выставленныя въ адресѣ Первой Думы, отложили требованіе амнистіи и, черезъ своихъ лидеровъ — Гессена и Милюкова, объявили, что готовы пойти на компромиссъ даже въ такихъ существенныхъ вопросахъ, какъ болѣе справедливый избирательный законъ и отчужденіе помѣщичьихъ земель въ пользу крестьянъ. Эта трусливая и компромиссная тактика, вмѣсто того, чтобы побудить правительство пойти навстрѣчу ихъ умѣреннымъ требованіямъ, облегчило лишь ему привести въ исполненіе свое намѣреніе—совершенно «обезвредить» Думу.

То, что царь распустилъ Вторую Думу, нарушивъ при этомъ отмѣной «основного закона» свое собственное слово, кадеты объяснили какъ анти-конституціонный актъ. Можно было ожидать, что кадеты, концентрировавшіе всѣ свои силы на борьбѣ за конституцію, въ интересахъ своихъ

собственныхъ принциповъ, не преминутъ дискредитировать правительство за нарушеніе конституціи. Можно было ожидать, что всѣ органы и трибуны партіи безъ устали будутъ громогласно, безъ страха передъ наказаніемъ, заявлять о неконституціонности царскаго акта. Неконституціонный этотъ актъ былъ также политическимъ преступленіемъ. За называніе этого преступнаго акта царя его настоящимъ именемъ, всѣ извѣстные лидеры кадетской партіи были бы, навѣрное, арестованы и подвергнуты ссылкѣ. Но зато былъ бы предъявленъ наиболѣе рѣшительный протестъ противъ этой мѣры, которая, согласно ихъ взглядамъ, была наихудшимъ, въ чемъ правительство могло провиниться. Я отнюдь не защищаю принципы этой партіи. Я лично не нахожу, что въ Россіи когда-либо было что нибудь похожее на конституцію. Я хочу только указать на то, что партія конституціонныхъ демократовъ измѣняла своимъ собственнымъ фиктивнымъ и трусливымъ взглядамъ на мѣры, какими слѣдуетъ добиться свободы для русскаго народа. Мы изъ всего этого опять видимъ, что не конституціонализмъ служитъ базой этой партіи, но что ея дѣятельность всецѣло покоится на политическомъ лишь оппортунизмѣ—движеніи чуть чуть въ дѣйствительно правильномъ направленіи, безъ отношенія къ скорости, съ которой можно приблизиться къ цѣли. Рѣшивъ въ самомъ началѣ быть легальной и не выходить изъ созданныхъ для нея правительствомъ границъ оппозиціонности, партія эта теперь дѣйствуетъ въ такихъ узкихъ рамкахъ, что въ настоящій моментъ, когда поставлена на карту судьба выдвинутыхъ освободительной борьбой великихъ проблемъ, оказывается въ крайне смѣшномъ положеніи. Независимая русская печать уже не разъ указывала на то, что конституціонно-демократическая партія заняла теперь позицію, на которой раньше стояли открыто анти-революціонные реформисты—октябристы. Послѣдніе стояли за строгую «законность» во всѣхъ мѣрахъ реформъ,—т. е. за строгое подчиненіе царской волѣ.

Со времени coup d'état, который и октябристами былъ признанъ незаконнымъ актомъ, они даже поступились и этимъ принципомъ законности, такъ какъ лишь съ помощью этого новаго противо-законнаго избирательнаго закона имъ удалось получить большинство въ Третьей Думѣ, и теперь они противъ какихъ либо дальнѣйшихъ измѣненій избирательнаго закона. То же случилось съ кадетами. Прежде они были строгими конституціоналистами, а теперь они согласились подписать отъ имени всей Думы адресъ, въ которомъ слово «конституція» совершенно не упоминается. Отъ ихъ прежнихъ принциповъ осталось лишь нѣчто въ родѣ «легальной» или «лояльной» оппозиціи, похожей какъ разъ на прежнюю оппозиціонность октябристовъ. Такимъ образомъ кадеты заняли позицію ихъ наиболѣе жестокихъ оппонентовъ, ту самую позицію, которую они всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ раньше жестоко критиковали.

Вырожденіе партіи, послѣ достиженія ею такого низкаго уровня, продолжалось съ увеличивающейся быстротой. Новая трусливая позиція, принятая кадетами въ то время, когда болѣе радикальные ихъ члены оставались въ тюрьмѣ и ссылкѣ, дала возможность выдвинуться и стать во главѣ ея совершенно новому классу людей. Типъ людей, которые теперь задаютъ тонъ на съѣздахъ кадетской партіи, типъ, часто встрѣчающійся за границей, является сравнительной рѣдкостью въ Россіи, странѣ, гдѣ благодаря переживаемой ею великой борьбѣ сильно развитъ духъ общественной солидарности. Въ имперіи царей такіе политическіе дѣятели, которые не живутъ интересами страны, а преслѣдуютъ лишь свои личные интересы, называются презрительнымъ тамъ именемъ «карьеристовъ». Въ Америкѣ же, наоборотъ, такихъ карьеристовъ ставятъ еще въ примѣръ, какъ людей, которые сами пробиваютъ себѣ дорогу. Я этимъ имѣю въ виду сказать не то, что русскіе карьеристы чѣмъ-либо отличаются отъ знакомаго намъ типа въ другихъ странахъ,

но лишь то, что этотъ типъ встрѣчается въ Россіи гораздо рѣже и менѣе популяренъ тамъ. Господствующимъ элементомъ кадетской фракціи въ Третьей Думѣ являются главнымъ образомъ лица, которыя не только не пострадали за революцію, но, пожалуй, еще выиграли отъ нея, лица занимающія такую позицію, за которую имъ ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ ничего не грозитъ отъ правительства. Я этимъ не хочу опять таки сказать, что эти господа совершенно ничѣмъ не пострадали отъ правительственнаго произвола, а лишь то, что въ настоящій моментъ полиція, хотя и надоѣдаетъ имъ часто, не думаетъ однако серьезно ихъ преслѣдовать. Образцами такого именно типа обыкновенно всѣми считаются профессоръ Милюковъ, редакторъ офиціальнаго органа партіи Гессенъ и главный теоретикъ партіи Струве. Они больше напоминаютъ типъ нѣмецкихъ профессоровъ, нежели тѣхъ активныхъ земцевъ, которые были дѣйствительными основателями конституціонно демократической партіи.

Я долженъ предупредить читателя, что слѣдуетъ во всемъ послѣдующемъ изложеніи рѣзко различать между вырожденіемъ, которому способствовали теперешніе лидеры съ ихъ немногочисленными послѣдователями, и взглядами тѣхъ, которые лишь голосовали за эту партію. Мы можемъ найти оправданіе для массы избирателей, но не для партіи.

Партія, какъ и вожди ея, отвѣтственна за все; она давно уже избрала ложный путь. Хотя первый партійный съѣздъ и принялъ опредѣленную революціонную позицію, второй, однако, рѣшивъ, что Россія уже конституціонная страна, сталъ на путь чистой парламентарской агитаціи, путь крайне не подходящій въ странѣ, гдѣ ведется освободительное движеніе противъ деспотизма. Они убѣдили себя, что Россія имѣетъ конституцію, и воображаютъ, что слѣдуютъ передовымъ въ политическомъ отношеніи странамъ, какъ Англія и Соединен. Штаты, гдѣ легальныя убѣжденія должны процвѣтать и гдѣ они сыграли важную и полезную роль въ эпохѣ соціальнаго мира. Кромвель,

несомнѣно, сказалъ бы о Второй Думѣ, даже до того, какъ царь обнаружилъ свое пренебреженіе къ ней: «Убери эту дурацкую бездѣлушку.» Американское представительное собраніе навѣрное бы издало какую-нибудь декларацію о независимости даже въ томъ случаѣ, если его членамъ угрожало бы немедленное тюремное заключеніе или болѣе серьезная расправа. Нѣмецкіе профессора кадетской партіи рѣшили говорить и говорить о конституціи въ Россіи, пока народъ и самъ царь не повѣрятъ въ существованіе таковой, пока ихъ голоса постепенно не заставятъ правительство дать вмѣсто тѣни дѣйствительную конституцію.

Первой ошибкой конституціонно-демократической партіи было ея утвержденіе, что Россія имѣетъ конституцію. Параграфъ 87-ой основныхъ законовъ свелъ почти къ нулю права Думы отвергать неугодные ей проэкты и законы, а бюджетныя ея права онъ свелъ—по признанію самого же Милюкова—къ одной лишь иллюзіи этого права. Вторая ошибка состояла въ томъ, что парламентъ, лишенный какой либо власти, серьезно принимался за дѣйствительный парламентъ. Но это было лишь началомъ цѣлаго ряда ошибокъ, которыя необходимо вытекали изъ первыхъ.

Третья непостижимая ошибка этой робкой партіи состояла въ томъ, что ея депутаты не стали на болѣе рѣшительную революціонную позицію во время Выборгскаго манифеста и въ томъ, что не приняли наказанія въ тотъ критическій моментъ вмѣсто того, чтобы быть осужденными за политическое преступленіе два года позже. Какъ я уже указалъ, такой шагъ могъ бы приблизить страну къ окончательной развязкѣ.

Четвертая ошибка этой партіи состояла въ томъ, что послѣ разгона Первой Думы она фактически подпала подъ вліяніе и руководство Милюкова, который является ничѣмъ инымъ, какъ оппортунистомъ и политиканомъ. (Политиканомъ, конечно, въ томъ смыслѣ, что человѣкъ отдается только политикѣ и при этомъ безъ всякихъ корыстныхъ мотивовъ.) Я уже указалъ, какъ это все произошло, и

какъ это повело къ отказу отъ всѣхъ великихъ принциповъ Русской Великой Хартіи—адреса Первой Думы царю.

Пятая огромная ошибка, допущенная партіей, заключалась въ предложеніи ея голосовать за правительственный бюджетъ, внесенный въ Третью Думу, голосовать на томъ основаніи, что Дума де все равно безсильна измѣнить бюджетъ. Здравый смыслъ, логика и вѣрность принципамъ, казалось бы, должны были подсказать какъ разъ обратное заключеніе, а именно, что чѣмъ меньшей властью пользуется Дума въ вопросѣ о бюджетѣ, тѣмъ съ большей рѣшительностью слѣдовало бы партіи выступать противъ колоссальнаго грабежа, мошенничества и растраты народныхъ денегъ, которые санкціонировались предложеннымъ правительствомъ бюджетомъ.

Шестая и послѣдняя ошибка, которая фактически свела теперь, во время остраго кризиса, переживаемаго Россіей, вліяніе кадетской партіи къ нулю, заключалась въ отказѣ сдѣлать рѣшительное выступленіе противъ правительства въ тотъ самый моментъ, когда правительство взяло обратно большую часть того, что партіи угодно было называть конституціей. Партія, конечно, не въ состояніи была предупредить правительственный coup d'état, но она могла поднять рѣшительный протестъ, обратиться съ призывомъ ко всему народу и всему міру, указывая на невозможность легальной борьбы въ такой странѣ. Ей слѣдовало скорѣе превратиться опять въ конспиративную организацію, въ родѣ союза «Освобожденіе», который существовалъ за нѣсколько лѣтъ до этого и въ который входило большинство теперешнихъ лидеровъ партіи.

Спускаясь по наклонной плоскости политическаго оппортунизма, партія теперь пришла къ логическимъ результатамъ такой политики. Всякая реальная политическая дѣятельность сдѣлалась теперь невозможной, и партія можетъ лишь заниматься пустословіемъ въ Парламентѣ, составленномъ правительствомъ по своему собственному вкусу и лишенномъ какой либо власти.

ГЛАВА IV.

Умѣренные заодно съ реакціонерами.

Отчетъ партіи конституціонныхъ демократовъ по поводу царскаго coup d'état ясно обнаруживаетъ всю нелогичность и непрактичность тактики этой партіи. Вмѣсто того, чтобы мужественно разъяснить истинное значеніе беззаконія правительственнаго акта, партія ограничилась лишь косвеннымъ его осужденіемъ. «Что касается политическаго и юридическаго значенія акта 3-го іюля», гласитъ отчетъ, «то о немъ не можетъ быть двухъ мнѣній». Это далеко не такъ. Есть таки два существенно различныхъ мнѣнія: мнѣніе тѣхъ, которые отвергаютъ этотъ государственный переворотъ, и мнѣніе тѣхъ, которые не отвергаютъ его. И именно это-то разногласіе и лежитъ въ основѣ коренного различія между тѣми, которые дѣйствительно противъ нынѣшняго русскаго правительства, и тѣми, которые борются съ нимъ лишь въ предѣлахъ, отведенныхъ самимъ правительствомъ для «лояльной» оппозиціи. Отчетъ утверждаетъ, что отрицательное отношеніе болѣе революціонныхъ партій къ царской конституціи нанесло ущербъ молодому еще, а потому и далеко несовершенному, конституціонализму, который успѣлъ было уже пустить корни въ общественномъ сознаніи. Партія конституціонныхъ демократовъ, такимъ образомъ, строитъ всю программу своей политической дѣятельности на неуловимомъ настроеніи и кажущихся симпатіяхъ общества къ учрежденію, само существованіе котораго правительство, ревниво оберегающее свое исключительное правотолкованія законовъ, отрицаетъ.

Въ своемъ отчетѣ кадеты обвиняютъ революціонныя партіи въ готовности давать всевозможныя обѣщанія, не сообразуясь съ возможностью ихъ выполненія. Вотъ что значитъ сваливать все съ больной головы на здоровую. Вѣрно какъ разъ противоположное. Въ то время, напр., когда выбранные крестьянами члены Думы, обѣщая «бороться за землю и волю», вовсе не скрываютъ отъ своихъ избирателей, что не тѣшатъ себя иллюзіями черезъ Думу же добиться удовлетворенія своихъ требованій, отчетъ кадетской партіи ставитъ непосредственной цѣлью послѣдней «реализовать рѣшеніе національной проблемы». Лидеры этой партіи конфиденціально сознаются уже теперь, что нѣтъ никакой надежды на общее разрѣшеніе этой проблемы. Но, увѣряютъ они уже болѣе умѣреннымъ тономъ, имъ удалось бы все таки склонить правительство къ кое-какимъ уступкамъ по національному вопросу, если бы не революціонная позиція крестьянскихъ и рабочихъ депутатовъ-соціалистовъ въ Думѣ. Но въ томъ-то и дѣло, что истинные представители народа вовсе не желали какихъ-то уступокъ, какихъ-то половинчатыхъ и неудовлетворительныхъ мѣръ, или «реформъ», какъ кадеты ихъ величаютъ. Различное отношеніе соціалистовъ и кадетовъ къ полумѣрамъ ясно сказалось при «рѣшеніи» аграрнаго вопроса. Первые стояли за образованіе земельнаго фонда, изъ котораго выдѣлялись бы крестьянамъ или крестьянскимъ единицамъ участки земли во временное только пользованіе. Чтобы провалить это предложеніе, кадеты не посовѣстились голосовать за одно не только съ консервативнымъ польскимъ «коло», но и съ партіей помѣщиковъ.

Отчетъ пытается обѣлить кадетовъ и объясняетъ, что послѣдніе были вынуждены прибѣгнуть къ консервативной тактикѣ призывомъ одной изъ соціалистическихъ партій «ринуться въ беззаконіе, не считаясь съ другими общественными силами и не сообразуясь съ общимъ настроеніемъ страны.» Что большинство депутатовъ ре-

волюціонныхъ партій приглашали одну часть населенія Россіи «ринуться въ беззаконіе, не считаясь съ другими общественными силами», абсолютно не вѣрно: всѣ ожидали, да ожидаютъ еще и теперь, что подавляющее большинство населенія, обнимающее различнѣйшіе слои и различнѣйшія общественныя силы, объединится въ совмѣстномъ революціонномъ движеніи. Но что сущая правда, это то, что всѣ революціонныя организаціи требовали отъ всякаго, кто только выдаетъ себя за выразителя народныхъ интересовъ, «ринуться въ беззаконіе» независимо отъ того, есть ли какая-нибудь надежда на непосредственный успѣхъ революціи. Тамъ, гдѣ правительство, состоящее изъ убійцъ и преступниковъ, имѣетъ исключительное право опредѣленія того, что законно и легально и что недозволено и беззаконно,—тамъ долгъ всякаго честнаго оппозиціонера разъ на всегда отказаться отъ оффиціальной законности.

Послѣдствіемъ неустойчивости ихъ принциповъ и ихъ вертлявой тактики было то, что конституціонные демократы играли весьма незначительную роль во Второй Думѣ. Въ большинствѣ «крупныхъ событій» первую скрипку играли депутаты соціаль-демократической партіи, партіи рабочихъ по преимуществу. Но и крестьянскіе депутаты, люди менѣе развитые и менѣе сознательные, и тѣ играли болѣе видную роль, чѣмъ кадетскіе депутаты. Умѣренныя партіи, изъ боязни разсердить Столыпина, рѣшили вовсе не отвѣчать на вызывающе-оскорбительную рѣчь послѣдняго при открытіи Думы. Соціаль-демократическая же партія, въ лицѣ блестящаго оратора Церетелли, не преминула воспользоваться подходящимъ случаемъ, чтобы повѣдать цивилизованному міру печальную повѣсть о внутреннемъ положеніи Россіи. То была исключительная по силѣ ораторскаго искусства рѣчь, и дышала она вся, отъ самаго начала до конца, глубочайшей ненавистью къ правительству.

«Своими дѣйствіями», говорилъ между прочимъ Це-

ретелли, «правительство открыло всѣмъ, даже слѣпымъ, глаза, давъ имъ возможность воочію убѣдиться въ существованіи неразрывныхъ узъ между самодержавнымъ правительствомъ и кликой помѣщиковъ-крѣпостниковъ, хищнически грабящихъ милліоны бездомныхъ крестьянъ.»

Далѣе въ этой, ставшей исторической, рѣчи Церетелли выставилъ на позоръ всѣ дѣянія правительства, разсчитанныя на подавленіе, терроризированіе, подчиненіе и сокрушеніе несчастнаго крестьянскаго населенія. Онъ поставилъ на видъ, что двѣ трети Россіи находятся подъ дѣйствіемъ военныхъ законовъ и превращены въ большое число совершенно независимыхъ сатрапій, которыя отданы на произволъ жестокихъ генераловъ, облеченныхъ самыми обширными полномочіями. Затѣмъ онъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ и яркихъ краскахъ описалъ правительственные погромы и бомбардировки цѣлыхъ селеній и городовъ, гдѣ невинное населеніе предавалось огню и мечу. И пришелъ онъ къ заключенію, что правительственныя дѣйствія всецѣло направлены противъ народа.

Требовалось большое мужество произнести тогда такую рѣчь и употребить подобныя рѣзкія выраженія. И Церетелли нашелъ въ себѣ это мужество. Дѣлая свой смѣлый вызовъ правительству во вражьемъ, такъ сказать, лагерѣ — Дума была оцѣплена сильнымъ военнымъ отрядомъ — онъ прекрасно сознавалъ и предчувствовалъ, что играетъ съ огнемъ. Предчувствія таки его не обманули: онъ заточенъ теперь на долгій срокъ въ тюрьму, гдѣ ему предстоитъ не только безполезно потратить значительную часть своей молодости—ему всего около тридцати лѣтъ—но и грозитъ опасность его жизни, такъ какъ онъ серьезно боленъ.

Заключительный аккордъ его рѣчи представляетъ прямой и горячій призывъ къ революціоннымъ дѣйствіямъ внѣ стѣнъ Думы.

Вотъ конецъ рѣчи:

«Мы, слуги народа, обязаны направлять и концентрировать всю нашу энергію, всѣ наши помыслы и

усилія на томъ, чтобы помогать народу объединяться и организоваться, потому что одна только помощь и непосредственная поддержка народа даетъ намъ возможность положить конецъ дикимъ дебошамъ притѣснителей, опустошающихъ страну. Вы, граждане, представители народа, вѣрно, помните хорошо, какъ 10 мѣсяцевъ тому назадъ депутатъ Набоковъ (кадетъ) съ высоты думской трибуны заявилъ правительству, что «исполнительная власть должна быть подчинена законодательной». Не прошло и двухъ мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ исполнительная власть при помощи штыковъ разогнала законодательный корпусъ. Я разсказываю Вамъ это просто, чтобы показать, что мы не имѣемъ еще дѣйствительной конституціи; мы имѣемъ лишь тѣнь конституціи, и каждый шагъ нашъ долженъ быть разсчитанъ на то, чтобы сплачивать народъ въ организованную силу, способную стереть съ лица земли самодержавное правительство.

«Пусть откровенный голосъ народныхъ представителей разнесется вдоль и поперекъ страны, пусть онъ будитъ къ борьбѣ тѣхъ, которые еще политически спятъ. Въ то же самое время пусть Дума организируетъ и группируетъ законодательной своей дѣятельностью вокругъ себя разбуженныя уже массы. Поднимемъ же дѣйствительныя силы народа, силы, составляющія вездѣ прочный базисъ реальной конституціи. Безъ этихъ силъ народу никогда не получить изъ рукъ правительства ни земли, ни свободы. Силы эти растутъ не по днямъ, а по часамъ. Народъ, сознавшій разъ свои права, рано или поздно объединится для реализаціи этихъ правъ. И самодержавному правительству не остановить этого движенія. Быть можетъ, я говорю — быть можетъ — черезъ недѣлю этой Думы уже больше не будетъ. Но могучему народному движенію, которое помогло уже Россіи отчалить отъ старыхъ береговъ, удастся не смотря на все, съ Думой или безъ нея, силою проложить дорогу къ свободѣ черезъ всевозможныя препятствія.

«А теперь, пока часъ тотъ еще не наступилъ, мы не предлагаемъ правительству сдаться силѣ народной. Но зато обращаемся съ призывомъ къ народнымъ представителямъ организовать эту силу. Мы не говоримъ, подобно кадетамъ, что правительство должно было бы подчиниться законодательной власти. Но мы говоримъ: «въ союзѣ съ народомъ, дѣйствуя заодно съ народомъ, законодательная власть силою заставитъ исполнительную подчиниться!»

Кадеты не проронили ни слова противъ правительства при открытіи Думы; они и не поднимали своего голоса за народъ и въ теченіе сессіи Думы. Требованіе полной амнистіи за политическія преступленія — самыя первыя слова, произнесенныя въ стѣнахъ Первой Думы — оставлено было въ сторонѣ Второй Думой. Въ оправданіе своего трусливаго поведенія въ этомъ вопросѣ, кадеты указывали, что послѣдній выходитъ изъ предѣловъ компетенціи Думы. На этомъ же основаніи они вотировали за бюджетъ и за новый наборъ для арміи, арміи, столь нужной правительству для кровавой расправы съ народомъ. Еще болѣе измѣннически вели себя кадетскіе депутаты, когда за одно съ консерваторами и реакціонерами вотировали за утвержденіе Думой выборовъ въ Полтавѣ, гдѣ реакціонеры совершили рядъ неслыханныхъ подлоговъ, чтобы только провести своихъ людей въ Думу.

Заслуживаютъ вниманія думскія пренія по нѣкоторымъ жгучимъ вопросамъ, изъ которыхъ видно стало, какъ конституціоналисты-демократы все болѣе отступали отъ своей первоначальной оппозиціонной позиціи и какъ они расширяли пропасть, отдѣляющую ихъ отъ радикальной оппозиціи.

Во время преній по бюджету виднѣйшимъ критикомъ со стороны кадетовъ выступилъ эксъ-министръ Кутлеръ, незадолго только до того вступившій въ партію. И, какъ подобаетъ бывшему члену царскаго кабинета, онъ не касался вопроса по существу, а терялся только въ мелочахъ. И революціонный соціаль-демократъ Алексин-

скій, депутатъ отъ Петербурга, былъ правъ поэтому, когда онъ въ своей критикѣ бюджета одинаково нападалъ на правительство и кадетовъ.

Наиболѣе сенсаціонныя пренія произошли по вопросу о новомъ наборѣ. И въ этомъ вопросѣ умѣренные держались той-же позиціи, что и правительство. Главные дебаты произошли между умѣренными и революціонерами. Умѣренный Гессенъ исходилъ изъ того, что, согласно 119 ст. основныхъ законовъ, Дума не въ правѣ уменьшать численность новобранцевъ. А потому не слѣдуетъ, молъ, понапрасну порохъ тратить. Радикалы же смотрѣли на дѣло какъ разъ наоборотъ: они находили, что самая наличность 119-ой статьи обязываетъ народныхъ представителей мужественно и недвусмысленно высказаться. Кадеты новаго, консервативнаго крыла, эксъ-министръ Кутлеръ и адвокатъ Маклаковъ, старались воздѣйствовать на радикаловъ тѣмъ соображеніемъ, что массы не одобрятъ «непатріотичной» аттаки на армію . . . Подобными . . . предостереженіями кадеты только обнаружили истинный мотивъ своего поведенія: они поддерживали правительство главнымъ образомъ не потому, что Дума не была въ правѣ касаться вопроса о численности новобранцевъ, а вслѣдствіе отсутствія въ нихъ вѣры въ народъ, отсутствія, обусловившаго быстрое вырожденіе ихъ партіи.

Крестьянскій депутатъ Семеновъ, человѣкъ смышленый и безусловной учтивости, прямо, такъ сказать, схватилъ быка за рога, обвиняя правительство въ томъ, что увеличеніе численности новобранцевъ ему нужно лишь для того, чтобы «держать насъ и впредь подъ ярмомъ, чтобы и впредь давать намъ чувствовать силу притѣсненій, нагаекъ, штыковъ и пушекъ.

Онъ говорилъ далѣе:

«Кому солдаты служатъ? Государству и отечеству? Нѣтъ. Они служатъ офицерамъ, которые заставляютъ ихъ ухаживать за ихъ любимыми собачками . . . Все, чему насъ учатъ въ арміи, это—титулъ, имя, отчество и фамилія

фельдфебеля, офицеровъ и др. Что это за знаніе? Солдатъ нужно учить дѣлу . . . Мы должны помнить поговорку: «Тотъ солдатъ хорошъ, который надѣется стать генераломъ.» Но можетъ ли солдатъ, приставленный къ собачкамъ, надѣяться стать со временемъ генераломъ?»

«Мы обѣщаемъ защищать Россію, но мы никогда не будемъ защищать помѣщиковъ», воскликнулъ другой крестьянскій депутатъ. Остальные ораторы говорили все въ этомъ же духѣ: всѣ они указывали на глубокую ненависть, которую народныя массы питаютъ какъ къ солдатской службѣ, такъ и къ офицерской кастѣ. Но особенно великую сенсацію вызвала рѣчь бывшаго армейскаго офицера, соціаль-демократическаго депутата Зурабова. Онъ говорилъ между прочимъ:

«Мы не находимъ возможнымъ заключить перемиріе; мы не желаемъ войти ни въ какіе переговоры со старой властью; мы—на полѣ битвы, и было бы съ нашей стороны безумiемъ дать этой власти желаемое ею вооруженіе . . . Чтобы превратить армію въ слѣпое орудіе для проведенія въ жизнь своихъ намѣреній и осуществленія своихъ цѣлей, самодержавное правительство терроризируетъ ее при помощи желѣзной, безпощадно-жестокой дисциплины, превращающей человѣческое разумное существо въ бездушную машину . . .

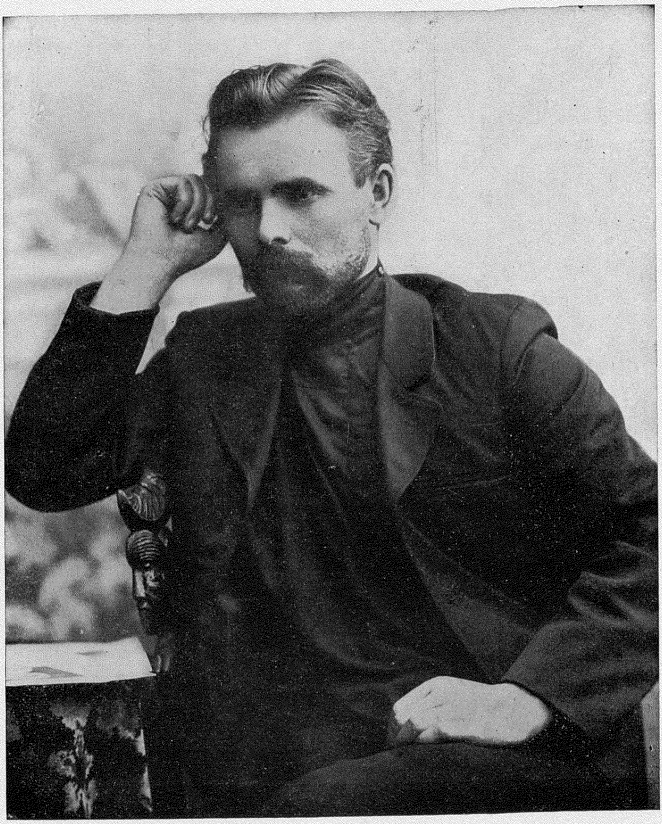
«Ничтожнаго жалованья (45 коп. въ мѣсяцъ), которое солдатъ получаетъ, едва ли хватаетъ ему на обувь, починку платья, мыло, ваксу и др. необходимые расходы . . . И солдату по неволѣ приходится воровать, грабить, когда и гдѣ только можно . . .

«Что касается армейскихъ офицеровъ, то они въ большинствѣ случаевъ круглые невѣжды, невѣжды въ отношеніи не только общаго образованія, но и своей спеціальности . . .

«Въ результатѣ, армія абсолютно негодна для внѣшней защиты. Только въ подобной арміи могли выдвинуться такіе безпримѣрные тупицы, какъ Ренненкампфъ, Орловъ и Каульбарсъ . . .

Крестьяне-депутаты во Второй Думѣ

Центральная Рабочая Библиотека
Моск. Губ. Сов. Проф. Союза.



Типичный интеллигентный представитель крестьянства

Центральная Рабочая
Библиотека
Моск. Губ. Сов. Проф. Сокл.

«Такая армія успѣшно можетъ бороться лишь съ беззащитными народными массами и или-же легко разгонять народныхъ представителей, но она обречена на неминуемыя пораженія внѣ страны . . .»

Ревъ и вопль со скамей реакціонеровъ не дали Зурабову договорить. Посыпались грубыя ругательства, обвиненія въ измѣнѣ. Конституціонно-демократическая партія оказалась далеко не на высотѣ своей задачи. Неугомонный Пуришкевичъ благимъ матомъ оралъ — «Вонъ! Вонъ!» Кадетскій президентъ Головинъ, вмѣсто того, чтобы призвать демагога Пуришкевича къ порядку, тоже накинулся на Зурабова съ требованіемъ избѣгать въ Думѣ выраженія «ни на чемъ не основанныхъ» взглядовъ и мнѣній. «Ни на чемъ не основанныхъ . . .» А вотъ судъ надъ генералами, участвовавшими въ Японской кампаніи, съ очевидностью доказалъ правдивость взведенныхъ Зурабовымъ обвиненій. Не будучи въ состояніи справиться съ крайними правыми, Головинъ объявилъ перерывъ. По возобновленіи засѣданія Головинъ предложилъ исключить Зурабова «за его оскорбительный отзывъ о русской арміи.» Въ видѣ протеста рабочіе и крестьянскіе депутаты, представители большинства русскаго народа, покинули залъ засѣданій.

Послѣ тайнаго совѣщанія, соціаль-демократическая фракція на слѣдующій день возобновила свою аттаку и выяснила истинную позицію партіи конституціонныхъ демократовъ.

«Всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ,» говорилъ, между прочимъ, Алексинскій, «конституціонные демократы обратились къ народу съ Выборгскимъ манифестомъ, въ которомъ совѣтовали народу не давать правительству ни одного солдата, не отпускать ни копейки правительству. А теперь эти же самые конституціонные демократы вотируютъ за новый наборъ въ армію.»

Эти историческія засѣданія обнаружили трогательное единеніе конституціонныхъ демократовъ съ ярыми приверженцами царизма.

ГЛАВА V.

Крестьяне становятся соціалистами.

Народныя массы отнеслись къ распущенію Первой Думы несравненно серьезнѣе, чѣмъ умѣренныя партіи. Этотъ актъ царя оказалъ на крестьянъ такое же вліяніе, какое кровопролитіе въ Красное Воскресенье (9-е января 1905 г.) оказало на городскихъ рабочихъ. Народъ высказалъ свое негодованіе при выборахъ во Вторую Думу; онъ обнаружилъ такой радикальный образъ мыслей, что о сотрудничествѣ съ кадетами на платформѣ сравнительно умѣреннаго Выборгскаго воззванія уже не могло быть и рѣчи. Въ то время, какъ умѣренные становились все умѣреннѣе, населеніе все больше проникалось революціонными идеями.

Не смотря на то, что избирательный законъ былъ благопріятенъ лишь реакціоннымъ и умѣреннымъ партіямъ, не смотря также на произвольныя дѣйствія и беззаконія провинціальной полиціи, Вторая Дума носила ярко соціалистическую окраску. Оказалось, что изъ 20 милліоновъ избирателей не менѣе 15 милліоновъ голосовали за кандидатовъ революціонныхъ и соціалистическихъ организацій, которыя хорошо зарекомендовали себя и пріобрѣли всеобщую популярность своей дѣятельностью въ Первой Думѣ. Изъ остальныхъ пяти милліоновъ голосовъ большинство досталось разнымъ революціоннымъ національнымъ партіямъ. И только одинъ или два милліона вотировали за умѣренныя и реакціонныя партіи. Большинство народа вотировало за соціалистическихъ кандидатовъ, а подавляющее большинство за революціонеровъ.

Если еще припомнить грубыя махинаціи властей во время выборовъ, то мы можемъ съ большой вѣроятностью допустить, что большинство дѣйствительно законно избранныхъ депутатовъ были соціалисты и революціонеры. Это замѣчательно рѣдкій результатъ, особенно если принять во вниманіе, что по избирательному закону голосъ одного помѣщика былъ равносиленъ сотнѣ голосовъ отъ крестьянъ и городскихъ рабочихъ.

Результаты выборовъ въ Первую Думу были предостереженіемъ для правительства, и удивительно, почему послѣднее не прибѣгло къ своему coup d'état до выборовъ во Вторую Думу. Оно предпочло тогда набрать себѣ послушную Думу при помощи полицейскихъ мѣръ вмѣсто того, чтобы открыто нарушить свое торжественное обѣщаніе блюсти законъ, вѣроятно, изъ боязни, что подобное нарушеніе произведетъ дурное впечатлѣніе на иностранныхъ капиталистовъ. А полицейскія мѣры эти были такія вопіющія, что нѣкоторыя изъ нихъ были рѣдко осуждены высшими судебными учрежденіями послѣ распущенія уже Второй Думы. Такъ, въ Прибалтійскихъ провинціяхъ были избраны Геллатъ и Пельдъ. Полиція уничтожила эти выборы . . . Выборы въ Минской губерніи петербургскія власти безъ всякой основательной причины, а только по настоянію безславнаго Шмидта, признали недѣйствительными. Въ Кіевской губерніи администрація вычеркнула цѣлыхъ 13 тысячъ нежелательныхъ ей избирателей подъ тѣмъ предлогомъ, что занимаемыя ими квартиры не удовлетворяютъ будто-бы предписаніямъ закона о квартирахъ . . . Полиція конфисковывала газеты за одно печатаніе именъ кандидатовъ, а во Владимірской губерніи она вовсе запретила газетамъ касаться политическихъ вопросовъ! И если такое компактное соціалистическое меньшинство все же попало въ Думу, то это указываетъ на существованіе могучаго соціалистическаго и революціоннаго теченія въ массахъ.

Изъ большинства депутатовъ, избранныхъ собственно

массой населенія, болѣе 100 депутатовъ принадлежали къ такъ наз. «Трудовой Группѣ», основанной Аладьинымъ, Аникинымъ и др. бывшими депутатами Первой Думы. Нѣтъ сомнѣнія, что даже при такомъ всеобщемъ избирательномъ правѣ, какого умѣренныя партіи требуютъ, «трудовики» составляли бы большинство всей Думы. Почти равномѣрно были представлены и демократическія партіи, положившія соціалистическій идеалъ въ основу своихъ программъ—соціаль-демократическая партія, партія соціалистовъ-революціонеровъ и національныя соціалистическія партіи,—давшія въ общей сложности болѣе, чѣмъ 100 депутатовъ. Въ Первой Думѣ эти партіи имѣли двадцать депутатовъ, а во Второй—120. Число «трудовиковъ», т. е. умѣренныхъ соціалистовъ увеличилось по сравненію съ Первой Думой въ два раза, а число революціонно соціалистическихъ депутатовъ увеличилось въ 6 разъ!

Выборы эти показали, что истинно-демократическіе элементы не съ партіей конституціонныхъ демократовъ. Выборщики изъ среднихъ классовъ, несомнѣнно, были недовольны этой партіей по причинамъ, уже выше изложеннымъ; но есть еще болѣе глубокая причина, обусловливающая рознь между консервативными руководящими элементами умѣренной партіи и народными массами. Еще до начала сессіи Первой Думы Аладьинъ обратилъ вниманіе общества на тотъ фактъ, что большинство попавшихъ въ Думу конституціонныхъ демократовъ—помѣщики, и что крестьяне не могутъ поэтому питать особое довѣріе къ либерализму какой-либо части того класса, право котораго на владѣніе помѣстьями они оспариваютъ. Мы не должны забывать, пояснялъ Аладьинъ, что отцы этихъ господъ (конституціонныхъ демократовъ) были крѣпостниками, и что среди старшихъ изъ нихъ есть такіе, которые сами въ молодости были крѣпостниками.

Недовѣріе народа къ партіи конституціонныхъ демократовъ находитъ свое соотвѣтствіе въ недовѣріи послѣдней къ народу. Конституціонные демократы презрительно

сомнѣваются въ силѣ и способности крестьянина, на котораго они смотрятъ, какъ на сущаго дикаря. Собственно не отсутствіе вѣры, а отсутствіе научнаго наблюденія, искренней симпатіи, пониманія народа—вотъ что характеризируетъ эму недемократическую партію. Я не подозрѣваю вождей послѣдней въ сознательномъ преслѣдованіи своихъ узкихъ помѣщичьихъ интересовъ. Но я глубоко убѣжденъ, что они далеко еще не отрѣшились отъ своей крѣпостнической психологіи. Демократизмъ конституціонныхъ демократовъ носитъ характеръ отеческой опеки или феодальной благотворительности. Ихъ конституціонализмъ, какъ можно о немъ судить по изложенію ихъ публицистовъ и теоретиковъ, сухой, чисто разсудочнаго происхожденія, не подкрѣпляемый знаніями и не согрѣваемый любовью и вѣрой. Вотъ почему онъ въ нужный моментъ не выдержалъ испытанія.

Выборгскій манифестъ обнаружилъ свою революціонность главнымъ образомъ въ вопросахъ политическаго характера. Депутаты же большинства народа во Второй Думѣ, напротивъ, склонны были къ соціально-революціонной программѣ. Соціальная революція, за которую стоятъ массы народа, касается преимущественно аграрныхъ отношеній. Даже многіе либералы, не принадлежавшіе къ соціалистическимъ партіямъ, въ отношеніи аграрнаго вопроса шли рука объ руку съ соціалистами. Всякая партія, которая имѣла кое-какое право считаться представительницей интересовъ крестьянскаго большинства народа, стояла за отчужденіе государствомъ, за или безъ вознагражденія, всѣхъ земель, находящихся во владѣніи дворянства и состоятелныхъ классовъ съ тѣмъ, чтобы создать изъ нихъ національный земельный фондъ и предоставить отдѣльнымъ крестьянамъ, крестьянскимъ общинамъ или мѣстнымъ самоуправленіямъ право на извѣстную часть этого фонда. Это не то право, которое правительство Соединенныхъ Штатовъ въ свое время предоставляло поселенцамъ, желавшимъ основаться на

землѣ. Въ Америкѣ было слишкомъ много земли и недостаточно много поселенцевъ. Въ Россіи же не хватаетъ земли для всѣхъ желающихъ. Поэтому лѣвыя партіи предлагали не раздавать землю въ вѣчную частную собственность, а либо отдавать ее въ долгосрочную аренду отдѣльнымъ лицамъ, либо предоставить общинамъ или мѣстнымъ самоуправленіямъ право распредѣлять ее согласно распорядку, установленному народнымъ представительнымъ собраніемъ.

По признанію самихъ соціалистическихъ и народныхъ партій, упомянутое рѣшеніе аграрнаго вопроса равносильно соціальной революціи. Правительство не согласится на такую аграрную программу; оно можетъ лишь быть вынуждено принять ее подъ сильнымъ давленіемъ либо всеобщаго возстанія, либо продолжительныхъ крестьянскихъ безпорядковъ.

Положеніе, которое конституціонные демократы приняли во Второй Думѣ, когда тамъ горячо обсуждался аграрный вопросъ, далеко не удовлетворило истинныхъ представителей народа. Кадеты предложили не экспропріацію помѣщичьихъ земель, а выкупъ ихъ въ пользу крестьянъ по настоящей стоимости, а не по искусственно повышенной рыночной цѣнѣ, съ тѣмъ, чтобы само изголодавшееся крестьянство уплатило половину выкупной суммы.

Всѣ же истинно-народныя партіи заняли совсѣмъ другую позицію по аграрному вопросу. Съ перваго взгляда могло показаться, что соціаль-демократы стоятъ еще на болѣе консервативной точкѣ зрѣнія, чѣмъ конституціонные демократы. Дѣло въ томъ, что, согласно теоріи соціаль-демократовъ, деревнѣ не миновать капитализма, и тенденція сельскаго хозяйства, даже послѣ экспропріаціи, лежитъ въ поглощеніи мелкаго землевладѣнія крупнымъ. Поэтому соціаль-демократы высказываются противъ какихъ-либо мѣръ, которыя могутъ служить помѣхой развитію крупнаго сельскаго хозяйства, въ то время какъ

конституціонные демократы, напротивъ, хотѣли бы сдѣлать мелкое хозяйство типичной и перманентной формой землевладѣнія въ Россіи. Но соціаль-демократы стояли за полную экспропріацію помѣщичьихъ земель безъ всякаго вознагражденія со стороны не только крестьянъ, но и государства, тогда какъ кадеты за одно съ самыми крайними реакціонерами голосовали въ аграрной коммиссіи за возмѣщеніе помѣщикамъ убытка отъ отчужденія ихъ земель. Въ основѣ программы соціаль-демократовъ лежитъ ихъ недовѣріе къ крестьянству. Партія городскаго пролетаріата по существу, россійская соціаль-демократія мало вѣритъ въ соціалистическія тенденціи крестьянства и находитъ, что послѣднее играетъ второстепенную лишь роль въ революціонномъ движеніи. Аграрныя волненія, по словамъ вождя соціаль-демократической фракціи, Церетелли, были ничѣмъ инымъ, какъ отголоскомъ освободительнаго движенія въ городахъ.

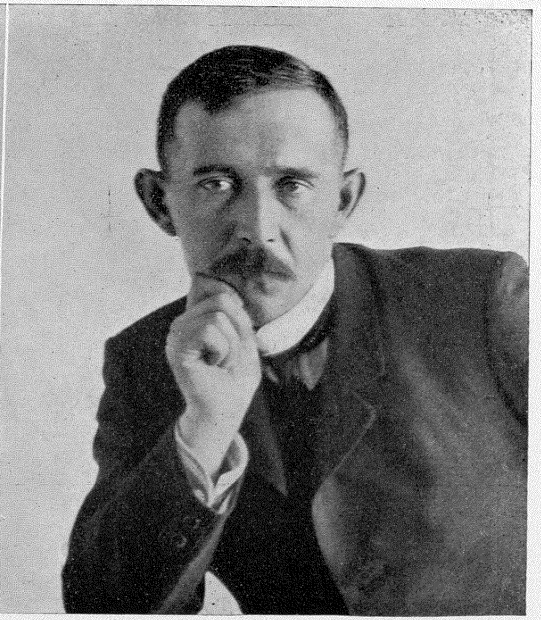
Соціаль-демократическая партія рѣзко расходится съ другими лѣвыми партіями въ Думѣ по вопросу о завѣдываніи національнымъ земельнымъ фондомъ. Она противъ сосредоточенія подобнаго фонда въ рукахъ централизованнаго государства, потому что такое сосредоточеніе можетъ явиться опаснымъ орудіемъ въ этихъ рукахъ противъ народа. Соціаль-демократы предлагаютъ поэтому, чтобы распредѣленіе земли было предоставлено всецѣло мѣстнымъ самоуправленіямъ. Они также рѣшительно высказываются противъ пріобщенія земель отдѣльныхъ крестьянъ къ общему національному фонду, ибо подобное порабощеніе превратитъ этихъ крестьянъ во враговъ революціи. Что касается способа распредѣленія земли, то соціаль-демократы предлагаютъ, чтобы мѣстныя самоуправленія, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій и обстоятельствъ, либо распредѣляли имѣющіяся въ ихъ распоряженіи земли между крестьянами, либо сдавали крестьянамъ эти земли въ аренду, либо-же вели на нихъ крупное сельское хозяйство.

Главное, противъ чего они выступаютъ, это общинная форма крестьянскаго землевладѣнія, та самая форма, которая соціалистами-революціонерами разсматривается, напротивъ, какъ самая желательная и соотвѣтствующая народнымъ потребностямъ и традиціямъ форма землевладѣнія.

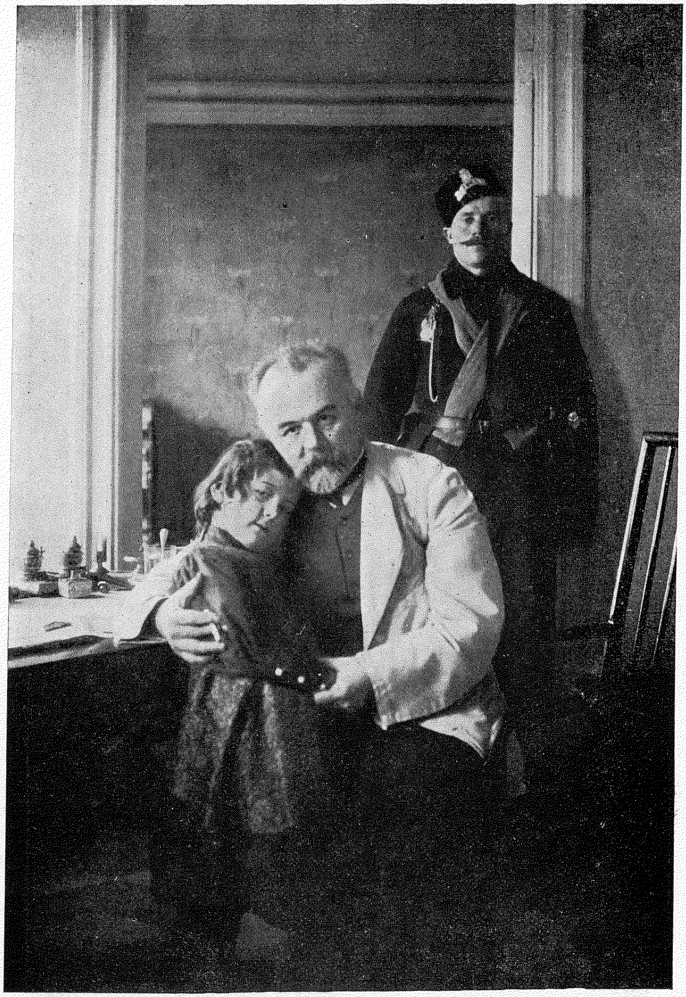
Какъ ни расходятся обѣ эти партіи во взглядахъ на общинное землевладѣніе, слѣдуетъ, однако, помнить, что это истинно-народныя, искренно-демократическія партіи, и окончательно рѣшить вопросъ о формѣ землевладѣнія онѣ предоставляютъ самому крестьянству. При всей своей антипатіи къ общинѣ, какъ къ отжившему свое время учрежденію, стоящему на пути развитія сельскаго хозяйства въ странѣ, соціаль-демократы не стали бы, конечно, противиться, если бы крестьяне пожелали испробовать общинную форму землевладѣнія. Съ другой стороны, соціалисты-революціонеры, при всемъ ихъ преклоненіи предъ общиной, не стали бы отказывать въ правѣ мѣстнымъ, демократически избраннымъ крестьянами же, самоуправленіямъ, распоряжаться землею, какъ они нашли бы болѣе цѣлесообразнымъ. Въ началѣ сессіи Первой Думы я спросилъ Аладьина, симпатизируетъ ли онъ общинному землевладѣнію? Онъ отвѣтилъ: «мы оставляемъ этотъ вопросъ на усмотрѣніе самихъ крестьянъ. Мы, конечно, не станемъ посылать казаковъ въ деревню для насильственнаго введенія той или иной формы землевладѣнія.»

Что больше всего возмущало правыя партіи и защитниковъ стараго режима, такъ это посягательство на неприкосновенность частной собственности. Но думскія пренія могли убѣдить всякаго мыслящаго и безпристрастнаго слушателя въ справедливости экспропріаціи. Церетелли, напр., обратилъ вниманіе Думы на то, что карательные отряды, посылавшіеся на помощь помѣщикамъ, предавали огню и мечу цѣлыя селенія, вовсе не считаясь съ тѣмъ, что нарушаютъ принципъ неприкосновенности част-

Аникинъ



Аладьинъ



Бѣлевскій

(Подъ „домашнимъ арестомъ“ въ Москвѣ)

Центральная Рабочая Библиотека Моск. Губ. Сов. Проф. Союз.

ной собственности. Онъ указалъ дальше и на тотъ фактъ, что правительство неоднократно конфисковывало частную собственность обывателей по чисто политическимъ соображеніямъ. По политическимъ же соображеніямъ, говорилъ онъ, слѣдуетъ произвести конфискацію помѣщичьихъ владѣній, ибо такая конфискація пошатнетъ главную основу современнаго русскаго государственнаго строя— помѣстное дворянство. Одинъ депутатъ изъ Украины напомнилъ Думѣ, какъ въ свое время правительство ограбило казаковъ, отнявъ у нихъ въ пользу казны тѣ земли, которыя они своей кровью и жизнями заплатили въ войнахъ съ татарами и турками. Царь не удовольствовался ограбленіемъ казачьяго населенія, но и впервые посягнулъ на свободу послѣдняго, превративъ казаковъ, въ концѣ восемнадцатаго столѣтія, въ крѣпостныхъ.

Что касается трудовой группы, то нѣкоторые болѣе консервативные ея члены были не прочь голосовать за выкупъ помѣщичьихъ земель. Но большинство депутатовъ группы стояло на той точкѣ зрѣнія, что крестьянство уже достаточно много платило какъ за свое свобожденіе, такъ и за землю, которой оно владѣетъ теперь. Они, впрочемъ, ничего не имѣютъ противъ того, чтобы покрыть сумму вознагражденія помѣщикамъ за отчужденныя земли путемъ спеціальнаго налога на средніе и высшіе классы населенія.

Проектъ трудовой группы составляетъ нѣчто среднее между проектами соціаль-демократической партіи и партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Подобно соціаль-демократамъ, трудовики тоже высказываются противъ отчужденія и пріобщенія земель мелкихъ земледѣльцевъ къ національному земельному фонду. Но въ то время, какъ соціаль-демократы не видятъ надобности въ запрещеніи продажи или иного вида отчужденія упомянутыми собственниками своихъ участковъ, если только мѣстныя самоуправленія изъявляютъ согласіе на подобную продажу, трудовики, вмѣстѣ съ соціалистами-революціоне-

рами, требуютъ категорическаго запрещенія частной купли и продажи земли. Трудовики расходятся съ соціаль-демократами еще въ одномъ пунктѣ. Соціаль-демократы поддерживаютъ правительственный законопроектъ о предоставленіи каждому общиннику права продать свою долю общинной земли. Подобная продажа весьма выгодна для рабочихъ изъ крестьянъ. Такой рабочій можетъ предъявить свое право на участокъ земли, который онъ тутъ же продастъ зажиточному крестьянину. Но эта сдѣлка не особенно выгодна для остающихся крестьянъ, ибо ихъ община дѣлается отъ этого бѣднѣе землей.

Съ тѣмъ же упорствомъ, съ которымъ правительство противилось такъ близкой сердцу крестьянина земельной реформѣ, оно противилось и другимъ важнымъ реформамъ, которыя могли бы произвести значительныя улучшенія въ экономическомъ, моральномъ и интеллектуальномъ положеніи крестьянства. То же самое правительство, которое лишаетъ крестьянъ столь необходимой для ихъ существованія земли, получаетъ половину всѣхъ своихъ доходовъ отъ винной монополіи: другими словами оно спаиваетъ населеніе, чтобы увеличить свои доходы. При этомъ оно тратитъ эти доходы преимущественно на вооруженія и разныя приготовленія къ войнѣ, а не на улучшеніе положенія народа или на народное просвѣщеніе, на которое оно смотритъ, какъ на «роскошь».

Не питая больше никакой надежды, что правительство и помѣщики сдѣлаютъ какіе-нибудь шаги въ сторону разрѣшенія хоть одного изъ назрѣвшихъ жизненныхъ общественныхъ вопросовъ, видя такое къ себѣ пренебреженіе со стороны господствующихъ классовъ, крестьянство съ совершеннымъ безразличіемъ относится теперь къ Государственной Думѣ, неспособной провести въ жизнь хотя бы часть его стремленій и желаній. Работающія среди него соціалистическія партіи почти совсѣмъ игнорировали выборы въ Третью Думу, которые передали Думу всецѣло въ руки помѣщиковъ. Coup d'état 3-го іюля

1907 г., сокративъ вдвое число выборщиковъ отъ рабочихъ, крестьянъ и непривилегированныхъ бѣднѣйшихъ слоевъ средняго городскаго населенія, въ то же время увеличилъ число выборщиковъ отъ помѣщиковъ на 30%.

Крестьяне и рабочіе, имѣвшіе во Второй Думѣ половину всего числа депутатовъ, представлены въ Третьей Думѣ одной лишь восьмой частью числа депутатовъ. По новому закону одинъ голосъ помѣщика равнозначущъ 10 голосамъ обыкновенныхъ обывателей, но одинъ голосъ обыкновеннаго обывателя равносиленъ 50 голосамъ крестьянъ и болѣе чѣмъ 50 голосамъ рабочихъ. Мы видимъ, такимъ образомъ, что народнымъ массамъ учинена гораздо большая несправедливость, чѣмъ тѣмъ классамъ населенія, на которые опираются умѣренныя партіи.

Крестьянство не возлагало бы большихъ надеждъ на Думу и въ томъ случаѣ, если избирательный законъ и не подвергся бы такой операціи. Дума, существованіе которой всецѣло зависитъ отъ милости правительства, безсильна совершить то, чего ждетъ и требуетъ крестьянство. Но послѣ того, какъ избирательный законъ былъ измѣненъ, крестьянство оставило всякую надежду на Думу и потеряло всякій интересъ къ ней. Въ Вятской губерніи, напр., значительная часть крестьянъ совершенно бойкотировала выборы. Тѣ же, которые участвовали въ выборахъ, неизмѣнно голосовали за соціалистовъ и революціонеровъ. Среди 16-ти тысячъ крестьянскихъ выборщиковъ лишь одна горсточка выборщиковъ отдала свои гласа въ пользу реакціонеровъ.

Часть пятая.

ГЛАВА I.

Рабочіе.

Крестьянство, какъ мы видѣли, дѣлаетъ значительные успѣхи въ дѣлѣ усвоенія революціонныхъ и соціалистическихъ идей. Но городскіе рабочіе, болѣе развитые, лучше организованные, чѣмъ крестьяне, сдѣлали и дѣлаютъ гораздо большіе успѣхи въ этомъ направленіи. Въ самыхъ важныхъ событіяхъ революціоннаго движенія главную роль играли рабочіе. Обѣщаніе о собраніи народныхъ представителей царь вынужденъ былъ дать подъ вліяніемъ всеобщаго негодованія, поднявшагося противъ него по поводу кровопролитія, учиненнаго 9-го января 1905 г. его казаками надъ беззащитными рабочими, собравшимися на площади передъ Зимнимъ Дворцомъ, чтобы изложить свои нужды. А 17-го октября того же года всеобщая стачка желѣзнодорожныхъ рабочихъ вынудила у царя еще одно обѣщаніе—о всеобщемъ избирательномъ правѣ и о дарованіи русскимъ обывателямъ нѣкоторыхъ гражданскихъ правъ. Правда, это были все обѣщанія, пустыя фразы, но они все же выражали побѣду рабочихъ надъ царизмомъ. Сдѣлавъ такъ много для народа, принеся для него столько жертвъ, рабочіе стали просить чего-нибудь и для себя.

Рабочіе никогда не ставили простую политическую свободу выше надежды добиться такого положенія, которое избавило бы ихъ отъ страха голода. Петиція, за которую они такъ дорого заплатили въ незабвенное Красное Вос-

кресенье, явилась собственно результатомъ стачки за болѣе высокую заработную плату и сносный рабочій день. Всеобщую стачку Союзъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ объявилъ потому, что правительство отказало его членамъ въ правѣ организоваться для улучшенія ихъ экономическаго положенія. Русскіе рабочіе возстали не только противъ устарѣлаго политическаго режима, но и противъ невыносимыхъ экономическихъ условій.

Русскіе рабочіе большей частью люди все грамотные. Глухія волненія среди нихъ происходятъ уже въ теченіе многихъ десятилѣтій, и съ давнихъ поръ уже замѣчается хожденіе интеллигенціи въ рабочую среду. Интеллигенція значительно подняла умственный уровень рабочаго, познакомила его съ лучшими условіями рабочихъ въ другихъ странахъ, а также съ борьбой заграничныхъ рабочихъ союзовъ и соціалистическихъ партій противъ капитала.

Русскій рабочій узналъ, такимъ образомъ, что обладая большими знаніями и работая лучшими орудіями, американскій рабочій производитъ втрое, а англійскій вдвое больше того, что онъ производитъ; онъ узналъ также, что англійскій рабочій получаетъ вчетверо, а американскій впятеро большую плату за свой трудъ, нежели онъ, несмотря на то, что жизнь обходится въ Россіи такъ же почти дорого, какъ въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ. Мясо въ Россіи еще дороже, хлѣбъ такъ же дорогъ, развѣ платье немногимъ дешевле. Тѣмъ не менѣе средній русскій рабочій получаетъ всего 200 р. въ годъ, а высшій заработокъ рабочаго, занятаго въ такой отрасли, какъ машинистроеніе, не превышаетъ 525—550 р. въ годъ. Рабочій день гораздо длиннѣе, если даже принять во вниманіе большее число праздничныхъ, не-рабочихъ дней въ Россіи. Ненавистная такъ наз. truck system, т. е. хозяйскія лавки, гдѣ рабочій долженъ брать необходимые ему товары, довольно широко разспространена, штрафы въ очень большомъ употребленіи, плата выдается не въ установленное время, а когда хозяину заблагоразсудится. Хуже

всего, можетъ быть, то, что рабочіе вынуждены жить въ фабричныхъ баракахъ, скученные какъ сельди въ бочкѣ, иногда по нѣсколько семействъ въ одной комнатѣ. Фабричные законы хотя и существуютъ въ Россіи, да еще въ сравнительномъ изобиліи, но законодатель нарочно, повидимому, не позаботился создать органы для проведенія ихъ въ жизнь.

Крупныя стачки имѣли мѣсто уже въ 1885 г. Положеніе рабочаго было тогда равносильно положенію раба, и въ результатѣ анархія господствовала на фабрикѣ. Главной причиной рабочихъ безпорядковъ 1885 г. въ Московскомъ районѣ послужило обыкновеніе мѣстныхъ фабрикантовъ донимать рабочихъ штрафами. Эти штрафы въ общей сложности достигали суммы въ 300 000 р. въ годъ, что составляло около 40% всей выплачиваемой рабочимъ рабочей платы. Стачка увѣнчалась успѣхомъ: правительство издало законъ о запрещеніи штрафовъ, о закрытіи хозяйскихъ лавокъ и объ аккуратной, въ опредѣленные сроки, расплатѣ съ рабочими. Но, разумѣется, это были законы лишь на бумагѣ; никогда они не проводились въ жизнь.

Стачки съ тѣхъ поръ постоянно вспыхивали то здѣсь, то тамъ, пока, наконецъ, въ 1896 г. не разразилась въ Петербургѣ такая грандіозная стачка ткачей, что тогдашній министръ финансовъ Витте, въ совѣщаніи съ градоначальникомъ Клейгельсомъ, подумывалъ о томъ, не цѣлесообразно ли насильственно гнать рабочихъ на работу, точно рабовъ. Клейгельсъ объяснилъ, что онъ въ состояніи былъ бы принудить рабочихъ итти на работу, если бы они позволяли себѣ уличные безпорядки. Но такъ какъ стачечники не подаютъ повода ко вмѣшательству полиціи, онъ не можетъ заставить ихъ возобновить работы. Результатомъ этой стачки былъ законъ объ ограниченіи рабочаго дня до $11\frac{1}{2}$ часовъ.

Всѣ стачки, до и послѣ 9-го января 1905 г., имѣли отчасти цѣлью добиться для рабочихъ болѣе короткаго рабо-

чаго дня и болѣе высокой заработной платы. Въ многихъ случаяхъ рабочимъ удалось таки сократить рабочій день до 10, 9, и даже до 8 часовъ. Рабочіе почувствовали, что обладаютъ извѣстной силой, какъ бы велика ни была резервная армія голодныхъ крестьянъ, готовыхъ за самую ничтожную плату занять ихъ мѣста, и какъ бы многочисленна ни была полицейская армія, во всякое время готовая стрѣлять и подавлять ихъ.

Еще до созыва Первой Думы рабочіе заняли крайне революціонную позицію, не удовлетворяясь ничѣмъ инымъ, кромѣ учредительнаго собранія. Въ то время, какъ крестьяне выжидали, надѣясь, что Дума справится съ возложенными на нее задачами и добьется важныхъ уступокъ отъ царя, рабочіе съ самаго начала требовали передачи власти въ руки народа: только въ такой передачѣ они видѣли гарантію прочности обѣщанной имъ свободы.

Одно время казалось, что трудъ пойдетъ рука объ руку съ капиталомъ противъ царя. Послѣ 9-го января замѣтно было кое-какое единеніе между предпринимателями и рабочими. Стачки носили тогда преимущественно политическій характеръ. Многіе предприниматели охотно платили рабочимъ и во время политическихъ стачекъ и оказывали прямую даже поддержку революціи. Даже въ дни баррикадъ многія крупныя фирмы открыто или тайно поддерживали инсургентовъ. Но теперь положеніе выяснилось, и русская революція направлена въ той же мѣрѣ противъ капитализма, какъ и противъ царя. Ибо царь въ силу «основныхъ законовъ» 25-го апрѣля учредилъ нѣчто въ родѣ американскаго сената. Половина членовъ Государственнаго Совѣта назначается царемъ, а остальные выбираются предпринимателями, помѣщиками, банкирами и духовенствомъ. Гос. Совѣтъ является, по мысли царя, предохранительнымъ клапаномъ противъ слишкомъ народной Думы. Эта мѣра излѣчила капиталистовъ отъ проникшихъ было въ ихъ среду «революю-

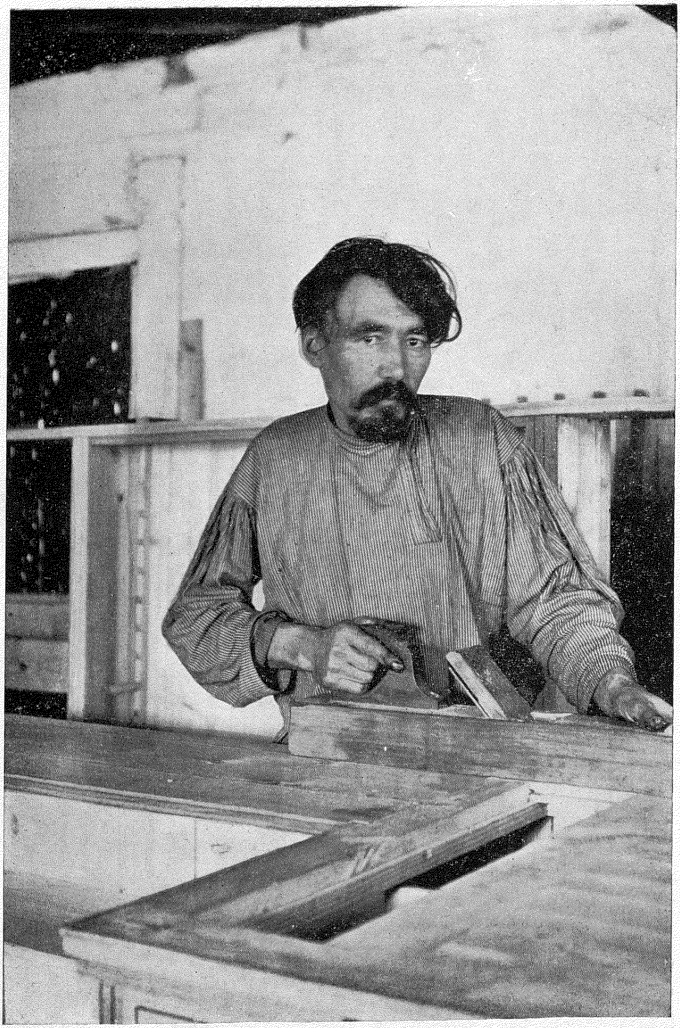
ціонныхъ бациллъ»: капиталисты болѣе «идеальнаго» народнаго представительства и не могли себѣ представить. Когда же нѣсколько мѣсяцевъ позже правительство распустило Вторую Думу и выкроило себѣ Третью Думу по образу и подобію Государственнаго Совѣта, капиталисты стали уже горячими проверженцами «новаго» правительства. Рабочіе профессіональные союзы и политическія партіи, всегда косо посматривавшіе на своихъ непрошенныхъ союзниковъ-капиталистовъ, получили, наконецъ, возможность называть своихъ истинныхъ враговъ настоящимъ ихъ именемъ и видѣть обоихъ своихъ враговъ, царизмъ и капитализмъ, въ одномъ и томъ же лагерѣ.

Графъ Витте видѣлъ опасность, что рабочіе потребуютъ себѣ доли власти въ будущемъ правительствѣ, какой его друзья, капиталисты, ни коимъ образомъ не пожелаютъ дать, — и съ самаго начала ставилъ рабочимъ препятствія. Онъ совѣтовалъ «братьямъ рабочимъ» отказаться отъ политической дѣятельности. «Столько классовой борьбы», говорилъ онъ рабочимъ: «сколько Вамъ угодно, но не классовой политики!»

Когда я посѣтилъ графа Витте и сообщилъ ему цѣль моего визита, онъ меня отрекомендовалъ своему министру торговли Тимирязеву, котораго и попросилъ говорить со мною подробно обо всемъ—«для пользы американскаго рабочаго». Г. Тимирязевъ увѣрялъ меня, что онъ сторонникъ самаго широкаго демократическаго режима, котораго даже Америка не знаетъ. Онъ убѣжденъ въ необходимости установленія отвѣтственности всякаго чиновника передъ законодательными учрежденіями. Онъ стоитъ за самое либеральное фабричное законодательство, за все, чего только рабочіе требуютъ, за исключеніемъ одного—онъ противъ того, чтобы рабочіе сами брали все, къ чему они стремятся. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ распространялся долго о своемъ и графа Витте благоволеніи къ «хорошимъ» (не-революціоннымъ) профес-

Центральная Рабочая
Библиотека
Моск. Губ. Сов. Проф. Союз.

О. Гапонъ



Типъ русскаго рабочаго

Центральная рабочая
Библиотека
Моск. Губ. Сов. Проф. Союз

сіональнымъ союзамъ. «Не графъ Витте», пояснилъ г. Тимирязевъ: «но любимый министръ царя, Дурново, глава полиціи, жандармовъ и шпіоновъ, запрещалъ этимъ спокойнымъ профессіональнымъ союзамъ устраивать митинги.»

Планъ графа Витте состоялъ въ отдѣленіи козлищъ отъ овецъ, въ отдѣленіи строптивыхъ рабочихъ отъ ручныхъ. Строптивые, сказалъ онъ одному другу моему, тѣ, которые не удовлетворяются его милостями, должны быть истреблены, точно «дикіе звѣри». Ручныхъ же онъ хотѣлъ еще больше приручить. И графъ Витте взялся за прирученіе. Прежде всего онъ воспользовался услугами Гапона, черезъ котораго онъ роздалъ 30.000 рублей на устройство рабочихъ клубовъ подъ наблюденіемъ полиціи. Но Гапонъ оказался не особенно подходящимъ для роли приручителя. Онъ игралъ слишкомъ уже скрытную игру и вызвалъ подозрѣніе какъ со стороны зоркихъ рабочихъ, такъ и со стороны бдительной полиціи. У него не было опредѣленныхъ рабочихъ, для всѣхъ онъ былъ загадкой, и послѣдній годъ своей жизни онъ тщетно провелъ въ усиліяхъ объясниться, раскрыть свою сущность.

Преемникомъ Гапона былъ Ушаковъ, съ которымъ я неоднократно и подолгу бесѣдовалъ. Онъ смотрѣлъ на себя, какъ на честнаго человѣка, хотя онъ и подкупалъ рабочихъ деньгами правительства. Но рабочіе не шли въ его западню. Миссія Ушакова не удалась: когда узнали, откуда берутся суммы, которыми онъ субсидируетъ профессіональные союзы, послѣдніе отвернулись отъ него — и вся система прирученія пошла прахомъ. Русскій рабочій не пожелалъ пользоваться милостями Витте. И либеральничающее капиталистическое министерство Витте вынуждено было отказаться, наконецъ, отъ своей неудачной попытки сокрушить рабочее движеніе черезъ преслѣдованіе энергичныхъ элементовъ рабочей массы и обманываніе болѣе боязливыхъ и невѣжественныхъ ея элементовъ.

Русскій рабочій — революціонеръ, но осмысленный революціонеръ. Онъ готовъ итти на баррикады, вѣритъ въ классовую борьбу, желаетъ ее довести до конца. Но онъ не игнорируетъ существованія другихъ классовъ.

Онъ не желаетъ быть въ антагонизмѣ съ крестьянствомъ, хотя послѣднее не всегда дѣйствуетъ въ духѣ его интересовъ. Онъ надѣется рано или поздно найти общій съ ими базисъ. Есть въ Россіи много ортодоксальныхъ марксистовъ, но массы русскихъ рабочихъ вовсе не раздѣляютъ ихъ формулы, что крестьянство осуждено на исчезновеніе, растворившись либо въ классѣ капиталистовъ, либо въ классѣ рабочихъ. Далекій отъ того, чтобы видѣть въ численно возрастающихъ низшихъ классахъ городскаго населенія исчезающіе классы, рабочіе приглашали ихъ помогать имъ строить баррикады и вести всеобщую стачку — и московское возстаніе было поднято не одними только рабочими, но и студентами, приказчиками, конторскими служащими, чиновниками, учителями, врачами, инженерами и т. д.

Желѣзнодорожный союзъ, игравшій центральную роль въ октябрьской всеобщей стачкѣ, показалъ, что успѣхъ даже всеобщей стачки зависитъ не отъ однихъ только рабочихъ. Если октябрьская стачка привела къ октябрьскому манифесту, то декабрьская стачка, во время московскихъ баррикадъ, окончилась уже неудачей. Рабочіе въ многихъ городахъ пристали также къ стачкѣ, но остальные слои городскаго населенія присоединились къ ней въ одной только Москвѣ. Что касается желѣзнодорожнаго союза, то онъ держался благоразумной осторожности. Онъ былъ за октябрьскую стачку, и она увѣнчалась успѣхомъ. Онъ былъ въ сторонѣ отъ декабрьской стачки, и она провалилась. Союзъ понялъ, что массы населенія не могутъ симпатизировать частымъ желѣзнодорожнымъ стачкамъ, сопряженнымъ съ такими неудобствами и убытками для населенія. И благоразуміе подсказывало союзу мысль, что безъ симпатіи широкихъ

массъ населенія стачка осуждена на неудачу. Онъ не отказался участвовать въ стачкѣ, а только выжидалъ, чтобы уловить настроеніе общества.

Но рабочіе не унываютъ. Въ октябрѣ 1905 г. они показали, что можетъ сдѣлать всеобщая стачка въ національномъ масштабѣ.

Они какъ одинъ человѣкъ стоятъ за конституцію и попрежнему ясно сознаютъ, что добьются ея только путемъ открытой, насильственной революціи.

ГЛАВА II.

Положеніе рабочихъ.

Тотчасъ послѣ великой генеральной стачки рабочіе профессіональные союзы и соціалистическія партіи убѣдились, что обѣщанія царя, изложенныя въ октябрьскомъ манифестѣ не имѣютъ никакой, реальной цѣнности. Если они въ нѣкоторыхъ кругахъ вначалѣ и вызывали кое-какія иллюзіи, то эти иллюзіи разсѣялись на слѣдующій же день послѣ погромовъ. Большинство лидеровъ движенія съ самаго начала прекрасно сознавало безплодность своей побѣды, усмотрѣвъ въ манифестѣ лишь ловкій маневръ со стороны царя, маневръ, съ помощью котораго послѣднему удалось удержать въ своихъ рукахъ всю власть. Что для реальной побѣды недостаточно мирной генеральной стачки, а требуется возстаніе, это прекрасно сознавалось тогда памятнымъ Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ.

Въ Петербургѣ и въ многихъ другихъ мѣстахъ послѣдовавшая вскорѣ стачка-возстаніе потерпѣла полное фіаско; въ одной только Москвѣ небольшому отряду вооруженныхъ революціонеровъ, численно далеко уступавшему царскимъ войскамъ, удалось, съ помощью населенія держать въ своихъ рукахъ значительную часть города. Революціонеры не имѣли, конечно, ни кавалеріи, ни артиллеріи; отсутствовала у нихъ и необходимая дисциплина — обученная революціонная милиція составляла ничтожную лишь часть революціонной арміи. Успѣхомъ они обязаны были исключительно поддержкѣ населенія. Если революціонная милиція состояла изъ

передовыхъ только рабочихъ, студентовъ и профессіональныхъ революціонеровъ, то строить баррикады пришли и массовые рабочіе, прислуга, приказчики, инженеры, адвокаты, ремесленники и др.

Московское возстаніе въ высшей степени поучительно для революціонеровъ, особенно для рабочихъ: оно показало, какъ успѣшно можно вести партизанскую войну въ современномъ городѣ. Только потому, что населеніе могло совершенно безопасно, не рискуя быть открытымъ, оказывать неоцѣнимыя услуги инсургентамъ; только потому, что легко было передавать оружіе отъ одного къ другому и такимъ образомъ небольшимъ количествомъ его держать въ постоянной тревогѣ цѣлую армію; только потому, что правительство никоимъ образомъ не могло отличить, кто изъ обывателей по своей собственной волѣ, изъ сочувствія, помогалъ революціонерамъ, и кто это дѣлалъ лишь изъ страха предъ послѣдними; только потому, что черезъ населеніе революціонеры легко вывѣдывали движенія и намѣренія непріятеля и принимали соотвѣтствующія мѣры предосторожности; — только благодаря всѣмъ этимъ условіямъ революціонерамъ удалось совершить такіе подвиги. «Баррикадная недѣля» опровергла теоріи цѣлаго поколѣнія революціонныхъ, но слишкомъ ужъ осторожныхъ европейскихъ соціалистовъ и знатоковъ военнаго дѣла о безнадежности возстаній. Гверилльянская тактика революціонеровъ и содѣйствіе значительной части населенія Москвы чуть ли не передали вторую столицу имперіи въ руки революціонеровъ.

Во всѣхъ тѣхъ частяхъ страны, гдѣ населеніе мѣсяцами готовилось къ вооруженному возстанію, правительству крайне трудно было подавить движеніе. Въ одной части страны послѣднее тогда одержало полную побѣду, и правительству до сихъ поръ еще не удалось водворить тамъ старый порядокъ вещей. Въ Финляндіи, равно какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, гдѣ движеніе приняло характеръ возстанія, рабочіе играли первую роль. Под-

крѣпленные «Красной Гвардіей», сравнительно хорошо вооруженные, поддерживаемые окружающимъ населеніемъ, революціонеры, подъ главенствомъ рабочихъ и соціалистовъ, вытѣснили русскую власть, смѣстили русскихъ чиновниковъ и на ихъ мѣста поставили финскихъ. Революція въ Финляндіи отличалась безкровностью, она обошлась безъ кровопролитія съ той и съ другой стороны. Царское правительство, серьезно занятое бунтарскимъ движеніемъ въ сердцѣ имперіи, уступило по всей линіи, и одно время великое княжество было самымъ свободнымъ уголочкомъ въ Европѣ. «Красная Гвардія» теперь распущена, но финскій народъ пока что имѣлъ прекрасный опытъ, которымъ онъ, навѣрное, воспользуется при первыхъ же признакахъ оживленія движенія въ Россіи, чтобы защищать свободы и права, которыя царь мало по малу отнимаетъ у него.

Въ Польшѣ и на Кавказѣ большинство населенія участвовало въ революціонномъ движеніи. Революціонерамъ, подъ главенствомъ рабочихъ же, удалось тамъ отвоевать отъ правительства значительныя территоріи, которыя одно время находились въ полной власти народа. Но царь послалъ въ одну изъ этихъ провинцій 50-ти тысячную армію, а въ другую 150-ти тысячную, и онѣ безчеловѣчнымъ и варварскимъ образомъ возстановили тамъ царскую власть.

Въ обоихъ этихъ краяхъ интеллигентные классы населенія имѣли возможность убѣдиться въ превосходствѣ власти революціонныхъ комитетовъ надъ прежней, полицейской, властью. Систематическое линчеваніе воровъ и безпощадное разрушеніе домовъ терпимости революціонерами сдѣлало больше для блага Варшавы, чѣмъ годы властвованія бездѣятельной, подкупленной полиціи, которая часто, за взятки, конечно, брала воровъ и альфонсовъ подъ свое покровительство, а сама направляла всю свою энергію и дѣятельность на преслѣдованіе революціонеровъ. Правительству удалось лишь оккупировать упомянутыя

двѣ провинціи, но отнюдь не покорить ихъ: до сихъ поръ еще оно не отваживается отозвать оттуда часть войска.

Тѣ же самые революціонные комитеты взяли въ свои руки дѣло народнаго просвѣщенія. Въ то время, какъ всѣ правительственныя школы пустовали, и всѣ учащіеся, начиная съ маленькихъ дѣтей и кончая студентами университетовъ и политехническихъ школъ, были въ забастовкѣ, соціалисты тайно руководили вечерними классами для дѣтей рабочаго класса, для которыхъ не было мѣста въ правительственной школѣ, а также вечерними курсами по разнымъ предметамъ для взрослыхъ. Вся Варшава была покрыта сѣтью изъ сотенъ кружковъ, гдѣ студенты, гимназисты, приказчики, экстерны и т. д. занимались съ небольшими, во избѣжаніе бдительности полиціи, группами рабочихъ изъ 5—12 человѣкъ.

Кружки составляли лишь небольшую часть просвѣтительной работы революціонеровъ. Послѣдніе постоянно, въ милліонахъ экземплярахъ, выпускали прокламаціи по разнымъ злободневнымъ вопросамъ, а также періодическія изданія, трактующія о политическихъ, экономическихъ и общественныхъ нуждахъ населенія. Правительство совершенно безсильно было пріостановить потокъ революціонной литературы.

Несмотря на запрещенія и преслѣдованія со стороны полиціи, революціонное движеніе успѣло создать цѣлый рядъ значительныхъ, правильно функціонирующихъ профессіональныхъ союзовъ. Послѣднимъ удалось добиться сокращенія рабочаго дня и повышенія заработной платы, мѣстами на 50% даже. Съ какой бы точки зрѣнія ни смотрѣть—съ точки ли зрѣнія общественнаго благополучія, или съ точки зрѣнія экономическихъ интересовъ страны въ цѣломъ, революціонное движеніе слѣдуетъ признать въ высшей степени прогрессивнымъ и полезнымъ явленіемъ. Какъ только правительство взяло верхъ надъ революціей, оно уничтожило профессіональные союзы и принадлежность къ нимъ стало считать преступленіемъ

противъ закона. Съ своей точки зрѣнія правительство право, что преслѣдуетъ союзы рабочихъ: никакая рабочая организація не можетъ долго существовать безъ того, чтобы не прійти къ необходимости борьбы съ правительствомъ.

Въ революціонный періодъ рабочій классъ много успѣлъ въ отношеніи не только профессіональнаго движенія, но и кооперативнаго. Реакціонеры съ пѣной у рта требуютъ, чтобы правительство подавило кооперативное движеніе, чтобы оно вытѣснило размножившіяся въ Петербургѣ кооперативныя предпріятія путемъ субсидируемой правительствомъ конкурренціи. И правительство внемлетъ, конечно, воплямъ реакціонеровъ: оно прекрасно понимаетъ, что все, способное только улучшить условія жизни или поднять умственный уровень рабочаго класса, несовмѣстимо съ безопасностью для царизма.

Для успѣха революціи революціонеры старались заручиться поддержкой арміи, преимущественно въ тѣхъ частяхъ, въ которыхъ солдаты набраны главнымъ образомъ изъ рабочей среды. Возстанія флота на Черномъ и Балтійскомъ моряхъ потому такъ легко привели къ переходу крейсеровъ и броненосцевъ въ руки революціонеровъ, что матросы были прежде сами рабочими и не порвали еще связи съ рабочимъ классомъ. И потому соціаль-демократическая партія, партія рабочаго класса par excellence, даже консервативное ея крыло, удѣляетъ много вниманія работѣ въ арміи. Преслѣдованіе 52-хъ депутатовъ соціаль-демократической фракціи Второй Думы, отказомъ которой выдать этихъ депутатовъ правительство воспользовалось, какъ предлогомъ для распущенія ея, обусловлено было, главнымъ образомъ, участіемъ фракціи въ агитаціи среди солдатъ.

Но всѣ эти случаи возстанія въ арміи, изолированные другъ отъ друга по мѣсту и времени, ни разу, однако, не привели къ переходу цѣлаго гарнизона на сторону революціи. Это обстоятельство обусловливалось самымъ

характеромъ пропаганды въ арміи. Съ своей пропагандой революціонеры шли исключительно къ солдатамъ, а потому она по необходимости должна была вестись на почвѣ узкихъ, казарменныхъ нуждъ, на почвѣ условій жизни солдата. А эти условія были далеко неодинаковы въ разныхъ полкахъ и городахъ. Руководители агитаціей вскорѣ увидѣли недостатки своей работы и убѣдились въ необходимости двухъ улучшеній. Одно улучшеніе — обращаться къ новобранцамъ еще прежде, чѣмъ они сданы въ солдаты, вести между ними пропаганду на почвѣ общихъ условій жизни, внушать имъ необходимость борьбы не за солдатскіе только, узкіе интересы, но и за классовые и національные. Второе — перекинуть мостъ между движеніемъ въ арміи и движеніемъ въ рабочей средѣ, чтобы армія могла во всякое время прійти на помощь борющемуся народу. Теперь революціонныя партіи хорошо знаютъ уже, что условіемъ успѣшности возстанія въ арміи, равно какъ и генеральной стачки, является соотвѣтственное настроеніе окружающаго населенія. И работа въ арміи идетъ теперь въ унисонъ съ работой въ народѣ вообще. Что оставляетъ еще желать лучшаго, это отношенія между рабочими организаціями и крестьянскими. Сознавая необходимость кооперації и координированной дѣятельности тѣхъ и другихъ, рабочія партіи, особенно же тѣ, которыя составлены главнымъ образомъ изъ «интеллигентовъ», требуютъ, однако чтобы въ общемъ движеніи руководящая роль принадлежала рабочимъ. Это положеніе не справедливо уже по тому одному, что крестьянъ въ Россіи впятеро больше, чѣмъ рабочихъ.

Тѣ организаціи, въ которыхъ преобладаетъ вліяніе рабочихъ, всегда, наоборотъ, обнаруживаютъ дружескія чувства къ крестьянскимъ организаціямъ. Самыми замѣчательными изъ такихъ организацій слѣдуетъ считать Совѣты Рабочихъ Депутатовъ. Совѣты носили, правда, часто соціалистическій характеръ, но они не были узкопартійны и избѣгали связать себя какой-либо опредѣлен-

ной политической программой. Совѣты не представляли собою профессіональныхъ союзовъ или союзовъ профессіональныхъ союзовъ; они составляли ни болѣе и ни менѣе, какъ революціонное правительство въ потенціи — при иномъ оборотѣ дѣлъ они сосредоточили бы въ своихъ рукахъ реальную власть. Существованіе Совѣтовъ Рабочихъ Депутатовъ внушало правительству неописуемый страхъ, отъ котораго оно еще и теперь не оправилось. Этимъ страхомъ объясняется то обстоятельство, что правительство съ чрезвычайной подозрительностью относится теперь ко всякимъ рабочимъ организаціямъ. При этомъ оно кидается изъ крайности въ крайность, не рѣшаясь взять опредѣленный курсъ въ своихъ отношеніяхъ къ этимъ организаціямъ. Правительство закрываетъ существующіе профессіональные союзы и не разрѣшаетъ открытія новыхъ. Но подобной политикой оно только поощряетъ размноженіе подпольныхъ организацій и партій. Тогда правительство, побуждаемое желаніемъ умиротворить умѣренные, «благонадежные» элементы рабочаго класса, и, вынуждаемое предпринимателями, примиряется съ существованіемъ лояльныхъ и мирныхъ (т. е. нереволюціонныхъ) профессіональныхъ союзовъ. Но послѣдніе мало по малу, благодаря придирчивости и подозрительности деспотизма, превращаются стихійнымъ уже образомъ въ чисто революціонныя организаціи.

Совѣты Рабочихъ Депутатовъ смотрѣли на революціонное движеніе съ широкой, національной точки зрѣнія, идя, напр., рука объ руку съ Крестьянскимъ Союзомъ. Они не находились подъ вліяніемъ одной какой-либо соціалистической партіи. Напротивъ, соціалистическія партіи обязаны были имъ многими изъ своихъ самыхъ активныхъ организаторовъ. Примѣромъ послѣднихъ является такая важная для рабочаго движенія личность, какъ Хрусталевъ.

Хрусталевъ, правильнѣе Носарь, сынъ крестьянина Полтавской губерніи. Его отецъ за приверженность къ

ученію Толстого былъ сосланъ на 20 лѣтъ. Вскорѣ, впрочемъ, ему разрѣшили вернуться на родину подъ надзоръ полиціи. Домъ его былъ центромъ революціонной мысли въ губерніи, и молодой Носарь еще въ самомъ нѣжномъ возрастѣ впиталъ въ себя революціонныя идеи и наклонности. Какъ толстовецъ, отецъ его требовалъ, чтобы онъ занимался физическимъ трудомъ. Носарь поэтому по временамъ нанимался въ батраки къ сосѣднимъ помѣщикамъ, а по временамъ прилежно посѣщалъ школу.

Въ этотъ періодъ его жизни, въ началѣ 90 гг. прошлаго столѣтія, единственной почти носительницей революціоннаго движенія была университетская молодежь. Носарь поэтому возымѣлъ желаніе стать со временемъ студентомъ, чтобы участвовать въ движеніи, и подготовился въ гимназію. Полиція, разумѣется, не преминула ставить ему всевозможныя препятствія, но директоръ, всегда поощрявшій самоучекъ изъ крестьянъ къ дальнѣйшему образованію, принялъ Носаря въ гимназію. Въ 1897 г. Носарь былъ уже однимъ изъ организаторовъ студенческаго съѣзда. Полиція требовала его увольненія, но гимназическое начальство все таки устроило такъ, что ему удалось кончить. По окончаніи гимназіи Носарь поступилъ въ петербургскій университетъ. За дѣятельное участіе въ студенческой забастовкѣ 1898 г. онъ угодилъ въ тюрьму на 3 мѣсяца. Около того времени онъ перешелъ отъ народниковъ, лидеромъ которыхъ тогда былъ Короленко, къ соціаль-демократіи, которыя, обладая богатой, хорошо разработанной нѣмецкой литературой, пользовалась всегда популярностью среди учащейся молодежи.

Изъ Петербурга Носарь былъ высланъ на Югъ Россіи, гдѣ онъ участвовалъ въ рабочихъ профессіональныхъ и политическихъ организаціяхъ, а также въ рабочей газетѣ. Позже онъ поѣхалъ на Кавказъ, гдѣ за попытку съорганизовать желѣзнодорожныхъ рабочихъ чуть не попалъ въ руки полиціи: ему удалось скрыться только благодаря тому, что отецъ его ученика, товарищъ прокурора во-

время предупредилъ его объ угрожавшемъ ему арестѣ. Носарь вернулся въ Петербургъ продолжать образованіе, но полиція выслала его въ Ярославль, гдѣ ему удалось кончить Демидовскій юридическій лицей. Какъ человѣкъ съ высшимъ образованіемъ онъ былъ изъятъ изъ податного сословія и получилъ всѣ права, сопряженныя съ дипломомъ высшаго учебнаго заведенія.

Въ 1904 г. по возвращеніи въ Петербургъ Носарь сошелся съ Гапономъ и принялъ участіе въ событіяхъ, которыя привели къ Красному Воскресенью. Тогда то онъ и получилъ имя Хрусталева. Когда, послѣ рѣзни 9-го января, рабочимъ было разрѣшено выбрать делегацію для переговоровъ съ предпринимателями, Носарь попалъ въ число делегатовъ. Но не будучи самъ рабочимъ, онъ не имѣлъ права быть делегатомъ. Одинъ рабочій, по фамиліи Хрусталевъ, уступилъ ему свое мѣсто, и съ тѣхъ поръ Носарь сталъ называться Хрусталевымъ-Носаремъ. Всѣ члены делегаціи, въ томъ числѣ и Носарь, были вскорѣ арестованы. Носарь просидѣлъ два мѣсяца въ тюрьмѣ и былъ приговоренъ къ 8 годамъ каторги, а до отправки въ Сибирь онъ долженъ былъ находиться подъ надзоромъ полиціи въ Харьковѣ. Но на первой же станціи отъ Петербурга онъ пересѣлъ въ поѣздъ, шедшій обратно въ Петербургъ. Тамъ онъ былъ вновь арестованъ, и, просидѣвъ 2 мѣсяца, былъ вновь высланъ, на этотъ разъ уже подъ конвоемъ. Поѣздъ пришелъ въ Москву какъ разъ во время одной уличной демонстраціи. Хрусталевъ-Носарь воспользовался суматохой и улизнулъ отъ конвоя. Въ Москвѣ онъ помогъ учредить Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, а во время октябрьской генеральной стачки онъ былъ посланъ, какъ делегатъ, въ Петербургъ помочь и тамъ основать такой же Совѣтъ. Хрусталевъ блестяще выполнилъ свою миссію и послѣ генеральной стачки сталъ центральной фигурой въ революціонномъ движеніи. Онъ опять былъ арестованъ, опять сосланъ и опять бѣжалъ.

Другой лидеръ рабочихъ, Троцкій, молодой человѣкъ лѣтъ 30-ти слишкомъ, также весьма популяренъ среди революціонеровъ. Въ бесѣдѣ, которую имѣлъ съ нимъ, я спросилъ, каково его мнѣніе и мнѣніе другихъ руководителей движенія на счетъ будущаго революціи. Онъ отвѣтилъ, что будущая армія должна получить свое революціонное воспитаніе еще въ деревнѣ. Въ теченіе 4-хъ лѣтъ обновится весь составъ арміи. Троцкій, равно какъ и его товарищи, убѣжденъ, что новая армія, составленная изъ молодыхъ людей, распропагандированныхъ и знакомыхъ съ существующими условіями, будетъ состоять сплошь изъ революціонеровъ. По вопросу объ объединеніи крестьянства и рабочихъ въ революціонномъ движеніи существуетъ крупное разногласіе въ рядахъ соціаль-демократической партіи. Меньшевистская фракція, представленная многими лидерами, въ томъ числѣ и Церетелли, немножко свысока смотритъ на крестьянскіе безпорядки, которые, по мнѣнію этой фракціи, всегда легко подавлялись. Это мнѣніе раздѣляется почти что только лидерами партіи. Большевистская-же фракція и Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, состоящіе преимущественно изъ рабочихъ, никогда — ни до, ни послѣ революціи — не развивали взгляда, будто рабочіе стоятъ выше другихъ классовъ.

Лидеры, такимъ образомъ, желаютъ быть большими рабочими, чѣмъ сами рабочіе, большими пролетаріями, чѣмъ сами пролетаріи. Положеніе этихъ лидеровъ имѣло свое крайне замедляющее дѣйствіе на революціонное движеніе. Такъ меньшевикамъ удалось заразить большинство делегатовъ послѣдняго съѣзда партіи своей подозрительностью къ крестьянству и добились того, что съѣздъ отказался отъ герилльянской войны и экспропріаціи правительственнаго имущества, какъ отъ методовъ борьбы въ настоящее время. Большинство русскихъ делегатовъ съѣзда стояло за примѣненіе этихъ методовъ борьбы. Но польскіе, балтійскіе и кавказскіе делегаты поддержали меньшевиковъ:

они были за временный отказъ отъ партизанской войны по той причинѣ, что такая война въ ихъ провинціяхъ можетъ въ настоящее время принять анти-русскій характеръ и привести къ рѣзнѣ русскихъ солдатъ мѣстныхъ гарнизоновъ, а, по ошибкѣ, и русскихъ революціонеровъ.

А между тѣмъ латышскіе, польскіе и кавказскіе лидеры партіи принадлежатъ къ революціонному крылу партіи. Представитель латышской соціаль-демократіи увѣрялъ меня, что его партія на время только отказывается отъ партизанской войны, до тѣхъ поръ, пока движеніе въ коренной Россіи не созрѣетъ для примѣненія такого метода борьбы. Польскій соціаль-демократъ мнѣ передалъ, что его партія въ принципѣ стоитъ за партизанскую войну, но она противъ всякой войны съ русскими солдатами.

Отказъ отъ гверилльянской войны нанесетъ ущербъ работѣ въ арміи. Всѣ конференціи агитаторовъ среди солдатъ высказывались за гверилльянскую войну и за экспропріацію казенныхъ денегъ. Большевики смотрятъ на эти методы борьбы, какъ на средство подготовить партійныхъ членовъ и рабочихъ вообще къ будущимъ революціоннымъ конфликтамъ. Если партія, разсуждаютъ они, ринется въ гверилльянскую гражданскую войну, она неминуемо придетъ въ столкновеніе съ состоятельными классами, но зато войдетъ въ болѣе тѣсныя сношенія съ крестьянствомъ. Большевики поэтому не только за гверилльянскую войну, но и за призваніе къ жизни вооруженныхъ по возможности безпартійныхъ отрядовъ, куда свободно могли бы входить и крестьяне, которые, какъ извѣстно, не питаютъ особой привязанности къ соціальдемократіи.

Большевики, вліяніе которыхъ теперь преобладаетъ въ партіи, утверждаютъ, что крестьянство и несостоятельные элементы среднихъ городскихъ классовъ одинаково враждебно настроены какъ противъ помѣщиковъ, такъ и противъ абсолютизма и вполнѣ созрѣли для демократи-

ческой революціи. Поэтому они стоятъ за самое широкое сотрудничество крестьянъ и большинства среднихъ городскихъ классовъ. Правда, эти элементы расходятся по многимъ существеннымъ вопросамъ. Это обстоятельство, однако, ничуть не мѣшаетъ имъ рука объ руку бороться за учредительное собраніе.

Я бесѣдовалъ съ однимъ изъ самыхъ видныхъ лидеровъ большевисткой фракціи с.-д., Ленинымъ. Ленинъ выразилъ увѣренность, что иностранные капиталисты и правительства сознательно тормозятъ русскую революцію: отъ ихъ взора не ускользаетъ, конечно, соціальная подоплека революціи, и изъ боязни, чтобы революціонная волна не добралась до нихъ, они хотятъ преградить ей путь у самаго ея истока. Взгляды его представляютъ результатъ серьезнаго изученія экономическаго и политическаго положенія не только Россіи, но и другихъ странъ. Они немножко расходятся со взглядами германской соціальдемократіи, вполнѣ раздѣляемыми меньшевистской фракціей.

Ленинъ съ упованіемъ смотритъ на аграрное движеніе, стоитъ за гверилльянскую войну и убѣжденъ, что желѣзнодорожная стачка, сопровождаемая разрушеніемъ путей сообщенія, съ поддержкой крестьянства въ одинъ прекрасный день передастъ правительственную власть въ руки народа. Но высказываясь за полное сотрудничество рабочихъ съ крестьянами во время революціи, выдающійся вождь соціаль-демократической партіи не скрываетъ, однако, своего недовѣрія къ крестьянству: онъ считаетъ крестьянъ упорными и слѣпыми патріотами, при случаѣ готовыми обратить свое оружіе противъ рабочихъ, какъ это дѣлали французскіе крестьяне во время Парижской Коммуны.

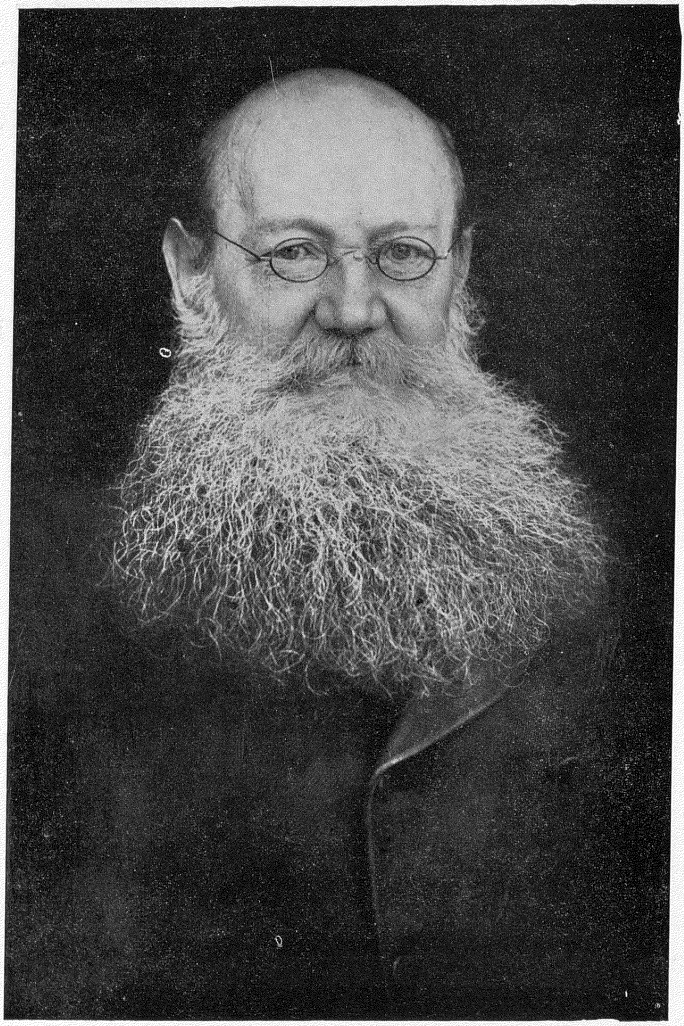
Въ основѣ недовѣрія къ крестьянству лежитъ предубѣжденіе, что крестьянинъ не способенъ стать хорошимъ соціалистомъ. Поэтому Ленинъ, равно какъ и другіе вожди соціаль-демократіи, возлагаютъ всѣ свои надежды на развитіе крупнаго сельскаго хозяйства въ Россіи и на

образованіе безземельнаго земледѣльческаго пролетаріата, который одинъ и способенъ воспринять идеи соціализма. Ленинъ, однако, не столь узокъ, чтобы преградить доступъ въ партію собственникамъ — крестьянамъ, не эксплуатирующимъ чужого труда.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ то время, какъ самъ рабочій классъ не прочь отъ полнаго безусловнаго сотрудничества съ крестьянствомъ, лидеры рабочихъ требуютъ, чтобы гегемонія принадлежала рабочимъ. Но есть въ Россіи еще одна соціалистическая и революціонная партія, которая не проводитъ никакого различія между рабочимъ классомъ и крестьянствомъ. Обратимся теперь къ дѣятельности этой партіи, чтобы видѣть, на-сколько подвинулось впередъ дѣло объединенія рабочихъ и крестьянъ въ революціонномъ движеніи.

Центральная Рабочая
Библиотека
Моск. Губ. Сов. Проф. Союз.

Площадь въ Старой Москвѣ



Князь Петръ Кропоткинъ

ГЛАВА III.

Организація.

Принципы и тактика Партіи Соціалистовъ Революціонеровъ даютъ самое лучшее представленіе о внутреннемъ характерѣ революціоннаго и соціалистическаго движенія, охватившаго большую часть рабочаго класса и крестьянства Россіи. Подобно большинству крестьянъ и рабочихъ, партія эта не смотритъ на недавнія побѣды и пораженія, какъ на послѣднюю стадію революціи. Напротивъ, какъ гласитъ одинъ партійный документъ, міръ еще не видѣлъ конца даже перваго акта русской революціи. Допуская, что первую роль въ этомъ первомъ актѣ играла рабочіе — авангардъ революціи, соціалисты революціонеры считаютъ, однако, ошибочнымъ полагать, что этотъ авангардъ можетъ замѣнять самую, такъ сказать, гущу арміи, крестьянство. Вотъ въ этомъ пунктѣ соціалисты революціонеры рѣзко расходятся съ соціаль-демократами, признающими за крестьянствомъ второстепенную лишь роль.

«Мы стоимъ еще у начала революціи», говоритъ тотъ документъ: «и намъ еще предстоитъ долгій періодъ суровой борьбы, организаціи, новыхъ открытыхъ конфликтовъ, новыхъ пораженій и новыхъ побѣдъ. Правительство, правда, опять хозяинъ положенія, но общая атмосфера вовсе ужъ не та, и никакія репрессіи въ мірѣ не въ состояніи уже стереть съ сознанія народа то, что закончившійся періодъ на немъ начерталъ. Предъ нами та же задача, что и до пресловутаго октябрьскаго манифеста, но условія теперь для насъ болѣе благопріятны.» Эти же взгляды

развивалъ въ бесѣдѣ со мной молодой, но видный лидеръ партіи, Савинковъ, человѣкъ, по плану котораго былъ «казненъ» фонъ-Плеве. Савинковъ далекъ отъ того, чтобы недооцѣнивать предстоящихъ препятствій; напротивъ, онъ полагаетъ, что трудности, съ которыми приходилось считаться французской революціи, бездѣлушка въ сравненіи съ препятствіями, преодолѣть которыя придется русской революціи. Такъ же смотритъ на положеніе вещей въ Россіи и центральный комитетъ партіи. Не скрывая отъ себя, что Третья Дума усиливаетъ престижъ самодержавія; не отрицая, что извѣстные элементы населенія, напуганные ростущей въ глубь революціей, развитіемъ ея изъ чисто политическаго въ глубоко соціальное движеніе, попятились назадъ во вражескій лагерь; признавая, что одни вожди революціоннаго движенія выбились уже изъ силъ, другіе разочаровались, а третьи совсѣмъ растерялись; видя, что правительству удалось репрессивными мѣрами помѣшать движенію организованныхъ массъ; не закрывая глазъ передъ тѣмъ обстоятельствомъ, что многія активныя и въ высшей степени революціонныя натуры, за неимѣніемъ возможности найти въ организованныхъ актахъ надлежащій выходъ ихъ кипучей энергіи и накопившейся въ ихъ сердцахъ непримиримой ненависти къ правительству, разбрелись вразбродъ и берутся за индивидуальныя дѣйствія, лишенныя какой-либо соціальной цѣнности, центральный комитетъ все же убѣжденъ, что эта самая ситуація будетъ способствовать еще большему усиленію борьбы и сплоченію всѣхъ революціонныхъ элементовъ въ одно цѣлое.

Партія с.-р. побуждаетъ крестьянство концентрировать свою дѣятельность на борьбѣ съ правительствомъ и съ его агентами, а не на борьбѣ съ помѣщиками; она же направляетъ по одному опредѣленному плану дѣятельность тѣхъ безчисленныхъ преданныхъ революціи лицъ, которыя готовы отдавать свои жизни за жизни звѣроподобныхъ сановниковъ, осуществляющихъ безчеловѣчные

планы царизма; она поощряетъ всякое недовольство и поддерживаетъ всякое движеніе на національной почвѣ; она сосредоточиваетъ свое вниманіе на арміи и флотѣ, больше всего, на офицерахъ, чтобы сообщить движенію въ арміи болѣе организованный и болѣе осмысленный характеръ. А отъ рабочихъ она требуетъ, чтобы ихъ рабочіе союзы, независимо отъ партійной окраски, участвовали въ соціалистической и революціонной дѣятельности.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Партія Соціалистовъ Революціонеровъ поддерживаетъ самыя дружескія отношенія со всѣми организаціями, которыя желаютъ и готовы бороться. Съ особеннымъ вниманіемъ и доброжелательствомъ она относится къ требованію національной автономіи со стороны тѣхъ многочисленныхъ народностей, которыя стонутъ подъ игомъ царизма. Подобной тактикой она расположила къ себѣ главную революціонную партію въ Польшѣ и самую важную армянскую организацію.

Широкій размахъ дѣятельности этой партіи сказывается не только въ ея тактикѣ, но и въ ея принципахъ. Послѣдніе такъ широки, что не закрываютъ доступа въ партію никакимъ важнымъ революціоннымъ элементамъ страны. Въ интересахъ достиженія конечной цѣли революціоннаго соціализма, партія старается использовать всѣ положительные элементы экономической эволюціи въ капиталистическомъ режимѣ, а также самостоятельныя и автономныя созидательныя силы трудящихся классовъ, независимо отъ того, лишены ли они собственности, или нѣтъ. Оттого партія аппеллируетъ не только къ промышленнымъ рабочимъ, но и къ крестьянамъ и ремесленникамъ, независимо отъ степени ихъ зажиточности. Партія атакуетъ больше капитализмъ, чѣмъ частную собственность. Этимъ отчасти объясняется ея успѣхъ въ дѣлѣ достиженія единства между всѣми революціонными элементами Россіи.

Русское правительство ведетъ войну съ русскимъ народомъ. 30 тысячъ людей уже погибло въ борьбѣ за свободу — наибольшее число жертвъ пало отъ рукъ

казаковъ или полиціи. Не только окраиныя, не-русскія провинціи, какъ Польша, Кавказъ и Прибалтійскій край, но и внутреннія, коренныя губерніи оплакиваютъ свои жертвы. Въ настоящее время 635 изъ 661 уѣзда Европейской Россіи либо объявлены на военномъ положеніи, либо отданы на произволъ мѣстныхъ сатраповъ, которымъ царь предоставилъ самыя обширныя полномочія.

Бѣглый взглядъ на пункты, гдѣ произошли наиболѣе острыя столкновенія, покажетъ, какъ далеко пошла война между царемъ и народомъ. Въ нѣкоторыхъ русскихъ городахъ, какъ Одесса и Бѣлостокъ, нѣсколько процентовъ населенія было убито или ранено. Въ Одессѣ, равно какъ и въ Варшавѣ и въ Лодзи, десятки тысячъ людей заключены въ тюрьму, сосланы или изгнаны. На каждыя 10 семей наврядъ ли придется одна, которая не оплакивала бы кого-либо изъ своихъ членовъ или изъ близкихъ друзей. Нѣкоторыя мѣста еще больше пострадали: Ростовъ и Новороссійскъ на Черномъ Морѣ, Томскъ въ Сибири, и Кронштадтъ, въ двухъ часахъ ѣзды отъ Петербурга, были совершенно опустошены.

Это война самаго варварскаго свойства; и, какія бы мѣры революціонеры ни употребляли въ этой войнѣ, я не колеблясь утверждаю, что онѣ имѣютъ полное оправданіе, если только ихъ примѣненіе не сопряжено съ ущербомъ для постороннихъ, невинныхъ лицъ. Архангельскій заявилъ въ Думѣ, что до тѣхъ поръ, пока требованія народа объ амнистіи для сотенъ и тысячъ политическихъ заключенныхъ и объ отмѣнѣ законовъ о военномъ положеніи не будутъ удовлетворены, до тѣхъ поръ, пока правительство будетъ противиться созыву учредительнаго собранія, избраннаго равнымъ голосованіемъ всего народа, — война будетъ продолжаться.

Военные пріемы революціонеровъ быстро мѣняются. Въ теченіе 1907 г. война свелась почти исключительно къ истребленію наиболѣе прославившихся своей жестокостью чиновниковъ. Широкое разспространеніе и

преобладаніе этого метода войны является неизбѣжнымъ результатомъ существующихъ въ Россіи условій. Это признаютъ какъ умѣренныя, такъ и всѣ народныя партіи. «Казнь» чиновниковъ оправдывается, какъ единственное средство, могущее удержать ихъ отъ проявленія жестокости и дикаго произвола. Конечно, терроръ разсматривается, какъ временная лишь военная мѣра, подлежащая замѣнѣ другими мѣрами при малѣйшемъ измѣненіи условій. «Казнямъ» министровъ Сипягина и фонъ Плеве рукоплескало большинство русскаго народа, и Европа впервые стала считать такіе акты столь же патріотичными, какъ актъ Вильгельма Телля. Убійство Бобрикова встрѣчено было одобреніемъ большинства мирнаго финскаго населенія и, подобно убійству фонъ Плеве, имѣло благотворные результаты — правительство не могло найти такого же безжалостнаго сатрапа. За Бобриковымъ на тотъ свѣтъ послѣдовали Игнатьевъ, фаворитъ царя, главный виновникъ еврейскихъ погромовъ; фонъ Лауницъ, звѣрскій глава звѣрской же русской полиціи; Павловъ, котораго Первая Дума, куда онъ пришелъ было защищать военные суды, прогнала съ криками: «убійца!»—былъ организаторомъ полевыхъ судовъ безо всякаго суда, лишившихъ жизни сотни людей; Максимовскій, который, какъ глава тюремной системы, былъ отвѣтственъ за массовыя пытки и убійства политическихъ заключенныхъ; и великій князь Сергѣй, самый жестокій, безжалостный и испорченный членъ, какого только царская фамилія имѣла въ Россіи со временъ Ивана Грознаго. Народъ съ чувствомъ удовлетворенія и облегченія встрѣчалъ извѣстія о «казни» каждаго изъ поименованныхъ сановниковъ.

Въ теченіе двухъ лѣтъ, съ 1-го іюля 1905 до 1-го іюля 1907 года, революціонеры перебили 700 полицейскихъ чиновниковъ и нѣсколько тысячъ шпіоновъ, членовъ политической полиціи и другихъ лицъ, занятыхъ въ преслѣдованіи революціонеровъ.

Въ Севастополѣ и Кронштадтѣ, двухъ небольшихъ

городахъ, съ 50-ти тысячнымъ населеніемъ, гдѣ неоднократно имѣли мѣсто волненія въ арміи и во флотѣ, больше 100 чиновниковъ было убито или ранено. На Кавказѣ, особенно въ Тифлисѣ и въ Баку, имѣли мѣсто сотни покушеній на чиновниковъ, и общественная жизнь была потому выбита изъ обычной колеи. То же вѣрно и въ отношеніи Польши. Въ другихъ же мѣстахъ, несмотря на происходившія тамъ казацкія оргіи, возстанія и др. формы революціоннаго выступленія, все же истребленіе чиновниковъ не достигло той остроты, которая способна была бы выдвинуть изъ орбиты повседневную жизнь обывателя.

Терроръ находится подъ контролемъ партіи. Когда Первая Дума открылась, партія соціалистовъ революціонеровъ распорядилась, чтобы въ продолженіе сессіи революціонеры не примѣняли террора. И дѣйствительно, число всякихъ террористическихъ актовъ сократилось больше, чѣмъ вдвое.

Признавая неизбѣжность террора, какъ средства самозащиты части населенія, первыя двѣ Думы, въ которыхъ 95% депутатовъ были настоящими представителями народа, отказались исполнить требованія правительства и не осудили террористическихъ актовъ, совершаемыхъ революціонерами. Даже умѣренные, и тѣ высказались лишь противъ насилія вообще — революціоннаго наравнѣ съ правительственнымъ, считая при этомъ послѣднее, причиной перваго.

Терроръ защищается и тѣми народными партіями, которыя сами отказываются практиковать его. Алексинскій, напр., лидеръ соціаль-дем. фракціи во Второй Думѣ, громогласно заявилъ, что террористическіе акты такое же законное оружіе въ рукахъ революціонеровъ, какъ полевые суды въ рукахъ правительства. Даже лидеры болѣе умѣренной фракціи той же партіи раздѣляютъ этотъ взглядъ. Одинъ изъ нихъ, въ частной бесѣдѣ, сказалъ мнѣ, что признаетъ полезность террористическихъ актовъ, желаетъ, чтобы они удавались, и высказался въ

томъ смыслѣ, что былъ бы въ высшей степени радъ, еслибы террористы убрали Столыпина — царю трудно было бы найти ему «достойнаго» преемника.

Но терроръ скоро будетъ оставленъ революціонерами. Послѣдніе проектируютъ, вмѣсто изолированныхъ актовъ «народной обороны», учить всю націю, какъ нужно вести упорную нападательную войну противъ правительства. Съ этой цѣлью они приглашаютъ въ свои ряды лицъ всевозможныхъ расъ и общественныхъ классовъ, которыя только готовы жертвовать собою для низложенія царизма. Въ настоящее время они отдаютъ свою энергію главнымъ образомъ на то, что бы, съ одной стороны, готовить общее, народное и военное возстаніе, а съ другой, учить народъ гверилльянской войнѣ. Сравнительно ничтожная часть ихъ энергіи еще уходитъ на террористическіе акты противъ царскихъ слугъ, но не далекъ уже тотъ день, когда партія с.-р. совершенно оставитъ терроръ. Пока массы не участвовали еще въ войнѣ, партія считала единичные террористическіе акты желательными и цѣлесообразными. Но по мѣрѣ того, какъ массы народа вовлекаются въ войну съ правительствомъ, все большее число партійныхъ членовъ находитъ не только возможнымъ, но считаетъ даже своимъ демократическимъ долгомъ предоставить борьбу всецѣло самимъ массамъ. Признаніе партіей этого элементарнаго принципа демократической революціи показываетъ, что она наканунѣ великихъ измѣненій въ ея дѣятельности. Принципами этой партіи собственно съ самаго начала были принципы революціонной демократіи: она и пользовалась насиліемъ только въ интересахъ демократіи, въ интересахъ достиженія господства народа.

Согласно прежнему пониманію своихъ обязанностей, партія дѣйствовала з а народъ, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать черезъ народъ. А потому она сама расправлялась съ отдѣльными ненавистными лицами вмѣсто того, чтобы предоставить самимъ крестьянамъ примѣнять агрессивныя дѣйствія противъ своихъ притѣснителей. Но крестьяне

живутъ при такихъ условіяхъ, что имъ трудно удержаться отъ веденія войны съ этими угнетателями. Опасаясь, чтобы независимыя и неконтролируемыя ею дѣйствія крестьянъ не переходили всѣ мѣры, партія употребляла всѣ усилія, чтобы подчинить эти дѣйствія своему контролю. Но все же эти дѣйствія становятся все болѣе и болѣе самопроизвольными, не поддающимися контролю. Чтобы дать выходъ революціонной энергіи крестьянства, партія во всякой деревнѣ организуетъ гверилльянскіе отряды. Она совѣтуетъ крестьянамъ избѣгать лишняго кровопролитія, а дѣлать мишенью своей ненависти только чиновниковъ и то наиболѣе жестокосердныхъ. Что же касается помѣщиковъ, то партія рекомендуетъ нападать лишь на тѣхъ изъ нихъ, которые участвовали въ правительственныхъ насиліяхъ.

Гверилльянская война не требуетъ особыхъ подготовительныхъ организацій. Въ нѣкоторыхъ частяхъ страны—въ Балтійскихъ губерніяхъ, на Кавказѣ, въ Сибири и на Уралѣ—она достигла уже высокой степени развитія. И хотя въ коренной Россіи въ теченіе цѣлаго года не происходили какіе-нибудь крупные безпорядки, правительству все же не удалось справиться съ гверилльянской войной въ упомянутыхъ мѣстахъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ цѣлый отрядъ солдатъ-дезертировъ оперировалъ около Брянска, въ сердцѣ Россіи. Дезертировалъ этотъ отрядъ во время безпорядковъ въ кіевскомъ гарнизонѣ въ 1907 г. и скрывался долгое время въ лѣсахъ. Ни одинъ изъ дезертировъ не былъ пойманъ, и мало по малу въ народѣ сложились про нихъ и про ихъ подвиги чудовищныя легенды. Дезертировавшіе солдаты были всегда и вездѣ весьма вѣжливы и предупредительны къ населенію, но зато усердно и безъ устали нападали на чиновниковъ и экспропріировали правительственное имущество. И лишь въ январѣ 1908 г. правительству удалось поймать предводителя отряда Львова, имя котораго прогремѣло на весь міръ.

ГЛАВА IV.

Положеніе въ арміи.

Революціонеры все болѣе сосредоточиваютъ свое вниманіе на арміи. До тѣхъ поръ, пока значительная часть арміи не примкнетъ къ революціонному движенію, послѣднее не можетъ разсчитывать на осязательный успѣхъ. Революціонныя партіи отряжаютъ тысячи своихъ членовъ для агитаціи въ арміи. Массы агитаторовъ попадаютъ въ руки правительства, которое ихъ вѣшаетъ, разстрѣливаетъ, ссылаетъ и истязаетъ, но ихъ ряды пополняются новыми добровольцами—и работа не прерывается. Всѣ партіи имѣютъ свои военныя организаціи. Но пока одной только Партіи Соціалистовъ Революціонеровъ удалось поставить на ноги работу среди офицерства. Незадолго до недавняго своего ареста Чайковскій мнѣ сказалъ, что революціонный офицерскій Союзъ насчитываетъ уже около 400—500 преданныхъ членовъ.

Съ каждымъ годомъ растетъ число способныхъ и принадлежащихъ къ высшимъ рангамъ офицеровъ, которые недовольны существующими условіями въ арміи; въ прошломъ году (1907 г.) были примѣры перехода на сторону революціи офицеровъ даже казачьихъ и гвардейскихъ полковъ, издавна отличавшихся лояльностью. Что же касается простыхъ солдатъ, то въ нѣкоторыхъ гарнизонахъ они не хотѣли даже дожидаться сигнала революціи и охотно готовы были умереть во имя послѣдней.

Интеллигентные и мыслящіе офицеры, даже тѣ изъ нихъ, которые считаютъ военное дѣло своимъ призваніемъ, готовы покинуть правительство не столько изъ-за раззори-

тельной для народа политики его, сколько изъ-за злоупотребленія имъ арміей, изъ-за веденія имъ несправедливыхъ и безсмысленныхъ войнъ, навлекающихъ только ненависть и униженія на офицеровъ и солдатъ.

Я имѣлъ интервью съ однимъ гвардейскимъ офицеромъ, членомъ одной крайне революціонной организаціи. Дать мнѣ свиданіе значило для него подвергнуть свою жизнь крайней опасности. Но принявъ всѣ мѣры предосторожности, онъ пришелъ въ условленное мѣсто и пространно бесѣдовалъ о настроеніи умовъ въ гвардіи. Въ тотъ моментъ, правда, не было другихъ, кромѣ него революціонныхъ офицеровъ въ гвардейскихъ полкахъ, но это потому, какъ онъ объяснилъ, что въ то время—нѣсколько лишь мѣсяцевъ послѣ октябрьскаго манифеста—господствовало среди офицеровъ мнѣніе, что конституція гарантирована. До Манифеста, по его словамъ, многіе десятки офицеровъ съорганизовались, готовые участвовать въ низложеніи правительства. Онъ выразилъ при этомъ глубокую увѣренность, что въ самомъ скоромъ времени офицерство, убѣдившись въ безцѣнности царскихъ обѣщаній, вновь съорганизуется, чтобы въ нужный моментъ прійти на помощь революціи.

Я бесѣдовалъ со многими офицерами, въ томъ числѣ съ четырьмя генералами высшихъ ранговъ. Всѣ они въ одинъ голосъ утверждаютъ, что война правительства противъ народа наноситъ непоправимый вредъ арміи—даже военный министръ сознался въ этомъ съ Думской трибуны. Генералъ Субботичъ пошелъ еще дальше. Это самый видный офицеръ, который примкнулъ, если не къ революціонерамъ, то къ крайне-оппозиціонной партіи. Онъ былъ центральной фигурой той группы офицеровъ, которая въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ издавала ежедневный «Солдатскій Голосъ». День за днемъ въ продолженіе мѣсяцевъ его органъ выступалъ съ рѣзкой критикой веденія правительствомъ дѣлъ арміи. Разоблаченные «Солдатскимъ Голосомъ» факты дискредитировали царизмъ не менѣе

тѣхъ фактовъ, которые выплыли наружу предъ всѣмъ міромъ во время суда надъ генералами, участвовавшими въ Японской войнѣ. Конечно, въ газетѣ приводились факты иного характера. Они главнымъ образомъ касались вопроса объ употребленіи арміи для борьбы съ революціоннымъ движеніемъ и о происходящей отсюда дезорганизаціи ея, а также вопросовъ внутренней политики вообще. Не проходило дня, чтобы «Голосъ» не разоблачилъ такихъ фактовъ, которые въ состояніи были приводить въ восторгъ наиболѣе активныхъ революціонеровъ.

Этотъ популярный среди офицеровъ генералъ настаивалъ на томъ, чтобы армія оставалась совершенно нейтральной въ борьбѣ правительства съ народомъ. Другими словами—тѣ волненія, съ которыми полиція не въ состояніи справляться, слѣдуетъ считать непреодолимыми. А это въ свою очередь означало, что правительство должно въ такихъ случаяхъ входить въ переговоры съ революціонерами. Генералъ Субботичъ, уволеный изъ арміи за то, что, въ бытность свою Туркестанскимъ военнымъ губернаторомъ, руководясь только что изложенными идеями, выступилъ открыто противъ правительства съ требованіемъ конституціи. Въ своей острой критикѣ всей внутренней политики царя онъ свободно говорилъ, что внутренняя война неминуемо приводитъ къ деморализаціи и къ крайнему недовольству въ арміи, а также къ ослабленію военной дисциплины. Онъ обвиняетъ правительство въ необузданномъ своеволіи и насиліяхъ, въ раззореніи народа и доведеніи его до отчаянія.

Правительство понимаетъ серьезность положенія въ арміи. И, какъ первую мѣру ублаготворенія послѣдней, оно нѣсколько улучшило положеніе солдатъ. Но въ то время, какъ улучшеніе положенія обыкновеннаго солдата сводится лишь къ тому, что повысили ихъ жалованье на двадцать копеекъ въ мѣсяцъ, стали выдавать ему немного чаю и сахару, мыла и полотенце и еще одну рубашку въ годъ, казакамъ выдаютъ громадныя пособія да спеціальную,

«сверхурочную» плату за каждый день службы въ подавленіи «внутренняго врага». Казаки еще требуютъ, чтобы правительство сократило имъ срокъ службы и подарило каждому по лошади. Чтобы предупредить недовольство обыкновенныхъ солдатъ своимъ нищенскимъ вознагражденіемъ сравнительно со щедрыми наградами казакамъ, правительство обѣщаетъ вознаграждать тѣхъ солдатъ, которые вѣрно служили правительству противъ революціонеровъ, орденомъ Св. Анны или орденомъ Св. Георгія, или-же медалью съ надписью «За усердіе».

Но львиную долю возросшихъ расходовъ на армію будетъ поглощать офицерство. При помощи высокаго жалованья и хорошей пенсіи правительство надѣется создать армію изъ 100.000 офицеровъ, которые будутъ слѣпо исполнять распоряженія правительства.

И такъ какъ необходимыя для покрытія этихъ непосильныхъ для голодающей Россіи новыхъ расходовъ средства должны прійти изъ Германіи или Франціи, то правительству трудно будетъ кого-нибудь убѣдить, что на эту расточительность оно побуждается соображеніями патріотическаго характера—чтобы усовершенствовать армію противъ внѣшнихъ враговъ. Революціонеры безъ особаго труда сумѣютъ убѣдить крестьянскаго солдата, что онъ не только получаетъ ничтожныя лишь крохи отъ этихъ огромныхъ суммъ, но что вся цѣль правительства—заручиться арміей для сугубаго угнетенія русскаго народа.

«Солдатскій Голосъ» неоднократно излагалъ недовольство солдатъ и офицеровъ. Одна статья предостерегаетъ военныя власти отъ превращенія казармы въ тюрьму. «За каждымъ шагомъ солдата присматриваютъ», жалуется статья: «посѣщеніе друзей и знакомыхъ строго воспрещено; солдатамъ не дозволяется ходить по улицамъ, бесѣдовать группами, читать газеты или книги. Даже письма ихъ просматриваются офицерами.» Газета одобрительно цитируетъ письмо одного солдата, гдѣ послѣдній горько жалуется на униженія, которымъ офицера подвергаютъ сол-

датъ, и изливаетъ свою глубокую ненависть ко всей казарменной жизни.

Изъ всѣхъ военныхъ бунтовъ, имѣвшихъ мѣсто за послѣдніе годы въ Россіи, наибольшій фуроръ произвелъ бунтъ Преображенскаго гвардейскаго полка. Весь полкъ до единаго солдата взбунтовался. Онъ требовалъ лучшаго обращенія со стороны начальства, освобожденія отъ полицейскихъ обязанностей, права приходить и уходить изъ казармы во всякое свободное отъ ученія время, и тайны частной корреспонденціи. Затѣмъ идутъ требованія болѣе революціоннаго характера: отмѣна обязанности отдавать честь инымъ офицерамъ, кромѣ баталліонныхъ командировъ; свобода придерживаться и выражать всякія политическія мнѣнія, т. е. чтобы не подвергали солдатъ наказаніямъ за тотъ или иной образъ мыслей. Отъ послѣдняго требованія всего одинъ шагъ до вышеупомянутаго уже требованія генерала Субботича о нейтралитетѣ арміи въ борьбѣ правительства съ народомъ. Нельзя, конечно, ожидать, что правительство удовлетворитъ подобныя требованія солдатъ; но, съ другой стороны, нельзя допускать, что солдатъ останется глухимъ къ раздающемуся вокругъ него требованію элементарной свободы личности.

Къ счастью для Россіи, дѣла въ арміи не приняли еще такого оборота, при которомъ можно было бы опасаться чисто военнаго бунта и захвата арміей судебъ страны въ свой руки. Но, какъ я уже показалъ, недовольство въ арміи достигло уже такой точки, что правительство не только не можетъ вполнѣ полагаться на армію въ случаѣ широкой революціонной волны, но и имѣетъ основаніе опасаться, что она станетъ на сторону народа. Большаго лидеры революціи и не ждутъ отъ арміи. Революціонные офицера сходятся съ вождями крестьянства въ томъ, что революція должна быть начата и проведена крестьянами, при чемъ на долю арміи придется лишь оказывать революціонерамъ всяческую помощь, но не играть центральной роли въ ней.

Крестьянскія массы обнаруживаютъ такой же глубокій интересъ къ арміи, какъ и наиболѣе развитые и просвѣщенные революціонные офицера послѣдней. Въ теченіе лѣта 1907 г. я приходилъ въ частое и тѣсное соприкосновеніе съ крестьянствомъ. Всюду мнѣ приходилось слышать то мнѣніе, что новые рекруты, вступавшіе въ армію за послѣдніе два года и имѣющіе еще вступить въ слѣдующіе два, будутъ лояльны не къ царю, а къ народу. Во многихъ селахъ крестьяне заставляютъ новобранцевъ присягать въ вѣрности народу въ его тяжбѣ съ царемъ. Вездѣ народъ ждетъ войны. «Какой войны? Съ кѣмъ?» любопытствовалъ я. «А войны за землю, войны народа, въ которой солдаты будутъ стоять за крестьянъ».

Въ одной деревнѣ, когда я устанавливалъ свой аппаратъ, чтобы сфотографировать бѣдныя крестьянскія избенки, одна баба спросила меня, что я хочу сдѣлать. Я объяснилъ, что хочу сдѣлать снимки съ ихъ избъ, чтобы показать людямъ въ другихъ земляхъ, какъ крестьяне живутъ. Всѣ присутствовавшія при этомъ бабы въ одинъ голосъ иронически воскликнули: «Въ другихъ земляхъ? Поди лучше назадъ въ Петербургъ, покажи тамъ наши рисунки «бѣлошу» царю—пусть полюбуется на наше собачье житье—бытье.» Царю, говорили онѣ далѣе, нѣтъ дѣла до нихъ, онъ радѣетъ лишь о помѣщикахъ. А одинъ крестьянинъ проговорилъ: «Вишь, до чего царь довелъ насъ! Помѣщикамъ онъ помогаетъ, когда они въ бѣдѣ—онъ даетъ тамъ разныя мѣста въ арміи и въ правительствѣ. Для насъ же онъ пальцемъ о палецъ не ударитъ. Онъ отвѣтственъ за все; онъ отнялъ у насъ Думу и свободу, которую обѣщалъ было намъ». Другой крестьянинъ, услышавъ, что Дума распущена, и царь хочетъ теперь созвать помѣщичью Думу, въ присутствіи всей толпы громко воскликнулъ: «Вотъ крючкотворъ-то!» Не то удивительно, что крестьянинъ не лестнаго мнѣнія о царѣ—въ деревнѣ нигдѣ не услышите болѣе высокаго мнѣнія—удивительно то, что крестьянинъ не стѣсняясь высказалъ

свое мнѣніе въ присутствіи совсѣмъ постороннихъ и чужихъ ему людей. Видно, крестьянство далеко уже ушло отъ тѣхъ дней, когда простодушно вѣрило въ помазанника Божьяго, царя; видно, весьма мало у него осталось слѣдовъ отъ прежней лояльности къ правительству.

Крестьяне, повидимому, предпочитаютъ партію соціалистовъ-революціонеровъ всѣмъ другимъ революціоннымъ партіямъ. Они дружелюбно относятся и къ Крестьянскому Союзу и къ Трудовой Группѣ. Но въ то время, какъ первый является по существу экономической лишь организаціей, а вторая—политической, партія соціалистовъ-революціонеровъ удѣлила вопросу, какъ организовать крестьянскую войну и устроить удачную революцію, больше вниманія, чѣмъ всѣ остальныя партіи, вмѣстѣ взятыя. Въ каждомъ почти уѣздѣ она имѣетъ свои комитеты, а въ каждой деревнѣ найдете ея приверженцевъ.

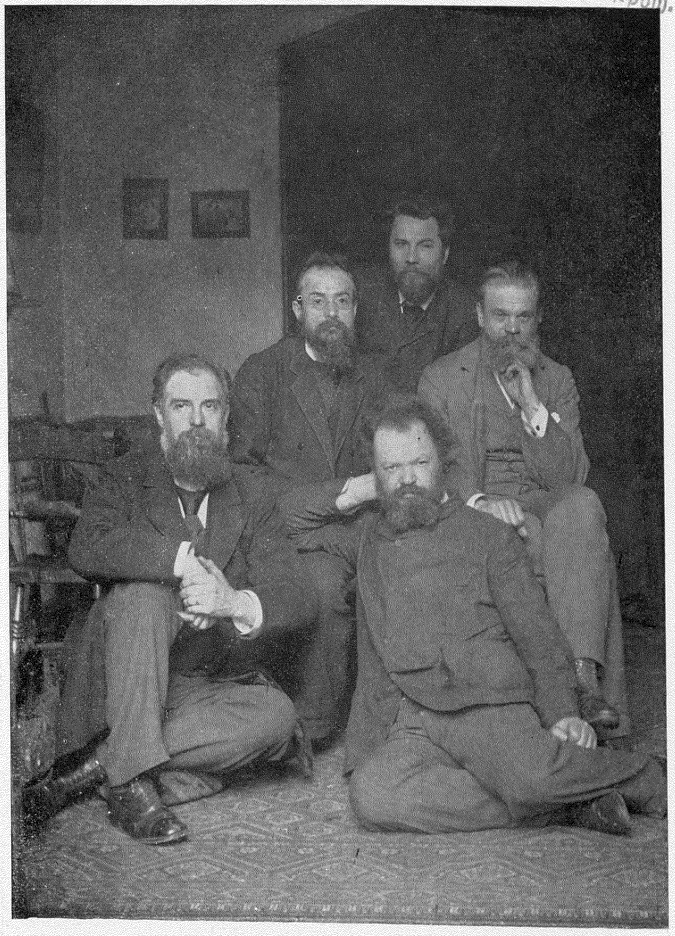
Партія соціалистовъ-революціонеровъ удѣляетъ много усилій и вниманія на просвѣщеніе массъ. Значительная часть матеріала крестьянскаго чтенія приходитъ изъ тайныхъ типографій этой партіи. Такъ какъ правительство, не пропускаетъ въ деревню ничего, кромѣ архаическихъ, деревянно-ходульнымъ языкомъ написанныхъ, узко патріотическихъ книгъ, запрещая даже $^{9}/_{10}$ того, что разрѣшается городскому читателю читать (даже въ городахъ много чисто-научныхъ или чисто-литературныхъ произведеній запрещены, не говоря уже о спеціальныхъ трудахъ по исторіи Россіи), революціонеры стараются восполнить этотъ пробѣлъ и наводняютъ деревню популярными научными и литературными произведеніями, въ которыхъ всѣ стороны жизни получаютъ надлежащее, революціонное, освѣщеніе. «Исторія Россіи» Шишко разошлась въ количествѣ полумилліона экземпляровъ. А это значитъ, что на каждую почти деревню приходится не меньше одного экземпляра революціоннаго произведенія, въ живыхъ краскахъ изображающаго безчеловѣчное угнетеніе русскихъ крестьянъ. А такъ какъ Шишко въ то же самое

время и главный теоретикъ партіи, то и очевидно, что его книга много содѣйствовала поднятію престижа и вліянія послѣдней.

Многіе думаютъ, что правительству дѣйствительно удалось уже усмирить деревню. Но два, три примѣра убѣдятъ всякаго, что революціонное движеніе пустило уже слишкомъ глубокіе корни, чтобы правительство могло не только предупредить, но и помѣшать дальнѣйшему его росту. Покушенія на разныхъ чиновниковъ такъ участились въ деревнѣ, что подчасъ трудно бываетъ найти виновнаго. Жестокосердый Будбергъ, одинъ изъ нѣмецкихъ прибалтійскихъ бароновъ, былъ убитъ по дорогѣ изъ своего имѣнія. Правительство снарядило строгое слѣдствіе, но не могло установить никакихъ уликъ противъ кого-либо. Но чтобы не оставить этого террористическаго акта безнаказаннымъ и чтобы отбить у населенія охоту къ повторенію такихъ актовъ, оно наложило огромную контрибуцію на ближайшія двѣ деревни, гдѣ баронъ былъ найденъ убитымъ. И такъ какъ населеніе не уплатило этого штрафа, правительство отправило туда карательный отрядъ. Въ результатѣ—и тѣ немногіе дотолѣ умѣренные элементы въ тѣхъ двухъ деревняхъ прониклись отчаянной ненавистью къ правительству.

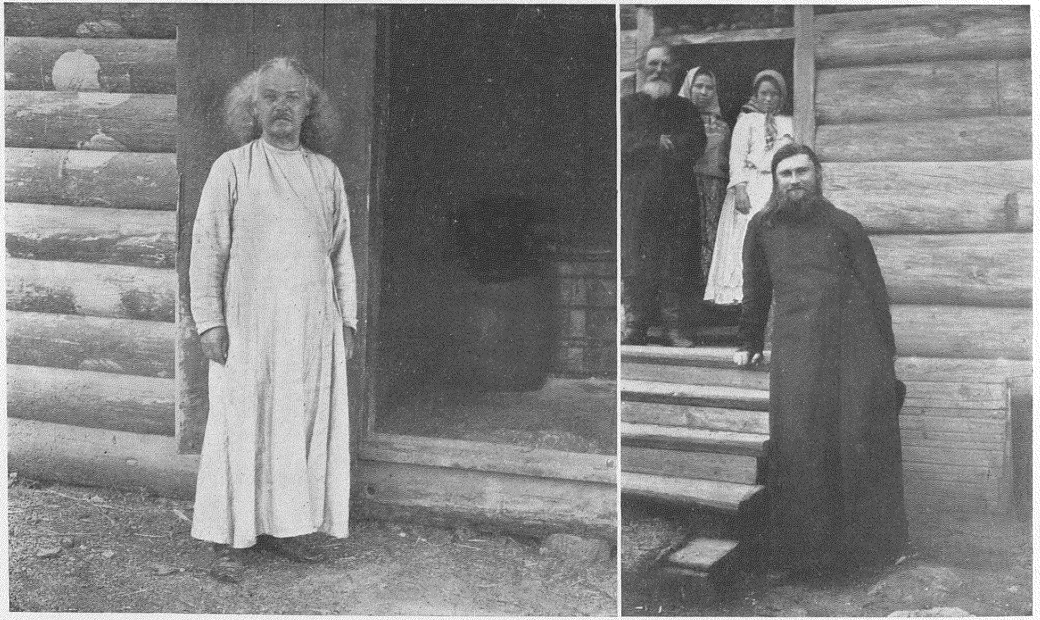
А вотъ нѣсколько примѣровъ, показывающихъ, что правительству собственно не на кого больше полагаться въ дѣлѣ усмиренія деревни. Чтобы охранять порядокъ въ деревнѣ оно вынуждено обращаться къ сельскимъ стражникамъ, т. е. къ тѣмъ же крестьянамъ. Я нашелъ, напр., что братъ одного сельскаго стражника подъ защитой послѣдняго свободно держалъ у себя складъ нелегальной литературы. Не рѣдки случаи, когда стражники отказываются дѣйствовать противъ своихъ революціонныхъ односельчанъ, находя, что тѣ «въ правѣ». Въ случаѣ, когда крестьянамъ не удается пріобрѣсти дружбу стражника, они стараются напугать его такъ, чтобы у него руки не поднимались противъ нихъ. Такъ, они узнаютъ, изъ

Центральная Рабочая
Библиотека
Моск. Губ. Совет Проф. Союз.



Ветераны партіи с.-р.

Сидятъ на полу: Чайковскій и Степнякъ; на стульяхъ — Шишко и Волховской



Деревенскіе священники

Рекціонеръ

Либералъ

какой деревни тотъ или другой стражникъ, даютъ знать туда, а тамъ міръ уже принимаетъ мѣры противъ его семьи или имущества. Если и это не помогаетъ, крестьяне просто берутъ своей численностью: они нападаютъ въ большомъ числѣ и обезоруживаютъ стражниковъ. Въ одномъ селѣ крестьяне одержали верхъ надъ отрядомъ стражниковъ въ 20 человѣкъ, отобрали у нихъ 200 ружей и 300 фунтовъ пороху. Крестьяне иногда даже бойкотируютъ или поджигаютъ имущество того крестьянина, который проявляетъ какую либо дружбу къ врагу — стражнику. Правительство дошло уже до предѣла: оно не находитъ больше надежныхъ защитниковъ своей власти.

Гверилльянская война имѣетъ непосредственной своей цѣлью изгнать ненавистныхъ помѣщиковъ и чиновниковъ изъ деревни. И крестьяне достигли этой войной значительныхъ успѣховъ. Прежде правительство придерживалось правила назначать на разныя должности исключительно дворянъ. Но послѣдніе боятся теперь итти въ деревню, и правительство вынуждено дѣлать отступленія отъ правила. Оно было бы радо назначать кого-либо, да охотниковъ-то мало; всякій дрожитъ за свою шкуру, и много должностей остаются вакантными.

Крестьянство и революціонныя партіи ставятъ себѣ общую цѣль. Партіи подвигаются все впередъ въ дѣлѣ организаціи народа для достиженія этой цѣли. Одинъ изъ самыхъ популярныхъ въ деревнѣ революціонеровъ, князь Хилковъ, думаетъ, что близко то время, когда останется лишь выбрать настоящихъ лидеровъ, чтобы пустить движеніе въ ходъ. Послѣднее, по его мнѣнію, придется направить сначала на помѣщиковъ, а потомъ на царизмъ. Онъ полагаетъ, что найдись теперь второй Гапонъ, который пользовался бы—заслуженно, или нѣтъ—такимъ же довѣріемъ крестьянъ, какимъ отецъ Гапонъ пользовался со стороны рабочихъ, онъ теперь же могъ бы повести милліоны крестьянъ на отчаянную схватку. Разъ

начатое, движеніе скоро подпало бы подъ контроль революціонеровъ, какъ это было съ движеніемъ Гапона.

Наиболѣе важнымъ психологическимъ факторомъ въ грядущемъ конфликтѣ князь Хилковъ считаетъ оппозиціонные религіозные инстинкты народа. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ крестьяне баптисты одной деревни, доведенные правительственными преслѣдованіями до отчаянія, подожгли православную церковь; всякій разъ, когда они соберутся, бывало, вдвоемъ или втроемъ читать Библію, ихъ штрафуютъ на 50 рублей. Такіе крестьяне охотно, въ религіозномъ экстазѣ, шедшіе въ тюрьму и въ ссылку, зачитываются теперь революціонной литературой. И правительство спохватилось уже: оно теперь часто даже поощряетъ ихъ возобновить свои религіозные обряды и чтенія,—но поздновато.

Проникнутое идеализмомъ и религіознымъ энтузіазмомъ крестьянство подъ предводительствомъ популярнаго вождя можетъ превратиться въ непобѣдимую армію.

ГЛАВА V.

Священники становятся революціонерами.

Въ предыдущихъ главахъ я распространялся объ экономическихъ проблемахъ великаго соціальнаго движенія и удѣлялъ много вниманія политической борьбѣ, отражающей экономическую борьбу интересовъ въ Россіи. Теперь я намѣренъ очертить духовную революцію, которая имѣетъ столь же огромное вліяніе на судьбы полутораста-милліоннаго народа, что и экономическая и политическая революція.

На духовное перерожденіе Россіи нельзя смотрѣть, какъ на нѣчто отдѣльно стоящее, какъ на самодовлѣющее явленіе. Если бы царизмъ не разросся до такихъ ужасающихъ размѣровъ, при которыхъ нѣтъ болѣе мѣста какимъ бы то ни было иллюзіямъ возможности просвѣщеннаго и благодѣтельнаго деспотизма, государства или церкви; если бы крестьянство не было охвачено такой глубокой, сознательной ненавистью ко всякой формѣ угнетенія; если бы новѣйшій капитализмъ не проникъ въ Россію и не создалъ новыхъ индустрій и новыхъ общественныхъ классовъ; еслибы современное знаніе и современныя идеи не захватили всей интеллигентной Россіи; еслибы Дума не создала центра, группирующаго всѣ эти тенденціи вмѣстѣ;—духовная и религіозная революція никогда не приняла бы тамъ такой общей и всенаціональной формы. Она проявлялась бы, какъ до сихъ поръ, въ индивидуальныхъ протестахъ непобѣдимыхъ натуръ или въ мѣстныхъ, слабо организованныхъ религіозныхъ бунтахъ различныхъ, многочисленныхъ и интересныхъ, религіозныхъ сектъ.

Всѣ слои населенія Россіи признаютъ, что въ русской религіозной мысли происходитъ теперь процессъ великой важности. До того глубокъ этотъ процессъ, что правительство нашло себя вынужденнымъ прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ для того, чтобы пріостановить его. Первая изъ этихъ мѣръ—это то, что правительству благоугодно называть «свободой совѣсти»; вторая, не менѣе важная, мѣра—созывъ церковнаго собора. Нужно ли говорить, что послѣдователи иновѣрныхъ исповѣданій — католики, магометане, лютеране, евреи или сектанты и старовѣры не питаютъ никакого довѣрія къ обѣщаніямъ правительства. Излишне также говорить о томъ, что и послѣдователи православнаго исповѣданія, либеральные элементы демократическаго сельскаго духовенства и тѣ національные вожди, которые во время освободительнаго движенія подняли свой голосъ въ пользу реформированія православной церкви,—не возлагаютъ никакихъ надеждъ на проектируемый церковный соборъ. Причинъ этого всеобщаго недовѣрія не далеко искать.

Святѣйшій Синодъ, опирающійся не только на правительство, но и на цѣлую треть искусственно составленной реакціонной Думы, при пассивной поддержкѣ цѣлыхъ, пожалуй, двухъ третей послѣдней, сдѣлалъ уже свои «толкованія» къ закону о «свободѣ совѣсти». Крайне характерно его требованіе о воспрещеніи всякой новой религіи или религіозной секты, если только послѣдователи ея не признаютъ авторитета высшихъ духовныхъ властей. Синодъ не думаетъ также отказаться отъ контроля и надзора за «терпимыми» религіями и сектами. Онъ считаетъ «своимъ священнымъ долгомъ настаивать на томъ, чтобы православная церковь и впредь пользовалась всѣми тѣми преимуществами и привиллегіями, которыми она пользовалась до объявленія закона о «свободѣ совѣсти»; чтобы право свободной пропаганды своего ученія было предоставлено одной лишь православной церкви; другія же религіи могутъ принимать только такихъ про-

зелитовъ, которые сами пришли къ нимъ, побуждаемые внутренней склонностью къ ихъ ученіямъ.» Но если эти реакціонныя требованія являются лишь мѣрами самозащиты, то Синодъ не стѣсняется предлагать и довольно внушительныя мѣры агрессивнаго характера. Такъ, онъ находитъ необходимымъ, чтобы «въ интересахъ защиты достоинства православной церкви и ея служителей отъ нападковъ всѣ виновные въ оскорбленіи или въ выраженіи неуваженія къ ея ученію въ частной ли бесѣдѣ, въ печати или на сценѣ, подвергались строгому наказанію.» Иначе говоря, онъ предлагаетъ нѣчто въ родѣ закона о lése majesté церкви.

Недавно правительство запретило въ Москвѣ съѣздъ старовѣровъ, отличающихся всегда своей лояльностью. И это несмотря на то, что имъ даже самъ фонъ Плеве свободно разрѣшалъ собранія. А одинъ старовѣрческій священникъ былъ наказанъ за то, что находился въ пріятельскихъ сношеніяхъ съ населеніемъ деревни и могъ поэтому совратить его въ старовѣріе . . .

Не менѣе гнусны попытки правительства политически развращать служителей православной церкви. Такъ, напр., во время послѣднихъ выборовъ въ Тверской губерніи мѣстный архіерей потребовалъ отъ всѣхъ двадцати священниковъ, попавшихъ въ выборщики, чтобы они отказались участвовать въ совѣщаніяхъ и засѣданіяхъ послѣднихъ. Смиренный инокъ грозилъ священникамъ лишеніемъ сана священства и другими наказаніями, если они только осмѣлятся подать свои голоса за не-реакціонныхъ кандидатовъ. Вездѣ, во всѣхъ епархіяхъ, священникамъ было вмѣнено въ обязанность съ амвона агитировать, чтобы народъ не послалъ въ Думу «враговъ церкви и престола». Въ Воронежѣ преосвященный Анастасій громилъ «интеллигентныхъ мятежниковъ». Въ Балаховѣ протоіерей убѣждалъ свою паству выбрать «неученыхъ, истинно-русскихъ людей», понимая подъ послѣдними участниковъ погромовъ.

И горе было тѣмъ священникамъ, которые находили въ себѣ достаточно мужества, чтобы ослушаться своего духовнаго начальства. Въ одномъ селѣ Черниговской губерніи прихожане разсказали священнику, что полиція подстрекаетъ ихъ къ погрому на евреевъ. Священникъ имъ отвѣтилъ: «Вы не должны творить зло, если даже вамъ велитъ это сдѣлать человѣкъ въ полицейскомъ мундирѣ. Еврей полезенъ намъ; онъ заслуживаетъ нашего состраданія и симпатіи. Онъ работаетъ для своей семьи и все-таки очень бѣденъ. Онъ живетъ впроголодь . . .» Каково же было изумленіе прихожанъ, когда черезъ нѣсколько дней священникъ былъ заключенъ въ тюрьму. Взволнованные этой вѣстью, они сложились и послали телеграмму графу Витте. Спустя 13 дней священника выпустили изъ тюрьмы, но по распоряженію духовныхъ властей, онъ былъ уволенъ отъ должности и лишенъ духовнаго званія.

Вотъ вамъ «свобода совѣсти» и политическая свобода! Правительство проектируетъ Церковный Совѣтъ. Бѣлое духовенство—въ отличіе отъ чернаго духовенства, или монаховъ, занимающихъ обыкновенно высшія ступени церковной іерархіи—оппозиціонно настроено противъ новаго Церковнаго Совѣта, потому что смотрятъ на него, какъ на обыкновенную правительственную канцелярію, а также потому, что оно устранено отъ участія въ немъ, несмотря на то, что оно (сельское духовенство) могло бы дѣйствительно внести жизнь въ новое учрежденіе. На совѣщаніи 79 священниковъ изъ разныхъ частей страны рѣшено было не участвовать въ трудахъ Совѣта даже какъ гости—унизительное положеніе, предоставленное сельскому духовенству. И вмѣстѣ съ тѣмъ съѣздъ священниковъ требовалъ, чтобы не только священники, но и міряне могли участвовать въ церковномъ Совѣтѣ.

Бѣлое православное духовенство не менѣе, чѣмъ послѣдователи и духовенство разныхъ сектъ и исповѣданій, вполнѣ враждебно правительству. Я исключаю,

конечно, тѣхъ многочисленныхъ безразличныхъ и трусливыхъ священниковъ, которые воздерживаются отъ выраженія своего мнѣнія. Около времени появленія октябрьскаго манифеста, часть бѣлаго духовенства открыто выразила свои симпатіи народу. Правительство не преминуло арестовать крамольныхъ священниковъ и заключить ихъ въ тюрьму, оставивъ приходы безъ пастырей. Во многихъ мѣстахъ происходили совѣщанія священниковъ. Результатомъ этихъ совѣщаній было возникновеніе національныхъ организацій въ родѣ «Лиги работниковъ за церковныя реформы». Кромѣ того, во многихъ мѣстахъ состоялись съѣзды разныхъ сектъ, которые искали общаго базиса для созданія церковной организаціи, похожей на общую протестантскую церковь. Секты пришли къ соглашенію по многимъ вопросамъ, но не могли сойтись по вопросу о крещеніи младенцевъ.

Наилучшимъ выраженіемъ оппозиціоннаго настроенія духовенства можетъ служить поведеніе депутатовъ священниковъ въ Думѣ. Только въ Третьей Думѣ правительству удалось при помощи китайскаго избирательнаго закона, полицейскихъ застращиваній и государственной церкви заполучить компактную группу изъ 40 болѣе или менѣе реакціонныхъ священниковъ. Но въ Первой Думѣ, избранной народомъ, было семь радикаловъ священниковъ, а во Второй было шесть священниковъ ясно выраженныхъ революціонеровъ, правительство, конечно, сурово преслѣдовало ихъ. Наиболѣе революціоннымъ былъ священникъ Брилліантовъ. Его обвиняли въ томъ, что онъ нарочно оставилъ залу засѣданія, когда Дума хотѣла осудить политическія убійства. Спрошенный объ этомъ, онъ отказался дать какія-либо объясненія. Онъ отказался также выступить изъ партіи соціалистовъ революціонеровъ, членомъ которой онъ состоялъ. Три другихъ священника —Тихвинскій, Архиповъ и Колокольниковъ были членами Трудовой группы. Принадлежность къ этой организаціи, которую церковныя власти квалифицируютъ, какъ

революціонную, имъ и была поставлена въ вину. Всѣ они были лишены духовнаго званія.

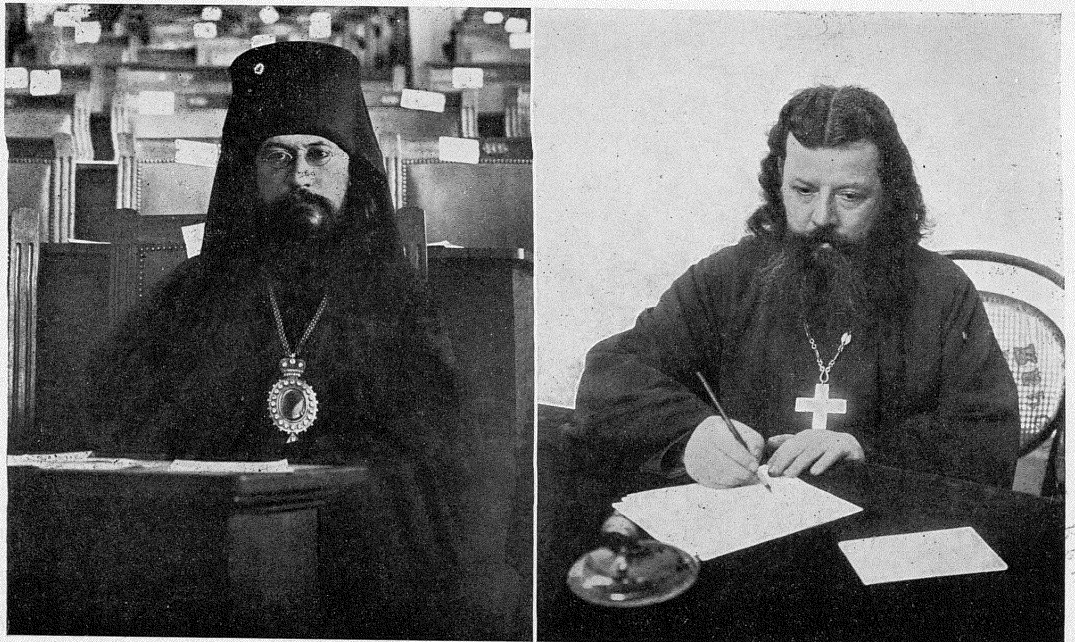
Тихвинскій, наиболѣе видный изъ этихъ трехъ, между прочимъ писалъ митрополиту Антонію:

«Я, бывшій реакціонеръ и узкосердечный консерваторъ, измѣнилъ свои взгляды подъ вліяніемъ послѣднихъ четырехъ лѣтъ . . . Я стою теперь на сторонѣ интересовъ народа и законнаго государства . . . Отношеніе Синода отъ 12-го мая требуетъ, чтобы я, «согласно моей совѣсти», въ теченіе 3 дней перешелъ въ другую сторону и присоединился къ реакціоннымъ монархистамъ или къ независимымъ реакціонерамъ. Отъ насъ требуютъ не только . . . «согласно совѣсти» измѣнить убѣжденія. Я заявляю, что не могу измѣнить моихъ убѣжденій . . . Какъ же я могу мѣнять свои убѣжденія, не становясь при этомъ измѣнникомъ народу? . . . Такой день былъ бы самымъ позорнымъ въ моей жизни.»

Преслѣдованія этихъ священниковъ начинались церковными наказаніями. Ихъ гнали по всей имперіи, изъ края въ край, мѣшая имъ обосноваться на одномъ опредѣленномъ мѣстѣ и позаняться полезной дѣятельностью. Двоихъ, которые желали поступить въ университетъ, гнали изъ города въ городъ. Наиболѣе революціонный Брилліантовъ описалъ въ письмѣ къ соціаль-демократической фракціи въ Третьей Думѣ свои страданія. Будучи студентомъ въ Томскѣ, онъ былъ арестованъ, высланъ изъ Томска съ воспрещеніемъ жительства въ Москвѣ, по близости къ Сибирской желѣзной дорогѣ, въ городахъ Кавказа и т. д., и т. д. Онъ выбралъ Уфу мѣстомъ жительства, былъ доставленъ туда пѣшкомъ и подвергнутъ одиночному заключенію. Онъ жалуется: «За какое преступленіе меня держатъ въ одиночномъ заключеніи, не знаю. Я знаю только, что эта крошечная камера, имѣющая всею 4 ф. въ длину, недостатокъ движенія, полутемнота комнаты—окончательно надорвали мое и безъ того разстроенное здоровье.»

Photograph by Bulla, St. Petersburg

Священники-революціонеры
о. Петровъ и о. Колокольниковъ



Священники-депутаты

Епископъ Евлогій, реакціонеръ; о. Тишининскій, либералъ

Центрархив
Фото
Моск. Губ. Сов. проф. Союз.

Но преслѣдованіями правительству не удалось «исправить строптивыхъ» священниковъ. Особенный интересъ вызвали преслѣдованія двухъ священниковъ, пользовавшихся широкой репутаціей и занимавшихъ видныя мѣста въ церковной іерархіи. Это о. Петровъ и архимандритъ Михаилъ. Послѣдній изъ мѣста своего заточенія—изъ одного монастыря на пустынномъ островѣ на Ладожскомъ озерѣ—послалъ въ радикальную прессу цѣлый рядъ изобличительныхъ статей. Наконецъ, чтобы отдѣлаться отъ правительственныхъ преслѣдованій, онъ совсѣмъ отложился отъ православія и присталъ къ старовѣрамъ. Какъ о. Петровъ мнѣ объяснилъ, это самый практическій шагъ, къ которому могутъ прибѣгнуть радикальные священники. Старовѣры русскіе по національности и такъ многочисленны, что благоразумная государственная политика требуетъ, чтобы имъ предоставлены были извѣстныя льготы. Если радикальные священники въ большомъ числѣ перейдутъ къ старовѣрамъ, старовѣрческая церковь, страдающая теперь отъ отсутствія просвѣщенныхъ руководителей, станетъ могущественной революціонной силой.

Самую видную роль въ движеніи духовенства игралъ о. Петровъ. Послѣдній имѣетъ всѣ шансы на то, чтобы играть еще передовую роль въ революціонномъ движеніи: онъ соединяетъ въ себѣ качества способнаго политическаго дѣятеля, популярнаго писателя, вліятельнаго проповѣдника и глубокаго знатока религіозныхъ трактатовъ. О. Петровъ представляетъ самъ движеніе въ себѣ. Онъ—авторъ сотни религіозныхъ, моральныхъ, политическихъ и соціальныхъ памфлетовъ, которые въ общей сложности распространены въ количествѣ больше 10 милліоновъ экземпляровъ. Стиль его писаній такой популярный, мастерскій, что народъ читаетъ Петрова еще охотнѣе, чѣмъ Толстого. Къ тому еще онъ былъ редакторомъ наиболѣе распространенной въ крестьянствѣ газеты. Его имя, пожалуй, самое популярное въ Россіи.

Наиболѣе интересное въ личной жизни о. Петрова это то, что ему приходилось быть въ соприкосновеніи съ самыми различными элементами населенія, начиная съ крестьянъ и кончая придворными сферами. Онъ былъ воспитателемъ двухъ великихъ князей, его даже прочили въ воспитатели царевича—наслѣдника престола. Греческая королева, по происхожденію русская великая княгиня, большая поклонница о. Петрова. Она одна помогла распространить больше милліона экземпляровъ его писаній. Во Вторую Думу онъ попалъ какъ депутатъ отъ Петербурга. При этомъ за нимъ не стояла какая-нибудь вліятельная партія. Онъ самъ своя партія—онъ былъ избранъ, какъ независимый.

Не будучи самъ духовнаго званія, онъ, одноко-же, выбралъ духовную карьеру, чувствуя въ себѣ призваніе и желаніе переродить истинно религіозныя чувства народа. Какъ сынъ деревенскаго торговца бакалейными товарами, гдѣ-то близь Петербурга, онъ имѣлъ возможность присмотрѣться къ жизни простого народа. Подобно Горькому, онъ обнаруживалъ глубокій интересъ къ босякамъ и къ т. наз. бывшимъ людямъ. Онъ ихъ любилъ и видѣлъ свою миссію въ облегченіи ихъ участи. Когда онъ преподавалъ въ одной аристократической школѣ, онъ убѣдился, увѣрялъ онъ меня, что босяки стоятъ куда выше аристократовъ.

Законъ дозволяетъ студентамъ духовныхъ семинарій держать проповѣди. Петровъ, будучи студентамъ, часто ѣздилъ въ деревню произносить импровизированныя проповѣди. Онъ испытывалъ тогда великое удовольствіе отъ сознанія, что аудиторія всегда понимаетъ его. Въ молодыхъ еще лѣтахъ онъ постигъ тайну того, какъ вліять на умы, какъ дѣлать свои мысли доступными пониманію другихъ. «Даже Канта можно сдѣлать доступнымъ для народнаго пониманія», замѣтилъ онъ мнѣ. «Если мысль ясна, и выражаешь ее языкомъ яснымъ, народъ долженъ понимать тебя не хуже, а, пожалуй, и лучше образованныхъ классовъ.» Такъ разсуждалъ о. Петровъ.

Поступая въ духовную семинарію, о. Петровъ въ простотѣ своей воображалъ, что всѣ тайны откроются ему, все непонятное станетъ для него понятнымъ, яснымъ. Но онъ скоро разочаровался въ схоластической премудрости. Онъ убѣдился, что погрузиться въ теологическія дебри значитъ похоронить себя въ живыхъ. Онъ, впрочемъ, не былъ единственнымъ. Да вообще студенты духовныхъ семинарій не составляютъ исключенія изъ всей учащейся молодежи Россіи: эта молодежь пропитала свободными, а часто и революціонными идеями. Дѣло пошло такъ далеко, что семинаристы неохотно шли въ священники, и масса приходовъ оставалась безъ пастырей. Петровъ сгруппировалъ вокругъ себя кружокъ студентовъ для совмѣстнаго чтенія по исторіи, литературѣ и философіи. Особенное удовольствіе этотъ кружокъ испытывалъ отъ чтенія Рескина и Карлейля.

По окончаніи семинаріи о. Петровъ получилъ приходъ подъ Петербургомъ, гдѣ помѣщены городскія бойни. Въ теченіе 6 лѣтъ онъ тамъ читалъ отъ 8 до 10 лекцій въ недѣлю, пріобрѣвъ такимъ образомъ широкую извѣстность среди крестьянъ, рабочихъ и вообще простого люда. И никто иной, какъ этотъ послѣдній, далъ ему возможность выдвинуться. Одинъ изъ служителей во дворцѣ великаго князя Павла обратилъ вниманіе послѣдняго на ораторскій талантъ молодого священника. Павлу понравилась рѣчь о. Петрова, и онъ пригласилъ его въ качествѣ воспитателя своихъ дѣтей. Слава объ о. Петровѣ распространилась въ высшихъ сферахъ, его приглашали читать въ пажескомъ корпусѣ, въ гвардіи, въ аристократическихъ школахъ и фешенебельныхъ салонахъ. «Хоть читай 60 ч. въ день», говорилъ онъ.

Только скрѣпя сердце о. Петровъ, демократъ душой, пошелъ работать въ придворныхъ сферахъ. Онъ принялъ приглашеніе лишь послѣ того, какъ друзья ему указали, что ему удастся повліять на тѣ сферы, отъ которыхъ въ сущности зависила вся судьба Россіи. Но надежды друзей

не оправдались. О. Петровъ вскорѣ убѣдился, что его работа—выброшенный трудъ. «Простой народъ», говоритъ онъ: «жаждетъ знанія, какъ травка—солнца; но аристократы составляютъ совсѣмъ другую націю—они не могутъ понимать нужды народа. Они охотно читаютъ мои писанія. Но они вникаютъ не въ смыслъ читаннаго, а останавливаются на внѣшнихъ формахъ, на фигурахъ рѣчи: точно они смотрятъ на картину и видятъ не выражаемую ею идею, а только красивую работу. Дѣти великихъ князей и придворной аристократіи не въ состояніи что-нибудь понимать: въ самомъ нѣжномъ возрастѣ ихъ калѣчатъ, внушая имъ мысль, что они сверхъ-человѣки, стоящіе выше другихъ людей. Одна барышня разъ воскликнула: «Какъ трудно жить по-человѣчески при дворѣ!» Ея человѣческій инстинктъ еще не былъ окончательно вытравленъ.»

О. Петровъ многое узналъ при дворѣ. Онъ тамъ встрѣчался съ представителями не только русской, но и иностранной аристократіи. И убѣдился онъ, что аристократія вездѣ одна и та же; она увѣрена, что народъ долженъ быть вѣчно ей благодаренъ, что страна ея собственность, что массы должны питаться крохами, падающими съ ея стола, что народъ ей обязанъ всѣмъ, а она ничѣмъ не обязана ему. Въ 1904 г. великій князь Сергѣй, прочитавшій его книгу: «Евангеліе, какъ основа жизни», замѣтилъ по ея поводу: «Вы, реформаторы, не болѣе какъ мечтатели; народъ—скотина: онъ понимаетъ только кулакъ и нагайку». Петровъ отвѣтилъ ему: «То же самое Вы сказали японцамъ, а они отвѣтили еще болѣе тяжеловѣсными кулаками. Такъ же можетъ и народъ отвѣтить.»

О. Петровъ удалился изъ придворныхъ сферъ. Но ко времени октябрьскаго манифеста онъ еще состоялъ профессоромъ духовной и военной академій. Скоро, впрочемъ, онъ убѣдился, что долженъ отказаться и отъ профессорской дѣятельности. «Пропасть между народомъ и господ-

ствующими классами такъ глубока, что трудно уже одной ногой стоять на одной сторонѣ ея, а другой—на другой.» Въ промежутокъ времени отъ манифеста до открытія Второй Думы онъ занимался только литературной дѣятельностью и издавалъ свою удивительно-популярную газету «Божья Истина». Прислуга, извозчики и вообще простонародье называли ее не «Божьей Истиной», а «Нашей газетой».

ГЛАВА VI.

Русская революція.

I.

Борьба, которую Россія ведетъ, такая отчаянная, мужественный и смышленый народъ такъ безпомощенъ теперь, что иностранцу даже трудно охватить всю трагедію его положенія. Мы, какъ современники, можемъ понять трагедію отдѣльныхъ индивидуумовъ. Но мы не привыкли къ трагедіямъ, героями которыхъ являются цѣлые народы. Въ Россіи группа лицъ, обстоятельствами поставленныхъ въ такое положеніе, что отъ нихъ зависятъ судьбы народа, стала такъ равнодушна, такъ неискренна, такъ не воспріимчива къ высшимъ интересамъ, что ея поступки кажутся намъ просто невѣроятными. Вы нигдѣ не найдете уже, чтобы господствующій классъ, облеченный такой обширной властью, былъ такъ безотвѣтственъ. Правители Россіи удовлетворяютъ всѣмъ признакамъ культурныхъ людей, вездѣ они могутъ сойти за настоящихъ европейцевъ или американцевъ. Но, обладая властью надъ другими, правомъ управлять другими безъ ихъ согласія, они превратились въ настоящихъ тирановъ древности.

«Развратные, праздные и пресыщенные люди, которые составляютъ обыкновенно правительственные классы,» говоритъ Толстой, «должны имѣть какую-нибудь цѣль для своего существованія, и цѣль эту они видятъ въ ростѣ ихъ тщеславія. Во всѣхъ другихъ страстяхъ легко достигнуть предѣла удовлетворенности; тщеславіе же не знаетъ границъ». Не слѣдуетъ забывать того закона исторіи, въ

силу котораго классы, стоящіе у власти, склонны къ вырожденію, что никто не совершененъ на столько, чтобы властвовать надъ другими безъ ихъ согласія, и если онъ все таки властвуетъ, онъ содѣйствуетъ собственной гибели и гибели другихъ.

Подъ вліяніемъ тяжкихъ испытаній и великихъ страданій, русскій народъ привыкъ къ болѣе глубокой и интенсивной духовной жизни, а потому его новое слово, его посланіе міру, должно глубоко поразить всѣ страны. Народы, болѣе счастливые, мало пережившіе, живущіе болѣе поверхностно, неспособны такъ углубляться въ самихъ себя, вникать въ сущность зла, глубоко сидящаго еще въ человѣкѣ, представлять себѣ тѣ ужасы, которые еще возможны въ современномъ даже обществѣ, и постигать тѣ скрытыя въ насъ титаническія силы, которыя дѣлаютъ насъ способными бороться, не всегда хотя съ успѣхомъ, противъ цѣлаго міра зла. Мы знаемъ капитализмъ, дающій бездушнымъ синдикатамъ и отдѣльнымъ лицамъ возможность грабить потребителей, морить голодомъ рабочихъ и развращать государство. Россія же знаетъ, кромѣ того, что этотъ самый капитализмъ снабжаетъ русское правительство деньгами на тюрьмы для сотенъ тысячъ его народа, на ружья, пушки, казаковъ и громилъ; знаетъ, что этотъ самый капитализмъ извлекаетъ пользу непосредственно отъ убійства и грабежа, поддерживаемаго убійствомъ, съ той же готовностью, съ какой онъ накопляетъ богатства черезъ синдикаты, покупаемыхъ адвокатовъ и подкупленныхъ законодателей.

Горькимъ опытомъ русскій народъ позналъ ту истину, что капитализмъ не остановится ни предъ какимъ преступленіемъ, даже предъ истребленіемъ цѣлаго народа. Онъ знаетъ, что если отдѣльный капиталистъ въ своей частной жизни и руководится тѣмъ или другимъ кодексомъ морали, то всѣ капиталисты вмѣстѣ, связанные интернаціональными финансовыми узами, пожертвуютъ всѣмъ человѣчествомъ, ради болѣе высокой нормы процента. И въ

сердцѣ русскаго народа укоренилась великая и облагораживающая ненависть. То ненависть не къ лицамъ, но къ существующему строю, ненависть, ведущая къ великимъ принципамъ и идеямъ. Ненависть къ людямъ не можетъ породить новаго строя. Русскіе мученики въ большинствѣ случаевъ умирали съ сердцами, полными любви, а не ненависти, любви не къ партіи просто или даже къ народу, но ко всему человѣчеству.

Они умирали, какъ жертвы того капитализма, который угнетаетъ весь міръ. Подобно первымъ христіанамъ, они умирали за освобожденіе человѣчества. Нѣкоторые, правда, борются за экономическое освобожденіе своихъ ближнихъ, придавая духовному моменту второстепенное значеніе. Есть и такіе, которые заслуживаютъ обвиненія Толстого, что, несмотря на ихъ искренность, они ищутъ удовлетворенія своей страсти быть во главѣ движенія. Но большинство изъ тѣхъ, которые съ радостью идутъ въ тюрьму, въ ссылку и на смерть, дѣлаетъ это во имя духовнаго возвышенія расъ, во имя идеала лучшаго общества, которое будетъ производить лучшіе типы людей, типы, какихъ міръ еще до сихъ поръ не видалъ.

II.

Рука народа уже одолѣвала въ борьбѣ съ царизмомъ, когда иностранцы вмѣшались, присоединили свои силы къ силамъ царя—ссудивъ послѣдняго цѣлымъ милліардомъ рублей изъ 7%, ничуть не заботясь о томъ, что эти деньги пойдутъ на такія неблаговидныя, разбойничьи цѣли.

Царь проигралъ было битву, но ему позволили засунуть руку въ огромное казначейство интернаціональнаго капитала; и теперь, пока ему не отрѣзанъ будетъ доступъ къ этому казначейству, положеніе въ Россіи будетъ оставаться отчаяннымъ. Наврядъ ли есть во Франціи или Германіи такое банковое учрежденіе, которое не внесло бы своей лепты въ погромный фондъ русскаго правитель-

ства, и наврядъ ли найдется въ Англіи и Австріи банкирскій домъ, который косвенно не содѣйствовалъ бы созданію этого фонда. Даже Америка приложила руку къ этому преступленію.

Иностранные капиталисты дали деспотическому правительству 1.000.000.000 рублей, притворяясь, что думаютъ, будто въ Россіи установился конституціонный режимъ, но въ дѣйствительности хорошо зная, что правительство совершенно не отвѣтственно предъ народомъ. Причиной займа отчасти является военное положеніе Европы. Франція и Германія, отягченныя такимъ милитаристскимъ бременемъ, которое поглощаетъ всѣ государственные доходы, не оставляя матеріальныхъ средствъ для неотложнѣйшихъ внутреннихъ реформъ, находятся въ полной зависимости отъ положенія, какое царь приметъ по отношенію къ другимъ державамъ. Франція въ изобиліи снабжала царя золотомъ въ надеждѣ, что оно пойдетъ на пріобрѣтеніе оружія противъ Германіи. Маринистская программа Россіи—обзаведеніе новымъ флотомъ на мѣсто разрушеннаго японцами—программа, отодвигающая дѣло реформъ на много, много лѣтъ, внушена кузеномъ царя, германскимъ императоромъ Вильгельмомъ II, который желаетъ, чтобы въ Европѣ былъ еще одинъ флотъ, могущій въ случаѣ необходимости выступить противъ Англіи. До тѣхъ поръ, пока русское правительство остается деспотическимъ и полунезависимымъ, оно будетъ бросаться на разныя авантюры и браться за рискованныя предпріятія—если не въ Турціи, то въ Японіи, если не въ Японіи, то въ Персіи или въ другихъ мѣстахъ. Послѣдній чудовищный заемъ является отчасти актомъ продажи Россіей своихъ военныхъ силъ. Дѣло въ томъ, что заемъ былъ реализованъ, кромѣ Франціи, также въ Австріи, Англіи и др. странахъ. Въ обмѣнъ за золото русское правительство, оказывается, обѣщало міру работать противъ Германіи, въ интересахъ интернаціональнаго мира. Эта сдѣлка была чѣмъ то въ родѣ интернаціональнаго шантажа.

Но еще больше денегъ царизмъ получаетъ отъ интернаціональныхъ банкировъ за отчужденіе натуральныхъ рессурсовъ разоренной страны, въ формѣ разныхъ концессій или въ видѣ высокихъ процентовъ, которые онъ выжимаетъ изъ голодающаго населенія. Продажа рессурсовъ страны, вѣроятно, еще болѣе прибыльна царизму, чѣмъ продажа услугъ арміи.

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ англійскіе, бельгійскіе, германскіе и французскіе капиталисты только то и дѣлаютъ, что помѣщаютъ свои капиталы въ русскую индустрію, пока вся страна не стала, подобно Индіи, Египту, Турціи или Персіи, полузависимой—правительство и промышленность очутились въ рукахъ иностранныхъ финансистовъ. Даже консервативные вожди говорятъ о какомъ-то дѣйствительномъ русскомъ парламентѣ—объ интернаціональныхъ банкирахъ. Можно опасаться, чтобы въ недалекомъ будущемъ, если только за это время царизмъ не будетъ ниспровергнутъ, Россія не была объявлена, подобно Китаю, подъ интернаціональнымъ протекторатомъ.

Русскій народъ, борясь противъ союза своего правительства съ иностранными капиталистами, сопротивляется стараніямъ интернаціональнаго капитала еще больше усиливать свою власть, расширять территорію своихъ «колоній», или «подчиненныхъ расъ» и, посредствомъ такого увеличенія своихъ доходовъ, еще больше развращать правительства и порабощать народы.

Русскій народъ ведетъ міровую борьбу. Это міровая борьба за новѣйшую, или соціалистическую демократію. Россія единственная страна, гдѣ подъ руководствомъ его самыхъ образованныхъ, проникнутыхъ высочайшими идеалами элементовъ населеніе кладетъ основу будущей демократіи.

Вездѣ и всегда демократія обязана была своими успѣхами революціи. Это общеизвѣстно во Франціи; это доказано было въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ.

Та страна, которая не пережила революціи, не обладаетъ и настоящей демократіей. Многіе указываютъ на Пруссію, которая, хотя и не пережила революціи, обладаетъ все таки полудемократическимъ правительствомъ. Но есть громадная разница между демократизмомъ Пруссіи и демократизмомъ дѣйствительно демократическихъ странъ.

Вотъ въ 1863 г., напр., во внутренней политикѣ Пруссіи образовалась непредусмотрѣнная конституціей «мертвая точка», т. е. создалось такое положеніе вещей, что политическая жизнь страны не могла правильно функціонировать. Что-же сдѣлалъ Бисмаркъ? Онъ сталъ управлять страной безъ ландтага и безъ конституціи. Такъ какъ въ Пруссіи никогда не было революціи, которая разъ на всегда вымела бы анахроническіе законы и остатки старой автократической системы, то «желѣзный» канцлеръ во время «мертвой точки», не стѣсняясь и вполнѣ резонно, заявилъ, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ новые законы не дѣйствительны, онъ находитъ возможнымъ и необходимымъ управлять по старымъ. Это было возможно только въ Пруссіи. Въ случаѣ подобной же «мертвой точки» въ Соединенныхъ Штатахъ реакціонеры никоимъ образомъ не могли бы обратиться назадъ къ законамъ Георга III-го, по той причинѣ, что эта страна пережила революцію. По той же причинѣ англійскіе судьи не могутъ при рѣшеніи политическихъ вопросовъ ссылаться на законы, изданные до 1688 г.; равнымъ образомъ французскія власти не осмѣливаются примѣнять законы, дѣйствовавшіе до 1789 г. Въ этихъ странахъ революція отрѣзала реакціоннымъ силамъ путь къ отступленію. Поэтому, поддерживая глубокое революціонное движеніе, русскій народъ кладетъ единственно возможный базисъ для новой демократіи. Эта стучащаяся въ двери современнаго общества демократія должна удовлетворять міровымъ условіямъ настоящаго момента. Очевидно, что проблемой всякаго великаго революціоннаго движенія въ наше время можетъ быть только проблема нашего вѣка—соціальная проблема.

III.

Революціонное движеніе въ одной странѣ въ высшей степени поучительно и для другихъ странъ. Но только тѣ страны могутъ дѣйствительно претендовать на то, чтобы рекомендовать міру новыя и великія рѣшенія проблемъ, которыя настолько велики и могущественны, что не боятся за свою независимость, и которыя обнимаютъ такое разнообразіе условій и народовъ, что предлагаемыя ими рѣшенія проблемъ могутъ имѣть универсальное примѣненіе. Очевидно, что страны, какъ Франція и Германія, живущія въ вѣчномъ страхѣ войны, и Великобританія, которую постоянно давитъ кошмаръ, что въ одинъ прекрасный день она можетъ лишиться владычества надъ океаномъ,—не совсѣмъ свободны, чтобы заняться рѣшеніемъ великихъ соціальныхъ проблемъ. Онѣ вынуждены сосредоточивать всѣ свои усилія и заботы на вопросахъ національной обороны. Россіи же нечего бояться стать провинціей какого-либо другого народа, и, какъ Соединенные Штаты, она вовсе не имѣетъ надобности въ великой арміи или флотѣ.

Россія, подобно Соединеннымъ Штатамъ, самодовлѣющая страна; больше чѣмъ страна—міръ. Подобно Новому Свѣту, русскій міръ представляетъ почти вполнѣ совершенное экономическое цѣлое, включая почти всѣ климаты и производя почти всѣ сырые продукты, употребляемые въ современной жизни; обѣ страны экспортируютъ сельско-хозяйственные продукты, главное богатство обѣихъ скорѣе сельское хозяйство, чѣмъ обрабатывающая промышленность. Оба эти міра составлены преимущественно изъ ново-пріобрѣтенныхъ и ново-населенныхъ земель. Въ обоихъ живутъ, правда, различныя расы, но въ каждомъ одна какая-нибудь раса такъ преобладаетъ численно, что спаиваетъ всѣ эти расы въ одно цѣлое. Слѣдствіемъ сожительства и смѣшенія расъ и заселенія обширныхъ областей въ этихъ обѣихъ странахъ является

то, что культуры ихъ—международныя, міровыя культуры. «Мы можемъ смотрѣть», говоритъ великій германскій публицистъ Каутскій, «на Америку, какъ на страну великихъ экономическихъ экспериментовъ, и на Россію—какъ на страну соціальныхъ экспериментовъ.»

Америка страна быстраго экономическаго развитія. Великія качества американца, его добродѣтели, его воображеніе, обращены въ одну сторону, въ дѣловую сторону, въ сторону матеріальнаго развитія страны. Американцы первый изъ современныхъ народовъ, которые выработали въ себѣ обыкновеніе не приходить въ отчаяніе отъ неоднократныхъ неудачъ, хорошо понимая, что такія неудачи часто являются условіемъ послѣдующихъ успѣховъ. Американцы научились сознавать потребность огромныхъ затратъ ради выгодъ далекаго будущаго. Они цѣнятъ предпріимчивость тѣхъ людей, которые вмѣсто того, чтобы немедленно эксплуатировать свои богатства, желаютъ и знаютъ, какъ выжидать еще большихъ выгодъ отъ этихъ богатствъ. Эти три американскихъ типа—предпочитающіе выжидать, дѣлать затраты для отдаленнаго будущаго и нести неудачи скорѣе, чѣмъ согласиться отказаться отъ разъ начатаго дѣла — революціонные типы.

Тѣ же качества проявляютъ русскіе въ политикѣ. Близкое будущее покажетъ, что теперешнія политическія пораженія русскихъ, это пораженія политическаго генія, что затраты жизнями и имуществомъ сторицей вознаградятся со временемъ, и что терпѣніе, съ которымъ русскій народъ смотритъ впередъ и трудится надъ великими соціальными преобразованіями, обѣщаетъ великолѣпные результаты, когда эти преобразованія будутъ уже совершены. Политическая революція русскаго народа, не воплощенная еще, правда, въ политическихъ учрежденіяхъ, совершается такъ быстро, такъ замѣчательно, такъ феноменально, какъ совершалась экономическая революція въ Соединенныхъ Штатахъ.

IV.

Такъ какъ русскіе имѣютъ дѣло съ міровыми силами и работаютъ для міровыхъ результатовъ, то ихъ война, или революція, далеко не ординарная. Она стала уже общей по всей Европѣ соціальной борьбой. И если она будетъ продолжаться много лѣтъ, она, наконецъ, превратится въ часть будущаго мірового движенія.

Иные утверждаютъ, что за революціей неизбѣжно слѣдуетъ реакція. Послѣ Французской Революціи дѣйствительно наступила реакція во всей Европѣ. Но была ли реакція логически необходима? Была ли она результатомъ Французской Революціи? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, разсмотримъ два послѣдовательныхъ періода Французской Революціи: періодъ собственно революціи, движенія, охватившаго всю націю, имѣвшаго результатомъ ниспроверженіе феодализма во Франціи и приведшаго къ созыву Учредительнаго Собранія; и, въ противоположность этому періоду, позднѣйшій періодъ Парижскаго возстанія, имѣвшаго результатомъ далеко не всей націей одобренную казнь короля и захватъ Законодательнаго Собранія парижской чернью, поддерживаемой нѣсколькими полками профессіональныхъ солдатъ. Парижъ 1792 г. въ извѣстномъ смыслѣ тиранизировалъ всю націю. Современный капитализмъ не обладаетъ такой силой, какъ Парижъ того времени. Это-то возстаніе породило царство террора и неизбѣжно привело, наконецъ, къ реакціи — не противъ революціи, а противъ того возстанія.

Парижское возстаніе 1792 г., а не Французская Революція, произвело терроръ — режимъ насилія не снизу, не надъ правительствомъ, а сверху, режимъ насилія правительства надъ своими плѣнниками. Въ Россіи же не было ни одного важнаго примѣра подобнаго насилія черни. Такъ называемый «терроръ» заключается не въ казняхъ лицъ, находящихся во власти революціонеровъ,

а въ героическихъ аттакахъ на звѣрскихъ убійцъ — чиновниковъ, душащихъ народъ, аттакахъ, почти всегда сопровождаемыхъ моментальной смертью или казнью революціонеровъ. Русскій народъ смотритъ на террористовъ, какъ на исполнителей народной воли, какъ на національныхъ героевъ и мучениковъ, такихъ же мучениковъ, какими были первые христіане во дни Нерона или Домиціана.

Но если не было реакціи противъ революціи въ самой Франціи, то подобная реакція была внѣ предѣловъ послѣдней. Интернаціональная реакція, заставившая французскую націю облечь Наполеона такой военной властью, лишила французскій народъ также части плодовъ его побѣдъ и долгое время навязывала ему реакціонное правительство. Наполеонъ никогда бы такъ не выдвинулся, если бы не реакціонныя аттаки иностранныхъ державъ на республиканскую Францію. Онъ никогда бы не могъ стать деспотомъ Франціи, если бы послѣдняя не вынуждена была вести отчаянную борьбу не на жизнь, а на смерть за свое существованіе. Можно буквально сказать, что Англія, Россія, Австрія и Пруссія посадили Наполеона на престолъ и въ теченіе цѣлаго поколѣнія поддерживали одного короля за другимъ. Даже Наполеону III не удалось бы оживить имперіалистическія традиціи страны, если бы не общее реакціонное движеніе въ Пруссіи, Россіи и Австріи, представлявшее нѣчто въ родѣ возрожденія Священнаго Союза.

Реакціонныя державы Европы потому могли диктовать свою деспотическую волю Франціи, что, объединенныя, онѣ были гораздо сильнѣе послѣдней. Есть реакціонныя страны и теперь. Прусское, напр., правительство уступаетъ только въ нѣкоторомъ отношеніи своему русскому сосѣду. Но другія державы — Франція, Англія и Соединенные Штаты не окажутся, конечно, такъ далеко позади демократической Россіи, какъ монархіи конца 18-го вѣка по отношенію къ Франціи. Нѣтъ поэтому такой силы,

которая заставила бы Россію броситься въ объятія деспота. Да русскіе вовсе и не способны къ преклоненію предъ какой-бы то ни было личностью. Феодальная католическая церковь съ непогрѣшимымъ папой во главѣ, съ одной стороны; безпрестанныя войны и необходимость ждать защиты отъ искусныхъ полководцевъ, съ другой, сдѣлали то, что французскій народъ привыкъ не только подчиняться выдающейся личности, но иногда благоговѣть и преклоняться предъ ней. Россія же не признаетъ какихъ-то непогрѣшимыхъ папъ, а престижъ церкви тамъ вовсе не такъ великъ; ей не зачѣмъ воевать: она уже такъ раскинулась широко по лицу земли, что она больше озабочена тѣмъ, какъ удержать пріобрѣтенное, нежели тѣмъ, какъ еще больше раздвинуть свои границы. Русскій поэтому не привыкъ и не любитъ бросаться въ ноги даже сильному и выдающемуся человѣку. Франція такимъ образомъ Россіи не указъ. Реакція во Франціи и возвеличеніе Наполеона вовсе не необходимыя слѣдствія революціи, а объясняются спеціальными, существовавшими тогда, міровыми условіями, которыхъ нѣтъ въ наличности теперь.

Во Франціи, какъ и въ Россіи, болѣе состоятельные элементы изъ среднихъ классовъ, вначалѣ восторженные революціонеры, вскорѣ покинули движеніе; но ни въ одной изъ этихъ странъ это дезертирство не было настолько велико, чтобы обусловливать реакцію. Въ Россіи, какъ и во Франціи, революціонеры очень скоро поняли непригодность этихъ умѣренныхъ союзниковъ.

Русскіе умѣренные не увлекли за собою въ своемъ отступленіи даже столько населенія, сколько въ свое время удалось увлечь французскимъ умѣреннымъ. Почти всѣ профессіональные союзы, которые вначалѣ позволяли себя использовать президентомъ Союза Союзовъ, профессоромъ Милюковымъ, въ интересахъ партіи конституціонныхъ демократовъ, впослѣдствіи совсѣмъ исключили послѣдняго изъ Союза.

V.

Съ давнихъ временъ интеллектуальные вожди русскаго народа тѣломъ и душой ненавидѣли царизмъ, и трудно найти хоть одного изъ нихъ, который не поплатился бы своей жизнью или свободой за эту ненависть. Болѣе столѣтія тому назадъ Новиковъ, который впервые сталъ издавать газету въ Россіи, основалъ издательскую фирму, учредилъ преміи для учащихся и покрылъ Россію сѣтью библіотекъ, по распоряженію Екатерины II былъ лишенъ свободы и кончилъ свои дни въ тюрьмѣ. Преслѣдованіямъ «просвѣщенной» императрицы подвергался и Родичевъ. «Онъ распространяетъ», говорила про него Екатерина, «французскую чуму (революцію), онъ мятежникъ еще почище Пугачева—онъ превозноситъ Франклина». Такова была участь основателей русской литературы—до нихъ образованные классы говорили и писали исключительно по-французски. Пушкинъ, Тургеневъ, Гоголь, Чернышевскій, Достоевскій, Толстой, Короленко, Горькій и мн. др. всѣ они ненавидѣли царизмъ и жестоко имъ преслѣдовались.

Въ теченіе всего послѣдняго поколѣнія въ освободительномъ движеніи принимали дѣятельное участіе и женщины. Въ громкихъ политическихъ процессахъ 80-хъ гг. часто отъ одной пятой до четверти сидѣвшихъ на скамьѣ подсудимыхъ были женщины, притомъ такія, которыя принадлежали къ образованнымъ и высшимъ кругамъ. Многія изъ этихъ женщинъ, проведшія уже по 15 и 20 л. въ ссылкѣ или въ одиночномъ заключеніи, по выходѣ на свободу опять примкнули къ революціонному движенію. Даже дѣти, и тѣхъ учатъ смотрѣть снизу вверхъ на революціонеровъ. Не воспринимая отъ среды особой любви къ государству и церкви, русскія дѣти вообще воспріимчивы къ революціонному движенію.

Трудно перечислить весь мартирологъ сотенъ тисячъ русскихъ молодыхъ людей обоего пола, погибшихъ за

соціальное равенство и свободу всего русскаго народа, за соціализмъ вообще.

Великіе характеры какъ индивидуумовъ, такъ и цѣлыхъ націй, формируются черезъ испытанія. Счастливый и сытый забываетъ, что такое бѣдность и страданіе, и разучается глубоко чувствовать и серьезно мыслить. Русскій же народъ въ борьбѣ теряетъ, правда, много жизненной энергіи, но выигрываетъ больше, чѣмъ проигрываетъ. Съ каждымъ годомъ всѣ классы населенія дѣлаются все серьезнѣе, интеллигентнѣе. Русская публика не идеализируетъ грубой физической силы, наоборотъ, нація дѣлается все утонченнѣе, чище, возвышеннѣе и благороднѣе въ неутомимой борьбѣ за великія и чистыя идеи.

Великая, безпримѣрная еще въ исторіи, судьба предстоитъ русскому народу. Лучшіе писатели страны, читаемые всѣмъ цивилизованнымъ міромъ, стараются понять и силятся выразить то посланіе, то новое слово, которое русскій народъ имѣетъ сказать человѣчеству. И только когда великая революція перешагнетъ высшую стадію развитія, мы узнаемъ опредѣленно содержаніе этого посланія. А пока что мы можемъ лишь пытаться въ смутныхъ очертаніяхъ изобразить содержащіяся въ немъ великія идеи. Это посланіе обѣщаетъ быть не низшаго качества, чѣмъ посланіе Руссо и Вольтера. Въ одинъ прекрасный день мы найдемъ, что съ паденія Рима и торжества христіанства въ Европѣ не было крупнаго историческаго событія, которому міръ былъ бы столь многимъ обязанъ, сколько онъ обязанъ русской революціи.

Для Россіи это революція, реформація, возрожденіе; для міра же это начало еще болѣе крупныхъ перемѣнъ. Для Рима принятіе Христіанства означало перерожденіе церкви и государства; для цивилизаціи же оно ознаменовало отказъ отъ всѣхъ цѣлей и идей, которыми она руководилась въ теченіе тысячелѣтій. Побѣда русской

революціи приведетъ въ движеніе весь міръ, всюду вызывая глубокія измѣненія, какъ въ организаціи общества, такъ и въ господствующихъ идеяхъ и стремленіяхъ человѣчества.

«Христіанское человѣчество, если не все человѣчество», говоритъ Толстой, «находится въ настоящее время на зарѣ всеобщаго перерожденія, тлѣющаго въ теченіи столѣтій, даже тысячелѣтій.»

Каково это перерожденіе? Что говоритъ посланіе Россіи?

ГЛАВА VII.

Посланіе Россіи.

I.

Русская революція является наслѣдіемъ вѣковъ. Отчасти она ведетъ свое происхожденіе отъ первобытнаго христіанства и отчасти отъ реформаціи, но ея непосредственнымъ предшественникомъ является Французская Революція. Первые русскіе революціонеры, такъ называемые декабристы, усвоили свои идеи и прониклись готовностью бороться по непосредственномъ ознакомленіи съ событіями и учрежденіями въ самой Франціи. Великій русскій религіозный соціалистъ Толстой и его новый политическій соціализмъ глубоко обязаны Французской Революціи и ея мыслителю Руссо. Многіе либеральные интеллигентные русскіе послѣдняго поколѣнія были уже прямо съ колыбели воспитаны въ духѣ чистой благородной демократіи, въ духѣ идей Руссо. Болѣе чѣмъ въ теченіе одного поколѣнія «Новая Элоиза», «Эмиль» и «Общественный договоръ» служили источниками общественнаго вдохновенія не только во Франціи и Россіи, но и во всемъ мірѣ. Во Франціи они были, какъ выражается Карляйль: «Евангеліемъ отъ св. Жака», а въ Россіи даже и въ настоящее время, если мы желаемъ понять, по крайней мѣрѣ, политическую сторону новаго ученія, мы должны хоть на моментъ обратиться къ Руссо.

Въ противоположность своему предшественнику, Монтескье, духовному отцу американской конституціи, а также въ противоположность соціологамъ и соціалистамъ нашихъ дней, Руссо основывалъ свою теорію объ об-

ществѣ на понятіи о нравственномъ долгѣ индивидуума скорѣе, чѣмъ на понятіи объ исторической необходимости. Руссо принималъ за основу своихъ принциповъ и идей не то, что существовало, но то, что должно было, по его мнѣнію, существовать. Въ этомъ онъ сходится съ Толстымъ. Подобно Толстому, Руссо совершенно не довольствовался тѣмъ, чтобы дать обществу только схему политическихъ и соціальныхъ принциповъ. Онъ чувствовалъ, что ни одинъ здоровый соціальный организмъ не можетъ существовать на основахъ какой то гражданской религіи, общихъ вѣрованій, которыя въ состояніи были бы охранять единство общества и служить фундаментомъ соціальной вѣры. Если мы теперь не можемъ найти у Руссо опредѣленныхъ отвѣтовъ на волнующіе современное общество вопросы, то мы можемъ, по крайней мѣрѣ, найти у него указаніе, какъ великій вопросъ долженъ быть формулированъ. Онъ не задавался вопросомъ, какое правительство наилучше подходитъ къ современнымъ людямъ, но какое правительство создаетъ лучшихъ людей. Его вопросъ заключался въ томъ, что перманентно въ человѣкѣ и что въ немъ можетъ быть улучшено. Къ своимъ соціальнымъ принципамъ Руссо пришелъ путемъ изслѣдованія человѣческой природы безъ всякаго отношенія къ условіямъ, которыя какъ разъ существуютъ теперь или существовали цѣлыми поколѣніями или столѣтіями раньше. Онъ спрашиваетъ—въ чемъ предназначеніе человѣка, чѣмъ онъ можетъ стать и какое правительство необходимо для этого? Въ отличіе отъ Монтескье, идеи котораго господствовали до Руссо и еще теперь господствуютъ въ Англіи, Соед. Штатахъ и другихъ странахъ, Руссо былъ чистѣйшимъ демократомъ. Главный принципъ Руссо заключался въ томъ, что суверенный народъ не можетъ быть связанъ даже своими собственными поступками, и поэтому онъ противъ писанной конституціи, потому что, по его мнѣнію, первый вопросъ, который долженъ быть предложенъ въ каждомъ правительствен-

номъ собраніи, это—какое правительство мы желаемъ. Суверенный народъ долженъ имѣть право во всякое время взять назадъ власть, которой онъ облекъ своего агента, т. е. правительство. Послѣднее, по его мнѣнію, должно получать отъ народа то, что извѣстно теперь подъ именемъ императивнаго мандата. Законъ, котораго народъ не утвердилъ, не долженъ считаться закономъ. Этотъ принципъ извѣстенъ нынѣ подъ именемъ референдума. По мнѣнію Руссо, представительное правленіе является свободнымъ правленіемъ только во время выборовъ, когда избиратели выражаютъ свою верховную волю, — послѣ же выборовъ они опять абсолютно порабощаются.

Всѣ эти принципы, припомнимъ, были одобрены во время Французской Революціи, не только крайними революціонерами, якобинцами, но даже умѣренными жирондистами. Будь они дѣйствительно введены на практикѣ, какъ того, на самомъ дѣлѣ, требовали жирондисты, во время суда надъ Людовикомъ XVI, французскій король никогда не былъ бы казненъ, и главный позоръ революціи —терроръ—никогда бы не имѣлъ мѣста.

Верховная власть, по Руссо, нераздѣльна. Онъ рѣзко порицалъ систему Монтескье (американскую) задержекъ и балансовъ власти. Монтескье, какъ извѣстно, стоялъ за то, чтобы правительственная власть была развѣтвлена. Въ этомъ развѣтвленіи онъ усматривалъ залогъ свободы народа: если двѣ опасныя вѣтви правительственной власти ограничиваются одна другой, то народъ гарантированъ отъ угнетенія. Монтескье рекомендуетъ также, чтобы законы порѣже мѣнялись; чтобы, въ интересахъ контроля и обуздыванія народной воли, была учреждена и верхняя палата — изъ лицъ аристократическаго происхожденія, имущихъ и сановныхъ. Всѣ эти принципы Монтескье легли въ основу государственнаго устройства Америки, устройства, передающаго правительственную власть въ руки класса капиталистовъ. Монтескье, конечно, былъ логически послѣдователенъ.

Подобно Александру Гамильтону, онъ считалъ себя по стольку аристократомъ, по скольку и демократомъ. Въ демократической республикѣ, покоящейся на торговлѣ, говоритъ онъ, индивидуумы могутъ спокоїно обладать громадными богатствами, потому что промышленный духъ приноситъ съ собою экономію, умѣренность, трудолюбіе, благоразуміе, спокойствіе и порядокъ. Другими словами, если повѣрить Монтескье, торговое государство обладаетъ всѣми политическими добродѣтелями. По Руссо же такое государство обладаетъ только пороками: демократія, думаетъ онъ, предполагаетъ извѣстное равенство состоянія. По мнѣнію Руссо, республика Монтескье напоминаетъ прежнія олигархическія республики Венеціи или Флоренціи, но не можетъ имѣть ничего общаго съ демократіей.

Въ свободной и демократической формѣ правленія, какъ себѣ это представлялъ пророкъ Французской Революціи, «каждый изъ насъ подчиняетъ свою личность и всю свою силу верховной общей волѣ; мы принимаемъ въ наше общество всякаго члена, какъ нераздѣльную часть цѣлаго.» Мнѣніе Руссо, какъ видно, покоится на вѣрѣ въ абсолютное согласіе между индивидуумомъ и правительствомъ, расходясь въ этомъ пунктѣ съ мнѣніемъ другихъ соціальныхъ философовъ, признающихъ наличность нѣкоторой противоположности интересовъ между обществомъ и индивидуумомъ. Этотъ взглядъ Руссо на общество находится въ соотвѣтствіи съ его же взглядомъ на моральную природу индивидуума. «Истинно свободный человѣкъ», говоритъ онъ въ своемъ «Эмилѣ», «желаетъ, только того, что онъ можетъ исполнить, и дѣлаетъ только то, что нравится ему».

И Руссо приходитъ къ заключенію, что, «какъ только служеніе обществу перестаетъ быть главнымъ стимуломъ дѣятельности гражданъ, . . . государство находится на краю гибели». Какъ Толстой теперь, Руссо требовалъ тогда не только чистой демократіи, но и полнаго подчиненія личныхъ интересовъ общему благу. Онъ не раздѣлялъ

той мистической вѣры, что полная преданность человѣка къ своимъ личнымъ интересамъ необходимо ведетъ къ общему благу.

Преемникомъ Руссо въ Россіи отчасти былъ, нѣкоторое время по крайней мѣрѣ, Толстой, и почти одновременно съ нимъ другой интернаціональный мыслитель, почитаемый въ Россіи больше, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ — Карлъ Марксъ. Вліяніе послѣдняго въ Россіи куда больше вліянія Толстого. Всѣ видятъ въ Толстомъ самаго яраго противника ученія Маркса. Такъ же смотритъ на себя самъ Толстой. Тѣмъ не менѣе, мы должны смотрѣть на ученіе Толстого, какъ на дополненіе ученія Маркса: наиболѣе сильныя мѣста у Маркса являются наиболѣе слабыми у Толстого, и наоборотъ, слабые пункты марксизма составляютъ силу доктрины Толстого.

Толстой признаетъ многіе изъ наиболѣе фундаментальныхъ принциповъ марксистскаго соціализма и даже обрабатываетъ ихъ самымъ существеннымъ образомъ. Толстой, какъ и Марксъ, находитъ, что борьба между богатымъ и бѣднымъ, между хозяиномъ и работникомъ —горькая дѣйствительность. Оба они признаютъ существованіе этой «классовой борьбы».

Но Толстой не излагаетъ этой борьбы въ такой догматической формѣ, какъ Марксъ это дѣлаетъ, а, вмѣстѣ со многими другими русскими соціалистами, говоритъ, что это не борьба между имущими и неимущими, а скорѣе между имѣющими больше и имѣющими меньше. Не допуская, чтобы вопросъ о нѣкоторомъ, большемъ или меньшемъ, количествѣ имущества рѣшалъ позицію индивидуума въ борьбѣ, онъ выдвигаетъ преимущественно духовную сторону дѣла, придавая матеріальному моменту второстепенное лишь значеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, въ противоположность Марксу, вовсе не игнорируетъ другихъ видовъ борьбы — борьбы личностей, народовъ, — и осуждаетъ всѣ виды борьбы, какъ выраженія той же антирелигіозной и антиобщественной ненависти, такъ

характерной для современныхъ общественныхъ отношеній человѣчества.

Казалось бы, что экономистъ Марксъ имѣетъ мало точекъ соприкосновенія съ религіознымъ мыслителемъ Толстымъ. Но такъ какъ Марксово ученіе касается всѣхъ сторонъ общества и его проявленій, включая и религію, а Толстой прилагаетъ свои религіозныя воззрѣнія къ рѣшенію экономическихъ вопросовъ, мы находимъ, въ дѣйствительности, много такихъ точекъ соприкосновенія между этими мыслителями. Толстой раздѣляетъ тотъ основной принципъ соціализма, что трудъ общества въ созданіи матеріальныхъ благъ долженъ быть реорганизованъ. Въ бесѣдѣ со мною онъ объяснилъ, что въ деревнѣ это можетъ быть совершено по плану Генри Джорджа. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я былъ не мало изумленъ его признаніемъ, что онъ не представляетъ себѣ ясно, какъ это можетъ быть сдѣлано въ городѣ. У Маркса, съ другой стороны, находимъ другой пробѣлъ. Марксъ недооцѣнивалъ деревню, мало принималъ ее въ расчетъ въ своихъ соціологическихъ выкладкахъ и обнаруживалъ поэтому мало знакомства съ пройденной и предстоящей еще деревнѣ пройти эволюціей. Толстой лучше понимаетъ условія деревни, а Марксъ глубокій знатокъ вопросовъ, касающихся рабочихъ. Мы должны найти общую почву для лучшихъ элементовъ ученія Маркса и Генри Джорджа.

Трудовая Группа, представительница большинства крестьянства, предлагая рѣшеніе аграрнаго вопроса, предлагала въ то же самое время методъ рѣшенія и рабочаго вопроса. Трудовая Группа требуетъ надѣленія всѣхъ землею. Сознавая, однакожъ, что не хватитъ земли на всѣхъ, сколько каждому нужно, Трудовая Группа предлагаетъ возложить на правительство отвѣтственность за экономическое благосостояніе всякаго и каждаго гражданина. Требуя, чтобы никто не имѣлъ больше земли, чѣмъ сколько онъ можетъ собственнымъ трудомъ воздѣлывать, Группа настаиваетъ на уничтоженіи

системы наемнаго труда въ земледѣліи. Настаивая на предоставленіи каждому права на надѣлъ, Группа добивается расширенія сферы примѣненія своего труда для всякаго рабочаго.

Результатомъ предлагаемой Группой великой соціальной реформы было бы то, что земледѣльцы обнаруживали бы большій интересъ къ поднятію обрабатывающей промышленности — не столько для созданія рынка для своихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, сколько для того, чтобы избавиться отъ необходимости дѣлить свои участки съ безземельными. Деревня взвалила бы на себя часть бремени по обезпеченію безработныхъ городскихъ рабочихъ, но зато она требовала бы отъ правительства всевозможныхъ облегченій для сельскаго хозяйства — въ формѣ пониженія желѣзнодорожнаго тарифа, дешеваго кредита, и—гдѣ это ей выгодно—отмѣны пошлинъ. Неся бремя заботъ по обезпеченію рабочаго, она будетъ принимать близко къ сердцу его интересы; содѣйствуя развитію промышленности и поощряя промышленныя предпріятія она не будетъ допускать большой эксплуатаціи рабочихъ и вмѣстѣ съ этими послѣдними, вообще вмѣстѣ со всѣми трудящимися въ городахъ, будетъ бороться противъ частнаго капитала. Это потому, что, согласно Толстому, согласно Трудовой Группѣ, согласно всѣмъ популярнымъ соціалистическимъ партіямъ Россіи, большая часть доходовъ частнаго капитала добыта путемъ чрезвычайной эксплуатаціи. Лучше всѣхъ это выразилъ Толстой.

«Если государственный мужъ», говоритъ онъ, «увѣряетъ, что, кромѣ личной выгоды, онъ имѣетъ еще въ виду общую пользу, мы можемъ повѣрить ему, ибо каждый изъ насъ знаетъ такіе примѣры государственныхъ людей, пекущихся объ общемъ благѣ; но предприниматель, по самой природѣ своихъ занятій, не можетъ преслѣдовать — и былъ бы посмѣшищемъ для своихъ друзей, если бы преслѣдовалъ — что-либо иное, кромѣ увеличенія и сохраненія своего

состоянія. А потому рабочіе не ожидаютъ никакой помощи себѣ отъ дѣятельности предпринимателей — эта дѣятельность сопряжена съ насиліями надъ рабочими. Цѣль ея не благо рабочихъ, а личная выгода.»

Это не взглядъ одного только Толстого, но общій взглядъ всѣхъ почти классовъ въ Россіи. Разумѣется, Толстой говоритъ только о тѣхъ капиталистахъ, которые, кромѣ своего дѣла, ничѣмъ другимъ не интересуются. Если человѣкъ весь поглощенъ въ дѣла, онъ не можетъ, по разспространенному въ Россіи мнѣнію, имѣть въ виду общее благо.

Толстой выразилъ также лучше, чѣмъ кто-либо другой изъ русскихъ, общее убѣжденіе націи, что капиталистическая собственность представляетъ корень всего зла въ современномъ обществѣ. Въ другомъ мѣстѣ Толстой употребляетъ «собственность», вмѣсто «капитала». Но какъ послѣдователь Генри Джорджа, онъ несомнѣнно имѣлъ въ виду не собственность вообще, а капиталъ и землю.

«Собственность», говоритъ онъ, «корень всего зла. Къ пріобрѣтенію собственности устремлена вся дѣятельность современнаго общества; политика государствъ, войны—все дѣлается во имя собственности, за обладаніе берегами Рейна, залежами въ Африкѣ, въ Китаѣ и на Балканскомъ полуостровѣ. Банкиры, купцы, фабриканты, помѣщики, рабочіе прибѣгаютъ къ хитрости, мучатъ себя и другихъ — изъ-за собственности; правительственные чиновники, купцы, помѣщики борются, обманываютъ, угнетаютъ, страдаютъ — все изъ за собственности; мировые суды и полиція защищаютъ собственность; каторжныя работы, тюрьмы, всевозможныя наказанія — все для защиты собственности».

Несмотря на нѣкоторое враждебное къ нему отношеніе соціалистическихъ партій, особенно партіи ортодоксальнаго марксизма, Толстой величайшій нынѣ противникъ капитализма въ Россіи и во всемъ мірѣ. Онъ партія въ себѣ самомъ — не политическая партія, конечно, но

представитель соціальной программы. Послѣдняя, можетъ быть, и непрактична, но является величайшей угрозой существованію царизма, поддерживаемаго интернаціональнымъ капиталомъ. Великій вкладъ Толстого — это его нападки на ученыхъ защитниковъ современнаго строя. «Присвоеніе труда другихъ сильными», говоритъ онъ, «которое прежніе теологи называли божественнымъ предопредѣленіемъ, а философы считали неизбѣжнымъ условіемъ жизни, научное знаніе именуетъ теперь органическимъ дѣленіемъ труда. Это знаніе господствуетъ теперь; оно раздаетъ дипломы для праздныхъ, потому что оно одно въ своихъ храмахъ анализируетъ и рѣшаетъ, какая дѣятельность является паразитической, и какая — органической въ соціальномъ организмѣ. Будто люди не могли, каждый для себя, гораздо лучше и гораздо скорѣе рѣшать это, по совѣщаніи съ собственнымъ разумомъ и собственной совѣстью.»

«Когда искусство и науки дѣйствительно существовали», говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, «они были всякому понятны.» Подобное требованіе, требованіе демократизма не только въ политическихъ, экономическихъ и общественныхъ вопросахъ, но даже въ наукѣ и искусствѣ, представляетъ великій вкладъ Толстого въ революціонный соціализмъ. Нерѣдко плохо-испеченые демократы выступаютъ защитниками «аристократизма, ума и сердца». Это, по мнѣнію Толстого, не только грѣхъ и преступленіе, но и самый источникъ современнаго зла, такъ какъ люди... «вообще склонны окорѣе удовлетворять свои собственные интеллектуальные и эстетическіе капризы вмѣсто того, чтобы приноровляться къ потребностямъ общества.»

Толстой возлагаетъ всѣ свои надежды на крестьянина въ то время, какъ Марксъ въ своемъ Коммунистическомъ Манифестѣ въ презрительныхъ выраженіяхъ говоритъ о деревенской жизни. Нѣкоторые послѣдователи Маркса (Будинъ) истолковываютъ эти выраженія въ томъ смыслѣ, будто Марксъ полонъ былъ «состраданія» къ «безнадежному

положенію бѣднаго крестьянина». Какъ бы то ни было, новый русскій соціализмъ далекъ и отъ такого покровительственнаго отношенія. Онъ съ одинаковымъ довѣріемъ относится и къ крестьянамъ, и къ рабочимъ. Даже русскіе марксисты, и тѣ признаютъ уже, что русскій крестьянинъ способенъ стать такимъ же хорошимъ революціонеромъ и демократомъ, если не такимъ же соціалистомъ, какъ рабочій. А соціалисты-революціонеры идутъ еще дальше и утверждаютъ, что земледѣльческое населеніе не менѣе воспріимчиво къ соціализму, чѣмъ рабочіе. Одинъ изъ нихъ, Черновъ, пытается истолковывать Маркса, чтобы доказать, что послѣдній понималъ крестьянина, и показываетъ, что почти всѣ европейскія соціалистическія партіи прилагаютъ усилія къ тому, чтобы приспособить свое ученіе примѣнительно къ деревнѣ и оправдываютъ нѣкоторыя формы частной собственности на землю, чтобы крестьяне не держались вдали отъ соціализма изъ боязни лишиться своихъ владѣній.

Другой теоретикъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ, вмѣсто того, чтобы истолковывать Маркса, ищетъ историческихъ предшественниковъ новой соціалистической доктрины во Французской Революціи. Шишко и нѣкоторые др. его единомышленники обращаются къ ученію Бакунина, главнаго противника Маркса. Заступаясь за ученіе отца современнаго анархизма, они показываютъ, что они такъ же выступаютъ противъ насильственнаго правительства, какъ и противъ института частной собственности; они нападаютъ на капитализмъ, потому что онъ лежитъ въ основѣ того и другой.

«Основная мысль Коммунистическаго Манифеста» (10 заповѣдей марксистскаго соціализма), говоритъ Шишко, «что экономическія явленія, независимо отъ воли и стремленій человѣчества, подготовляютъ техническіе, матеріальные и физическіе элементы соціальной революціи, не состоятельна.» Шишко, равно какъ и большинство партіи соціалистовъ-революціонеровъ, за одно съ

Руссо и Толстымъ выдвигаютъ на первый планъ волю человѣка.

Соціалисты-революціонеры упрекаютъ ортодоксальныхъ марксистскихъ предшественниковъ своихъ въ томъ, что тѣ защищаютъ лишь интересы наемныхъ работниковъ, не имѣющихъ никакой собственности, такъ наз. «пролетаріата», а не интересы труда вообще. По этой же причинѣ Черновъ обвиняетъ марксистовъ въ недостаткѣ какъ истиннаго соціализма, такъ и истиннаго демократизма. Въ самомъ дѣлѣ. Нападая на частную собственность, вмѣсто частнаго капитала, отказываясь признавать за крестьяниномъ, владѣющимъ клочкомъ земли, хотя и не пользующимся наемнымъ трудомъ другихъ, такую же способность къ общественности, такую же воспріимчивость къ соціализму, какъ у рабочаго, старшіе соціалисты грѣшатъ противъ другого принципа, столь же важнаго, какъ самъ соціализмъ, — противъ демократизма. Соціальдемократія пришла во многихъ странахъ къ многостороннему кризису соціализма, только благодаря не демократическому характеру своего ученія.

Соціалистическая организація, придающая соціализму (коллективизму) большее значеніе, чѣмъ демократизму, склонна выродиться въ одну изъ англійскихъ фабіанскихъ организацій, относящихся благосклонно, во всякомъ случаѣ не такъ враждебно, даже къ такой антидемократичной идеѣ, какъ оправданіе господства меньшинства. Отсюда одинъ шагъ къ идеѣ объ установленіи господства меньшинства. Подобный соціализмъ не принесетъ вѣдь никакой радикальной перемѣны въ обществѣ: его результатомъ будетъ только государственный соціализмъ, т. е. расширеніе функцій правительства.

Если рабочій классъ, не желающій признать господство численнаго большинства, будетъ революціоннымъ образомъ осуществлять свой соціалистическій идеалъ, то его антидемократичный соціализмъ постигнетъ участь Парижской Коммуны. Если же, оставаясь революціон-

нымъ и антидемократичнымъ, рабочій классъ предпочтетъ дожидаться времени, когда онъ будетъ въ большинствѣ, то онъ этимъ самымъ сознается, что намѣренъ съ помощью большинства учредить диктатуру пролетаріата, — и мысль о томъ, что всѣ меньшинства будутъ подавлены рабочимъ классомъ, запугаетъ всѣ нейтральные и нерѣшительные элементы и толкнетъ ихъ въ лоно реакціи.

Но недемократичные соціалисты вмѣстѣ съ тѣмъ и не революціонны. Они дѣлаютъ себѣ фетишъ изъ политики, утѣшаютъ себя иллюзіей въ родѣ парламентаризма. Они строятъ свои планы на незыблемости конституціонализма и всеобщаго избирательнаго права, оставаясь глухи къ урокамъ Германіи, Россіи и другихъ странъ, показывающимъ, что политическія учрежденія могутъ такъ же регрессировать, какъ и прогрессировать, что бумажная конституція или избирательный законъ недостаточная еще гарантія отъ враждебной силы, и что, стало быть, безъ демократіи, безъ конкретнаго большинства, готоваго отстаивать свою волю, народъ не въ состояніи развить великое общественное движеніе.

Русскіе соціалисты—революціонеры и демократы. Они исходятъ изъ того, что согласіе и единодушіе города и деревни—необходимое условіе успѣха борьбы за свободу и соціализмъ. И чтобы обосновать это согласіе, они искали моста между ученіями Генри Джорджа и Карла Маркса.

Примиреніе, синтетизированіе всѣхъ высшихъ соціалистическихъ и политическихъ идеаловъ — вотъ что мы можемъ заимствовать у Россіи, скорѣе чѣмъ какіе-либо совершенно новые общественные идеалы. Россія ни болѣе ни менѣе, какъ часть цивилизованнаго міра, а потому мы не можемъ ожидать отъ нея совершенно новыхъ, неизвѣстныхъ до сихъ поръ идеаловъ. Но мы ждемъ отъ нея, и она уже отчасти дала намъ высшія и лучшія выраженія глубочайшихъ соціальныхъ идеаловъ, которые еще до сихъ поръ не были формулированы человѣчествомъ.

II.

Русская революція даетъ міру больше, чѣмъ соціальную программу. Новыя русскія идеи имѣютъ тенденцію революціонизировать весь базисъ современной мысли, — революціонизировать методъ мышленія и чувствованія каждаго индивидуума; онѣ не щадятъ и современной религіи и теоріи эволюціи, разсматриваемой не какъ простая гипотеза научнаго знанія, но какъ руководство въ жизни. Русскіе, даже принадлежащіе къ консервативному лагерю, ждутъ отъ великаго движенія, охватившаго всѣ слои націи, не просто перемѣнъ въ политическомъ строѣ страны, а—пользуясь выраженіями крайне умѣреннаго Михаила Стаховича, въ частной бесѣдѣ со мною, — «перемѣнъ во всѣхъ учрежденіяхъ, во всѣхъ отношеніяхъ, во всей жизни, во всемъ.»

Вырабатывая новый планъ хода развитія общества, русскій народъ вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтаетъ новое представленіе о всей жизни, о всѣхъ областяхъ человѣческой дѣятельности, даже о наукахъ, искусствахъ и религіи. Потому, что господствующее въ томъ или другомъ обществѣ представленіе о ходѣ общественнаго роста характеризуетъ всѣ физическія условія существованія этого общества. И съ измѣненіемъ этого представленія мѣняются всѣ остальныя понятія и идеи. Вотъ почему всѣ страны смотрятъ съ упованіемъ на звѣзду, взошедшую на востокѣ.

Всѣ народы имѣютъ общія экономическія задачи — какъ обезпечить за всѣмъ обществомъ всѣ тѣ огромные доходы съ земли, которые теперь поступаютъ въ карманы отдѣльныхъ лицъ, какъ завѣдывать желѣзными дорогами и какъ устроить, чтобы блага отъ развитія современной промышленности доставались потребителямъ и занятымъ въ ней служащимъ и рабочимъ, вмѣсто того, чтобы они оставались въ рукахъ капиталистовъ — однимъ словомъ, соціальная программа и философія революціи интернаціональны. Но новое понятіе о самой жизни должно

прійти изъ Россіи. Французская Революція не только опрокинула тронъ Людовика XVI во Франціи и встрясла феодализмъ во всей Европѣ; она также разбила кумиры, уничтожила цѣлый рядъ авторитетовъ въ философіи, религіи, наукѣ и искусствѣ и подготовила почву для такихъ міровыхъ силъ, какъ Кантъ и Дарвинъ. Человѣчество не переживало уже такой революціи, міръ не испытывалъ уже такого подъема въ теченіе цѣлаго столѣтія. И какъ слѣдствіе этого, жизнь заплеснѣвѣла было, новыя власти стали господствовать, и мы стали уже постепенно вязнуть въ безплодный скептицизмъ и даже въ отравленную анти-общественную вѣру.

Немного поколѣній тому назадъ нѣсколько великихъ соціальныхъ мыслителей, подобно Марксу и Прудону, начали впервые развивать мысль, что общество прогрессируетъ не только путемъ медленной, спокойной и продолжительной эволюціи, но и путемъ внезапныхъ перемѣнъ, которыя, однако, не представляютъ собою настоящихъ скачковъ или отступленій отъ естественнаго процесса. Самымъ знаменитымъ и вліятельнымъ изъ этихъ мыслителей былъ Карлъ Марксъ. Марксъ постигъ новую идею о законѣ общественнаго развитія, преимущественно о той спеціальной формѣ развитія, которая извѣстна подъ именемъ революціи. Онъ, однако, интересовался преимущественно той революціей, которая, по его ожиданіямъ, вотъ-вотъ должна была наступить. Ожидая скораго наступленія той революціи, которая можетъ быть охарактеризована какъ «открытое и насильственное возмущеніе», Марксъ видѣлъ только ближайшее отъ него будущее, а не видѣлъ будущаго, имѣющаго наступить за ближайшей катастрофой, не пытался предвидѣть тотъ родъ революціи, который человѣчеству придется продѣлать въ теченіе болѣе дальнаго періода. Это отсутствіе дальновидности значительно повредило его доктринѣ.

Несмотря на то, что такъ называемый научный соціализмъ, или Марксова теорія о революціи, имѣетъ такъ

много послѣдователей въ каждой странѣ, всюду еще господствуетъ болѣе простое представленіе о ростѣ общества. Массы еще вѣрятъ въ прямолинейное развитіе общества. По ихъ воззрѣніямъ, общество движется прямолинейно въ одномъ направленіи или въ другомъ, каковой ходъ и называютъ «эволюціей». Болѣе образованнымъ классамъ путь развитія общества представляется въ нѣсколько болѣе сложной формѣ. Этотъ путь уже не прямолинейный, а напоминаетъ скорѣе спираль: общество движется какъ бы отъ одного конца спирали къ другому, приходя къ точкѣ, находящейся нѣсколько выше, но на одной вертикали съ точкой, на которой уже нѣкогда находилась.

Попытаемся, подобно тѣмъ русскимъ, всѣ помыслы которыхъ обращены на рѣшеніе соціальной проблемы, представить движеніе общества болѣе точно и ближе къ дѣйствительности. Если мы употребляемъ уже сравненія, вообразимъ, что соціальное развитіе идетъ не на одной только линіи, какъ крива или сложна она ни была, но одновременно по многимъ линіямъ, по всевозможнымъ направленіямъ, и по всѣмъ тремъ измѣреніямъ. Подобное представленіе развитія общества предохраняетъ насъ отъ такихъ абсурдныхъ мнѣній, будто политическая революція есть результатъ реакціи, или реакція есть неизбѣжный результатъ революціи. Если равнодѣйствующая всѣхъ этихъ общественныхъ движеній по всевозможнымъ направленіямъ внезапно мѣняетъ свое направленіе или внезапно начинаетъ двигаться ускоренно по прежнему же направленію, мы имѣемъ то, что можно скорѣе назвать революціей, нежели эволюціей.

Революція, это—просто внезапно ускоренная или внезапно измѣнившая направленіе эволюція. Это важная истина, которую многіе дѣятели забываютъ. Забывая, они ставятъ на карту свободу, демократію и усовершействованіе расы — все то, чего революція добилась для человѣчества. Многое достигнуто было исключительно эволюціей, а не революціей. Я вовсе не выступаю адвокатомъ

одной изъ нихъ. Напротивъ, я протестую даже противъ фиктивнаго противопоставленія эволюціи и революціи или противъ того, чтобы одну изъ нихъ ставили выше другой. Противопоставлять эволюцію революціи или считать новое быстрое движеніе недопустимымъ — значитъ ни болѣе ни менѣе, какъ стать на самую консервативную, точнѣе — реакціонную точку зрѣнія. Говоря объ эволюціонномъ пути развитія общества, но исключая изъ эволюціи революціонное развитіе, мы впадаемъ въ тенета догматической вѣры или философіи, хуже которой міръ не видалъ.

Поколѣніе тому назадъ Джонъ Морлей, въ своей интересной книгѣ «Компромиссъ», выражаетъ глубокое сожалѣніе по поводу того, что въ современномъ мышленіи англійскаго народа совершенно отсутствуетъ элементъ вѣры. Нынѣ же, поколѣніемъ позже, дѣло обстоитъ еще хуже: теперь господствуетъ не индиферентизмъ, но положительно анти-общественная вѣра. Морлей жаловался на полное безвѣріе въ общіе принципы, на разспространенное мнѣніе, будто существуетъ антагонизмъ между принципомъ и удобствомъ, между теоріей и фактомъ. Онъ упрекалъ свое поколѣніе въ томъ, что оно думаетъ только объ интересахъ нынѣшняго дня и вообще мало думаетъ о наступающемъ днѣ. «Какіе», спрашиваетъ онъ, «великіе политическіе вопросы, свои или чужіе, Англія защищаетъ въ настоящій моментъ?» Тотъ же вопросъ онъ могъ тогда предложить любому другому народу, можетъ и теперь поставить многимъ народамъ.

Морлей, подобно Спенсеру и другимъ индивидуалистамъ своего времени, пользующимся еще и теперь огромнымъ вліяніемъ, особенно въ Америкѣ, чувствовали необходимость признанія «священности принципа». «Элементы національнаго упадка», говоритъ онъ, «исчезнутъ только тогда, когда міръ очутится подъ властью новой доктрины; когда тотъ день наступитъ, всѣ хорошія вещи послѣдуютъ . . . Сама эта доктрина не придетъ пока . . .

наше время мелкихъ интересовъ и мелочныхъ расчетовъ не пройдетъ . . . Наша рѣшимость пойти на поиски высшихъ истинъ, наша готовность жертвовать всѣмъ и слѣдовать за ними — должны прежде стать частью нашей натуры.» Однакожъ, на Морлея и его современниковъ падаетъ часть отвѣтственности за дальнѣйшій упадокъ общественнаго мнѣнія. Вмѣсто того, чтобы привѣтствовать новое ученіе, которое могло бы спасти или помочь обществу, они противились ему всевозможными средствами. Подобно Морлею, они заявляли готовность бороться противъ соціализма до послѣдней капли крови; подобно Спенсеру, они называли соціализмъ «грядущимъ рабствомъ». «Мы живемъ въ странѣ, гдѣ любовь къ постояннымъ улучшеніямъ должна быть болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, потому что страхъ революціи здѣсь отсутствуетъ», писалъ Морлей. Но страхъ революціи, лучше—надежда на революцію, главная пружина прогресса человѣчества.

Русскій народъ постигъ этотъ принципъ соціалной политики, а потому его жизнь такъ осмыслена, одухотворена. Естественно было, что Морлей и его современники-индивидуалисты, отказавшись отъ высшей общественной истины, попали въ ту самую пропасть компромиссовъ, которой они такъ хотѣли избѣжать. Еще Милль сомнѣвался въ суверенитетѣ народа, въ самомъ основномъ принципѣ всякаго соціальнаго прогресса, и склонялся къ мысли, что общество нуждается въ герояхъ или освободителяхъ, которые управляли бы имъ. Морлей воспринялъ нерѣшительность и сомнѣнія Милля и пошелъ еще дальше. Въ погонѣ за «надлежащимъ родомъ компромисса», онъ, подобно партіи умѣренныхъ въ Россіи, растерялъ большинство своихъ принциповъ.

Такъ какъ индивидуализмъ при всемъ своемъ стараніи не могъ заполнить пустого мѣста, отсутствія соціальной вѣры, Нитцше и Киплингъ взялись за эту задачу. Въ своемъ желаніи положить философское основаніе для болѣе высокаго индивидуализма, въ усиліяхъ внушить

человѣчеству страстное желаніе произвести болѣе высокій типъ, Нитцше не только игнорировалъ общество, но и создалъ антисоціальную вѣру, не оставляя ничего другого, кромѣ рабства или гибели, для подавляющаго большинства людей, которые не имѣли счастья родиться «сверхъ человѣками». И эта то философія господствуетъ теперь въ Германіи, и число ея приверженцевъ быстро растетъ и въ другихъ странахъ!

Этого можно было ожидать. Люди не могутъ жить безъ вѣры. Мы должны либо идеализировать будущее общество, включая въ него и будущаго человѣка; либо идеализировать будущаго человѣка, безъ всякаго отношенія къ обществу или расѣ, и возвеличивать до обготворенія простую силу. Человѣчеству не нужно уже больше оставаться безъ вѣры, приноровленной къ потребностямъ времени — русскіе нашли таковую. Въ эту эпоху—говорятъ русскіе—мы нуждаемся въ проповѣдникахъ революціи, революціи во всемъ. Цѣль человѣческой расы лучше всего можетъ быть выражена въ словахъ Шопенгауера — «хотѣніе жить», или Нитцше — «желаніе силы». Если мы можемъ сомнѣваться въ выживаніи глубочайшихъ инстинктовъ, когда рѣчь идетъ объ индивидуумѣ, то въ отношеніи человѣчества, какъ цѣлаго, это установленный фактъ. Общество, значитъ, осуществляетъ свои цѣли и вовсе не осуждено къ одному подчиненію, приноровленію къ фатальнымъ, напередъ установленнымъ условіямъ окружающей среды. Мы можемъ сказать, вмѣстѣ съ Метерлинкомъ въ его «Пчелахъ», что нашъ долгъ—искать цѣли нашего существованія не въ окружающей природѣ и даже не въ человѣческой исторіи, а скорѣе въ изученіи строенія нашихъ собственныхъ психологическихъ и физическихъ органовъ. А такъ какъ функціи наши обусловливаются строеніемъ органовъ и приспособлены къ тому, чтобы мы могли жить той жизнью, для которой мы родились—двигаться по направленіямъ, опредѣляемымъ главнымъ образомъ нашими собственными

органическими способностями, а не внѣшними условіями, навязанными намъ внѣшнимъ міромъ. Человѣкъ, какъ и общество, вовсе не обязаны смотрѣть на жизнь съ мертвой научной точки зрѣнія, стараться быть объективными, какъ будто мы становимся внѣ самихъ себя; они должны отказаться отъ этой невозможной и безполезной задачи, а жить жизнью, ради которой, — какъ показываетъ другая наука, наука возстановляющая, возвращающая человѣка на его надлежащее центральное мѣсто въ природѣ, — мы и созданы.

Эволюція и борьба за существованіе получаютъ, такимъ образомъ, иное освѣщеніе. Мы вовсе не боремся одинъ съ другимъ, мы вовсе не обречены окружающими условіями на междуусобную войну; но окружающая природа сама представляется нашимъ чувствамъ, нашему разуму, нашей волѣ и нашей силѣ, какъ бы безмолвно молящей о подчиненіи ея человѣкомъ; каждый элементъ окружающей природы борется съ другими элементами изъ за чести быть использованнымъ нами въ нашей физической или психологической жизни, чтобы стать элементомъ дальнѣйшей эволюціи нашего существованія. Это новое міросозерцаніе своего рода революція въ существующей теоріи эволюціи. Вмѣсто обусловленной внѣшними обстоятельствами борьбы индивидуумовъ, новое міросозерцаніе разсматриваетъ человѣческую эволюцію, какъ борьбу окружающей среды ради человѣка, властелина природы.

Преклоняться предъ объективной природой, какъ нѣкоторые представители науки это предлагаютъ, значитъ вернуться къ психологіи примитивнаго человѣка, который, одинаково благоговѣя предъ дьяволомъ и Богомъ, столь же воздавалъ должное злымъ силамъ, сколь и добрымъ. Это значило бы забыть, что человѣкъ избранное существо.

Возвращеніе къ культу природы, равносильное измѣнѣ человѣку, свойственное понятіямъ дикарей, возвращеніе, будто проповѣдуемое теоріей эволюціи, — противно такому соціалистическому народу, какъ современные

русскіе. Изъ всѣхъ странъ Россія единственная, гдѣ такая псевдонаучная соціологія совершенно дискредитирована.

За свою наиболѣе безпощадную, уничтожающую критику этой псевдонаучной соціологіи Толстой заслужилъ самаго глубокаго уваженія и почитанія даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ это лжеученіе еще преобладаетъ. Если любовь и уваженіе, съ какимъ весь міръ относится къ Толстому, ни на іоту не уменьшились съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ послѣдній пересталъ писать для забавы читателей и сталъ ихъ учить, — то это объясняется тѣмъ фактомъ, что Толстой смотритъ на жизнь съ абсолютной и моральной точки зрѣнія, и, беря матеріалы исключительно изъ современной жизни, удерживаетъ, однако, въ своемъ ученіи всѣ заключенія древнихъ философскихъ и религіозныхъ системъ относительно природы человѣка. По ученію Толстого, наши индивидуальныя и соціальныя обязанности не относительны, а абсолютны. Если наши поступки не соотвѣтствуютъ поведенію, указанному намъ природой, нашими лучшими побужденіями и голосомъ разума, или если общество поступаетъ несогласно его истиннымъ функціямъ, то наша индивидуальная или общественная совѣсть подсказываетъ намъ, что мы поступаемъ дурно.

Эта точка зрѣнія ставитъ человѣка въ центръ вселенной и даетъ ему единое и цѣльное представленіе о жизни и обществѣ. Если мы будемъ смотрѣть на общество съ псевдонаучной, или объективной, а не съ субъективной, человѣческой точки зрѣнія, то мы не поймемъ ни одной соціальной проблемы. Если, напр., мы станемъ изучать политическое развитіе независимо отъ развитія всѣхъ сторонъ жизни общества и отъ составляющихъ его индивидуумовъ, то мы не только будемъ на каждомъ шагу наталкиваться на яко-бы революціи — въ смыслѣ отступленій отъ обычнаго направленія и скорости эволюціи, — но и самый процессъ развитія предстанетъ предъ нами не какъ непрерывная цѣль, а какъ цѣпь, въ которой

отсутствуютъ то здѣсь, то тамъ необходимыя звенья. И дѣйствительно, плохо понятые перерывы въ продолжительной политической эволюціи бываютъ такъ часты, что мы иногда даже сомнѣваемся въ существованіи законосообразности политическаго развитія. Мы не знаемъ, что политика принесетъ намъ завтра, потому что политическая ситуація сегодня зависитъ не отъ политической ситуаціи вчерашняго дня, но отъ состоянія индустріи, науки, религіи, системы воспитанія, общественной морали и т. п. Нѣтъ постоянной политической эволюціи; есть только продолжительная эволюція жизни, а политика представляетъ безконечный рядъ болѣе или менѣе революціонныхъ преобразованій. Только гдѣ и когда политика играетъ маловажную роль и мало приходитъ въ соприкосновеніе съ жизнью, тамъ и тогда имѣетъ нѣчто, похожее на продолжительную и спокойную политическую эволюцію. Но когда политическая жизнь бьетъ ключомъ, и энергія индивидуума и общества главнымъ образомъ и сознательно направлена въ сторону политики, эволюція послѣдней дѣлается барометромъ всей эволюціи расы. И если вѣрно, что въ нашихъ выкладкахъ относительно будущаго хода политики, мы по неволѣ упускаемъ изъ виду важные элементы этой болѣе важной эволюціи — эволюціи расы, то не менѣе вѣрно также, что революціи, или перерывы въ воображаемой цѣпи политическаго развитія должны часто ставить въ тупикъ «научнаго» обозрѣвателя.

Русскіе познали недостатки этого устарѣлаго образа политическаго мышленія путемъ собственнаго опыта. Правительство въ лицѣ своихъ премьеръ-министровъ всегда поощряетъ подобное «научное» мышленіе. То обстоятельство, что правительство поляризируетъ народную мысль и концентрируетъ вниманіе общества на двухъ крайнихъ полюсахъ, является лучшимъ доказательствомъ того, что такая поляризація вредна. Какъ только народъ распадается на два лагеря, даже въ теоретическихъ

преніяхъ, а боязливые элементы общества толкутся въ промежуткѣ между ними, правительство можетъ ворваться и, воспользовавшись хаосомъ, подсунуть какой-нибудь ему выгодный принципъ всегда, всякимъ обществомъ желаемаго объединенія. Единство должно быть, но достоинства единства зависятъ отъ того, кто его вводитъ. Въ хаотической конкуренціи американской индустріи ввести единство выпадаетъ на долю гигантской экономической единицы, треста, который выполняетъ свою задачу во вредъ экономическому благосостоянію народа. Въ Россіи царизмъ беретъ на себя роль примирителя расъ и интересовъ, конфликты между которыми онъ самъ поощряетъ; революціонно-соціалистическое единство, котораго народъ такъ жаждетъ, онъ при этомъ замѣняетъ искусственнымъ навязаннымъ единствомъ.

Въ Россіи двойственность мышленія индивидуума, противопоставленіе науки человѣческой душѣ, на-руку правительству и умѣренной партіи. Послѣдняя старается использовать старый, грубый дуализмъ политической мысли, чтобы положить конецъ революціонному движенію. Утверждая вмѣстѣ съ Витте, что нѣтъ перерывовъ въ политической эволюціи, теоретики изъ партіи умѣренныхъ, равно какъ и консервативное крыло марксистскихъ соціалистовъ, отрицаютъ возможность революціонныхъ политическихъ перемѣнъ, довольствуются легальнымъ или конституціоннымъ режимомъ еще прежде, чѣмъ онъ осуществленъ, повинуются правительству и тщетно растрачиваютъ свою энергію, чтобы добиться хотя элементарнаго конституціоннаго порядка вещей. Дуалистическій взглядъ умѣренныхъ на жизнь, отдѣленіе науки отъ человѣческой души, былъ недавно хорошо выраженъ извѣстнымъ писателемъ Бердяевымъ въ слѣдующихъ словахъ: «чего, мы желаемъ, это — нейтральнаго общественнаго развитія, освобожденія человѣчества и поднятія его выше животнаго состоянія, а не возведенія соціальныхъ мечтъ въ религію; наша религія можетъ гармонировать только съ нейтраль-

ной сферой.» Но въ глазахъ многочисленныхъ, преобладающихъ теперь въ Россіи соціалистовъ типа о. Петрова или Максима Горькаго какъ разъ важно, чтобы эти именно соціальныя мечты и чаянія превратились въ религію, въ соціальную вѣру; это какъ разъ та самая вѣра, которая лежитъ въ основѣ человѣческаго глубокаго мышленія и чувствованія— называйте ее религіей или какъ хотите. Соціализмъ, какъ чисто политическая и экономическая доктрина, можетъ быть противопоставленъ гармоничной, чисто политической религіозной вѣрѣ, какъ Бердяеву этого хочется. Но новая революціонная Россія не желаетъ никакихъ противопоставленій, никакихъ противорѣчій между соціализмомъ и религіей, между соціальной и личной вѣрой. Дѣленіе жизни на двѣ области — науки и души — такъ же противно русскому, какъ это было противно Руссо и его послѣдователямъ, жившимъ согласно своей соціальной вѣрѣ еще прежде, чѣмъ они стали проповѣдывать ее человѣчеству.

III.

Одинъ изъ выдающихся политическихъ писателей Россіи, Булгаковъ, во имя русскаго общественнаго мнѣнія требуетъ, чтобы политическая партія будущаго была религіозной партіей въ полномъ смыслѣ слова, включающей даже нѣкоторый элементъ атеизма, какъ религіозной силы.

Онъ требуетъ, чтобы каждая политическая партія составляла единое духовное цѣлое и имѣла какъ бы общую душу, общія мысли, общую волю, — чтобы она буквально была коллективнымъ организмомъ. Религіозная политическая партія должна «участвовать въ общественной и политической жизни, чтобы пропитать ее духомъ любви, свободы, равенства и братства. Раньше или позже должна въ нашей средѣ возникнуть чисто христіанская партія, абсолютно свободная отъ клерикализма, обскурантизма и т. п., но проникнутся великой

вѣрой и, во имя этой вѣры, идеалами демократіи и соціализма.» Слушаемъ ли мы радикальнаго Петрова или консервативнаго Булгакова, христіанскаго анархиста Толстого или коммуниста-анархиста Кропоткина — мы слышимъ одно и то же требованіе — взаимнаго оплодотворенія соціальной и религіозной вѣры. Это требованіе мы слышимъ часто и отъ народныхъ соціалистическихъ партій.

Всѣ эти лица и партіи утверждаютъ, что такая вѣра не мистична; что ихъ религія не богословская абстракція, а напоминаетъ скорѣе раціоналистическую религію Толстого. По мнѣнію Толстого, религія должна быть въ основѣ личной и общественной морали, но сама религія эта основана на простомъ и раціональномъ представленіи о братской любви, стремленіи дѣлать другимъ то, чего мы желаемъ, чтобы они намъ дѣлали. Даже философію Конта Толстой относитъ къ религіямъ, которыя онъ опредѣляетъ, какъ усилія установить отношеніе человѣка къ міру и первопричину послѣдняго. Богъ первопричина міра, но воля Бога направлена на стастье человѣка, цѣль религіи — общественная польза, а цѣль общества — Богъ. «Для человѣка, черезъ человѣка, къ Богу» — вотъ послѣдняя формула вѣры Толстого.

Религія тѣхъ, кто превращаютъ свои личныя вѣрованія въ общественную вѣру, весьма революціоннаго свойства. Религія Толстого, напр., учитъ прежде всего независимости, она ведетъ къ духовному и практическому анархизму. Это настолько вѣрно, что мы сильно сомнѣваемся, не встрѣтилъ ли бы Толстой, на основаніи существующаго у насъ, въ Соед. Штатахъ, закона объ анархистахъ, не меньше препятствій, чѣмъ его другъ князь Кропоткинъ, при вступленіи въ территорію Соединенныхъ Штатовъ. Ибо Толстой не только считаетъ грѣхомъ подчиненіе человѣка человѣку, но открыто и ясно проповѣдуетъ, подобно нашему великому Торо (Thoreau), что никто не долженъ подчиняться правитель-

ству. Кромѣ того, онъ неоднократно говоритъ, что раздѣляетъ большую часть воззрѣній выдающихся анархистовъ — Торо, Бакунина, Кропоткина, Прудона и др.

Толстой и большинство тѣхъ революціонеровъ, революціонность которыхъ ведетъ свое происхожденіе скорѣе отъ религіи, нежели отъ самого соціальнаго положенія, предпочитаютъ не-политическія и малодѣйствительныя словесныя аттаки на существующій режимъ; въ то время, какъ революціонеры, получившіе свои идеи отъ самой жизни, отъ самой борьбы, не довольствуются словесными аттаками, а проповѣдуютъ отчаянную борьбу, не на жизнь, а на смерть, за дѣло освобожденія. Какъ тѣ, такъ и другіе революціонны въ своихъ ученіяхъ, но политическіе соціалисты революціонны еще и въ своихъ поступкахъ.

Два способа борьбы со зломъ предложены русскими. — Мы должны или защищать наши принципы до послѣдней капли крови, какъ это требуетъ большинство соціалистовъ или, какъ учитъ Толстой, отказаться отъ всего того, что мѣшаетъ индивидуальному прогрессу, и не сопротивляться злу. — Мы должны или посвятить себя всецѣло борьбѣ за проведеніе въ жизнь нашихъ идеаловъ о счастьи общества и такимъ образомъ достигнуть возможно большаго развитія каждаго отдѣльнаго члена общества, или посвятить себя прежде всего личному совершенствованію, которое проведетъ уже къ лучшимъ общественнымъ результатамъ. Мы должны или послушаться Метерлинка и поставить общественные интересы на первый планъ, или послушаться Толстого и соціализировать прежде всего индивидуумъ. Въ томъ и другомъ случаѣ мы находимъ религіозный идеалъ, который удѣляетъ одинаковое мѣсто и личности и обществу.

Я вкратцѣ прослѣдилъ тѣ общественные принципы, ради которыхъ русскіе жертвуютъ своими жизнями. Россія предлагаетъ новую цѣль для человѣческихъ стремленій. Правда, эту цѣль формулировалъ Метерлинкъ, не

русскій. Но русскіе, какъ я уже показалъ, интернаціоналисты, они легко ассимилируютъ общечеловѣческія, міровыя идеи.

Метерлинкъ, который послѣ Толстого, самый популярный изъ современныхъ писателей, постигъ самую, такъ сказать, душу этого революціоннаго народа. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ имѣлъ въ виду великую революцію въ Россіи, когда писалъ «Нашъ Общественный Долгъ».

«Что предстоитъ намъ сдѣлать въ современномъ состояніи общества?» спрашиваетъ великій бельгіецъ, и отвѣчаетъ, что возможно только одно—разрушить современное общество. Наиболѣе вѣскій аргументъ, говоритъ онъ, который выдвигаютъ противники разрушенія современнаго общества, это — что великій соціальный вопросъ съ развитіемъ знаній разрѣшится самъ собою безъ тяжелыхъ жертвъ. Дайте только срокъ, говорятъ они. Но Метерлинкъ противъ того, чтобы дать этотъ срокъ. Человѣкъ долженъ исполнить свой органическій долгъ, говоритъ онъ; онъ долженъ сыграть роль, предназначенная ему природой. Онъ пишетъ:

«Человѣчество поручило намъ собрать то, что находится на горизонтѣ. Оно дало намъ инструкціи . . . Оно распредѣляетъ свои силы, какъ оно находитъ удобнымъ. На всякомъ перекресткѣ дороги, ведущей въ будущее, оно поставило, противъ каждаго изъ насъ, десять тысячъ людей, чтобы охранять прошлое . . . А мы обыкновенно отъ природы болѣе склонны выжидать, приноравливаться къ обстоятельствамъ, проливать слезы надъ неизбѣжными развалинами; это величайшій нашъ грѣхъ . . .

«Да не убаюкаемъ себя мыслью, что истина лежитъ въ серединѣ, въ умѣренности . . . То, что является серединой, умѣренностью сегодня, будетъ считаться наименѣе человѣчнымъ завтра . . . Но развѣ не убѣдилось еще человѣчество, что самая высшая, самая крайняя идея современности является всегда и самой вѣрной?

Въ настоящій моментъ наиболѣе разсудительное мнѣніе на нашъ соціальный вопросъ таково, что мы должны дѣлать все, что можетъ постепенно уменьшать неизбѣжное неравенство и распредѣлять счастье болѣе равномѣрно. Крайнее же мнѣніе требуетъ немедленнаго полнаго дѣленія, уничтоженія собственности . . . Мы не знаемъ, какъ эти требованія будутъ реализованы. Но мы можемъ быть увѣрены, что весьма простыя обстоятельства въ одинъ прекрасный день сдѣлаютъ эти требованія самыми обыкновенными, такими же естественными, какъ требованія уничтоженія права первородства и привилегій дворянства . . . Истина можетъ быть найдена не столько путемъ размышленія, которое вращается больше вокругъ прошлаго, сколько путемъ воображенія, видящаго дальше будущаго . . .

«Будемъ только прислушиваться къ опыту, толкающему насъ впередъ: онъ всегда выше того опыта, который отбрасываетъ насъ назадъ. Отвергнемъ-же тѣ завѣщанія прошлаго, которыя не приближаютъ насъ къ будущему. Это глубоко постигли, впервые, можетъ быть, въ исторіи, нѣкоторые дѣятели Французской Революціи. Вотъ почему эта революція единственная, которая совершила величайшія и прочнѣйшія завоеванія. Вотъ что, какъ опытъ Французской Революціи учитъ насъ, въ противоположность опыту повседневной жизни, слѣдуетъ главнымъ образомъ разрушать. Во всякомъ соціальномъ прогрессѣ великая и единственная трудная работа заключается въ ниспроверженіи прошлаго.

«Да не смущаетъ насъ опасеніе, что мы можемъ итти слишкомъ быстро. Если временами кажется намъ, что мы идемъ опрометчиво и съ опасной скоростью, то мы должны имѣть въ виду, что намъ нужно . . . наверстать время, потерянное въ теченіе вѣковъ бездѣятельности.»

Мы увѣрены, что не найдется ни одного между отдѣльными лицами и великими партіями, участвующими въ великомъ русскомъ революціонномъ движеніи, который

отказался бы подписать свое имя подъ этимъ исповѣданіемъ вѣры. Почти всѣ видятъ въ окружающей жизни не только эволюціонную, но и революціонную истину; почти всѣ цѣнятъ жизнь грядущихъ поколѣній выше, чѣмъ тѣ мѣсяцы и годы, въ которые судьба опредѣлила имъ жить; почти всѣ прислушиваются только къ высшему опыту и ищутъ большей цѣлесообразности. Никто изъ нихъ ничуть не боится мысли, что общество, быть можетъ, идетъ слишкомъ скоро. Для нихъ, какъ и для Метерлинка, общественный долгъ равносиленъ религіозной вѣрѣ.

Русскіе не отличаются слишкомъ довѣрчивой натурой; вотъ почему они въ переживаемый ими великій кризисъ такъ серьезно, глубоко, основательно изучаютъ исторію и литературу другихъ странъ, чтобы найти, нѣтъ ли какой-нибудь великой и полезной истины, которая можетъ теперь оказать помощь Россіи. Они нашли много такихъ истинъ, которыя и усвоили, сдѣлали своими и превратили въ дѣйствія. За поколѣніе и больше, особенно за послѣдніе годы, они слушали и ассимилировали лучшія мысли и богатый опытъ всего цивилизованнаго міра такъ, какъ ни одинъ народъ до сихъ поръ еще не дѣлалъ. Возвышенный призывъ Метерлинка къ соціальной революціи былъ встрѣченъ другими народами не какъ нѣчто новое, поражающее, сенсаціонное, а какъ совершенно точное, вѣрное выраженіе того, что русскій народъ уже чувствуетъ. Это и есть посланіе Россіи — не слова какого нибудь лица, не принципы какой нибудь партіи, но повседневные думы, чувства и поступки народа, готоваго умереть за то, что думаетъ и чувствуетъ; это—новое слово русскаго народа, сквозящее въ каждой живой рѣчи, статьѣ, во всякомъ великомъ дѣлѣ, — слово, идущее изъ Россіи, чтобы облетѣть весь земной шаръ, одухотворить отдѣльныя личности и цѣлые народы, достойные участвовать въ созданіи новой цивилизаціи.

Русская Революція — заря этой грядущей цивилизаціи.
